This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

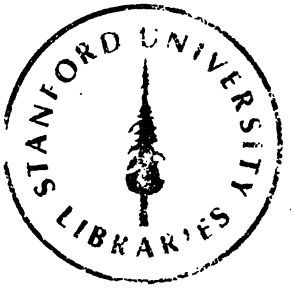
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

IV. 298


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

1485/4 c

IV. 298

187726
32.5
991

У 135.
338
Погодин, М.Р.
2745.

СЕМНАДЦАТЬ

ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ ВЪ ЖИЗНИ

ИМПЕРАТОРА

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1672—1689.

...АНДРОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ
...ОГАНДИНА
IV. 298

СОЧИНЕНІЕ

М. П. ПОГОДИНА.

МОСКВА.
Типографія В. М. Фришъ, Никитская ул., д. Воейковой.
1875.

Ке
К-1
Ке

L. V. B.
Nr. In.

DK 132
P6

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимавшись впродолженіи многолѣтной своей жизни по преимуществу Древней Русской Исторіей, я не могъ оставлять безъ вниманія и прочихъ ея періодовъ, особенно при чтеніи университетскихъ лекцій. Петръ Великій, заключающій древнюю и начинающій новую нашу Исторію, былъ предметомъ постояннаго изученія, и я издавалъ повременамъ разныя объ немъ разсужденія и документы:

Въ 1829 году въ Московскомъ Вѣстникѣ: „Объявленіе розыскнаго дѣла и суда на Царевича Алексѣя Петровича.... въ печать для извѣстія всенароднаго... 1718 выданное".

Въ 1831 году Статистическое описаніе Россіи при Петрѣ Великомъ, составленное трудами сенатскаго оберъ секретаря Кириллова въ 1727 году, подъ заглавіемъ: „Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства въ каковое началъ, привелъ и оставилъ... Петръ Великій .."

Къ этому же году относится трагедія Петръ Великій, основанная на историческихъ изслѣдованіяхъ.

Въ 40-выхъ годахъ, въ одномъ дружескомъ кружку въ Москвѣ, возникло о лицѣ Петра и его значеніи прерѣканіе, по поводу котораго написалъ я общее обозрѣніе Петровой дѣятельности и ея слѣдствіяхъ. Этимъ разсужденіемъ начатъ журналъ „Москвитянинъ" 1841 года.

Въ 1842 году издалъ найденное мною тогда сочиненіе крестьянина Ивана Посошкова „О скудости и богатствѣ“ съ критическимъ взглядомъ на Петрово время, писанное въ 1724 году.

Въ 1860 г. Судъ надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, эпизодъ изъ жизни Петра Великаго (въ Русской бесѣдѣ).

Въ 1861 г. Собраніе документовъ по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича съ разсужденіемъ объ немъ.

Въ 1862 г. Петръ и національное развитіе. Разсужденіе съ приложеніемъ тезисовъ, по поводу возобновившихся толковъ о Петрѣ Великомъ (напечатанное въ Русскомъ Вѣстникѣ).

Въ 1863 г. Сочиненіе Посошкова объ ученіи раскольниковъ во время Петра Великаго подъ заглавіемъ: „Зерцало безыменнаго творца на раскольниковъ обличеніе.“

Въ 1864 г.—Петръ подъ Нарвою.

Въ 1866 г.—Черты изъ жизни Петра Великаго.

Между тѣмъ Древняя исторія моя шла своимъ чередомъ, и въ 1869 году я могъ приступить къ печатанію, которое, вмѣстѣ съ изготовленіемъ обширнаго атласа, изъ двухъ сотъ листовъ состоящаго, кончилось въ 1871 году. Я имѣлъ не только твердую надежду, но почти увѣренность, получить права и средства для успѣшнѣйшаго ея продолженія. Къ удивленію моему и прискорбію надежда и увѣренность не оправдались. Я остался по прежнему одинъ, безъ помощниковъ.

Въ 1872 году назначалась въ Москвѣ Политехническая выставка, посвященная памяти Императора Петра Великаго, рожденію котораго въ этомъ году исполнилось двѣсти лѣтъ.

Мнѣ захотѣлось внести свою лепту, и я описалъ его дѣтство. Предметъ увлекъ меня, и я принялся за обработку собранныхъ мною запасовъ о жизни нашего славнаго преобразователя.

Письмо Пушкина, приглашавшаго меня въ 1834 году къ сотрудничеству въ его предпріятіи, на которое послѣдовало тогда соизволеніе покойнаго императора Николая Павловича, послужило для меня ободреніемъ и вдохновеніемъ.

Въ четыре года успѣлъ я, при другихъ занятіяхъ, обработать семнадцать первыхъ лѣтъ, 1672—1689 г., изъ жизни Петра Великаго, которыя и представляю теперь соотечественникамъ....

Еще десять лѣтъ 1689—1700 г. до возвращенія Петрова изъ путешествія, вчернѣ набросаны. Слѣдующіе, до основанія Петербурга, носятся въ воображеніи.

Успѣшность въ ихъ обработкѣ зависитъ отъ обстоятельствъ,—не будутъ ли онѣ благопріятнѣе прежнихъ, а хотѣлось бы мнѣ добраться въ біографическомъ своемъ очеркѣ хоть до Полтавы: на семдесять пятомъ году дальше не смѣю думать.

1875 г.
Марта 22.

Михаилъ Погодинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Рожденіе Петра Великаго и дѣтство, до кончины царя Алексѣя Михайловича. 1—14

Новыя отношенія на Верху, при Ѳедорѣ. Милославскіе. Ссылка Матвѣева, униженіе Нарышкиныхъ. Воспитаніе Петра. Военныя потѣхи. Перемѣна обстоятельствъ къ лучшему при второмъ бракосочетаніи Ѳедора. Кончина его. Избраніе на царство Петра, мимо старшаго брата Ивана... 15—29

Погребеніе Ѳедора. Дѣйствія Царевны Софіи. Приготовленіе со стороны Милославскихъ, притязанія стрѣльцовъ и буйства ихъ. Устройство заговора. Возвращеніе Матвѣева изъ ссылки..... 30—41

Первый стрѣлецкій бунтъ, кончившійся, послѣ убійствъ главныхъ дѣятелей Нарышкинской стороны, избраніемъ Ивана Царемъ и Царевны Софіи правительницей..... 42—62

Замыселъ раскольниковъ объ уничтоженіи Никоновыхъ исправленій. Участіе князя Хованскаго, начальника стрѣльцевъ. Прѣніе въ Грановитой Палатѣ, и усмиреніе раскольниковъ Царевной Софіей ..... 63—98

Возобновленіе военныхъ потѣхъ Петра. Основаніе Преображенскаго полка. Знакомство и связь съ Нѣмецкою слободою. Постройка потѣшной крѣпости на берегу Яузы. Развитіе Петра. Усиленіе его приверженцевъ. 99—116

Мѣры Царевны Софіи. Приготовленія къ походу на Крымъ. Посольство. Неудачный походъ. Астролябія, привезенная княземъ Я. Ѳ. Долгорукимъ. Занятія математическія. Находка ботика. Плаванія. Поѣздка въ Переяславль, построеніе судовъ и возвращеніе въ Москву. Военныя занятія. Вторый Крымскій походъ и наши сношенія съ Вѣною и Султаномъ. 140—142

Бракъ Петра съ Е. Ѳ. Лопухиной. Работы въ Переяславлѣ. Возвращеніе. 143—149

Вторый Крымскій походъ и отступленіе. Награды князю В. В. Голицыну, и неудовольствіе Петра. Обнаруженіе раздора. Дѣйствія сторонъ. Сношенія Царевны Софіи съ стрѣльцами. Рѣшеніе покончить съ Петромъ. Шакловитый и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Доносъ и бѣгство Петра въ Троицкій монастырь..... 150 174

Соборъ приверженцевъ Петровыхъ. Запросы, требованія. Допросы. Пытки. Старанія Царевны Софіи примириться. Руководство князя Голицына. Казнь Шакловитаго и прочихъ. Возвращеніе въ Москву и основаніе единодержавія Петрова..... 175—204

Изслѣдованія.

I. Объ источникахъ для исторіи стрѣлецкихъ бунтовъ (Матвѣевъ, Медвѣдевъ, Розенбушъ, Невиль, Савва Романовъ и проч.)..... 3

II. О происхожденіи перваго стрѣлецкаго бунта..... 96

III. Объ участіи стрѣльцевъ въ умыслѣ раскольниковъ противъ церкви..... 126

IV. О казни князей Хованскихъ..... 136

V. О происхожденіи Преображенскаго полка..... 149

VI О дѣлѣ Шакловитаго и объ утвержденіи Петрова единодержавія..... 182

VII. О поѣздкахъ въ Переяславль..... 224

VIII. Переяславское судостроеніе..... 227

IX. За Штелина..... 229

Объясненіе сокращеній. Примѣчанія..... 232

Царь Алексѣй Михайловичъ, на сороковомъ году отъ роду, въ порѣ совершеннаго мужества, лишился первой супруги своей, изъ рода Милославскихъ, которая, впродолженіи двадцатилѣтней супружеской жизни, принесла ему 13 человѣкъ дѣтей, почти погодковъ, пять сыновъ и восемь дочерей.[1]

Царица скончалась вслѣдствіе несчастныхъ родовъ, въ 1669 году, марта 2-го. Черезъ три мѣсяца скончался 4-хъ лѣтный сынъ Симеонъ, (іюня 18-го), еще черезъ полгода старшій, Алексѣй, шестнадцати лѣтъ (1671 года, января 17-го).

Прошли скорбные дни. Царь по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ былъ вступить во второй бракъ, и родители взрослыхъ и подходящихъ дочерей, изъ бояръ и вообще служилаго сословія, уже начали думать про себя, не поищетъ ли Богъ кого нибудь изъ нихъ милостью, и не падетъ ли счастливый жребій на ихъ безприданницъ,— а съ этимъ жребіемъ отецъ, и мать, и все родство, возвысятся, обогатятся, прославятся; они молились, и ворожили, и готовили своихъ красавицъ къ будущимъ смотринамъ, когда онѣ взяты будутъ на Верхъ, подвергнуться

испытаніямъ довѣренныхъ людей, бояръ, боярынь и бабокъ, „прочны ли для государевой радости“, и наконецъ самаго царя, который подастъ избранницѣ платокъ и кольцо.

Другой ходъ дѣлу вздумалъ дать любимецъ и совѣтникъ царскій, начальникъ Посольскаго и Малороссійскаго приказовъ, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Человѣкъ бывалый, заслуженный, расположенный къ иностранцамъ, онъ, хотя и не изъ знатнаго рода, съумѣлъ приблизиться и пріобрѣсть неограниченную довѣренность своего государя, который называлъ его не иначе, какъ Сергѣичемъ,[2] и пріѣзжалъ къ нему часто запросто въ гости. Домъ Матвѣева, у Николы въ Столпахъ, между Покровкою и Мясницкою, сложенный, по преданію, изъ стрѣлецкихъ надгробныхъ камней, былъ украшенъ картинами, часами и всякими заморскими диковинками. Царь, охотникъ до развлеченій, любилъ здѣсь мѣшать дѣло съ бездѣльемъ и тѣшиться комедіями, музыкою и другими забавами, которыя придумывалъ изобрѣтательный хозяинъ.[3]

Дочерей у Матвѣева не было, но у его сверстника и друга, съ которымъ онъ служилъ долго вмѣстѣ, дѣлилъ труды и опасности военныхъ походовъ и происходилъ въ чины, Кирилла Полуектовича Нарышкина,[4] Тарусскаго помѣщика, была дочь красавица, чернобровая, черноглазая, бѣлая-румяная, высокая, стройная. Отецъ отдалъ ему дочь на воспитаніе.[5]

Матвѣевъ пользовался, конечно, совершенною довѣренностью царскою, но вмѣстѣ имѣлъ много завистниковъ и враговъ, въ особенности изъ родственниковъ покойной царицы, которыхъ давно уже загораживалъ онъ предъ свѣтлыми очами царскаго величества. Ему хотѣлось

закрѣпить, обезпечить для себя высочайшее благоволеніе, и однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ тому было, разумѣется, женить царя на своей свойственницѣ.

Царь посѣтилъ однажды Матвѣева и остался ужинать по семейному. Жена его съ молодою пріемною дочерью явились въ столовой; красавица поднесла по обычаю съ поклономъ царю передъ ужиномъ чару зелена-вина на серебреномъ блюдѣ. Въ верхней сорочкѣ изъ шелковой ткани яркаго цвѣта, вынизанной по швамъ мелкимъ жемчугомъ, съ длинными рукавами кисейными, вышитыми на плечахъ и у запястьевъ золотомъ, подпоясанная кушакомъ Шемаханскимъ, съ распущенной по плечамъ длинной роскошной косою, она была вѣрно загляденьемъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Вдовецъ, вечеромъ, увидѣлъ ее неожиданно... и сердце у него защемило. За ужиномъ онъ развеселился, вступилъ въ разговоръ съ нею, услышалъ ея голосъ сладкій, привѣтливый, получилъ отвѣты разумные, и на прощаньѣ сказалъ хозяевамъ, что найдетъ жениха для ихъ воспитанницы...

Между тѣмъ смотрины уже начались чрезъ восемь мѣсяцевъ съ небольшимъ по кончинѣ царицы: съ ноября 28-го по 18-е апрѣля собирались дѣвицы на Верхъ. Февраля 1-го явилась между ними, въ исполненіе обычая, и Наталья Кириллова дочь Нарышкина. Собирались красавицы и изъ другихъ городовъ: Рязани, Суздаля, Владиміра, Костромы, Новгорода.[6]

Вторыя смотрины, изъ отобранныхъ дѣвицъ, отметныхъ соболей, начались 18-го апрѣля; между ними находилась,

разумѣется, воспитанница Матвѣева, и слухъ прошелъ, что выборъ уже рѣшенъ и ей быть царицей.

На Верху произошелъ переполохъ. Зависть, ревность, а теперь уже и страхъ, обуяли противную сторону. 22-го апрѣля найдены были два подметныхъ письма въ родѣ тѣхъ, изъ за какихъ погибли—первая невѣста царя Михаила Ѳеодоровича и первая невѣста самого царя Алексѣя Михайловича. Одно письмо поднялъ сторожъ предъ грановитою палатою въ сѣняхъ, а другое усмотрѣно прилѣпленное у дверей шатерной палаты, гдѣ ходятъ на постельное крыльцо.

Въ письмахъ возводилось подозрѣніе на Матвѣева въ колдовствѣ и употребленіи какихъ-то кореньевъ для приворота царя къ дочери его пріятеля.

Началось строгое слѣдствіе съ жестокими пытками на дыбѣ, встрясками, жженіемъ на огнѣ несчастнаго, который, по стеченію обстоятельствъ, могъ показаться виноватымъ.

По этой причинѣ, вѣроятно, задержалось и бракосочетаніе, которое совершилось уже черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ начатаго слѣдствія, января 22-го 1671 года.

Совершеніе обряда, обѣды, пиры, за нимъ слѣдовавшіе, отличались обычною торжественностію и великолѣпіемъ.

Придворныя отношенія измѣнились немедленно. Взрослымъ дочерямъ царя Алексѣя Михайловича, царевнамъ, тяжело было принять и чествовать матерью мачиху, которая притомъ была всѣхъ ихъ моложе и красивѣе. Старшимъ сестрамъ царскимъ еще болѣе было это не по сердцу. Молодая жена не только раздѣлила съ ними со всѣми любовь пожилаго мужа, но овладѣла имъ совершенно, такъ что онъ не могъ насмотрѣться на нее,

не отлучался отъ нея ни на минуту, бралъ ее съ собою даже на охоту. Милославскіе, родственники покойной царицы, должны были уступить мѣсто Нарышкинымъ, къ которымъ принадлежала новая царица. Можетъ быть, они дали неосторожно чувствовать свое преимущество. Явились приверженцы той и другой стороны, съ своими надеждами, средствами, цѣлями. Не обошлось дѣло безъ сплетней, клеветъ, выдумокъ, тайныхъ шушуканій во внутреннихъ покояхъ, съ глазу на глазъ между присными людьми;—а снаружи все обстояло благополучно.

Дѣла по приказамъ шли заведеннымъ порядкомъ. Матвѣевъ былъ душею управленія, и къ счастію, ничто, ни внутри, ни внѣ, не нарушало общественнаго спокойствія. Молодые веселились въ сосѣднихъ селахъ: Измайловѣ, Коломенскомъ, Воробьевѣ, особенно въ селѣ Преображенскомъ, любимомъ пребываніи царя Алексѣя Михайловича, на берегу тихой, свѣтлой Яузы, среди долинъ и рощей, откуда ѣздилъ онъ часто въ Сокольники тѣшиться въ ближайшемъ сосновомъ лѣсу соколиною охотою. Обычныя богомолья отправлялись своимъ чередомъ.

Общее удовольствіе распространилось вскорѣ извѣстіемъ: молодая царица беременна!

Кого Богъ дастъ ей? О, если бы сына наслѣдника!— желали всѣхъ болѣе Нарышкины и ихъ покровитель, руководившій всѣми дѣлами государственными, Матвѣевъ: новорожденнымъ сыномъ закрѣпилось бы и утвердилось настоящее положеніе не только новаго семейства, но и всѣхъ дѣлъ его собственныхъ; онъ вѣрно сдѣлался бы наслѣдникомъ, потому что старшихъ братьевъ, Ѳедора и Ивана, больныхъ и слабыхъ, никто не считалъ долговѣчными.

И общее желаніе исполнилось: 30-го мая 1672 года, на память преподобнаго Исаакія Далматскаго, въ четвергъ, въ *отдачу часовъ ночныхъ* (по знаменательному выраженію современной записи), т. е. передъ разсвѣтомъ, родился въ Кремлевскомъ дворцѣ сынъ, нашъ великій Петръ.[8]

Рожденіе его облеклось въ народѣ поэзіей: разсказывали, что Симеонъ Полоцкій, первый ученый мужъ своего времени, наблюдалъ движеніе свѣтилъ небесныхъ, и за девять мѣсяцевъ до рожденія Петрова замѣтилъ пресвѣтлую звѣзду близъ Марса. Онъ предрекъ царицѣ рожденіе славнаго сына.[9]

Разсказывали еще, что во время ея беременности приходилъ въ палаты какой-то странникъ, который, отстраняя поданную ему руку царицы, хотѣлъ поклониться сущему еще въ утробѣ матери младенцу. „Той Пахомій будетъ ворочать большимъ костылемъ, да и бояться его всѣ будутъ. Пятьдесятъ три сажени — высота его, и много онъ шире будетъ своего отца.“

При началѣ родильныхъ скорбей, Симеонъ Полоцкій пришелъ во дворецъ и сказалъ, что царица будетъ мучиться трое сутокъ. Онъ остался въ покояхъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Они плакали вмѣстѣ и молились. Царица изнемогала такъ, что на третій день сочли нужнымъ пріобщить ее Св. Таинъ; но Симеонъ Полоцкій ободрилъ всѣхъ, сказавъ, что она родитъ благополучно черезъ пять часовъ. Когда наступилъ пятый часъ, онъ палъ на колѣна, и началъ молиться о томъ, чтобъ царица помучилась еще часъ. Царь съ гнѣвомъ рекъ: „что вредно просишь!“ „Если въ первомъ получасѣ родится царевичъ“, отвѣчалъ онъ, „то вѣку его будетъ

50 лѣтъ, а если во второмъ, то доживетъ до 70.“ И въ эту минуту, увы, принесено царю извѣстіе, что царица разрѣшилась отъ бремени, и Богъ далъ ему сына.

Тогда же въ соборѣ совершалось торжественное молебствіе о здравіи царицы. Іеродіаконъ, возглашавшій ектеніи, задремалъ; вдругъ онъ слышитъ, что кто-то его будитъ: „иди молиться о царѣ, царицѣ и новорожденномъ царевичѣ Петрѣ Алексѣевичѣ,“ между тѣмъ какъ повѣстки еще не было, и царевичъ не явился еще на свѣтъ. На вопросъ послѣ молебна, почему онъ возгласилъ неслыханное имя, онъ сослался на другаго сослужившаго іеродіакона, а тотъ отвѣчалъ, что не говорилъ ему ни слова.

Какъ обрадовался царь, какъ обрадовалась царица и ея родные, какъ доволенъ, счастливъ былъ Матвѣевъ, вообразить не трудно. Гонцы съ повѣстками разосланы были по всей Москвѣ. Тотчасъ собралось въ Успенскомъ соборѣ все высшее духовенство и повѣщенныя лица.

Въ 5 часовъ утра заблаговѣстили въ большой Успенскій колоколъ, гдѣ все уже было готово къ торжественному богослуженію. Въ сопровожденіи Грузинскаго, Касимовскаго и Сибирскаго царевичей, бояръ, окольничьихъ, стрянчихъ дворянъ, полковниковъ, царь А. М. пришелъ въ соборъ, и совершено было благодарственное молебствіе. За симъ принесено было ему поздравленіе отъ всѣхъ властей, духовныхъ и свѣтскихъ. Потомъ обошелъ онъ соборы и слушалъ обѣдню у Благовѣщенія.[10]

Отецъ царицынъ, Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ и Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, изъ думныхъ дворянъ, были пожалованы въ окольничьи. Прочіе родственники были всѣ также повышены.

Начались родинныя угощенія и пиры у царя и царицы отдѣльно, большею частію безъ зову и безъ мѣстъ. Въ день крестинъ и имянинъ новорожденнаго царевича, 29-го іюня, данъ торжественный обѣдъ въ грановитой палатѣ. Столъ, кромѣ яствъ, былъ загроможденъ всякаго рода сахарами, пряниками и овощами. Большая коврижка изображала гербъ Московскаго государства. Два сахарные орла вѣсили каждый по полтора пуда, лебедь два пуда, утя полтора, попугай полпуда. Былъ сдѣланъ также и городъ сахарный, Кремль, съ людьми, конными и пѣшими, и другой городъ четвероугольный съ пушками. Праздники долго слѣдовали одни за другими.[11]

Привязанность мужа къ молодой женѣ, принесшей ему сына, здороваго, крѣпкаго, (онъ былъ ростомъ длиною одинадцати, а шириною трехъ вершковъ),[12] усиливалась, а вмѣстѣ съ нею ненависть падчерицъ, пожилыхъ царевенъ. Родственники ихъ съ матерней стороны и прочіе знатные царедворцы злобились болѣе на Нарышкиныхъ, которые изъ Тарусы поднялись вдругъ на такую высоту, и въ особенности на Матвѣева, произведшаго этотъ придворный переворотъ.

Новорожденный младенецъ сдѣлался для однихъ предметомъ любви, радости, надежды, а для другихъ предметомъ помѣхи, страха и отвращенія, въ знаменіе прерѣкаемо.

Немедленно приставлены къ нему: кормилица, Ненила Львова, мамы (боярыня Леонтьева и княгиня Голицына), дядьки (Стрѣшневы, боринъ Родіонъ Матвѣевичъ и думный дворянинъ, Тихонъ Никитичъ), стольники и прочіе прислужники.[13]

Первые года Петровой жизни представляютъ совершенную противоположность съ послѣдующими: его держали, какъ говорятъ, въ хлопкахъ; на него не надохли; приближенные не знали, во что нарядить его и чѣмъ забавить.

Колыбель была устроена изъ Турскаго бархата, по алой землѣ съ большими золотыми репьями и малыми репейками серебряными. Подбита она была хлопчатой бумагой на рудожелтой подкладкѣ; ремни обшиты бархатомъ, краснымъ Венеційскимъ, яблоко у пялецъ объярью по серебряной землѣ съ золотыми и разными шелковыми травами. Пуховикъ и подушки набиты бѣлымъ и чистымъ лебяжьимъ пухомъ.

Черезъ полгода младенцу сшиты кафтанчики, зимніе и лѣтніе, изъ бѣлаго атласа, алой объяри, на собольихъ пупкахъ, шитые золотомъ, окаймленные Нѣмецкимъ кружевомъ, съ запонами, низанными жемчугомъ, съ серебряными кистями, а пуговицы изумрудныя на золотыхъ спняхъ или закрѣпахъ.

Особые покои для царевича, пристроенные къ дворцовымъ палатамъ, были убраны съ такимъ же богатствомъ. Полы, стѣны и оконныя рамы были обиты алымъ сукномъ Амбургскимъ. Полавочники сшиты изъ бѣлаго сукна, съ узорочными каймами. Кромѣ лавокъ и скамей въ новыхъ хоромахъ Петра было поставлено вызолоченное мѣсто (въ родѣ креселъ), обитое рудожелтымъ бархатомъ съ широкимъ золотымъ галуномъ.[14]

Могли ли думать нѣжные родители, что ихъ ненаглядному дѣтищу, котораго начали они въ золотѣ водить, въ чисто серебро рядить, ничто на свѣтѣ не станетъ такъ

противно, какъ эта роскошь, какъ эта пышность, какъ это великолѣпіе; могли ли вообразить они, что не бархатъ, не атласъ, не объярь, не парча, придутся ему по нраву, а посконная холстина, а сермяжное сукно, а сыромятная кожа,—вотъ изъ чего составится любимое его убранство и одѣяніе, которое сіять будетъ на немъ ярче всякихъ алмазовъ, изумрудовъ и яхонтовъ!

Ребенокъ росъ и развивался быстро, не по днямъ, а по часамъ, какъ говорится въ сказкахъ. На шестомъ мѣсяцѣ онъ началъ ходить. Игрушки всякаго рода приносились безпрестанно съ Верху въ его покой: черезъ годъ къ имянинамъ сдѣлана потѣшная лошадка во всемъ уборѣ; сѣдло съ стремянами было вызолечено и высеребрено; сдѣлано было нѣсколько мелкихъ игрушекъ противъ сахарныхъ образцевъ; устроенъ потѣшный стулецъ на желѣзныхъ колесахъ, на которыхъ царевичъ катался въ хоромахъ; клавикорды, струны мѣдныя и всякіе другіе струменты: гусли, цимбалы.[15]

Въ 1676 г. къ святой недѣли велѣно живописцу Ивану Салтанову росписать для царевича красками: гнѣздо голу, бей, гнѣздо ракитокъ, гнѣздо канареекъ, гнѣздо щеглятъ-гнѣздо чижей, гнѣздо барановъ, а у барашковъ сдѣлать, чтобъ была будто шерсть на нихъ сущая. Тогда же царевичу устроены были въ хоромахъ качели на веревкахъ, обшитыхъ червчатымъ бархатомъ.

Не мало изготовлялось и военныхъ игрушекъ, которыя также вызолачивались и расписывались красками: лучки, барабаны, бубны, топорки, чеканцы, пищали, пистоли, пушечки, булавы.

1675 года, въ маѣ, бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ ударилъ челомъ царевичу Петру „карету маленькую, и въ ней четыре возника (лошадки) темнокаріе, а на возникахъ шлеи бархатныя, пряжки вызолочены, начельники и гривы и нахвостники шитые... вмѣсто желѣза кругъ колесъ мѣдь вызолочена, да кругъ кареты стекла хрустальныя, а на стеклахъ писаны цари и короли всѣхъ земель; въ той каретѣ убито бархатомъ жаркимъ, а въ ней рѣзи, а кругъ кареты бахромы золотыя“.

Въ этой самой кареткѣ царевичъ, уже трехлѣтній, слѣдовалъ въ царскомъ торжественномъ выѣздѣ въ Троицкій походъ, 19 сентября 1675 г. Очевидецъ этого выѣзда, цесарскій посланникъ Лизекъ, пишетъ, „что вслѣдъ за поѣздомъ царя показался изъ другихъ воротъ дворца поѣздъ царицы. Впереди ѣхалъ стольникъ съ двумя стами скороходовъ, за ними вели 12 рослыхъ бѣлыхъ какъ снѣгъ лошадей изъ-подъ царицыной кареты, обвязанныхъ шелковыми сѣтками. Потомъ слѣдовала маленькая, вся изпещренная золотомъ, карета младшаго князя въ четыре лошадки крошечной породы: по бокамъ шли четыре карлика и такой же сзади, верхомъ на крохотномъ конькѣ“.[17]

Отецъ и мать брали, кажется, вездѣ свое дорогое дитя съ собою. Тотъ же современникъ разсказываетъ, что, когда онъ представлялся царю Алексѣю Михайловичу въ селѣ Коломенскомъ, вдругъ увидѣлъ онъ царицу въ растворившуюся дверь смежнаго покоя: это Петръ, имѣя только около трехъ лѣтъ отъ рожденія, толкнулъ дверь, у которой стоялъ съ матерью, смотрѣвшею посольскій пріемъ, и дверь отворилась къ общему изумленію всего чопорнаго двора.[18]

Любимое пребываніе царскаго семейства было въ селѣ Преображенскомъ. Тамъ, въ особо построенныхъ хоромахъ на подобіе Кремлевскихъ, по мысли Матвѣева и подъ его управленіемъ, начались представленія такъ называемыхъ комедій. Онъ выписалъ Нѣмецкихъ актеровъ, которымъ отдалъ въ ученіе нѣсколько своихъ дворовыхъ людей и мальчиковъ изъ подъяческихъ дѣтей съ Мѣщанскихъ улицъ, гдѣ были поселены выходцы изъ Бѣлоруссіи и другихъ западныхъ губерній. Первая комедія представлена была, какъ Юдиѳь Олоферну голову отсѣкаетъ. Въ другой разъ какъ Артаксеркъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну (Есѳирину) челобитью и по Мардохееву наученію. Эти комедіи были не безъ примѣненій къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Въ Мардохеѣ примѣтенъ былъ Матвѣевъ, Есѳирь напоминала царицу Наталью Кирилловну. Въ Аманѣ хотѣли узнавать когонибудь изъ Милославскихъ. Была еще малая „прохладная“ комедія объ Іосифѣ, о младшемъ Товіи, и наконецъ нѣчто историческое о нападеніи Темиръ-Аксака. Послѣ комедіи являлись выписанные Нѣмцы, которые умѣли на высокихъ трубахъ танцы трубить; другіе играли на органахъ, фіоляхъ и разныхъ струментахъ, танцовали и всякими потѣхами разными тѣшили. Призывались разные фокусники въ дополненіе къ домашнимъ шутамъ и скоморохамъ, которые показывали разныя штуки. Комедіи продолжались по пяти, по семи часовъ сряду, а веселье вообще очень часто до разсвѣта.[19]

Такъ прохладно проводили время родители Петровы, внѣ засѣданій Думы. Поутру слушаніе литургіи въ соборахъ по случаю праздниковъ или чьихъ либо именинъ

не отлучался отъ нея ни на минуту, бралъ ее съ собою даже на охоту. Милославскіе, родственники покойной царицы, должны были уступить мѣсто Нарышкинымъ, къ которымъ принадлежала новая царица. Можетъ быть, они дали неосторожно чувствовать свое преимущество. Явились приверженцы той и другой стороны, съ своими надеждами, средствами, цѣлями. Не обошлось дѣло безъ сплетней, клеветъ, выдумокъ, тайныхъ шушуканій во внутреннихъ покояхъ, съ глазу на глазъ между присными людьми;—а снаружи все обстояло благополучно.

Дѣла по приказамъ шли заведеннымъ порядкомъ. Матвѣевъ былъ душею управленія, и къ счастію, ничто, ни внутри, ни внѣ, не нарушало общественнаго спокойствія. Молодые веселились въ сосѣднихъ селахъ: Измайловѣ, Коломенскомъ, Воробьевѣ, особенно въ селѣ Преображенскомъ, любимомъ пребываніи царя Алексѣя Михайловича, на берегу тихой, свѣтлой Яузы, среди долинъ и рощей, откуда ѣздилъ онъ часто въ Сокольники тѣшиться въ ближайшемъ сосновомъ лѣсу соколиною охотою. Обычныя богомолья отправлялись своимъ чередомъ.

Общее удовольствіе распространилось вскорѣ извѣстіемъ: молодая царица беременна!

Кого Богъ дастъ ей? О, если бы сына наслѣдника!— желали всѣхъ болѣе Нарышкины и ихъ покровитель, руководившій всѣми дѣлами государственными, Матвѣевъ: новорожденнымъ сыномъ закрѣпилось бы и утвердилось настоящее положеніе не только новаго семейства, но и всѣхъ дѣлъ его собственныхъ; онъ вѣрно сдѣлался бы наслѣдникомъ, потому что старшихъ братьевъ, Ѳедора и Ивана, больныхъ и слабыхъ, никто не считалъ долговѣчными.

сторону явнымъ покушеніемъ на ея законныя права, тогда какъ имъ по всѣмъ вѣроятностямъ не суждено было придти въ силу никогда? Такъ, безъ сомнѣнія, разсуждалъ Матвѣевъ съ своими друзьями, оставляя дѣла идти естественнымъ порядкомъ, совершенно спокойный за ихъ благополучный исходъ, какъ вдругъ Царь Алексѣй Михайловичъ въ январѣ 1676 года занемогъ. Шестаго еще числа, во всемъ убранствѣ, въ полномъ облаченіи, ходилъ онъ на Іордань; 12-го, въ день имянинъ сестры, Царевны Татьяны Михайловны, былъ у обѣдни и жаловалъ бояръ имянинными пирогами; 19 января была во дворцѣ комедія съ музыкою, но онъ почувствовалъ себя нездоровымъ и слегъ въ постель. Болѣзнь не представляла сначала, повидимому, никакой опасности, но потомъ усилилась, и черезъ 10 дней онъ скончался, благословивъ на царство, какъ объявлено было народу, старшаго сына Ѳедора, которому было только 14 лѣтъ отъ роду.

Точно-ли такое было объявленіе, сдѣлалъ ли его Царь по собственному своему побужденію, не смѣя нарушить родоваго обычая, или былъ подвигнутъ къ тому сестрами и дочерьми, которыя не отходили отъ его смертнаго одра и не допускали никого изъ противниковъ, неизвѣстно. Молодая царица ни въ какомъ случаѣ не посмѣла бы оспоривать патріаршаго и боярскаго заявленія или распоряженія, подтвержденнаго царевнами. Она должна была молчать и покориться своей судьбѣ.[22] Какъ бы то ни было, Матвѣевъ, застигнутый врасплохъ, не успѣлъ видно принять нужныхъ мѣръ, хотя, можетъ быть, и не умѣлъ, не смогъ скрыть своихъ намѣреній, и дѣлалъ какія-нибудь попытки.[23]

Погребеніе покойнаго и вѣнчаніе новаго царя отправлены были по обычаю, и на Верху все вдругъ измѣнилось: Нарышкины пріуныли съ своими пріятелями, царевны разцвѣли, Милославскіе, ихъ родственники, восторжествовали и взяли въ свои руки правленіе, распоряжаясь именемъ новаго царя.

Долго впрочемъ не предпринималось ничего важнаго, но втайнѣ обдумывался предлежащій образъ дѣйствій, и чрезъ полгода ударъ разразился рѣшительнымъ дѣйствіемъ: ссылкою Матвѣева на воеводство въ самый сѣверный Сибирскій городъ Верхотурье (4 іюля 1676 г.).

Матвѣевъ — это былъ опасный соперникъ для новыхъ временщиковъ по своему уму, опытности, свѣдѣніямъ и связямъ. Онъ былъ начальникомъ и руководителемъ всей партіи, которая безъ него, какъ безъ головы, не могла предпринять ничего, не смотря на родственныя связи съ вдовствовавшею царицею и ея семействомъ.

Такое начало не предвѣщало для нихъ ничего добраго. Тяжело было царицѣ разстаться съ своимъ благодѣтелемъ и покровителемъ: на кого можетъ она положиться безъ него, съ кѣмъ посовѣтоваться? Что будетъ съ нею, съ ея сиротами, и въ особенности съ ея любезнымъ первенцемъ? Слезы матери должны были произвести глубокое впечатлѣніе въ душѣ воспріимчиваго мальчика, 4-хъ лѣтнаго уже Петра, который и самъ вѣрно былъ горячо привязанъ къ доброму, ласковому старику, потѣшавшему его такими прекрасными игрушками.

Не успѣлъ Матвѣевъ доплыть Волгою до Лаишева, какъ былъ остановленъ, обвиненный въ намѣреніи извести молодаго царя во время послѣдней его еще при отцѣ

болѣзни, въ призываніи нечистыхъ духовъ, въ занятіяхъ волшебствомъ по какой-то черной книгѣ, лишенъ имѣнія и всѣхъ почестей и сосланъ, какъ государственный преступникъ, на житье въ отдаленный и дикій Пустозерскъ.[24]

Ужасное извѣстіе должно было усилить горесть обитателей Преображенскаго. Толки, жалобы, догадки, брани, проклятія падали въ душу маленькаго Петра злыми сѣмянами.

Новыя событія прибавляли безпрестанно страху: стѣсненъ, въ заточеніи, сверженный патріархъ Никонъ, наказанъ духовникъ царскій Андрей Савиновъ; родные братья царицы Натальи Кириловны, Иванъ и Аѳанасій, были сосланы, сама она подвергалась всяческимъ оскорбленіямъ и униженіямъ.[25] Оставалось, кажется, Преображенскому сдѣлаться Угличемъ.

Но Богъ милостивъ. Преображенское сдѣлается для даровитаго мальчика наилучшею школою, гдѣ онъ, на просторѣ, среди полей и рощей, вдали отъ придворнаго тунеядства, праздношатанія, безпечности и закоснѣлыхъ обычаевъ, выучится, разовьется, познакомится съ людьми, съ нуждою и приготовится на царственное дѣланіе, *по своему*, какъ на святой Руси никто прежде не думалъ, не гадалъ, какъ во снѣ никому присниться никогда не могло. Птенецъ здѣсь оперится, заматорѣетъ, расправитъ крылья, и изъ Преображенскаго гнѣзда вылетитъ орломъ на всю святую Русь.

Дворъ Царицы Натальи Кирилловны остался прежній, хоть нѣсколько и уменьшенный. Между дядьками, спальниками и стольниками Царевича Петра, равно какъ и между родственниками, нашлись толковые, порядочные

Первые года Петровой жизни представляютъ совершенную противоположность съ послѣдующими: его держали, какъ говорятъ, въ хлопкахъ; на него не надохли; приближенные не знали, во что нарядить его и чѣмъ забавить.

Колыбель была устроена изъ Турскаго бархата, по алой землѣ съ большими золотыми репьями и малыми репейками серебряными. Подбита она была хлопчатой бумагой на рудожелтой подкладкѣ; ремни обшиты бархатомъ, краснымъ Венеційскимъ, яблоко у пялецъ объярью по серебряной землѣ съ золотыми и разными шелковыми травами. Пуховикъ и подушки набиты бѣлымъ и чистымъ лебяжьимъ пухомъ.

Черезъ полгода младенцу сшиты кафтанчики, зимніе и лѣтніе, изъ бѣлаго атласа, алой объяри, на собольихъ пупкахъ, шитые золотомъ, окаймленные Нѣмецкимъ кружевомъ, съ запонами, низанными жемчугомъ, съ серебряными кистями, а пуговицы изумрудныя на золотыхъ спняхъ или закрѣпахъ.

Особые покои для царевича, пристроенные къ дворцовымъ палатамъ, были убраны съ такимъ же богатствомъ. Полы, стѣны и оконныя рамы были обиты алымъ сукномъ Амбургскимъ. Полавочники сшиты изъ бѣлаго сукна, съ узорочными каймами. Кромѣ лавокъ и скамей въ новыхъ хоромахъ Петра было поставлено вызолоченное мѣсто (въ родѣ креселъ), обитое рудожелтымъ бархатомъ съ широкимъ золотымъ галуномъ.[14]

Могли ли думать нѣжные родители, что ихъ ненагляднону дѣтищу, котораго начали они въ золотѣ водить, въ чисто серебро рядить, ничто на свѣтѣ не станетъ такъ

или потому, что не имѣлъ терпѣнія выводить черты, какъ требовалось по правиламъ, и слова не успѣвали у него слѣдовать за мыслями. Почерка его ничто не можетъ быть безобразнѣе, а правописаніе было ему совершенно чуждо. Можетъ быть, съ грамотою учился онъ и пѣнію, потому что также во всю жизнь сохранилъ охоту пѣть на клиросѣ, и читать за обѣднею Апостолъ.

Особенное удовольствіе, по врожденному любопытству, доставляло ему разсматриваніе картинокъ, которыя издавна употреблялись для потѣхи царскихъ дѣтей,—а Петру послужили, вѣроятно, первымъ источникомъ полезнаго образованія. Фряжскіе, такъ называемые потѣшные, листы покупались въ большомъ количествѣ для Царевича, потѣшныя книги и тетради раскрашивались и расцвѣчивались въ дворцовыхъ мастерскихъ шафраномъ, Веницейской ярью и бѣлилами, сусальнымъ золотомъ. На этихъ листахъ изображены были „грады, палаты, великіе корабли, бои, взятіе городовъ, разныя исторіи въ лицахъ“.[29]

Въ 1679 году живописецъ Карпъ Ивановъ написалъ Царевичу на александрійскомъ листѣ красками и золотомъ двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные противъ того, какъ въ столовой въ подволокахъ написано.[30]

Посредствомъ картинокъ познакомился ребенокъ и съ отечественной исторіей. До сихъ поръ сохранилась царственная книга, или краткая лѣтопись Русская въ лицахъ, бывшая, безъ сомнѣнія, у него въ употребленіи по дворцовымъ документамъ именно въ то время, какъ Зотовъ вступилъ въ должность учителя; эта книга изъ хоромъ великаго Государя была выдана бояриномъ и дворецкимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитровымъ дьяку Андрею Юдину,

принесшему ее 24-го марта въ Оружейную Палату, которая тогда завѣдывала иконописными и живописными работами: „1613 листовъ, а на тѣхъ листахъ 1072 листа, т. е. рисунка; многіе листы назначенены, а не расцвѣчены, и приказано ту книгу расцвѣтить“.[31]

Царица Наталья Кириловна велѣла тогда же отдать Царевичу разныя книги съ *куншта̀ми*.

Любопытный ребенокъ хотѣлъ знать все, обо всемъ распрашивалъ, всякія объясненія на лету хваталъ, учители и дядьки не успѣвали отвѣчать на требованія, съ которыми онъ безпрестанно приставалъ къ нимъ.

Такимъ образомъ непримѣтно обогащался онъ свѣдѣніями историческими, географическими и всяческими.

Грамота грамотою, ученье ученьемъ, а дѣтскія игры шли своимъ чередомъ.

[32]*Мая 15-го* 1676 года „велѣно сдѣлать Государю Царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу въ лубье саадашкое сааданъ стрѣлъ, по счету 17 стрѣлъ, да 10 гнѣздъ стрѣлъ яблоновыхъ съ бѣлохвосци перьями, съ рѣзней томаровъ, да 10 гнѣздъ стрѣлъ березовыхъ съ простымъ перьемъ на расходъ стольниковъ.

Іюня 2-го. Велѣно сдѣлать два лука недомѣрочковъ жильниковъ.

Іюля 11-го. Писаны золотомъ и красками потѣшныя игры: пара пищалей, пара пистолей, три булавы, три перната, три обушка, три топорка, три ножичка.

Сентября 30-го. Значится въ дворцовыхъ запискахъ, что для царевича купленъ поясъ сабельный шелковой, Турецкаго дѣла, къ саблѣ потѣшной, которой ножны были обтянуты хзомъ зеленымъ съ мѣдною золоченной оправой.

Любимое пребываніе царскаго семейства было въ селѣ Преображенскомъ. Тамъ, въ особо построенныхъ хоромахъ на подобіе Кремлевскихъ, по мысли Матвѣева и подъ его управленіемъ, начались представленія такъ называемыхъ комедій. Онъ выписалъ Нѣмецкихъ актеровъ, которымъ отдалъ въ ученіе нѣсколько своихъ дворовыхъ людей и мальчиковъ изъ подъяческихъ дѣтей съ Мѣщанскихъ улицъ, гдѣ были поселены выходцы изъ Бѣлоруссіи и другихъ западныхъ губерній. Первая комедія представлена была, какъ Юдиѳь Олоферну голову отсѣкаетъ. Въ другой разъ какъ Артаксеркъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну (Есѳирину) челобитью и по Мардохееву наученію. Эти комедіи были не безъ примѣненій къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Въ Мардохеѣ примѣтенъ былъ Матвѣевъ, Есѳирь напоминала царицу Наталью Кирилловну. Въ Аманѣ хотѣли узнавать когонибудь изъ Милославскихъ. Была еще малая „прохладная“ комедія объ Іосифѣ, о младшемъ Товіи, и наконецъ нѣчто историческое о нападеніи Темиръ-Аксака. Послѣ комедіи являлись выписанные Нѣмцы, которые умѣли на высокихъ трубахъ танцы трубить; другіе играли на органахъ, фіоляхъ и разныхъ струментахъ, танцовали и всякими потѣхами разными тѣшили. Призывались разные фокусники въ дополненіе къ домашнимъ шутамъ и скоморохамъ, которые показывали разныя штуки. Комедіи продолжались по пяти, по семи часовъ сряду, а веселье вообще очень часто до разсвѣта.[19]

Такъ прохладно проводили время родители Петровы, внѣ засѣданій Думы. Поутру слушаніе литургіи въ соборахъ по случаю праздниковъ или чьихъ либо именинъ

рилловы, Василій, Андрей, Семенъ Ѳедоровы, Кирило Алексѣевъ, Иванъ Ивановъ, Гаврило Головкинъ, Автомонъ Головинъ, Андрей Матвѣевъ, Князь Андрей Михайловичъ Черкасскій, Князь Василій Лаврентьевичъ Мещерскій, Князь Иванъ Даниловичъ Велико-Гагинъ, Князь Иванъ Ивановичъ Голицынъ, Иванъ Родіоновичъ Стрѣшневъ.[33]

Въ одно время съ робятками одѣты были и Царевичевы четыре карлика въ малиновые суконные кафтаны на бѣльемъ мѣху съ золотыми пуговицами.

Такъ въ продолженіи первыхъ четырехъ лѣтъ царствованія Ѳедорова проходило время въ Преображенскомъ, гдѣ жила большею частію Царица съ Царевичемъ Петромъ и его сестрою. Она и ея родственники, приверженцы, тужили, жаловались на обиды и притѣсненія, толковали о своихъ дѣлахъ, думали—гадали, что ожидаетъ ихъ впредь, ругали враговъ и противниковъ, разбирали ихъ дѣйствія, разумѣется, съ худой стороны, выражали желанія и надежды. Мальчикъ слушалъ ихъ съ врожденнымъ вниманіемъ, и принималъ къ свѣдѣнію слышанное, которое глубоко западало ему въ душу.

А что происходило въ это время на Верху при дворѣ?

По вступленіи на престолъ Ѳедора главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, какъ бы правителемъ государства, сдѣлался Иванъ Михайловичъ Милославскій, близкій родственникъ покойной матери Государевой, и слѣдовательно здравствовавшихъ ея дочерей, Царевенъ. Онъ, вызванный тотчасъ изъ Астрахани, принялъ въ свое завѣдываніе всѣ почти приказы, и дѣйствуя самовластно, равно какъ

и довѣренныя ему лица изъ друзей и родственниковъ, ведя себя надменно, возбудилъ противъ себя много противниковъ, кромѣ Нарышкинской партіи, естественно его ненавидѣвшей. Между ними сильнѣйшій былъ Бояринъ и оружничій Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ, близкій еще къ покойному царю Алексѣю Михайловичу, и дружный съ нимъ начальникъ Стрѣлецкаго приказа, вельможа того же времени, Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, которые остались какъ бы въ сторонѣ при новомъ управленіи вопреки своимъ надеждамъ.

Чтобъ ослабить вліяніе Милославскихъ, они подставили къ молодому Царю въ приближенные довѣренныхъ и преданныхъ себѣ людей: Ивана Максимовича Языкова, „человѣка великой остроты, глубокаго Московскихъ, прежде площадныхъ, потомъ же дворскихъ обхожденій проникателя“, и двухъ братьевъ Лихачевыхъ, Алексѣя и Михаила Тимоѳѣевичей, людей „доброй совѣсти и самаго благочестиваго состоянія“, по свидѣтельству современниковъ,—но ошиблись въ своихъ разсчетахъ.[34]

Эти новыя „припадочныя лица“ (фавориты), состоя неотлучно при молодомъ Царѣ, съумѣли пріобрѣсти вскорѣ всю его довѣренность, и, сознавъ свою силу, пожелали власти, какъ это обыкновенно случается, для себя, а не для своихъ покровителей,—хотѣли дѣйствовать по своему, а не по чужому усмотрѣнію,—и, чтобъ упрочить свое положеніе, не сказавшись никому, убѣдили молодаго Царя жениться, по ихъ выбору, на дѣвицѣ изъ преданнаго имъ семейства, Агаѳьѣ Семеновнѣ Грушецкой, племянницѣ Думнаго дворянина Семена Ивановича Заборовскаго, которую и показали лицемъ при какомъ то крестномъ ходѣ,

Дѣвица понравилась, и осьмнадцатилѣтный Царь объявилъ свое намѣреніе жениться. Милославскій, увидя бѣду неминучую, возсталъ противъ этого брака, хотѣлъ отклонить его, во чтобы ни стало, и представилъ Царю донесеніе, въ высшей степени неблагопріятное, какъ объ избраной невѣстѣ, такъ и объ матери. Языковъ и Лихачевы обнаружили клевету и доказали ясно несправедливость обвиненія. Милославскому запрещено было являться ко двору, и хотя, по просьбѣ молодой Царицы, приказаніе было отмѣнено, но онъ потерялъ всякое вліяніе и значеніе. Царевнамъ также должно было не нравиться вступленіе въ семейство еще новаго лица, которое необходимо приметъ, мимо ихъ, участіе въ дѣлахъ.

Болѣзненный Царь обвѣнчался іюля 18, 1680 года. Языковъ, съ 1678 года думный постельничій, былъ произведенъ въ окольничіе, и получилъ званіе оружничаго, вмѣсто стараго покровителя своего Хитрова. Лихачевы возведены въ званіе постельничихъ.

Всѣ они были въ полномъ удовольствіи и считали себя утвержденными крѣпко на своихъ мѣстахъ, но очарованіе ихъ продолжалось короткое время, Царь прожилъ только годъ съ молодою женою. Она умерла родами 1681 года, іюля 14, а чрезъ нѣсколько дней умеръ и новорожденный сынъ ея Илья.

Для Языкова и Лихачевыхъ это несчастное событіе было неожиданнымъ и вмѣстѣ грознымъ ударомъ. Положеніе ихъ дѣлалось опаснымъ. Въ случаѣ неминуемо—близкой смерти Ѳедора они становились лицемъ къ лицу Милославскихъ и Царевенъ, которымъ легко будетъ захватить власть подъ именемъ старшаго брата царскаго Ивана,

болѣзни, въ призываніи нечистыхъ духовъ, въ занятіяхъ волшебствомъ по какой-то черной книгѣ, лишенъ имѣнія и всѣхъ почестей и сосланъ, какъ государственный преступникъ, на житье въ отдаленный и дикій Пустозерскъ.[24]

Ужасное извѣстіе должно было усилить горесть обитателей Преображенскаго. Толки, жалобы, догадки, брани, проклятія падали въ душу маленькаго Петра злыми сѣмянами.

Новыя событія прибавляли безпрестанно страху: стѣсненъ, въ заточеніи, сверженный патріархъ Никонъ, наказанъ духовникъ царскій Андрей Савиновъ; родные братья царицы Натальи Кириловны, Иванъ и Аѳанасій, были сосланы, сама она подвергалась всяческимъ оскорбленіямъ и униженіямъ.[25] Оставалось, кажется, Преображенскому сдѣлаться Угличемъ.

Но Богъ милостивъ. Преображенское сдѣлается для даровитаго мальчика наилучшею школою, гдѣ онъ, на просторѣ, среди полей и рощей, вдали отъ придворнаго тунеядства, праздношатанія, безпечности и закоснѣлыхъ обычаевъ, выучится, разовьется, познакомится съ людьми, съ нуждою и приготовится на царственное дѣланіе, *по своему*, какъ на святой Руси никто прежде не думалъ, не гадалъ, какъ во снѣ никому присниться никогда не могло. Птенецъ здѣсь оперится, заматорѣетъ, расправитъ крылья, и изъ Преображенскаго гнѣзда вылетитъ орломъ на всю святую Русь.

Дворъ Царицы Натальи Кирилловны остался прежній, хоть нѣсколько и уменьшенный. Между дядьками, спальниками и стольниками Царевича Петра, равно какъ и между родственниками, нашлись толковые, порядочные

люди, какіе случались и у отца его Алексѣя, дѣда Михаила и брата Ѳедора, которые, въ полной увѣренности, что ему, послѣ старшихъ больныхъ братьевъ, рано или поздно придется царствовать, озаботились объ его сбереженіи, если не воспитаніи, и соединили свою судьбу съ его судьбою, оставаясь навсегда вѣрными и усердными его слугами. Мать не спускала глазъ съ любимаго дѣтища.

Грамотѣ началъ онъ учиться рано, еще при отцѣ. По крайней мѣрѣ написанная для него подъячимъ тайныхъ дѣлъ Григорьемъ Гавриловымъ азбука была представлена на Верхъ 26-го ноября 1675 года, а на другой день, 27-го ноября, отслуженъ молебенъ въ Соборѣ Николы Гостунскаго о многолѣтномъ здравіи Царевича Петра Алексѣевича, — вѣроятно, по обычаю, предъ началомъ ученья, въ день пророка Наума, 1-го декабря.[26]

Послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича, по указанію думнаго дворянина Ѳедора Соковнина, опредѣленъ былъ къ Нему, 12-го марта, 1676 года, учителемъ подъячій изъ челобитнаго приказа, Никита Моисѣевъ Зотовъ, извѣстный тогда своею добропорядочностію и грамотностію.[27]

Часословъ, Псалтырь, Евангеліе были, разумѣется, первыми и главными предметами ученія. Мальчикъ, одаренный острой памятью, выучилъ ихъ, кажется, наизусть, среди своего курса, ибо въ продолженіи жизни часто на словахъ и на письмѣ приводилъ мѣста изъ Священнаго Писанія. Писать не могъ онъ выучиться порядочно, потому ли, что началъ учиться поздно (въ прописяхъ, для него изготовленныхъ, первое извѣстіе относится къ 1680 году, когда ему было слишкомъ семь лѣтъ),[28]

или потому, что не имѣлъ терпѣнія выводить черты, какъ требовалось по правиламъ, и слова не успѣвали у него слѣдовать за мыслями. Почерка его ничто не можетъ быть безобразнѣе, а правописаніе было ему совершенно чуждо. Можетъ быть, съ грамотою училъ онъ и пѣнію, потому что также во всю жизнь сохранилъ охоту пѣть на клиросѣ, и читать за обѣднею Апостолъ.

Особенное удовольствіе, по врожденному любопытству, доставляло ему разсматриваніе картинокъ, которыя издавна употреблялись для потѣхи царскихъ дѣтей,—а Петру послужили, вѣроятно, первымъ источникомъ полезнаго образованія. Фряжскіе, такъ называемые потѣшные, листы покупались въ большомъ количествѣ для Царевича, потѣшныя книги и тетради раскрашивались и расцвѣчивались въ дворцовыхъ мастерскихъ шафраномъ, Веницейской ярью и бѣлилами, сусальнымъ золотомъ. На этихъ листахъ изображены были „грады, палаты, великіе корабли, бои, взятіе городовъ, разныя исторіи въ лицахъ“.[29]

Въ 1679 году живописецъ Карпъ Ивановъ написалъ Царевичу на александрійскомъ листѣ красками и золотомъ двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные противъ того, какъ въ столовой въ подволокахъ написано.[30]

Посредствомъ картинокъ познакомился ребенокъ и съ отечественной исторіей. До сихъ поръ сохранилась царственная книга, или краткая лѣтопись Русская въ лицахъ, бывшая, безъ сомнѣнія, у него въ употребленіи по дворцовымъ документамъ именно въ то время, какъ Зотовъ вступилъ въ должность учителя; эта книга изъ хоромъ великаго Государя была выдана бояриномъ и дворецкимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитровымъ дьяку Андрею Юдину,

принесшему ее 24-го марта въ Оружейную Палату, которая тогда завѣдывала иконописными и живописными работами: „1613 листовъ, а на тѣхъ листахъ 1072 листа, т. е. рисунка; многіе листы назначенены, а не расцвѣчены, и приказано ту книгу расцвѣтить“.[31]

Царица Наталья Кириловна велѣла тогда же отдать Царевичу разныя книги съ *кунштами*.

Любопытный ребенокъ хотѣлъ знать все, обо всемъ распрашивалъ, всякія объясненія на лету хваталъ, учители и дядьки не успѣвали отвѣчать на требованія, съ которыми онъ безпрестанно приставалъ къ нимъ.

Такимъ образомъ непримѣтно обогащался онъ свѣдѣніями историческими, географическими и всяческими.

Грамота грамотою, ученье ученьемъ, а дѣтскія игры шли своимъ чередомъ.

[32]*Мая 15-го* 1676 года „велѣно сдѣлать Государю Царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу въ лубье саадашкое саданъ стрѣлъ, по счету 17 стрѣлъ, да 10 гнѣздъ стрѣлъ яблоновыхъ съ бѣлохвосци перьями, съ рѣзней томаровъ, да 10 гнѣздъ стрѣлъ березовыхъ съ простымъ перьемъ на расходъ стольниковъ.

Іюня 2-го. Велѣно сдѣлать два лука недомѣрочковъ жильниковъ.

Іюля 11-го. Писаны золотомъ и красками потѣшныя игры: пара пищалей, пара пистолей, три булавы, три перната, три обушка, три топорка, три ножичка.

Сентября 30-го. Значится въ дворцовыхъ запискахъ, что для царевича купленъ поясъ сабельный шелковой, Турецкаго дѣла, къ саблѣ потѣшной, которой ножны были обтянуты хзомъ зеленымъ съ мѣдною золоченной оправой.

Декабря 20-го. Куплено кожи на пять барабанцевъ.

Декабря 23-го. Поданы въ хоромы потѣшные пистоли, карабины, пищали винтованныя съ замками деревянныя.

1678 года *ноября 5-го* велѣно сдѣлать 8 гнѣздъ северегъ яблоновыхъ, а бѣлохвосцовое перье и золото положить къ тѣмъ же севергамъ. Тѣ северги сдѣлать къ потѣшнымъ лукамъ.

1679 года *мая 15-го.* Сдѣланы северги и топоры къ 6 лучкамъ недомѣрочнымъ и жильничкамъ, и шафраномъ северги пошафранены.

Ноября 30-го. Изъ клена и липины сдѣланы потѣшныя сабли, палаши и капчеры, пара пистолей, пара карабиновъ.

Декабря 22-го. Расписаны красками два топорка, булава, шестоперъ, пистоль, карабинъ — потѣшные, деревянные.

Въ началѣ 1682 года у хоромъ Царевича была устроена площадка, на которой поставленъ потѣшный деревянный шатеръ и потѣшная изба. Это было нѣчто въ родѣ воинскаго стана. На площадкѣ стояли рогатки и потѣшныя пушки, изъ которыхъ стрѣляли деревянными ядрами, обтянутыми кожей.

1682 года *марта 23-го* приказано починить два барабана потѣшныхъ, да вновь сдѣлать большой барабанъ противъ стрѣлцкивъ.

Участниковъ въ военныхъ играхъ было много, судя по количеству требуемаго оружія, сукна на ихъ кафтаны, тафты на кушаки, и мѣховъ бѣличьихъ и собольихъ на шапки. Это такъ называемые въ окладныхъ книгахъ робятки, спальники и стольники, изъ дѣтей боярскихъ и родственниковъ Царицы, изъ которыхъ по именамъ извѣстны: Нарышкины: Левъ, Мартемьянъ, Ѳедоръ Ки-

рилловы, Василій, Андрей, Семенъ Ѳедоровы, Кирило Алексѣевъ, Иванъ Ивановъ, Гаврило Головкинъ, Автомонъ Головинъ, Андрей Матвѣевъ, Князь Андрей Михайловичъ Черкасскій, Князь Василій Лаврентьевичъ Мещерскій, Князь Иванъ Даниловичъ Велико-Гагинъ, Князь Иванъ Ивановичъ Голицынъ, Иванъ Родіоновичъ Стрѣшневъ.[33]

Въ одно время съ робятками одѣты были и Царевичевы четыре карлика въ малиновые суконные кафтаны на бѣльемъ мѣху съ золотыми пуговицами.

Такъ въ продолженіи первыхъ четырехъ лѣтъ царствованія Ѳедорова проходило время въ Преображенскомъ, гдѣ жила большею частію Царица съ Царевичемъ Петромъ и его сестрою. Она и ея родственники, приверженцы, тужили, жаловались на обиды и притѣсненія, толковали о своихъ дѣлахъ, думали—гадали, что ожидаетъ ихъ впредь, ругали враговъ и противниковъ, разбирали ихъ дѣйствія, разумѣется, съ худой стороны, выражали желанія и надежды. Мальчикъ слушалъ ихъ съ врожденнымъ вниманіемъ, и принималъ къ свѣдѣнію слышанное, которое глубоко западало ему въ душу.

А что происходило въ это время на Верху при дворѣ?

По вступленіи на престолъ Ѳедора главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, какъ бы правителемъ государства, сдѣлался Иванъ Михайловичъ Милославскій, близкій родственникъ покойной матери Государевой, и слѣдовательно здравствовавшихъ ея дочерей, Царевенъ. Онъ, вызванный тотчасъ изъ Астрахани, принялъ въ свое завѣдываніе всѣ почти приказы, и дѣйствуя самовластно, равно какъ

и довѣренныя ему лица изъ друзей и родственниковъ, ведя себя надменно, возбудилъ противъ себя много противниковъ, кромѣ Нарышкинской партіи, естественно его ненавидѣвшей. Между ними сильнѣйшій былъ Бояринъ и оружничій Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ, близкій еще къ покойному царю Алексѣю Михайловичу, и дружный съ нимъ начальникъ Стрѣлецкаго приказа, вельможа того же времени, Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, которые остались какъ бы въ сторонѣ при новомъ управленіи вопреки своимъ надеждамъ.

Чтобъ ослабить вліяніе Милославскихъ, они подставили къ молодому Царю въ приближенные довѣренныхъ и преданныхъ себѣ людей: Ивана Максимовича Языкова, „человѣка великой остроты, глубокаго Московскихъ, прежде площадныхъ, потомъ же дворскихъ обхожденій проникателя“, и двухъ братьевъ Лихачевыхъ, Алексѣя и Михаила Тимоѳѣевичей, людей „доброй совѣсти и самаго благочестиваго состоянія“, по свидѣтельству современниковъ,—но ошиблись въ своихъ разсчетахъ.[34]

Эти новыя „припадочныя лица“ (фавориты), состоя неотлучно при молодомъ Царѣ, съумѣли пріобрѣсти вскорѣ всю его довѣренность, и, сознавъ свою силу, пожелали власти, какъ это обыкновенно случается, для себя, а не для своихъ покровителей,—хотѣли дѣйствовать по своему, а не по чужому усмотрѣнію,—и, чтобъ упрочить свое положеніе, не сказавшись никому, убѣдили молодаго Царя жениться, по ихъ выбору, на дѣвицѣ изъ преданнаго имъ семейства, Агаѳьѣ Семеновнѣ Грушецкой, племянницѣ Думнаго дворянина Семена Ивановича Заборовскаго, которую и показали лицемъ при какомъ то крестномъ ходѣ.

Дѣвица понравилась, и осьмнадцатилѣтный Царь объявилъ свое намѣреніе жениться. Милославскій, увидя бѣду неминучую, возсталъ противъ этого брака, хотѣлъ отклонить его, во чтобы ни стало, и представилъ Царю донесеніе, въ высшей степени неблагопріятное, какъ объ избраной невѣстѣ, такъ и объ матери. Языковъ и Лихачевы обнаружили клевету и доказали ясно несправедливость обвиненія. Милославскому запрещено было являться ко двору, и хотя, по просьбѣ молодой Царицы, приказаніе было отмѣнено, но онъ потерялъ всякое вліяніе и значеніе. Царевнамъ также должно было не нравиться вступленіе въ семейство еще новаго лица, которое необходимо приметъ, мимо ихъ, участіе въ дѣлахъ.

Болѣзненный Царь обвѣнчался іюля 18, 1680 года. Языковъ, съ 1678 года думный постельничій, былъ произведенъ въ окольничіе, и получилъ званіе оружничаго, вмѣсто стараго покровителя своего Хитрова. Лихачевы возведены въ званіе постельничихъ.

Всѣ они были въ полномъ удовольствіи и считали себя утвержденными крѣпко на своихъ мѣстахъ, но очарованіе ихъ продолжалось короткое время, Царь прожилъ только годъ съ молодою женою. Она умерла родами 1681 года, іюля 14, а чрезъ нѣсколько дней умеръ и новорожденный сынъ ея Илья.

Для Языкова и Лихачевыхъ это несчастное событіе было неожиданнымъ и вмѣстѣ грознымъ ударомъ. Положеніе ихъ дѣлалось опаснымъ. Въ случаѣ неминуемо—близкой смерти Ѳедора они становились лицемъ къ лицу Милославскихъ и Царевенъ, которымъ легко будетъ захватить власть подъ именемъ старшаго брата царскаго Ивана,

и отомстить имъ съ лихвою за свое отстраненіе и униженіе — участію Матвѣева, или еще хуже. Хитровъ съ Долгорукимъ, озлобленные на нихъ, не явились бы къ нимъ на помощь. Въ такихъ ожиданіяхъ надлежало думать о спасеніи и воспользоваться положеніемъ своимъ при Государѣ, пока онъ еще живъ, чтобъ приготовить себѣ союзниковъ или покровителей. Гдѣ же искать ихъ? Негдѣ, кромѣ Нарышкинской стороны, около младшаго Царевича Петра!

Надо сойтись съ ними, какъ съ естественными противниками Милославскихъ, вызвать ихъ изъ ссылокъ, поднять на высоту, и они, обязанные благодарностію, сдѣлаются друзьями и покровителями.

Языковъ и Лихачевы убѣдили Ѳедора, не смотря на слабость и болѣзнь, вопреки совѣтамъ врачей, взять себѣ другую жену, и на этотъ разъ предложили четырнадцатилѣтнюю крестницу Матвѣева, Марѳу Матвѣевну Апраксину.

Сговоръ былъ около декабря (1681), и невѣста тогда же упросила жениха, разумѣется, по ихъ внушенію, облегчить судьбу ея крестнаго отца, который до сихъ поръ писалъ напрасно свои челобитныя къ Царю и его совѣтникамъ, доказывая свою невинность.[35] Возвращены Матвѣеву были отобранныя у него имѣнія, и пожаловано было новое село Верхній Лондохъ съ деревнями 800 дворовъ. Въ Костромскомъ городѣ Лухѣ онъ долженъ былъ возвращаясь изъ ссылки, ждать новаго царскаго указа.

Ясно было для всѣхъ, въ какую сторону подулъ вѣтеръ, и чего ожидать слѣдовало, какъ при жизни Ѳедора, такъ и въ случаѣ его смерти. При жизни власть оставется въ рукахъ Языкова съ Лихачевыми, по смерти на престолъ

будетъ возведенъ непремѣнно, мимо старшаго Ивана, больнаго, слѣпаго и косноязычнаго, младшій, теперь почти Уже десятилѣтный Петръ, подававшій, по общему убѣжденію, добрыя надежды, снискавшій общее расположеніе.

Въ случаѣ избранія Петрова Милославскихъ ожидала опять печальная участь. Они должны были упасть окончательно, а царевны томиться и прозябать по прежнему, заключенныя въ своемъ теремѣ. Вся власть достанется въ руки Матвѣева, при участіи въ управленіи Нарышкиныхъ, подъ опекою матери, Царицы Наталіи Кирилловны.

Почему жъ не мнѣ принять на себя эту опеку, пришло въ голову одной изъ старшихъ Царевенъ, умной, смѣлой, властолюбивой, страстной, Софіи Алексѣевнѣ, имѣвшей 25 лѣтъ отъ роду? Почему не мнѣ взяться за управленіе царствомъ вмѣсто ненавистной мачихи, „этой медвѣдицы“, забѣжавшей Богъ знаетъ откуда въ наше семейство?[36] Примѣръ Римской Пульхеріи, управлявшей отъ имени братьевъ, Аркадія и Гонорія, соблазнялъ, говорятъ, начитанную воспитанницу Симеона Полоцкаго.[37]

Ей было съ кѣмъ посовѣтоваться — съ родными Милославскими. Способнѣйшій между ними, лукавый и хитрый бояринъ Иванъ Михайловичъ, низверженный въ послѣднее время съ высоты своего величія, готовъ былъ еще больше возбуждать и содѣйствовать ей ради собственной пользы, горя желаніемъ отмстить за свое паденіе. Софія умѣла проникнуть въ покои своего брата подъ предлогомъ хожденія за больнымъ, во время частыхъ его припадковъ, и тамъ, вѣроятно, успѣла познакомиться и сблизиться съ пригодными для нея лицами.[38] Первое мѣсто между ними занималъ Князь Василій Васильевичъ

гдѣ онъ игралъ съ ребятками за урядъ въ солдаты, предметомъ общаго поклоненія въ Кремлевскихъ палатахъ, видя, какъ всѣ сановитые бояре, съ окладистыми сѣдыми бородами, въ бархатныхъ одѣяніяхъ, приступали къ нему съ низкими поклонами и другими знаками вѣрноподданническаго подобострастія, слыша, какъ имя его переходило изъ устъ въ уста у всѣхъ присутствующихъ, и самъ Патріархъ, пришедъ съ Архіереями и прочими священнослужителями, его благовѣрнаго царевича Петра Алексѣевича нарекъ Царемъ, и благословилъ на самодержавство.

Милославскіе и повидимому, бездѣйствовали, оставались какъ бы въ сторонѣ, но подземная работа продолжалась неусыпно и даже обнаруживалась при случаяхъ.

Чуяли ее и Петровы приверженцы: такъ на избраніе явились многіе изъ нихъ въ панцыряхъ подъ кафтанами: князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, и братъ его большой, князь Иванъ, называемый Лбомъ, князья: Яковъ, Борисъ, Григорій Долгорукіе и другіе.[45]

На площади послышался впрочемъ голосъ Максима Исаева Сунбулова, изъ рядоваго дворянства, съ нѣсколькими товарищами, за царевича Ивана, котораго де, какъ старшаго, обходить не слѣдуетъ.[46]

Въ одномъ стрѣлецкомъ полку, Карандѣева приказу, стрѣльцы отказались присягать, но убѣжденные присланными боярами съ дьякомъ, поцѣловали крестъ.[47]

Матвѣеву въ тотъ же день было возвращено боярство, и отряженъ почетный чиновникъ, стольникъ Алмазовъ, пригласить его немедленно въ Москву, гдѣ новое правительство надѣялось найти въ немъ опытнаго руководи-

теля и надежную подпору. Всѣ сосланные Нарышкины были возвращены, братья Царицы и нѣкоторые родственники осыпаны наградами и милостями.

На другой день по кончинѣ, 29-го апрѣля, совершено было торжественное погребеніе почившаго государя. Въ Успенскомъ соборѣ, кромѣ вдовствующихъ царицъ, Прасковьи Матвѣевны и Натальи Кирилловны съ сыномъ, вновь избраннымъ Царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, явилась на выносѣ и въ церкви одна изъ сестеръ, Царевна Софія Алексѣевна. Неожиданное ея появленіе, вопреки исконному придворному чину, сочтено было оскорбленіемъ вдовствующихъ царицъ, и старшая, Наталья Кирилловна, поклонясь гробу, когда онъ былъ поставленъ на уготованномъ мѣстѣ въ соборѣ, до обѣдни и отпѣванія, удалилась вмѣстѣ съ сыномъ, нареченнымъ царемъ.[48] Царевна же Софія Алексѣевна осталась одна до конца священнослуженія. Тетки, дочери Царя Михаила Ѳеодоровича, упрекали послѣ Царицу Наталью Кирилловну за такое невниманіе къ покойнику, но она оправдывалась усталостію десятилѣтнаго ребенка.[49]

Такое столкновеніе на первыхъ порахъ, при неостывшемъ еще прахѣ покойнаго Царя, не обѣщало спокойствія среди царскаго семейства и служило указаніемъ, что замышляется что̀-то недоброе.

Говорятъ еще, что Царевна Софія Алексѣевна, провожая тѣло, жалостливо вопила на весь народъ и причитала: „Извели нашего любезнаго братца злые люди, остались мы круглыми сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, никакого заступника, братца нашего Ивана Алексѣевича на царство не выбрали. Сжальтесь, православные, надъ нами

раздѣлаться съ ними, и принудить силою къ удовлетворенію ихъ желаній было бы теперь, пока не пріѣхалъ Матвѣевъ, всему злу корень и первоначальникъ. Призывалось на помощь вино, разсыпались, гдѣ нужно, деньги.

Одни полки склонялись къ навѣтамъ враждебнымъ, другіе колебались: Стремянный, Жуковскій, Полтевскій; только Сухаревъ, съ пятисотскимъ Бурмистровымъ и пятидесятникомъ Иваномъ Борисовымъ, не слушалъ навѣтовъ и оставался въ сторонѣ.[55]

Волненіе между стрѣльцами увеличивалось. Находились, честные и вѣрные сотники и пятидесятники въ иныхъ полкахъ, которые уговаривали стрѣльцевъ, и покушались установить порядокъ; ихъ начали хватать, втаскивали на каланчи при съѣзжихъ избахъ, и, держа за ноги и за руки, раскачивали и сбрасывали на землю, съ криками къ предстоявшимъ: любо ли? любо ли? Начальство ставилось ни во что, наругательствамъ надъ полковниками не было конца.[56]

Безнаказанностью усиливалась дерзость.

Апрѣля 30-го стрѣльцы подаютъ челобитныя на своихъ полковниковъ въ насильствахъ, налогахъ и всякихъ разоренiяхъ, и требуютъ немедленнаго удовлетворенія. Иначе грозились они сами сыскать себѣ судъ, перебить своихъ притѣснителей, вымѣстить на ихъ домахъ и имуществахъ всѣ свои убытки, а потомъ добраться и до другихъ измѣнниковъ, потому что приходится уже имъ не въ терпежъ.

Неопытное правительство совершенно потерялось при такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла по отношенію къ стрѣльцамъ, при такомъ необыкновенномъ требованіи съ угрозами, какому подобнаго никогда не случалось: объ

яхъ этого времени, двухъ племянниковъ, Ивана и Петра Андреевичей Толстыхъ, „въ умѣ зѣло острыхъ и великаго пронырства и мрачнаго зла исполненныхъ, по народному названию шарпчиковъ“, какъ описываетъ ихъ тотъ же Матвѣевъ.[52] Изъ стрѣлецкихъ начальниковъ привлечены были: подполковникъ Иванъ Елисеевичъ Циклеръ, „кормовой иноземецъ“ и Иванъ Григорьевичъ Озеровъ, изъ низшаго новгородскаго дворянства. Между рядовыми стрѣльцами выбраны повѣренные: Борисъ Одинцевъ, Абросимъ Петровъ, Козьма Черный. Посредницей служила украинская казачка, Ѳедора Семенова, [53] которая переносила вѣсти изъ одного мѣста въ другое, отъ царевны Софіи къ Ивану Михайловичу Милославскому, отъ И. М. Милославскаго въ стрѣлецкія слободы, изъ стрѣлецкихъ слободъ къ царевнѣ Софіи.

Самъ Милославскій притворился больнымъ, не выѣзжалъ изъ дома и никого къ себѣ не принималъ, кромѣ избранныхъ сообщниковъ, которые приходили къ нему ночью, доносили, что происходитъ въ полкахъ, и получали отъ него приказанія, распоряженія, наставленія, что дѣлать и какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ.[54]

Въ стрѣлецкихъ слободахъ повѣренные бѣгали по полкамъ, распускали искусно тревожные слухи, грозили новыми несправедливостями, предсказывали перемѣну къ худшему, подготовляли исподволь возстаніе, нашептывая, что бояре помощію нѣмецкихъ докторовъ извели покойнаго Царя, выбрали несправедливо малолѣтнаго брата, обойдя старшаго, чтобъ управлять подъ его именемъ, грозя казнью стрѣльцамъ, которые должны будутъ поплатиться и за прежнія жалобы. Самое удобное время

раздѣлаться съ ними, и принудить силою къ удовлетворенію ихъ желаній было бы теперь, пока не пріѣхалъ Матвѣевъ, всему злу корень и первоначальникъ. Призывалось на помощь вино, разсыпались, гдѣ нужно, деньги.

Одни полки склонялись къ навѣтамъ враждебнымъ, другіе колебались: Стремянный, Жуковскій, Полтевскій; только Сухаревъ, съ пятисотскимъ Бурмистровымъ и пятидесятникомъ Иваномъ Борисовымъ, не слушалъ навѣтовъ и оставался въ сторонѣ.[55]

Волненіе между стрѣльцами увеличивалось. Находились, честные и вѣрные сотники и пятидесятники въ иныхъ полкахъ, которые уговаривали стрѣльцевъ, и покушались установить порядокъ; ихъ начали хватать, втаскивали на каланчи при съѣзжихъ избахъ, и, держа за ноги и за руки, раскачивали и сбрасывали на землю, съ криками къ предстоявшимъ: любо ли? любо ли? Начальство ставилось ни во что, наругательствамъ надъ полковниками не было конца.[56]

Безнаказанностью усиливалась дерзость.

Апрѣля 30-го стрѣльцы подаютъ челобитныя на своихъ полковниковъ въ насильствахъ, налогахъ и всякихъ разоренiяхъ, и требуютъ немедленнаго удовлетворенія. Иначе грозились они сами сыскать себѣ судъ, перебить своихъ притѣснителей, вымѣстить на ихъ домахъ и имуществахъ всѣ свои убытки, а потомъ добраться и до другихъ измѣнниковъ, потому что приходится уже имъ не въ терпежъ.

Неопытное правительство совершенно потерялось при такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла по отношенію къ стрѣльцамъ, при такомъ необыкновенномъ требованіи съ угрозами, какому подобнаго никогда не случалось: объ

Языковѣ и Лихачевыхъ, послѣднихъ совѣтникахъ Ѳеодора, не было и слышно; сторонники Милославскихъ молчали, какъ будто дѣла до нихъ не касались, или прибавляли страха, увеличивая опасности, а Матвѣевъ былъ еще далеко.

Въ отвѣтъ на челобитныя велѣно было Патріарху обсудить ихъ, допросить полковниковъ, а къ стрѣльцамъ посланъ дьякъ посольскаго приказа, Ларіонъ Ивановъ, уговаривать и успокоивать обѣщаніемъ, что дѣло ихъ рѣшено будетъ по справедливости.

Они потребовали, чтобы полковники было имъ выданы головою.

Испуганные бояре согласились было на это требованіе, но Патріархъ послалъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ къ стрѣльцамъ просить ихъ, чтобъ они поблагодарили государя за его милостивый указъ, и не требовали къ себѣ полковниковъ, которые будутъ наказаны.[57]

1-го мая велѣно полковниковъ отъ приказовъ отставить и разсажать по тюрьмамъ, вотчины у нихъ отобрать и всѣ стрѣлецкіе убытки взыскать.

Пошли переговоры о мѣрѣ наказанія для полковниковъ.

2-го мая биты кнутомъ Семенъ Грибоѣдовъ и Александръ Карандѣевъ, а прочіе двѣнадцать батогами. Предъ исполненіемъ наказанія каждому исчисляемы были его вины; стрѣльцы, стоявшіе кругомъ, распоряжались и кричали, кому больше, больнѣе, еще; кому—довольно!

Тогда же боярину Ивану Максимовичу Языкову и сыну его чашнику Семену Ивановичу, постельничему Алексѣю и казначею Михаилу Тимофеевичамъ Лихачевымъ, да стольникамъ ближнимъ Ивану Андреевичу Языкову и Ивану Васильевичу Дашкову, велѣно, чтобъ они при

выходахъ царскихъ не присутствовали и очей его государевыхъ не видали. [58]

Разумѣется, такъ потребовали стрѣльцы, которымъ этихъ людей, перешедшихъ на сторону Петра, могли указать только Милославскіе, ихъ враги; стрѣльцамъ отъ нихъ, кромѣ Языкова, не было ни тепло, не холодно. Хитрый Милославскій дѣлалъ какъ будто опытъ, чтобъ узнать до какой степени будетъ доходить уступчивость правительства.

4-го мая стрѣльцы подали новую челобитную на полковниковъ, взыскивая съ нихъ свои убытки, и полковники 5-го числа поставлены были на правежъ.

Цѣлыхъ восемь дней продолжалась расправа съ несчастными, пока они расплатились за всѣ предъявленные съ нихъ протори и убытки, и разъѣхались по оставшимся у нихъ деревнямъ залѣчивать свои раны и забывать свой позоръ.

Такимъ образомъ исполнены были всѣ требованія и желанія стрѣльцевъ—справедливыя, и несправедливыя; казалось, они должны были считать себя вполнѣ довольными, и жаловаться имъ оставалось не на что и не на кого. Правительство полагало, что, удовлетворивъ сполна, оно можетъ остаться спокойнымъ.

„Мая въ 7-й день былъ великому государю выходъ въ Соборную и Апостольскую церковь, да къ Архангелу, да къ Благовѣщенію“. За Петромъ шли бояре, и окольничіе, и думные, и ближніе люди. „Того же числа были у великаго государя у руки Смоленская шляхта, иноземцы, полковники и всѣ начальные люди.“

На Верху думали, кажется, такимъ торжествомъ подѣйствовать на умы и водворить спокойствіе, но вмѣстѣ съ симъ дѣлали такія ошибки, какими поддерживалось неудовольствіе.

Того же числа пожалованъ былъ бояриномъ и оружничимъ старшій братъ Царицы Натальи Кирилловны, Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, молодой человѣкъ 23лѣтъ. Родственники Нарышкиныхъ и ихъ сторонники получили разныя награды: Стрѣшневъ, Троекуровъ, Лыковъ, Долгорукіе.

Такъ прошли первыя двѣ недѣли по нареченіи на царство Петра, а что дѣлалъ онъ?

Среди всѣхъ торжественныхъ выходовъ, пріемовъ и прочихъ обрядовъ, у него не выходило изъ головы любезное Преображенское. Мысли разыгравались, и онъ думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе вырваться Царемъ на свободу, потѣшиться съ своими робятками, и всякій день заготовлялъ себѣ новое оружіе.

Мая 8-го „указалъ онъ взнесть къ себѣ, великому Государю, въ хоромы 12 тростей морскихъ средней руки, а къ Оружейной палатѣ,“ донесено, „въ государевѣ казнѣ тростей нѣтъ.“ Послѣдовало приказаніе: *купить тотчасъ*. Мая въ 9-й день по сей помѣтѣ куплено.., въ 10-й день тѣ трости поданы къ нему, великому Государю, въ хоромы, принялъ бояринъ и оружничій Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ. И того жъ числа отъ великаго Государя изъ хоромъ бояринъ и оружничій Иванъ Кирилловичъ выдалъ 11 тростей, и приказалъ тѣ трости стростить изъ трехъ одну, а изъ осьми четыре трости, и приложить къ

нимъ копья желѣзныя наводныя и прибить прапорцы тафтяныя. *Копья и тафты купить.* Мая въ 12-й день по симъ указамъ торговымъ людямъ за трости, за копья, за тафту, за шитье денегъ 8 рублевъ, 24 алтына, 2 деньги, дано съ росписью.

Мая 12-го, „великій Государь, Царь и Великій князь, Петръ Алексѣевичъ указалъ изъ Оружейныя палаты внесть къ себѣ, великому Государю, въ хоромы два лука малыхъ... А въ Оружейной палатѣ въ казнѣ сысканъ одинъ малый лукъ безъ тетивы, а другаго лука въ казнѣ нѣтъ. Приказали *купить*. И того жъ числа купленъ малый лукъ, кибить писана по красной землѣ золотомъ, кости буиловыя, Турецкаго дѣла, да двѣ тетивы простыхъ съ живцами.“

Мая 12-го, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Петръ Алексѣевичъ указалъ въ оружейной палатѣ прибрать пятьдесятъ пищалей винтованныхъ, сто пищалей завѣсныхъ, пятьдесятъ карабиновъ, и къ тѣмъ пищалямъ купить мошны, трещетки, заправы, да 20 натрусокъ корѣльчатыхъ, и къ нимъ снуры, да пуль разныхъ снастей два пуда... И того жъ числа по тому его, великому Государеву, указу, вышеписанное число ружья въ Оружейной палатѣ прибрано.

Мая 12-го Великій Государь, Царь и Великій князь, Петръ Алексѣевичъ указалъ сдѣлать въ Оружейной палатѣ шесть древокъ кленовыхъ, на тростеной образецъ, съ колѣнами длиною получетверть аршина, да къ тѣмъ древкамъ сдѣлать шесть копей.

Петръ, на радостяхъ, затѣвалъ, видно, по совѣту своихъ товарищей и любимцевъ, какую-нибудь большую потѣху; для которой понадобилось такое большое количество копей

и пищалей, но не удалось ее исполнить, и надолго принужденъ онъ былъ отложить любимыя занятія.

Награды Нарышкинымъ, особенно необыкновенное возвышеніе, безъ всякихъ заслугъ, Ивана Кирилловича, возбудило ропотъ даже между боярами.

Заговорщики пользовались ошибками правительства, которыми подливалось масло въ огонь. Они возбуждали всячески ненависть стрѣльцевъ чрезъ своихъ повѣренныхъ, подговоренныхъ и наученныхъ: Видите, какъ лѣзутъ Нарышкины въ гору. Имъ теперь все ни почемъ. Иванъ Нарышкинъ надѣвалъ уже царскій вѣнецъ и хвалился, что къ нему пристанетъ лучше всѣхъ; когда царевна Софія Алексѣевна начала выговаривать ему за его невѣжество, то онъ оттолкнулъ ее. Нарышкины хотятъ извести весь царскій родъ. Захвативъ въ руки власть, они раздѣлаются съ вами, и отплатятъ вамъ съ лихвою, жестоко, за всѣ теперешніе ваши успѣхи, припомнятъ все до послѣдней строки, наведутъ на васъ дворовыхъ людей, а ихъ вѣдь больше, чѣмъ васъ въ Москвѣ. Берегитесь!

И злостные навѣты оказывали свое дѣйствіе. Стрѣльцы распалялись на Нарышкиныхъ, видя въ нихъ злодѣевъ отечества.

Наконецъ все было готово, заговорщики ожидали только Матвѣева, чтобъ порѣшить за одинъ разъ съ нимъ, и тѣмъ обезпечить свой успѣхъ окончательно; нѣкоторые однакожъ боялись смуты. Семеро стрѣльцовъ бѣжали предупредить Матвѣева на дорогѣ, что ему въ Москвѣ не сдобровать, но онъ рѣшился раздѣлить участь съ своими, спасти ихъ во что бы то ни стало, или погибнуть вмѣстѣ.[59]

девятомъ часу дня посланцы Милославскихъ[62] скачутъ верхомъ на лошадяхъ и кричатъ: Царевича Ивана задушили Нарышкины. Въ Кремль! Нарышкины хотятъ извести весь царскій домъ. Къ оружію! Казнить измѣнниковъ! Спасайте царя! По всѣмъ улицамъ проскакали они съ этими криками. Произошло общее смятеніе. Ударили въ набатъ, забили тревогу въ барабаны, зазвонили въ колокола, привезено нѣсколько полковыхъ пушекъ. Изготовясь, стрѣльцы со всѣхъ сторонъ бросились съ распущенными знаменами въ Кремль какъ бы на непріятеля. Полковниковъ заставили они ѣхать впереди и вести себя.

Встрѣчные недоумѣвали, видя ихъ буйное движеніе, съ шумомъ, гамомъ и дикими воплями, и спрашивали, дрожа отъ страха, что̀ случилось. Идемъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго рода, кричали они по улицамъ.

Большинство вѣрило отъ души, что царскому роду угрожаетъ опасность, что Нарышкины съ своими друзьями хотятъ захватить власть въ свои руки, и стрѣльцы должны спѣшить въ Кремль спасать отечество и казнить измѣнниковъ, ненавистныхъ бояръ. Повѣренные, посвященные въ тайны заговора, старались, разумѣется, поддерживать ихъ въ этихъ мысляхъ, и дорогою раздували пламя выдумками, одна другой нелѣпѣе.

Длинные древки у копій стрѣльцы обрубили, чтобы удобнѣе управляться ими.

Бояре сидѣли спокойно въ приказахъ, не подозрѣвая, что дѣлается въ городѣ, и какая громовая туча несется въ Кремль. Кончивъ дѣла около полудня, они собирались уже разъѣзжаться по дворамъ къ обѣду. Матвѣевъ схо-

цевъ и припасовъ навезено было къ нему со всѣхъ сторонъ, что не куда было класть и не достало мѣста во всѣхъ погребахъ, закормахъ и кладовыхъ.[60]

Одинъ только Иванъ Михайловичъ Милославскій лежалъ дома въ горячихъ отрубяхъ, обложенный кирпичами, и не пріѣзжалъ къ нему засвидѣтельствовать свое почтеніе.[61]

Всѣхъ принималъ радушно добрый хозяинъ, всѣхъ ласкалъ, и всякому говорилъ привѣтное слово; никто не уходилъ отъ него недовольнымъ.

Эти три дня были днями полнаго торжества для Матвѣева. Въ Москвѣ, по наружности, все было спокойно; ходили, правда, слухи о волненіяхъ между стрѣльцами, но никакъ нельзя было угадать, чего еще имъ хочется, подъ какимъ предлогомъ могутъ они подняться, и какой изберутъ образъ дѣйствій. Тайною облеченъ былъ заговоръ, не имѣвшій ничего подобнаго въ прежнее время. Матвѣевъ не принималъ никакихъ мѣръ, потому ли, что былъ обольщенъ знаками всеобщаго усердія и довѣрія, потому ли, что не видѣлъ признаковъ близкой тревоги, или потому, что хотѣлъ прежде отдохнуть, собраться духомъ и опознаться; онъ не подозрѣвалъ, что бунтъ готовъ, и что составленъ былъ списокъ жертвъ обрѣченныхъ на смерть, во главѣ котораго стояло его имя.

15-го мая, въ день, отмѣченный уже кровью въ Русской Исторіи, съ ранняго утра стрѣльцы, вооруженные съ ногъ до головы копьями, бердышами, ружьями, начали собираться у своихъ церквей одновременно во всѣхъ противоположныхъ частяхъ города: за Москвою рѣкой, за Яузой у Серпуховскихъ воротъ, передъ Мѣщанскими слободами. Они какъ будто ожидали условленнаго знака И вотъ въ

девятомъ часу дня посланцы Милославскихъ[62] скачутъ верхомъ на лошадяхъ и кричатъ: Царевича Ивана задушили Нарышкины. Въ Кремль! Нарышкины хотятъ извести весь царскій домъ. Къ оружію! Казнить измѣнниковъ! Спасайте царя! По всѣмъ улицамъ проскакали они съ этими криками. Произошло общее смятеніе. Ударили въ набатъ, забили тревогу въ барабаны, зазвонили въ колокола, привезено нѣсколько полковыхъ пушекъ. Изготовясь, стрѣльцы со всѣхъ сторонъ бросились съ распущенными знаменами въ Кремль какъ бы на непріятеля. Полковниковъ заставили они ѣхать впереди и вести себя.

Встрѣчные недоумѣвали, видя ихъ буйное движеніе, съ шумомъ, гамомъ и дикими воплями, и спрашивали, дрожа отъ страха, что̀ случилось. Идемъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго рода, кричали они по улицамъ.

Большинство вѣрило отъ души, что царскому роду угрожаетъ опасность, что Нарышкины съ своими друзьями хотятъ захватить власть въ свои руки, и стрѣльцы должны спѣшить въ Кремль спасать отечество и казнить измѣнниковъ, ненавистныхъ бояръ. Повѣренные, посвященные въ тайны заговора, старались, разумѣется, поддерживать ихъ въ этихъ мысляхъ, и дорогою раздували пламя выдумками, одна другой нелѣпѣе.

Длинные древки у копій стрѣльцы обрубили, чтобы удобнѣе управляться ими.

Бояре сидѣли спокойно въ приказахъ, не подозрѣвая, что дѣлается въ городѣ, и какая громовая туча несется въ Кремль. Кончивъ дѣла около полудня, они собирались уже разъѣзжаться по дворамъ къ обѣду. Матвѣевъ схо-

дитъ съ постельнаго крыльца по лѣстницѣ, на встрѣчу ему, увидѣлъ онъ, спѣшитъ снизу князь Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ.... они сблизились; — тотъ, въ попыхахъ, едва можетъ вымолвить: стрѣльцы взбунтовались... всѣ полки.... въ полномъ вооруженіи.... идутъ они съ барабаннымъ боемъ въ Кремль. Удивленный Матвѣевъ оборачивается назадъ, и вмѣстѣ съ Урусовымъ бѣжитъ къ Царицѣ Наталіи Кирилловнѣ предупредить....

Не успѣли они вымолвить слова, вслѣдъ за ними являются другіе Іовлевы вѣстники съ вѣстями, одна другой страшнѣе. Стрѣльцы уже въ Бѣломъ городѣ... Они грозятся.

На Верху произошло общее замѣшательство. Никакой защиты въ Кремлѣ не было, и обороняться нечѣмъ. Велятъ запереть всѣ Кремлевскіе ворота, посылаютъ за патріархомъ, чтобъ онъ пришелъ къ Царю и Царицѣ немедленно. Намѣренія стрѣльцевъ неизвѣстны, но, судя по наружности, должно ожидать только худаго.

Караульный офицеръ Григорій Горюшкинъ прибѣгаетъ съ донесеніемъ, что воротъ запереть не успѣли, стрѣльцы ворвались и разсыпались по Кремлю. Всѣ колымаги боярскія согнаны на Ивановскую площадь, на иныхъ убиты возчики или переранены, у другихъ зарублены лошади. Никому нельзя уже было выѣхать изъ Кремля, ни пріѣхать въ Кремль.

Перепуганные бояре собираются всѣ, одинъ за другимъ, въ Грановитую Палату.

Стрѣльцы окружаютъ ее и останавливаются предъ Краснымъ крыльцомъ. Шумъ и гамъ, крики и вопли; едва разобрать можно слова: гдѣ царевичъ Іоаннъ, подайте намъ Нарышкиныхъ, Матвѣева, смерть измѣнникамъ!

На общемъ совѣтѣ въ Грановитой Палатѣ рѣшено выслать къ стрѣльцамъ бояръ, которые спросили бы ихъ, чего имъ надобно. Бояре: князь Черкасскій, Хованскій, Голицынъ, Шереметевъ, выходятъ къ стрѣльцамъ и спрашиваютъ о причинѣ ихъ буйнаго появленія. Мы хотимъ казнить измѣнниковъ, кричатъ стрѣльцы въ отвѣтъ. Они погубили царевича. Замышляютъ извести царскій родъ.... Дайте намъ Нарышкиныхъ, Матвѣева, Долгорукаго, Языкова, Ромодановскаго.

Когда высланные бояре принесли этотъ отвѣтъ, то отецъ Царицынъ, Матвѣевъ, и другіе подали совѣтъ, чтобы царицѣ Наталіи Кирилловнѣ выдти на Красное крыльцо и показать стрѣльцамъ царя и царевича.

Царица, трепещущая отъ страха, взявъ за руки сына и пасынка, въ сопровожденіи Патріарха, бояръ и прочихъ сановниковъ, выходитъ на Красное крыльцо...

„Вотъ Царь Петръ Алексѣевичъ, вотъ Царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ,“ провозглашаютъ громко бояре, пришедшіе съ Царицей, и указываютъ на нихъ стрѣльцамъ, „милостію Божіей они здравствуютъ. Измѣнниковъ въ государевомъ дому нѣтъ. Успокойтесь. Васъ обманули“.

Стрѣльцы подставляютъ лѣстницы, влѣзаютъ на верхъ, на площадку, гдѣ стояло царское семейство имъ на показъ....

Они увидѣли Петра. Петръ увидѣлъ стрѣльцовъ лицомъ къ лицу.

О, еслибъ они могли предчувствовать, какую казнь они готовятъ себѣ отъ руки этого безмолвнаго теперь ребенка, у нихъ вѣрно опустились бы руки мгновенно, они остолбенѣли бы, но нѣтъ, будущее закрыто...

Подступая къ царевичу Іоанну, стрѣльцы спрашиваютъ: „ты ли царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ“? Я, отвѣчаетъ почти обезпамятѣвшій слабый молодой человѣкъ. Ты ли? повторяютъ вопросъ другіе. Я, я!

Русскіе послы разсказывали послѣ въ Голландіи, что ребенокъ Петръ во все это время нисколько не измѣнился въ лицѣ, не показывалъ страха.

Патріархъ хочетъ сойдти внизъ съ крыльца для увѣщанія, но снизу раздается крикъ: не надо намъ совѣтовъ, мы сами знаемъ, что намъ дѣлать; многіе бросились на верхъ мимо его.

Царица, видя ихъ „неуклонную дерзость и злое устремленіе“, удалилась съ сыномъ и царевичемъ Иваномъ во внутренніе покои. Матвѣевъ, нѣкогда любимый начальникъ стрѣльцевъ, которые привезли ему надгробные камни съ отеческихъ могилъ на постройку новаго дома, рѣшается сойдти къ нимъ внизъ за рѣшетку. Ласковымъ голосомъ старается онъ образумить ихъ и усовѣстить, напоминаетъ имъ ихъ прежнюю вѣрную службу, особенно во время Коломенскаго мятежа, которую они теперь помрачаютъ, и объясняетъ имъ, что волнуются они напрасно, вѣря ложнымъ слухамъ, и тревожатъ по пустому царское семейство, совершенно спокойное и безопасное, какъ видѣли и удостовѣрялись они сами своими глазами.

Матвѣевъ совѣтуетъ имъ повиниться и обѣщаетъ выпросить прощеніе у государя. Толковая, ласковая рѣчь подѣйствовала. Передніе стрѣльцы пріутихли. Видно было, что на нихъ находило раздумье. Въ серединѣ послышались толки, споры, переговоры; какъ будто водворялось лучшее настроеніе. Стало тише. Матвѣевъ поспѣшилъ

на верхъ успокоить Царицу, но коноводы, замѣтивъ опасный для нихъ оборотъ дѣла, которое могло кончиться ничѣмъ, даютъ знакъ своимъ повѣреннымъ, чтобъ тѣ бѣжали съ другой стороны на верхъ управиться съ Матвѣевымъ, — а между тѣмъ съ верху выходитъ князь Михаилъ Алексѣевичъ Долгорукій, второй начальникъ стрѣлецкаго приказа. Полагая со словъ Матвѣева, что стрѣльцы смирились, онъ относится къ нимъ съ грубостію: „ступайте по домамъ, здѣсь вамъ дѣлать нечего, полно буянить, все дѣло разберется безъ васъ“.

Этими безвременными угрозами испорчено было хорошее впечатлѣніе, произведенное рѣчью Матвѣева, во многихъ стрѣльцахъ, готовыхъ образумиться, а зачинщики съумѣли воспользоваться неудовольствіями.

Вотъ слышите ли, подхватили они, что ужь говоритъ онъ, бояре всѣ такіе, надѣяться на нихъ нечего, они доканаютъ насъ. Надо раздѣлаться съ нимъ, братцы, — и болѣе дерзкіе, пьяные, вскочили на крыльцо, другіе взбѣжали за ними, схватили Долгорукаго за туловище,— онъ былъ очень тученъ,--сбросили съ крыльца на площадь, восклицая: любо ли? а оставшіеся внизу стрѣльцы приняли его на копья, отвѣчая: любо, любо, и изрубили бердышами. Любо, любо, раздалось въ толпѣ. Это первое убійство послужило какъ будто знакомъ къ началу кровопролитія. „И воздухъ въ тое время“, замѣчаетъ очевидецъ, „премѣнися тихости, и воздвижеся буря велія и облака мрачныя народу вящшій страхъ дѣяша“.

Убійцы, склоня копья, бросились въ покои, куда съ другой стороны набѣжали уже товарищи, подосланные прежде зачинщиками справиться съ Матвѣевымъ. Онъ

стоялъ въ сѣняхъ предъ Грановитой Палатой при царицѣ и ея сынѣ. Стрѣльцы кинулись на него. Царица хотѣла заслонить его собою, но напрасно. Они схватили старика, князь Черкасскій началъ отнимать у нихъ. Завязалась борьба. Кафтанъ на Черкасскомъ былъ весь изодранъ. Наконецъ вырвали они Матвѣева, несмотря на крики царицы, потащили на Красное крыльцо и съ кликами радости бросили на площадь противъ Благовѣщенскаго собора. Товарищи, стоявшіе внизу, приняли его на копья и разрубили на части.

Покончивъ съ Матвѣевымъ и Долгорукимъ, какъ бы не чувствуя ужъ никакой узды, разгорячаясь часъ-отъ-часу, стрѣльцы разсыпались по царскимъ покоямъ искать измѣнниковъ, кого имъ надо.

Бояре попрятались куда кто могъ; патріархъ едва добрался до Успенскаго собора; царица Наталья Кирилловна съ сыномъ отошла въ Грановитую Палату.

Что чувствовалъ этотъ пылкій, воспріимчивый мальчикъ, видя предъ собою любимую мать, дрожащую отъ страха, умоляющую со слезами свирѣпыхъ убійцъ пощадить ея друга и благодѣтеля, старца убѣленнаго сѣдинами, видя предъ собою общее смятеніе, слыша дикіе вопли стрѣльцевъ, предававшихся предъ его глазами всякимъ неистовствамъ! Онъ понималъ, что мать, всѣ родные и близкіе къ нему люди, боятся за его жизнь, какъ и за свою собственную, ибо никто изъ нихъ не могъ предвидѣть, чѣмъ кончится эта кровавая драма. Смерть летала, кажется, надъ всѣми головами. Какія мысли пробѣгали у него въ головѣ, какими чувствами волновалось его сердце?

А что впечатлѣніе было сильно, тому служитъ доказательствомъ вся его жизнь: голова у него тряслась послѣ, при всякомъ особенномъ раздраженіи, и судорогами подергивались его плечи. Образъ буйныхъ стрѣльцевъ, подновленный въ послѣдствіи, запалъ глубоко ему въ душу, и онъ, даже послѣ страшныхъ казней надъ ними, никогда не могъ имени ихъ слышать равнодушно.

Стрѣльцы бѣгали по всѣмъ внутреннимъ комнатамъ, заглядывали въ чуланы, лазили подъ кровати, не оставили и придворныхъ церквей безъ осмотра, проникали въ алтари, искали подъ престолами, подъ жертвенниками. Въ мастерскихъ сѣняхъ увидали они издали шедшаго въ церковь стольника Ѳедора Петровича Салтыкова. Кто-то закричалъ: „Вонъ идетъ Иванъ Нарышкинъ!“ Они накинулись на него, а тотъ несчастный такъ испугался, что не могъ произнести ни одного слова, не могъ даже назвать себя по имени. Они убили и сбросили тѣло внизъ. Тамъ узнали, что это не Нарышкинъ, и послали тѣло къ старому Салтыкову съ извиненіемъ, что сынъ его убитъ по ошибкѣ. „Воля Божья“, промолвилъ старикъ.

Въ церкви Воскресенія на Сѣняхъ встрѣтили стрѣльцы придворнаго карлу, по призванію Хомяка. „Говори, гдѣ спрятались Нарышкины, царицыны братья?“ приступили они къ нему съ вопросами. Онъ указалъ имъ молча на престолъ въ алтарѣ, и они вытащили оттуда Аѳанасія Нарышкина, проволокли за волосы до паперти, тамъ зарубили и сбросили.

Меньшіе его братья съ отцомъ и прочими родственниками, и сынъ Матвѣева, описавшій это страшное событіе, укрылись въ покояхъ младшей царевны Натальи Алексѣевны.

На крыльцѣ между Грановитою Палатой и Благовѣщенскимъ соборомъ убиты: стольникъ Ивановъ, думный дьякъ Ларіоновъ, который былъ посылаемъ прежде ихъ уговаривать, и сынъ его Василій, подполковники Горюшкинъ и Юреневъ.

Между Патріаршимъ дворомъ и Чудовымъ монастыремъ противъ Посольскаго приказа поймали стрѣльцы боярина, князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, схватили его за бороду и потащили къ Разряду. Тамъ подняли вверхъ на копьяхъ, и, опустивъ на землю, изрубили за то, что въ походѣ подъ Чигириномъ онъ былъ къ нимъ строгъ.

Мертвыя тѣла, съ вонзенными въ нихъ копьями, волочили они за ноги въ Спасскія ворота, на Красную площадь и кричали: „Се бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ ѣдетъ, се бояринъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, се думный дьякъ ѣдетъ—давайте дорогу“. Притащивъ трупы къ Лобному мѣсту, рубили ихъ бердышами на куски съ костьми и приговаривали: „Любили величаться, вотъ вамъ и награжденіе“!

Стоявшій кругомъ народъ долженъ былъ выражать свое удовольствіе. Молчавшихъ били, называя измѣнниками.

Кого изъ бояръ и прочихъ лицъ, поименованныхъ въ данномъ имъ спискѣ, не нашли они въ царскихъ палатахъ въ Кремлѣ, тѣхъ пошли искать по дворамъ въ городѣ.

Петръ Ѳомичъ Нарышкинъ застигнутъ былъ въ расплохъ въ домѣ у себя за Москвою-рѣкой, и преданъ мучительной смерти.

Съ особенными усиліями искали стрѣльцы доктора Данилу Фонъ-Гадена, который отравилъ будто покойнаго

Царя Ѳедора. Жилъ онъ около Поганаго пруда, близь Покровки. Они побѣжали туда и взяли его жену беременную, также обыскали домъ его товарища доктора Ивана Гутменша; не найдя никого, оставили его въ покоѣ, но позднѣе пришла другая ватага, а тотъ несчастный со страху ушелъ отъ нихъ на чердакъ, и тамъ спрятался. Стрѣльцы эти нашли его, заподозрили и отвели въ Кремль, вмѣстѣ съ женою Данила, пригрозивъ, что будутъ держать ихъ до тѣхъ поръ, пока найдется Данило, а если онъ не найдется, то они будутъ вмѣсто его казнены.[62]

Желая привлечь къ себѣ крѣпостныхъ людей, чтобы они не поднялись со своими господами, и не помѣшали хозяйничать въ городѣ, отряды стрѣльцевъ отправились въ Судный и Холопій приказы, разломали тамъ сундуки съ бумагами, передрали крѣпостныя книги и повыкидали въ окна. „Мы сами уставимъ правду“, кричали они, ходя потомъ по улицамъ, забѣгая на боярскіе дворы, объявляя всюду, что всѣ кабалы уничтожены.[63]

Къ вечеру наконецъ стрѣльцы утомились, проведя цѣлый день на ногахъ, въ безпрестанныхъ поискахъ и тревогахъ. Они разставили въ Кремлѣ у всѣхъ воротъ крѣпкіе караулы, со строгимъ запретомъ, чтобы никого ни впускать туда, ни выпускать оттуда, и отправились домой въ свои слободы съ криками „до завтра!“ Караулы поставлены были также въ Китаѣ и Бѣломъ Городѣ. Разсыпавшись по улицамъ, на возвратномъ пути заходили въ дома и требовали угощенія. Никто не смѣлъ ни въ чемъ имъ поперечить или отказывать; пьяные и разгоряченные, они кололи людей и лошадей, и на всѣхъ нагоняли ужасъ.[64]

Мертвая тишина воцарилась въ Кремлѣ, замѣнивъ шумъ, гамъ, громъ, раздававшіеся въ продолженіи всего дня. Лишь только караульные сторожа перекликались между собою, да часы на Спасскихъ воротахъ глухимъ и протяжнымъ своимъ звономъ оглашали уснувшую окрестность.

Царскія палаты остались въ тѣсной осадѣ.

Страшную ночь провели тамъ плѣнники, и едва ли кто изъ нихъ могъ вскорѣ сомкнуть глаза. Увидя себя однихъ, они образумились, нашли языкъ. Воспоминанія о прошедшемъ днѣ переходили изъ устъ въ уста со всѣми ужасными подробностями. Вопросы, безъ сомнѣнія, слѣдовали одни за другими. Отчего, зачѣмъ, какъ поднялись стрѣльцы, и что было на площади, что было на Лобномъ мѣстѣ, въ городѣ? Что сталось съ родными, присными людьми? Кто и какъ погибъ, кто спасся? Отецъ Царицынъ, старшій братъ и меньшіе братья, успѣли, кажется, спрятаться: объ ихъ смерти ничего не слышно, но уцѣлѣютъ ли они завтра? Неизвѣстность и страхъ мучили всѣхъ. Вѣрныхъ свѣдѣній получить было невозможно! Страшно было и спрашивать и отвѣчать, чтобъ не подать повода кому-нибудь къ открытію, чтобъ не подвергнуть дорогихъ людей лишнимъ опасностямъ; никакихъ совѣтовъ ни отъ кого ожидать нельзя. Что будетъ завтра? О, если возобновятся страданія и муки! Какія потребуются еще жертвы?

Усталость взяла наконецъ свое. Несчастные уснули. Какіе сны видѣлись имъ при воспоминаніи о прошедшихъ и въ ожиданіи будущихъ истязаній! Петръ вздрагивалъ, вѣроятно, часто въ объятіяхъ своей матери.

Разсвѣтало. Плѣнники проснулись для новыхъ страстей. Стрѣльцы явились рано опять въ полномъ вооруженіи съ барабаннымъ боемъ, и, пришедъ къ Золотой рѣшеткѣ у самыхъ царскихъ покоевъ, съ крикомъ начали требовать Ивана Нарышкина, думнаго дьяка Аверкія Кириллова, дохтуровъ Степана жида да Яна.

Кирилловъ былъ выданъ имъ, также докторъ Янъ (Иванъ Гутменшъ). Царевны выходили уговаривать ихъ и упрашивать, но напрасно: они твердили свое. Только беременную жену доктора Данила, приведенную наканунѣ, удалось спасти молодой царицѣ Маѳѣ Матвѣевнѣ. Прочіе были убиты.

Потомъ побѣжали на Патріаршій дворъ, приступали не только къ служителямъ, но и къ самому Патріарху, грозя копьями и бердышами, чтобъ онъ выдалъ измѣнниковъ, у него схоронившихся, обыскали погреба и подмостья, ошарили сундуки и постели, и, не найдя ничего, пришли опять къ нему выборомъ и требовали непремѣнно выдачи. Патріархъ, облаченный въ омофоръ, отвѣчалъ, что въ домѣ у него никакихъ измѣнниковъ нѣтъ, а самъ онъ умереть готовъ.[65]

Одна толпа отправилась еще прежде къ Датскому резиденту, услышавъ отъ кого-то, что докторъ съ сыномъ у него укрываются. «Стрѣльцы, на разсвѣтѣ, 16-го мая», разсказываетъ онъ самъ, „явились въ домъ мой съ окольничимъ Хлоповымъ и требовали выдачи. Я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ никого, и напоминалъ имъ о своемъ званіи. Не слушая ничего, они принялись обыскивать домъ, и грозили убить меня, имущество взять въ казну, если кто-нибудь найдется въ домѣ.... въ эту минуту къ окольничему

приносится извѣстіе, что докторовъ сынъ пойманъ на улицѣ переодѣтый, а самъ онъ бѣжалъ, и за нимъ погоня. Стрѣльцы бросились вонъ, но чрезъ часъ пріѣхалъ ко мнѣ капитанъ съ 50-ю стрѣльцами взять меня во дворецъ для очной ставки съ докторскимъ сыномъ, который показалъ будто, что отецъ его спрятанъ у меня. Мы отправились; Кремлевскія ворота намъ отворили и тотчасъ за нами заперли. На встрѣчу намъ показался вскорѣ отрядъ стрѣльцовъ, тащившихъ изуродованный трупъ докторова сына. Капитанъ, шедшій подлѣ моей лошади, сказалъ: вотъ докторовъ сынъ, съ кѣмъ же давать очную ставку. Мы подъѣзжали между тѣмъ къ площади, усыпанной вооруженными стрѣльцами. Увидя меня, они ударили въ барабаны и зазвонили въ колокола. Это служило у нихъ обыкновенно знакомъ къ побіенію. Мои провожатые закричали: это посланникъ! Меня пропустили, я подъѣхалъ къ крыльцу и поднялся на площадку, гдѣ увидѣлъ царицу Марѳу Матвѣевну, царевну Софію Алексѣевну и нѣсколько бояръ. Мнѣ хотѣлось пробраться къ нимъ, но шедшіе за мною стрѣльцы меня остановили; народу было тамъ множество, хоть по головамъ ходи. Въ это время вошелъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, и спросилъ у стрѣльцовъ: оставлять ли царицу Наталію Кирилловну во дворцѣ. Не надо, отвѣчали они. Хованскій оглянулся въ мою сторону, увидалъ меня въ лицо, и спросилъ съ удивленіемъ: зачѣмъ ты здѣсь Иванъ Андреевичъ,—такъ звали меня при дворѣ. Я указалъ на приведшихъ меня стрѣльцовъ; онъ подошелъ къ Царицѣ и Царевнѣ, сказалъ имъ нѣсколько словъ, которыхъ я не могъ разслыхать. Царевна сдѣлала знакъ, чтобъ я скорѣе шелъ вонъ, а Хованскій

Иванъ Андреевичъ Хованскій, въ иноземскій Рейтарскій и Пушкарскій бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, въ Судный стольникъ князь Андрей Ивановичъ Хованскій и пр.[70]

Кто сдѣлалъ эти распоряженія?

Одно это назначеніе среди общаго смятенія показываетъ, что власть захвачена была въ свои руки партіей Софіи, которая и по свидѣтельству Датскаго резидента является впереди на первомъ планѣ.

На третій день, во вторникъ, 17-го мая, пришли стрѣльцы въ Кремль также съ барабаннымъ боемъ, обступили кругомъ царскій дворъ, многіе вбѣжали прямо на Постельное крыльцо и требовали настоятельно Ивана Нарышкина. Всѣмъ служителямъ грозили смертью, если не отыщутъ его, и твердили, что не выйдутъ изъ Кремля до тѣхъ поръ, пока не получатъ его въ свои руки. Партія видно боялась оставить его въ живыхъ, опасаясь его характера или способностей, чтобъ не получилъ онъ со временемъ возможности отмстить за зло, содѣянное его семейству.

Дѣлать было нечего. Дольше беречь было не возможно. Стрѣльцы принимали болѣе и болѣе грозное положеніе. Должно было опасаться отъ нихъ всякихъ неистовствъ. Царица Наталья Кирилловна привела брата въ церковь къ Спасу за Золотою рѣшеткой. Тамъ онъ, приготовляясь къ близкой смерти, пріобщился Стятыхъ Таинъ и помазался елеемъ. Царевна Софія Алексѣевна, принимая на себя печальный видъ, сказала ему, что „великая необходимая нужда требуетъ отдаться стрѣльцамъ“. Нарышкинъ отвѣчалъ: „я иду на смерть, лишь бы моей невинной кровью утолились мои ненавистники“, и „оборотясь прости-

тельнымъ цѣлованіемъ поклонъ свой отдалъ". Софія, съ притворнымъ участіемъ, подала Царицѣ образъ Божіей Матери надѣть на брата: „Можетъ быть стрѣльцы устыдятся святаго образа и отпустятъ его".

Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, человѣкъ добрый, но торопливый и робкій, который тутъ случился, видя длинные проводы, подошелъ къ Царицѣ и сказалъ: „сколько вамъ, государыня, братани держать, а отдать его надо будетъ" и потомъ, оборотясь къ Нарышкину, сказалъ: „иди скорѣе, Иванъ Кириловичъ, не погибать же намъ всѣмъ здѣсь изъ-за тебя".[71]

Царица вывела его до порога къ Золотой рѣшеткѣ, за которой стрѣльцы дожидались его, какъ вороны крови; они схватили его, осыпая скверными словами и всякими ругательствами, потащили предъ ея глазами за ноги по лѣстницѣ, а потомъ по площади къ Константиновскому застѣнку. Его начали мучительски пытать. Нарышкинъ стиснулъ зубы и не произнесъ ни одного слова на всѣ ихъ вопросы. Туда же приведенъ былъ тогда докторъ Данило, пойманный въ нищенскомъ платьѣ, въ лаптяхъ, съ котомкой за плечами; бѣжавши за городъ, онъ скрывался въ лѣсу двое сутокъ и проголодался, воротился въ городъ попросить хлѣба у пріятеля въ Нѣмецкой слободѣ, былъ узнанъ и приведенъ въ застѣнокъ. Данило, среди пытокъ, просилъ срока трехъ дней, обѣщаясь назвать тѣхъ, которые заслужили смерть больше, чѣмъ онъ. Слова его записывались, но другіе закричали „что его слушать", разорвали запись, и потащили вмѣстѣ съ Нарышкинымъ изъ Кремля на Красную площадь, подняли обоихъ на копьяхъ вверхъ, и потомъ, опустя внизъ, отсѣкли имъ

руки и ноги, изрубили тѣла на мелкія части, и ногами своими смѣшали съ грязью.[72]

Иваномъ Нарышкинымъ и докторомъ Даниломъ кончились убійства. Тѣла убитыхъ съ перваго дня лежали на площади. 17-го мая было объявлено, что желающіе могутъ погребать ихъ. Вѣрный Арапъ боярина Матвѣева пришелъ съ простынею на площадь, и собралъ изуродованные останки своего господина; онъ отнесъ ихъ въ свою приходскую церковь Св. Николы въ Столпахъ, гдѣ оно было отпѣто и предано землѣ *.

18-го числа приходили во дворецъ изъ всѣхъ стрѣлецкихъ приказовъ выборные люди, безъ оружія, и били челомъ государю, чтобъ онъ велѣлъ отца Царицы Кирилла Полуехтовича Нарышкина постричь въ монахи. Старикъ тотчасъ отведенъ былъ въ Чудовъ монастырь, постриженъ подъ именемъ Кипріана, и на простой телѣгѣ отвезенъ подъ крѣпкое содержаніе въ Кирилловъ монастырь на Бѣло-озеро.

Меньшіе его сыновья: Левъ, Мартемьянъ и Ѳедоръ, успѣли уйдти изъ Москвы въ людскомъ сѣромъ платьѣ, подъ охраною вѣрныхъ слугъ своихъ, и укрылись въ дальныхъ мѣстахъ, также какъ и нѣкоторые изъ ихъ родственниковъ. Молодой Матвѣевъ выведенъ былъ изъ дворца въ платьѣ стряпчаго конюха любимымъ и вѣрнымъ Царю Петру карлою Комаромъ. Онъ велѣлъ молодому человѣку идти за собою смѣло по Свѣтлишной лѣстницѣ

---

* Надъ могилою боярина Матвѣева, его супруги и сына, правнукъ ихъ, графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, поставилъ усыпальницу, въ коей вмѣстѣ съ господами погребенъ и вѣрный ихъ слуга Арапъ Иванъ.

за ворота. Тамъ сѣлъ онъ самъ на лошадь, а Матвѣевъ долженъ былъ провожать его. Такъ миновали они Кремль, и изъ Бѣлаго города вышли чрезъ Смоленскія ворота, въ коихъ крѣпкіе караулы его признать не могли. Онъ былъ переданъ священнику церкви Сошествія Святаго Духа съ указомъ царицы Наталіи Кирилловны беречь его въ тайнѣ, а тотъ передалъ его родственнику своему стремянному конюху Кириллѣ Суворову, у котораго въ простомъ платьѣ жилъ онъ нѣсколько времени подъ именемъ Кондратья, и потомъ скитался по разнымъ мѣстамъ, пока водворилось спокойствіе.[73]

Дѣтская душа Петрова въ продолженіи этихъ несчастныхъ трехъ дней получила такія глубокія впечатлѣнія, дѣтское сердце испытало такія сильныя ощущенія, прирожденныя страсти вызвались къ жизни съ такою силой, что онъ навсегда, кажется, остался подъ вліяніемъ этой грозы, пронесшейся надъ его головою, и многія позднѣйшія дѣйствія его носятъ явные слѣды потрясенія, произведеннаго ею во всемъ умственномъ и тѣлесномъ его организмѣ.

Не успѣла Царица Наталья Кирилловна съ молодымъ царемъ и уцѣлѣвшими друзьями опомниться послѣ трехдневныхъ тревогъ и опасностей, не успѣли они оплакать свои горестныя потери и узнать объ нихъ всѣ ужасныя подробности, какъ огласилось, что въ послѣдній день кровопролитія смѣнены были всѣ начальники приказовъ, имъ преданные, и установилось новое управленіе. Кто же такъ распорядился? Какая участь ихъ ожидаетъ? Что будетъ дальше? При чемъ они останутся?

Черезъ три дня, мая 20-го, стрѣльцы бьютъ челомъ, чтобъ государь указалъ сослать въ ссылку братьевъ Лихачевыхъ, остальныхъ Нарышкиныхъ, молодаго Матвѣева, и нѣкоторыхъ другихъ приверженцевъ Петровой стороны изъ дьяковъ и думныхъ дворянъ.

Чрезъ недѣлю, мая 26-го, стрѣльцы, собравъ между собою подписку, предъявляютъ требованіе, чтобъ старшій Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ Алексѣевичемъ, который долженъ при немъ считаться вторымъ, — угрожая, если это не будетъ исполнено, придти опять въ Кремль съ оружіемъ и учинить мятежъ велій.[74]

Созываются чины государственные. Патріархъ предъявляетъ грозное требованіе стрѣльцевъ. Всѣ считаютъ необходимостію согласиться, и Патріархъ въ Успенскомъ соборѣ совершаетъ тотчасъ торжественное молебствіе о двухъ нареченныхъ Царяхъ.

Бояре и дьяки, державшіе сторону Петра, присягаютъ по неволѣ второму Царю, опасаясь возобновленія страшныхъ явленій 15-го мая.[75]

По крайней мѣрѣ Петръ оставленъ былъ на престолѣ; самые отчаянные враги, при всемъ своемъ озлобленіи, не осмѣливались видно думать о нарушеніи признаннаго права, о посягательствѣ на царскій родъ, который считался въ общемъ народномъ мнѣніи священнымъ и неприкосновеннымъ. Можетъ быть, и значительность его партіи, количество его приверженцевъ, внушало опасенія раздражать ихъ и доводить до крайностей.

Еще чрезъ недѣлю стрѣльцы объявляютъ чрезъ своего новаго начальника, князя Хованскаго, чтобъ Царевна

Софія Алексѣевна приняла на себя управленіе государствомъ по причинѣ малолѣтства ея братьевъ. По усиленнымъ просьбамъ всѣхъ чиновъ, она изъявляетъ согласіе, и во всѣ города тотчасъ разсылаются извѣстительныя грамоты съ примѣромъ изъ Римской Исторіи, гдѣ, по кончинѣ императора Ѳеодосія, въ малолѣтство сыновей его, Аркадія и Гонорія, управляла имперіей сестра ихъ Пульхерія.[76]

Такимъ образомъ Царевна Софія сдѣлалась правительницей государства.

Царевна Софія—правительница государства! Вотъ, что было конечною цѣлью стрѣлецкаго бунта, вотъ къ чему ведены были видно всѣ дѣйствія, вотъ для чего совершены убійства: отстранить Царицу Наталію Кирилловну съ Нарышкиными и предоставить правленіе Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ съ Милославскими.

Она, слѣдовательно, вмѣстѣ съ своими родственниками, была зачинщицею злаго дѣла, руководительницею стрѣльцевъ, которые, обманутые, служили ей только слѣпыми орудіями. Весь ходъ дѣла со всѣми оборотами и извилинами освѣтился предъ глазами низложенной партіи.

Правительница, принявъ власть въ свои руки, наградила стрѣльцовъ щедро: она велѣла выдать имъ по 10 рублей на человѣка, увеличила ихъ жалованье, предоставила многія преимущества и позволила выборнымъ входить въ ея покои по всѣмъ дѣламъ безпрепятственно.[77]

Стрѣльцы пожелали, чтобъ дано имъ было названіе надворной пѣхоты, и чтобъ въ признательность за сослуженную ими службу поставленъ былъ памятникъ на Красной площади съ объясненіемъ, за какія вины измѣнники были ими наказаны.[78]

Полковники Циклѐръ и Озеровъ, по приказанію Царевны, съ великимъ поспѣшеніемъ воздвигли на томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивалась стрѣлецкая расправа, высокій каменный столбъ; къ подножію его прибиты были по четыремъ сторонамъ жестяныя доски, гдѣ предались вѣковому позору имена Матвѣева, Нарышкиныхъ, Долгорукихъ, Ромодановскаго, Языкова и прочихъ жертвъ стрѣлецкаго бунта.

Страшно было царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ 15-го мая видѣть предъ собою ружья, копья и бердыши, трепетать за жизнь своего сына, отца, братьевъ, друзей, но не легко ей было и теперь слышать всякій день о новыхъ постановленіяхъ, коими предавалась поруганію, на вѣки вѣковъ, ихъ дорогая для нея память,— объ новыхъ распоряженіяхъ, коими собственная судьба ея, судьба дорогаго сына, окружалась опасностями, становилась неизвѣстною.

Каждое такое распоряженіе подавало поводъ въ ея кругу къ многоразличнымъ толкамъ, пропитаннымъ разумѣется злобою, ненавистью, жаждою мести. Десятилѣтный, значительно уже развившійся мальчикъ, Петръ, все это слушалъ, все принималъ къ сердцу, и оно глубоко врѣзывалось ему въ памяти. Если онъ насмотрѣлся всякихъ неистовствъ въ прошедшіе дни, то теперь онъ безпрестанно наслушивался всякаго худа, и нравственное развитіе его повреждалось, въ сердце западали безпрестанно сѣмена недобрыя.

Ученье, какое нибудь, однакожъ не прерывалось. По крайней мѣрѣ извѣстно, что іюня 7, 1682 года „въ хоромы 5 аршинъ отласу червчетого принялъ стольникъ Тихонъ Никитичъ, сынъ Стрѣшневъ, а сказалъ, что тѣмъ отласомъ обивать налой, на которомъ учитца государь грамотѣ.“[79]

Неуспѣла пронестись одна туча надъ Москвою, какъ зачернѣлась другая.[80] Противники Никоновыхъ исправленій въ богослужебныхъ книгахъ, такъ названные тогда раскольники, держались упорно въ своихъ мнѣніяхъ, несмотря ни на какіе соборы и казни, которые ихъ только что ожесточали. Узнавъ о московской неурядицѣ, о слабости правленія при Ѳедорѣ и о раздорахъ въ царскомъ семействѣ по его кончинѣ, они сочли это время благопріятнымъ для исполненія своихъ замысловъ, показались въ городѣ, и начали смѣлѣе осуждать душевредныя, пагубныя новшества, возбуждать участіе въ народѣ къ замолкнувшимъ толкамъ о вѣрѣ. Короткое знакомство съ духовною письменностію и церковнымъ уставомъ, строгость въ исполненіи всѣхъ обрядовъ, наружная, можетъ быть, святость возвышали ихъ въ глазахъ набожной толпы. Собственное твердое убѣжденіе въ правотѣ и непогрѣшимости сообщало силу ихъ рѣчи и привлекало довѣренность. Разсказы о страшныхъ казняхъ, которымъ подверглись отцы Соловецкіе и первые обличители—Аввакумъ, Лазарь, Епифаній, Ѳедоръ, не задолго предъ тѣмъ сожженные въ Пустозерскѣ, умиляли сердца слушателей, и внушали почтеніе къ ихъ вѣрнымъ послѣдователямъ.

Въ народѣ усиливалось опасеніе подвергнуться наказаніямъ на страшномъ судѣ Божіемъ, наравнѣ съ еретиками, за нарушеніе священныхъ преданій старины и за принятіе нововведеній, въ которыхъ вмѣстѣ съ буквенными измѣненіями усматривалось поврежденіе главныхъ основаній вѣры.

Многіе грамотѣи, сами знавшіе твердо подробности богослуженія, чувствуя разстройство во всемъ своемъ ду-

ховномъ организмѣ, съ тѣхъ поръ, какъ до ихъ слуха стало доходить хотя малѣйшее измѣненіе въ словахъ той или другой молитвы, приставали охотно къ новымъ проповѣдникамъ, соотвѣтствовавшимъ ихъ собственному настроенію.

Между боярами, ихъ женами, торговыми и посадскими людьми, не говоря уже о духовенствѣ, держалось много тайныхъ приверженцевъ раскола.

Но всего важнѣе для раскольниковъ было привлечь на свою сторону стрѣльцовъ, которые стали тогда главною силой въ городѣ, и могли дѣлать, что имъ угодно. Съ ихъ помощію раскольники надѣялись твердо достигнуть своей цѣли—„въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную христіанскую вѣру возобновити, въ ней же Россійскіе чудотворцы Богу угодили, и прежніе Великіе князи, благовѣрные Цари и святѣйшіе Патріархи до настанія Никонова патріаршества пребывали“. Между стрѣльцами были также, какъ и въ прочихъ сословіяхъ, ревнители „стараго благочестія“, а главное самъ начальникъ Стрѣлецкаго приказа, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, былъ втайнѣ жаркимъ послѣдователемъ протопопа Аввакума, который въ его домѣ находилъ себѣ даже убѣжище во время перваго розыска. Подъ покровительствомъ князя Хованскаго раскольникамъ удобно было распространять свои толки въ слободахъ и заготовлять себѣ новыхъ сообщниковъ между стрѣльцами.

На третій день послѣ Кремлевскаго погрома, когда еще дымилась кровь, пролитая на Красной площади, стрѣльцы, по свидѣтельству современника, начали совѣтоваться въ Титовомъ приказѣ, гдѣ ихъ образовалось гнѣздо, какъ приступить къ дѣлу.[80] Положено было написать челобитную

въ родѣ Соловецкой, отъ лица всѣхъ полковъ и черно-слободцевъ съ настоятельнымъ требованіемъ отвѣта отъ властей: „за что они старыя книги, которыя печатаны при благовѣрныхъ Князехъ и Царехъ и пяти Россійскихъ Патріархахъ, возненавидѣли, и возлюбили новую Латино-Римскую вѣру по своей волѣ, а не по Божіей сотворенную“. Челобитную сочинилъ, обще съ нѣсколькими черно-слободцами, уважаемый раскольниками инокъ Сергій, „твердый адамантъ, искусный въ ученіи“. Когда она была прочтена въ собраніи стрѣльцевъ, стрѣльцы заплакали и удивились, какъ могли такія страшныя ереси попасть въ новыя книги. Безъ всякихъ разсужденій, не входя ни въ какія тонкости, они взяли себѣ на умъ только то, что истинная вѣра подвергается гоненію. „Не дайте же насъ, братіе, въ поруганіе по прежнему, не позвольте мучить и жечь“, воскликнулъ Сергій въ собраніи. „Мы, отче, рады проліять кровь за старое благочестіе“, отвѣчалъ одинъ пятисотенный. Всѣ обѣщались единогласно постоять за православную вѣру: „за тлѣнное было головы своиположили, а за Христа-свѣта для чего не умереть“.

Въ челобитной была выражена вмѣстѣ и просьба къ Царямъ и Патріарху, чтобъ было назначено общенародное преніе о спорныхъ вопросахъ на Красной площади, или между соборами. На преніи раскольники настаивали преимущественно потому, что, ослѣпленные, были твердо увѣрены въ своей побѣдѣ, и надѣялись ею привлечь къ себѣ весь народъ.

Князь Хованскій, освѣдомленный объ этихъ рѣшеніяхъ, былъ очень радъ, выразилъ полное свое согласіе съ ними, и въ доказательство крестился предъ пришедшими къ

нему отцами по старому, двумя перстами, читалъ въ символѣ вѣры: и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго и проч. Онъ обѣщалъ свое содѣйствіе и пожелалъ познакомиться со всѣми готовыми борцами.

Когда Сергій приведенъ былъ къ князю Хованскому, то онъ, поговоривъ, однакожъ замѣтилъ: „вижу тя инока, отче, смиренна и тиха и немногословна, и не будетъ тя съ таковое великое дѣло; надобно противъ ихъ ученому человѣку отвѣтъ держать“.

Среди общаго совѣта, кого избрать предводителемъ или запѣваломъ на предлежащихъ состязаніяхъ, произнесено было имя Суздальскаго соборнаго попа Никиты, извѣстнаго у противной стороны подъ именемъ Пустосвята. Хованскій обрадовался: „ну вотъ этотъ уста имъ заградитъ“, сказалъ онъ, „знаю я того священника гораздо; противу него имъ нечего говорить; и прежде ни единъ отъ нихъ противу его не могъ стоять: всѣ попадали, какъ листвіе“.

Рѣшено приступить къ дѣлу немедленно, созвавъ извѣстныхъ знатоковъ и совопросниковъ Священнаго Писанія и всѣхъ дѣлъ церковныхъ.

Надѣясь на покровительство, самозванные учители ходили по площадямъ и по улицамъ, и учили, чтобъ люди не ходили въ церковь оскверненную, креста четвероконечнаго не почитали, —это печать антихристова, —иконамъ новописаннымъ не поклонялись, и молитвъ отъ священниковъ не принимали, а слушающіе ихъ погибнутъ въ мукахъ вѣчныхъ. Народъ внималъ проповѣдникамъ со страхомъ и трепетомъ, и страшился дѣйствительно погубить душу.

День царскаго вѣнчанія назначенъ былъ 25-го іюня, для двухъ Царей, Ивана и Петра, съ цѣлію утвердить скорѣе вновь образовавшееся правительство.

На Верху кипѣла разнообразная дѣятельность: Царевна—правительница намѣревалась явиться во всемъ великолѣпіи. Сочинялся чинъ вѣнчанія на царство, какого не бывало никогда, для двухъ Царей: изготовлялись всѣ царскія утвари вдвойнѣ: вѣнцы, державы, скипетры; собиралось и изукрашалось новое одѣяніе съ кружевами и позументами, строились особыя сѣдалища, отдѣлывались всѣ принадлежности. Въ Мастерской палатѣ мастера, свои и чужеземные, кроили, шили, ковали, вырѣзывали, отъ ранняго утра до поздняго вечера. Бояре и стряпчіе наблюдали за работами неусыпно.

Раскольники хотѣли непремѣнно представить Царямъ свою челобитную наканунѣ ихъ вѣнчанія. Князь Хованскій совѣтывалъ отложить такое намѣреніе, какъ несвоевременное, но они настояли. „Статочное ли дѣло“, твердилъ Сергій, „Патріархъ будетъ служить литургію по новому требнику, а не по старому, блаженныя памяти Патріарха Филарета Никитича: таинство причастія совершитъ онъ на пяти просфорахъ съ латинскимъ крыжомъ, а не на семи съ крестомъ истиннымъ, и во время вѣнчанія велитъ Царямъ стоять неизмѣнно за вѣру новую“? „Да вѣдь онъ не кабалу съ нихъ возьметъ“, возражалъ князь Хованскій, „Цари могутъ де въ послѣдствіи измѣнить свое обѣщаніе“. Ничто не помогало. Старики стояли крѣпко на своемъ, чтобъ идти завтра же въ Кремль, если нельзя уже никакъ отложить вѣнчанія до другаго воскресенья. Къ нимъ прибылъ тогда же изъ Волоколамскаго извѣстный между ними инокъ Савватій.

23-го іюня, въ пятницу, рано утромъ отправились они торжественнымъ ходомъ въ Кремль изъ-за Яузы. Никита несъ святый крестъ, Сергій, сочинитель челобитной,— Евангеліе, Савватій—картину Страшнаго Суда. Народъ съ благоговѣніемъ шелъ за ними и шепталъ про себя святыя молитвы: Господи помилуй, Господи помилуй.... Отче нашъ, не введи насъ въ искушеніе, но избави отъ напасти.

Пришедъ въ Кремль, они остановились у Краснаго крыльца, и дали знать о себѣ князю Хованскому, который велѣлъ отвести ихъ въ Отвѣтную Палату; тамъ, по чинномъ объясненіи съ ними о причинѣ ихъ прихода, онъ взялъ у нихъ челобитную, и отнесъ на Верхъ къ великимъ государямъ.

Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ князь Хованскій сообщилъ отвѣтъ, что „великіе государи назначаютъ общенародное преніе чрезъ три дня, въ среду, ибо это дѣло великое, на которое понадобится много времени: нужно де книги освидѣтельствовать“.

— А какъ же Цари вѣнчаться будутъ? спросилъ неугомонный Никита.—„По старому“ повторилъ обѣщаніе Хованскій, „закажи самъ испечь просфоры съ прежнимъ крестомъ; я поднесу ихъ Патріарху, и велю служить по старому. Да и ты, отецъ Никита, приходи туда“. Старцы успокоились. Никита поспѣшилъ къ одной благочестивой знакомой ему, вдовицѣ заказывать нужныя просфоры на утро.

Поутру, въ субботу 24-го числа, пришли еще изъ Волоколамскихъ пустынь знаменитые начетчики: отецъ Дорофей, Савватій и Гавріилъ, за которыми посланъ былъ Савва Бѣлевскій.

Царевичь Татарскій, посадскій человѣкъ Ярославецъ Иванъ Бизяевъ, Московскій дворянинъ Михаилъ Вешняковъ съ сыномъ, бывшимъ полковникомъ, Матвѣемъ Вешняковымъ, навлекаютъ на себя подозрѣніе. Ихъ пытаютъ. Они сознаются и наказываются смертію, (въ іюлѣ мѣсяцѣ).[81]

Стрѣльцы продолжали буйствовать; никто не смѣлъ имъ поперечить; они искали долговъ своихъ, справедливыхъ и несправедливыхъ, мучили мнимыхъ должниковъ и мстили за старыя обиды на правежахъ по произволенію.

Старый полковникъ, Степанъ Яновъ, человѣкъ заслуженный и достойный по всѣмъ отзывамъ, вытребывается ими съ далекой службы, по давнимъ на него неудовольствіямъ за строгость, подвергается мучительной пыткѣ въ Константиновскомъ застѣнкѣ, и потомъ позорной казни на Красной площади, предъ вновь поставленнымъ стрѣлецкимъ памятникомъ.

Новые начальники, князь Хованскій съ сыномъ, смотрѣли сквозь пальцы на ихъ убійства, неистовства, попускали всякія злоупотребленія, брали всегда ихъ сторону, потакали, подъ благовиднымъ предлогомъ, какъ будто опасаясь раздражить ихъ и желая успокоить, не допустить до крайностей.

Молодыхъ Царей нужно было держать вмѣстѣ, въ ожиданіи всякихъ превратностей, и Петръ, посаженный какъ бы въ клѣтку, оторванный отъ любимыхъ занятій, долженъ былъ желать возвращенія къ нимъ тѣмъ сильнѣе, любить ихъ больше и больше.

Благовѣщенскаго собора—производили въ душѣ десятилѣтнаго Петра иныя впечатлѣнія, чѣмъ тѣ, кои получилъ онъ за мѣсяцъ предъ тѣмъ, во время стрѣлецкаго бунта,—о могуществѣ, неограниченной волѣ, самодержавіи Русскаго Царя.

А какъ произошло царское вѣнчаніе,—по старому, или новому? Увы, Никита Пустосвятъ, неся въ кулечкѣ испеченныя благочестивой вдовицей просфоры, никакъ не могъ продраться сквозь тѣсныя толпы народа, покрывавшаго площадь, съ своею драгоцѣнною ношей, никакъ не могъ достигнуть святыхъ воротъ Успенскаго собора. Съ глубокой скорбію, выбившись изъ силъ, воротился онъ къ единомышленникамъ, и, кладя кулечекъ на столъ, объявилъ, къ общему горю, о своей роковой неудачѣ, „никоими мѣры не допустилъ народъ до соборныя церкви, и я просфоры назадъ принесъ“.

Два дня на Верху прошли въ жалованіяхъ, угощеніяхъ, принесеніи даровъ боярами, окольничими, людьми думными, гостями, гостинною и суконною сотней и дворцовыхъ слободъ торговыми людьми.

На третій старики, согласно обѣщанію князя Хованскаго, рѣшились требовать настоятельно торжественнаго пренія о вѣрѣ, на Лобномъ мѣстѣ, предъ всѣмъ народомъ, и принудить къ тому Патріарха даже силою, надѣясь на помощь стрѣльцовъ, изъ которыхъ одни подписались подъ челобитною, другіе изустно обѣщались стоять съ ними заодно.

5-го іюля Никита Пустосвятъ, отслуживъ молебенъ въ полку Титовѣ, отправился съ своими въ Кремль, со-

которая доставила ему въ народѣ прозваніе Тараруя, могла подать на Верху поводъ къ опасеніямъ, чтобъ онъ когда-либо въ жару или въ сердцахъ не проговорился, или не употребилъ во зло того, что̀ знаетъ о происхожденіи стрѣлецкаго бунта и виновникахъ кровопролитія; могли случиться даже пререканія между правительницею и Хованскимъ по поводу его явнаго согласія съ раскольниками; могъ онъ дать ей самой замѣтить по какому-нибудь случаю, какъ боярамъ въ Думѣ, что у него есть въ запасѣ оружіе противъ нея; могъ онъ еще яснѣе въ своемъ кругу выразиться, что знаетъ тайны или что-нибудь въ такомъ родѣ, которое могло донестись до ушей виноватой правительницы и внушить ей мысль, что отъ него, въ избѣжаніе хлопотъ, слѣдуетъ избавиться такъ или иначе. Къ тому же разнесся слухъ, что старшій сынъ его, князь Андрей Ивановичъ, хвалясь королевскимъ своимъ происхожденіемъ отъ Литовскаго Гедимина, замышляетъ о бракѣ съ одною изъ Царевенъ, а именно съ Екатериною Алексѣевной, и о присвоеніи себѣ верховной власти въ надеждѣ на стрѣльцовъ. Ни Царямъ, ни Царевнѣ тогда не сдобровать. Слухъ этотъ долженъ былъ имѣть какое-нибудь основаніе; онъ хваталъ за живое и побуждалъ думать о собственной безопасности.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ должно присоединить еще ссору, тотчасъ по укрощеніи стрѣлецкихъ бунтовъ, возникшую случайно или изъ ревности, между старикомъ Хованскимъ и извѣстнымъ уже намъ знаменитымъ кователемъ козней, бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ, вслѣдствіе которой стрѣльцы, слышно было, сбирались даже убить его по навѣтамъ Хованскаго.

Милославскій, обуянный страхомъ, пишетъ современникъ, бѣгалъ изъ одной своей подмосковной въ другую и скрывался въ норахъ, какъ подземный кротъ; наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, улучивъ благопріятное время, спѣшилъ покончить съ нимъ, какъ прежде съ Матвѣевымъ. Вооруженный своими ядовитыми стрѣлами, которыхъ видно былъ неистощимый запасъ въ его колчанѣ, онъ является къ Царевнѣ Софіи, указываетъ опасности, ей угрожающія, связываетъ искусно извѣстныя данныя, предлагаетъ объясненія: „Вотъ чего хотятъ Хованскіе! Это ясно. Они сами говорятъ.... стрѣльцы въ ихъ власти. Цари— одинъ больной, другой малолѣтный; съ ними управиться недолго... Сынъ женится на твоей сестрѣ, и вѣнчается царскимъ вѣнцомъ, а вы всѣ по монастырямъ или въ заточеніе...“

Доводы Милославскаго казались правдоподобными: Софія испугалась той участи, которую готовила Нарышкинымъ, и, подготовленная собственными разсужденіями, склонилась на его убѣжденія. Судьба Хованскихъ была рѣшена.

Милославскій сочиняетъ планъ, какъ избавиться отъ общаго врага, и исполненіе начинается въ той же глубокой тайнѣ, какою былъ покрытъ заговоръ 15-го мая.

19-го августа, въ день Донской Божіей Матери, царское семейство не приняло участія въ крестномъ ходѣ. Значитъ, опасеніе, истинное или мнимое, могущихъ встрѣтиться непріятностей достигло до высшей степени.

Замѣтимъ, какъ дѣла шли скоро. Стрѣлецкій бунтъ кончился 17-го мая. Иванъ объявленъ царемъ 26, Софія правительницею 29-го, притязанія роскольниковъ іюня 23-го, вѣнчаніе на царство 25-го, пренія въ Грановитой

Палатѣ іюля 5-го, казнь Никиты Пустосвята 11-го, а 19-го августа крестный ходъ въ Донской монастырь, безъ царскаго участія.

Царевна Софія или имѣла причину бояться, или приступила къ исполненію своего намѣренія, то-есть война оборонительная или наступательная началась. Чрезъ нѣсколько дней весь дворъ—Цари, Царевны и правительница отправились въ село Коломенское.

Можно себѣ представить, какое удивленіе произвелъ во всемъ городѣ внезапный отъѣздъ, предположенный, повидимому, на долгое время: всѣ терялись въ догадкахъ.

При дворѣ, у Царицы Наталіи Кирилловны, раздались вопросы, подавшіе поводъ къ толкамъ, догадкамъ, надеждамъ и опасеніямъ. Что̀ такое произошло особеннаго? Чего бояться должно въ Москвѣ? Откуда грозитъ опасность? Судя по прежнимъ даннымъ, она могла подозрѣвать какое-нибудь злоумышленіе. Никому не могла казаться вѣроятною внезапная распря Софіи съ Хованскимъ, который такъ недавно былъ однимъ изъ главныхъ ея наперсниковъ и совѣтниковъ, соучастникомъ послѣднихъ дѣйствій. Опять нападаетъ страхъ на весь Царицынъ дворъ: Богъ знаетъ, что̀ случится. Предусматривались новыя бѣды, новыя опасности для нея, для ея сына, для всего семейства. А мальчикъ все это видѣлъ. У него въ ушахъ раздавались опять стрѣльцы, раскольники, убійства, казни, замыслы, измѣны. Назывались по именамъ враждебыя лица.

На сругой день являются въ Коломенскомъ стрѣльцы, вѣроятно, подосланные Хованскимъ, съ выраженіемъ прискорбія, что Цари оставили Москву. „Великимъ государямъ сказано, будто у насъ, у надворной пѣхоты, учинилось

„Да какъ смѣетъ онъ говорить съ Патріархомъ? Не довелось бы ему быть и на очахъ нашихъ. —Ты принесъ повинную отцу нашему, блаженныя памяти, и святѣйшему Патріарху“, продолжала Софія, обращаясь къ Никитѣ, „съ великою клятвою не бить челомъ о вѣрѣ, а нынѣ опять за то дѣло принимаешься“?

— Не запираюсь я, отвѣчалъ закаленный въ своихъ убѣжденіяхъ Никита, — что принесъ повинную за мечемъ и срубомъ; семь лѣтъ писалъ я свою челобитную, а отвѣтомъ была тюрьма невѣдомо за что. Сложилъ на меня Симеонъ Полоцкій книгу *Жезлъ*, но въ ней и пятой доли моей челобитной не разобрано. А изволишь, государыня, я противъ *Жезла* того отвѣчать готовъ. Я его очищу.

„Молчи“, гнѣвно сказала Царевна, и велѣла читать принесенное прошеніе.

Предстоявшіе выражали свое участіе и согласіе. Когда дошло въ ней до того мѣста, что еретикъ Никонъ поколебалъ душею царя Алексѣя Михайловича, и съ тѣхъ поръ благочестіе погибло въ Россіи, Царевна съ гнѣвомъ перервала чтеніе и сказала, обращаясь къ стрѣльцамъ: „нѣтъ, мы не можемъ терпѣть болѣе такой хулы. Если Никонъ и отецъ нашъ еретики, то и мы еретики, братья наши не Цари, и Патріархъ не пастырь. Намъ ничего не остается дѣлать, какъ оставить царство“, и сошла со своего трона.

Въ толпѣ послышался говоръ: „пора, государыня, давно пора вамъ въ монастырь, полно царство мутить; какъ бы здоровы Цари-государи были, а безъ васъ пусто не будетъ“.

Бояре, выборные стрѣльцы и прочіе слушатели, приступили однакожъ къ Царевнѣ съ убѣжденіями возратиться на свое мѣсто, и клялись положить свои головы за царскій домъ.

Патріархъ показывалъ Евангеліе, писанное святымъ Алексѣемъ митрополитомъ, соборное дѣяніе объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, харатейныя рукописи и первопечатныя книги. Изувѣры ничего не слушали и твердили свое. Хованскій ходилъ взадъ и впередъ по Грановитой палатѣ и не принималъ никакихъ мѣръ къ водворенію порядка. Между тѣмъ время проходило. Наступала пора вечерняго пѣнія, котораго миновать нельзя, по крѣпкому убѣжденію обѣихъ сторонъ: какъ быть безъ вечерни! Притомъ всѣ утомились и проголодались, не имѣвъ съ утра ни маковой росинки во рту. Царевна Софія рада была благовидному предлогу прекратить соблазнительное позорище. Она объявила, что преніе продолжать теперь некогда, и что указъ царскій будетъ по начатому дѣлу сказанъ послѣ.

Царицы и Царевны встали съ своихъ мѣстъ и вышли изъ Грановитой палаты во внутренніе покои, а за ними и Патріархъ къ себѣ съ прочими архіереями.

Раскольники выбѣжали толпою внизъ по Красному крыльцу и, поднявъ руки съ двуперстнымъ сложеніемъ, кричали: „вотъ какъ, вотъ какъ!“ Со всѣхъ сторонъ изъ народа послышались къ нимъ вопросы: „Что, что, чѣмъ порѣшили дѣло?“ „Наша взяла“, кричали въ отвѣтъ они, „всѣхъ архіереевъ мы переспорили, побѣдили. Молитесь вотъ какъ! Вотъ какъ надо молиться!“ Они поспѣшили на Лобное мѣсто; народъ—за ними. На Лобномъ мѣстѣ они остановились и долго толковали по Соловецкимъ тетрадямъ, оттуда съ пѣніемъ, поднявъ опять руки съ двуперстнымъ знаменіемъ, отправились чрезъ Таганскія ворота за Яузу, крича изо всей силы: вотъ какъ молитесь. вотъ какъ

молитесь. Нѣкоторые изъ состязателей такъ были утомлены, что падали по дорогѣ въ обморокъ. О Никитѣ разошелся слухъ, что онъ, упавши, умеръ въ судорогахъ. Въ Титовскомъ полку встрѣтили мнимыхъ побѣдителей колокольнымъ звономъ. Они отслужили молебенъ въ церкви Спаса, въ Чигасахъ, и разошлись по домамъ.

Софія поняла, что дѣло плохо. Увидѣвъ, что убѣжденіями сдѣлать ничего нельзя съ этими твердачами, которые ничего слушать не хотѣли, и только повторяли свое, она приняла мѣры другаго рода. Она начала призывать къ себѣ выборныхъ стрѣльцовъ отъ всѣхъ полковъ, на которыхъ раскольники возлагали всю свою надежду, угощать ихъ и убѣждать въ несправедливости предъявленныхъ требованій. Нѣсколько разъ повторялись ея угощенія и увѣщанія. „Неужели вы промѣняете насъ на шестерыхъ чернецовъ“, говорила она собравшимся, „предадите поруганію святѣйшаго Патріарха?“ Она плакала, просила, усовѣщевала, обѣщала награды и наконецъ добилась до того, что многіе выборные сказали: „Ну, такъ воля ваша, дѣлайте какъ знаете, мы стоять не будемъ“. Два пятисотенные тутъ же были записаны за то въ думные дьяки, всѣ выборные были одѣлены деньгами. Изъ царскихъ погребовъ выкатывались бочка за бочкой.

Рядовые стрѣльцы, узнавъ о согласіи своихъ нàбольшихъ, упрекали ихъ. „Вы продали насъ на водкахъ, да на красныхъ винахъ; мы посылали васъ стоять за правду, а вы что сдѣлали?“ Ропотъ распространялся, выборные подвергались опасности. Они пришли жаловаться Царевнѣ и передали настроеніе въ Титовскомъ полку, гдѣ уже послышались угрозы. „Добромъ съ ними не раздѣлаешься,

Неужели Хованскій не зналъ ничего объ угрожавшей ему опасности, о намѣреніяхъ противъ него Царевны? Неужели онъ вѣрилъ въ ея искренность? Если подметное письмо Коломенское не было сначала оглашено, то слухъ о разосланныхъ грамотахъ по всѣмъ городамъ съ уликами и обвиненіями, долженъ былъ дойти до него. Самое удаленіе, внезапное, двора изъ Москвы наканунѣ Новаго года, который торжествовался всегда особымъ дѣйствомъ, должно было возбудить его подозрѣніе, и если первыя объясненія Царевны Софіи могли показаться удовлетворительными, то послѣдующія дѣйствія должны были утвердить опасенія. Зачѣмъ же онъ ѣхалъ въ Воздвиженское на вѣрную смерть? Не думалъ ли онъ самъ захватить Царевну Софію съ обоими Царями съ помощію стрѣльцовъ, которые могли, по его извѣстію, послѣдовать за нимъ немедленно? Или онъ хотѣлъ на мѣстѣ разузнать положеніе дѣла, и потомъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ? Во всякомъ случаѣ онъ видно былъ увѣренъ, что къ нему не посмѣютъ прикоснуться, и онъ всегда будетъ имѣть время принять свои мѣры. Страшно ошибся онъ въ своихъразсчетахъ,—ипопалъ въ западню, искусно для него подставленную.

Князь Лыковъ напалъ врасплохъ сперва на старика, потомъ на сына, схватилъ, связалъ и привезъ ихъ въ Воздвиженское подъ крѣпкимъ карауломъ. Бывшіе при нихъ стрѣльцы были захвачены также и приведены туда, а плахи были тамъ уже готовы.

Плѣнники поставлены были предъ дворцовыми воротами. Дьякъ Шалковитый прочелъ подробное исчисленіе всѣхъ винъ и преступленій, а въ заключеніе сказалъ:

другіе разбѣжались сѣять свои плевелы по скитамъ и пустынямъ; Московскіе приверженцы и покровители должны были скрывать свои чувства, и опасность, грозившая православной церкви, была отстранена, благодаря смѣлости и рѣшительности Царевны Софіи.

Всѣ эти событія, составляя исключительный тогда предметъ разговоровъ, были разсказываемы и обсуждаемы въ присутствіи Петра, и кругъ его свѣдѣній и понятій общественныхъ нечувствительно распространялся.

Окончаніемъ церковнаго возмущенія, какъ и прежде стрѣлецкаго, спокойствіе на Верху впрочемъ еще не установилось.

По городу ходили разнородные слухи, и доносились до Верха на обѣ половины, къ Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ и Царицѣ Наталіи Кириловнѣ, составляя главный предметъ разговоровъ; принимались же они и толковались различно, смотря по видамъ, желаніямъ и надеждамъ той и другой стороны. Нынѣ бояре, съ дворовыми людьми, собираются перебить всѣхъ стрѣльцовъ и уничтожить стрѣлецкое войско; завтра стрѣльцы принимаютъ рѣшеніе истребить бояръ. Крѣпостные люди сочиняютъ де челобитныя и хотятъ искать свободы отъ господъ своихъ. Немедленно назначались слѣдствія объ источникахъ этихъ слуховъ. Наслѣженные, уличенные вѣстовщики подвергались жестокимъ пыткамъ, и на дыбѣ возводили на себя всякую напраслину, между тѣмъ какъ въ сущности были виноваты только въ неосторожности, передавая, такъ или иначе, услышанное по вѣтру.

Царевичь Татарскій, посадскій человѣкъ Ярославецъ Иванъ Бизяевъ, Московскій дворянинъ Михаилъ Вешняковъ съ сыномъ, бывшимъ полковникомъ, Матвѣемъ Вешняковымъ, навлекаютъ на себя подозрѣніе. Ихъ пытаютъ. Они сознаются и наказываются смертію, (въ іюлѣ мѣсяцѣ).[81]

Стрѣльцы продолжали буйствовать; никто не смѣлъ имъ поперечить; они искали долговъ своихъ, справедливыхъ и несправедливыхъ, мучили мнимыхъ должниковъ и мстили за старыя обиды на правежахъ по произволенію.

Старый полковникъ, Степанъ Яновъ, человѣкъ заслуженный и достойный по всѣмъ отзывамъ, вытребывается ими съ далекой службы, по давнимъ на него неудовольствіямъ за строгость, подвергается мучительной пыткѣ въ Константиновскомъ застѣнкѣ, и потомъ позорной казни на Красной площади, предъ вновь поставленнымъ стрѣлецкимъ памятникомъ.

Новые начальники, князь Хованскій съ сыномъ, смотрѣли сквозь пальцы на ихъ убійства, неистовства, попускали всякія злоупотребленія, брали всегда ихъ сторону, потакали, подъ благовиднымъ предлогомъ, какъ будто опасаясь раздражить ихъ и желая успокоить, не допустить до крайностей.

Молодыхъ Царей нужно было держать вмѣстѣ, въ ожиданіи всякихъ превратностей, и Петръ, посаженный какъ бы въ клѣтку, оторванный отъ любимыхъ занятій, долженъ былъ желать возвращенія къ нимъ тѣмъ сильнѣе, любить ихъ больше и больше.

Князь Хованскій съ сыномъ возбудили подозрѣнія Царевны Софіи. Покровительствуя раскольникамъ, они видимо искали приверженности стрѣльцовъ, которые считали себя какими-то господами, судили и рядили о дѣйствіяхъ правительства. Такимъ образомъ въ продолженіе двухъ какихъ-нибудь мѣсяцевъ Хованскіе пріобрѣли полную довѣренность и совершенную покорность стрѣльцовъ, которые называли старика своимъ отцомъ, за каретою его ѣздили обыкновенно въ числѣ 50 человѣкъ и болѣе, крича на встрѣчныхъ: „большой ѣдетъ, большой!“ На дворѣ содержался многочисленный караулъ, чего прежде ни при комъ изъ начальниковъ не бывало.[82]

И старикъ въ самомъ дѣлѣ возмнилъ о себѣ, что онъ, располагая стрѣльцами и имѣя за себя приверженцевъ „стараго благочестія“, есть самый сильный человѣкъ въ государствѣ, которому всѣ должны повиноваться. Онъ не исполнялъ приказаній, выказывалъ неумѣренно свое значеніе предъ боярами и говорилъ въ Думѣ, что его труды выше всѣхъ, что никто не заслужилъ столько, сколько онъ, и безъ него въ Москвѣ ходили бы въ крови поколѣно.[83]

16-го августа шелъ вопросъ въ Думѣ о требованіи стрѣлецкаго войска, чтобы на каждаго человѣка собрано было съ дворцовыхъ волостей по 25 рублей подможныхъ денегъ, уравнительно съ монастырями, что составляло болѣе 100 тысячъ рублей. Когда бояре не соглашались утвердить такое тяжелое взысканіе, то онъ въ досадѣ, вышедъ изъ Думы, сказалъ стрѣльцамъ: „Дѣти, ужь и мнѣ за васъ грозятъ бояре, я не могу для васъ сдѣлать ничего больше, промышляйте сами, какъ хотите“.

Такая выходка не предвѣщала ничего добраго, со стороны Хованскаго. Одно хвастовство, одна болтливость,

которая доставила ему въ народѣ прозваніе Тараруя, могла подать на Верху поводъ къ опасеніямъ, чтобъ онъ когда-либо въ жару или въ сердцахъ не проговорился, или не употребилъ во зло того, что̀ знаетъ о происхожденіи стрѣлецкаго бунта и виновникахъ кровопролитія; могли случиться даже пререканія между правительницею и Хованскимъ по поводу его явнаго согласія съ раскольниками; могъ онъ дать ей самой замѣтить по какому-нибудь случаю, какъ боярамъ въ Думѣ, что у него есть въ запасѣ оружіе противъ нея; могъ онъ еще яснѣе въ своемъ кругу выразиться, что знаетъ тайны или что-нибудь въ такомъ родѣ, которое могло донестись до ушей виноватой правительницы и внушить ей мысль, что отъ него, въ избѣжаніе хлопотъ, слѣдуетъ избавиться такъ или иначе. Къ тому же разнесся слухъ, что старшій сынъ его, князь Андрей Ивановичъ, хвалясь королевскимъ своимъ происхожденіемъ отъ Литовскаго Гедимина, замышляетъ о бракѣ съ одною изъ Царевенъ, а именно съ Екатериною Алексѣевной, и о присвоеніи себѣ верховной власти въ надеждѣ на стрѣльцовъ. Ни Царямъ, ни Царевнѣ тогда не сдобровать. Слухъ этотъ долженъ былъ имѣть какое-нибудь основаніе; онъ хваталъ за живое и побуждалъ думать о собственной безопасности.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ должно присоединить еще ссору, тотчасъ по укрощеніи стрѣлецкихъ бунтовъ, возникшую случайно или изъ ревности, между старикомъ Хованскимъ и извѣстнымъ уже намъ знаменитымъ кователемъ козней, бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ, вслѣдствіе которой стрѣльцы, слышно было, сбирались даже убить его по навѣтамъ Хованскаго.

Милославскій, обуянный страхомъ, пишетъ современникъ, бѣгалъ изъ одной своей подмосковной въ другую и скрывался въ норахъ, какъ подземный кротъ; наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, улучивъ благопріятное время, спѣшилъ покончить съ нимъ, какъ прежде съ Матвѣевымъ. Вооруженный своими ядовитыми стрѣлами, которыхъ видно былъ неистощимый запасъ въ его колчанѣ, онъ является къ Царевнѣ Софіи, указываетъ опасности, ей угрожающія, связываетъ искусно извѣстныя данныя, предлагаетъ объясненія: „Вотъ чего хотятъ Хованскіе! Это ясно. Они сами говорятъ.... стрѣльцы въ ихъ власти. Цари— одинъ больной, другой малолѣтный; съ ними управиться недолго... Сынъ женится на твоей сестрѣ, и вѣнчается царскимъ вѣнцомъ, а вы всѣ по монастырямъ или въ заточеніе...“

Доводы Милославскаго казались правдоподобными: Софія испугалась той участи, которую готовила Нарышкинымъ, и, подготовленная собственными разсужденіями, склонилась на его убѣжденія. Судьба Хованскихъ была рѣшена.

Милославскій сочиняетъ планъ, какъ избавиться отъ общаго врага, и исполненіе начинается въ той же глубокой тайнѣ, какою былъ покрытъ заговоръ 15-го мая.

19-го августа, въ день Донской Божіей Матери, царское семейство не приняло участія въ крестномъ ходѣ. Значитъ, опасеніе, истинное или мнимое, могущихъ встрѣтиться непріятностей достигло до высшей степени.

Замѣтимъ, какъ дѣла шли скоро. Стрѣлецкій бунтъ кончился 17-го мая. Иванъ объявленъ царемъ 26, Софія правительницею 29-го, притязанія раскольниковъ іюня 23-го, вѣнчаніе на царство 25-го, пренія въ Грановитой

Палатѣ іюля 5-го, казнь Никиты Пустосвята 11-го, а 19-го августа крестный ходъ въ Донской монастырь, безъ царскаго участія.

Царевна Софія или имѣла причину бояться, или приступила къ исполненію своего намѣренія, то-есть война оборонительная или наступательная началась. Чрезъ нѣсколько дней весь дворъ—Цари, Царевны и правительница отправились въ село Коломенское.

Можно себѣ представить, какое удивленіе произвелъ во всемъ городѣ внезапный отъѣздъ, предположенный, повидимому, на долгое время: всѣ терялись въ догадкахъ.

При дворѣ, у Царицы Наталіи Кирилловны, раздались вопросы, подавшіе поводъ къ толкамъ, догадкамъ, надеждамъ и опасеніямъ. Что̀ такое произошло особеннаго? Чего бояться должно въ Москвѣ? Откуда грозитъ опасность? Судя по прежнимъ даннымъ, она могла подозрѣвать какое-нибудь злоумышленіе. Никому не могла казаться вѣроятною внезапная распря Софіи съ Хованскимъ, который такъ недавно былъ однимъ изъ главныхъ ея наперсниковъ и совѣтниковъ, соучастникомъ послѣднихъ дѣйствій. Опять нападаетъ страхъ на весь Царицынъ дворъ: Богъ знаетъ, что̀ случится. Предусматривались новыя бѣды, новыя опасности для нея, для ея сына, для всего семейства. А мальчикъ все это видѣлъ. У него въ ушахъ раздавались опять стрѣльцы, раскольники, убійства, казни, замыслы, измѣны. Назывались по именамъ враждебыя лица.

На сругой день являются въ Коломенскомъ стрѣльцы, вѣроятно, подосланные Хованскимъ, съ выраженіемъ прискорбія, что Цари оставили Москву. „Великимъ государямъ сказано, будто у насъ, у надворной пѣхоты, учинилось

смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полка въ полкъ идутъ тайныя пересылки, хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ попрежнему, и для того они, великіе государи, изволили изъ Москвы выѣхать, но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла нѣтъ и впредь не будетъ, чтобы великіе государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ". „Великимъ государямъ про вашъ умыселъ невѣдомо", былъ отвѣтъ; „изволили великіе государи съ Москвы идти по своему государскому изволенію, да и прежде въ село Коломенское ихъ государскіе походы бывали же".

И Хованскій пріѣзжалъ въ Коломенское, вѣроятно, освѣдомиться, что тамъ есть, и подѣйствовать на Софію. Онъ попытался пострашать ее замышляемымъ нападеніемъ Новгородскихъ дворянъ, которые грозятъ де придти въ Москву за выслуженнымъ жалованьемъ (?) и сѣчь всѣхъ безъ выбора и остатка. Царевна отвѣчала, что это извѣстіе слѣдуетъ объявить на Постельномъ крыльцѣ всѣхъ чиновъ людямъ, а въ Новгородъ послать грамоту для подлиннаго свидѣтельства. Хованскій самъ испугался такого оборота, и долженъ былъ просить, чтобы на слухъ не было обращено вниманія. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, онъ уѣхалъ изъ Коломенскаго успокоенный и обласканный по возможности.

Съ обѣихъ сторонъ употреблялся обманъ, кто кого перехитритъ, и выжидались обстоятельства.

Къ именинамъ старшаго Царя, 29-го августа, Софія потребовала въ Коломенское Стременный полкъ, къ ней наиболѣе близкій. Хованскій оттоваривался, но наконецъ

долженъ былъ уступить, догадываясь объ опасности, и сознавая вмѣстѣ невозможность бороться.

Дворъ не возвратился въ Москву и къ дѣйству Новаго года, 1-го сентября, что̀ подало поводъ еще болѣе ко всякимъ толкамъ и догадкамъ. Велѣно было князю Хованскому присутствовать въ Успенскомъ соборѣ, но онъ не поѣхалъ, и на дѣйствѣ былъ одинъ только окольничій къ удивленію всей Москвы, на что̀ жаловался самъ Патріархъ. Страхъ распространился въ городѣ: всѣ съ сомнѣніемъ встрѣчали другъ друга, и спрашивали: что̀ значатъ эти явленія.

Хованскій, кажется, растерялся при такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣлъ, и, если онъ былъ блудливъ, какъ кошка, то оказался трусливымъ, какъ заяцъ, и не принималъ никакихъ мѣръ ни для защиты, ни для нападенія.

2-го сентября выѣхали цари изъ села Коломенскаго чрезъ Воробьево и Павловское въ Саввинъ монастырь, близъ Звенигорода, къ празднику св. Саввы, 6-го сентября. Отпраздновавъ здѣсь память чудотворца, отправились назадъ чрезъ Павловское и Хлябово въ Воздвиженское, къ празднику тамошнему 14-го сентября.

Отсюда былъ посланъ указъ въ Москву ко всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ быть въ Воздвиженское къ 18-му числу, для своихъ царскихъ дѣлъ и для пріема гетманскаго сына, о которомъ прислалъ донесеніе князь Хованскій, такъ же приглашенный. Отсюда же посланы были грамоты, разумѣется, въ тайнѣ отъ Хованскаго, во Владимиръ, Суздаль и другіе близкіе города, звать дворянъ и служилыхъ людей въ Москву для спасенія

Толпами во всю ночь стрѣльцы прибѣгали къ Патріарху, и не давали ему покоя. Одни просили его написать государямъ, чтобы они воротились въ Москву, а не то мы сами пойдемъ къ нимъ и управимся съ боярами. Другіе требовали, чтобъ онъ послалъ грамоту на Украйну звать служилыхъ людей на помощь стрѣльцамъ противъ бояръ. Многіе приходили изумленные, сами не знали зачѣмъ, и только твердили: что̀ намъ дѣлать.

Патріархъ старался ихъ успокоивать, и объяснялъ, что государи Москвы не покинули, а въ Троицкомъ монастырѣ хотятъ по обыкновенію праздновать день Сергія Чудотворца, 25-го сентября; идти вамъ туда не зачѣмъ, походомъ вы наведете на себя гнѣвъ государей.

Были и такіе стрѣльцы, которые кричали: убить его, вѣдь онъ съ боярами за одно.

Лишь только разсвѣло, стрѣльцы бросились на пушечный дворъ, захватили пушки и развезли ихъ по своимъ приказамъ, повытаскали всю пороховую и свинцовую казну, забрали копья, карабины, мушкеты. По мѣстамъ разставлены были караулы, чтобъ не пускать никого ни въ городъ, ни изъ города. Мирные жители трепетали отъ страха.

Сего 18-го числа, въ часъ третій, говоритъ современникъ, пріѣхалъ изъ похода отъ великихъ государей стольникъ Зиновьевъ съ грамотою къ Патріарху. Его задержали караульные и спрашивали крѣпко, что въ грамотѣ писано. Наибольшіе со многими стрѣльцами привели его къ Патріарху, но не спускали съ него глазъ и наблюдали пристально, не станетъ ли чего говорить онъ тайно, потомъ велѣли прочесть вслухъ гратоту, въ которой извѣщалось о злыхъ умыслахъ князей Хованскихъ надъ

государями и Московскимъ государствомъ и о совершеніи надъ ними казни за ихъ преступленія. Грамоту заставили стрѣльцы прочесть нѣсколько разъ. Одни кричали: нѣтъ, это неправда; надо идти на бояръ; пора ихъ прочистить; они виноваты! Другіе говорили: надо подождать. По приказамъ раздался барабанный бой на сборъ; всѣ начали приготовляться къ походу.

Стольникъ Зиновьевъ, возвратившись къ государямъ въ Воздвиженское, донесъ, что̀ видѣлъ и слышалъ въ Москвѣ—стрѣльцы собираются идти въ походъ и грозятъ перебить всѣхъ бояръ и всякихъ чиновныхъ людей.

Дворъ испугался въ свою очередь. Дворянъ и служивыхъ собралось на зовъ еще недостаточное количество. Рѣшено переѣхать въ Троицкій монастырь, какъ надежную крѣпость, гдѣ государямъ быть безопаснѣе.

Въ тотъ же день въ дворцовыхъ воеводахъ велѣно быть князю Василью Васильевичу Голицыну, да съ нимъ въ товарищахъ боярину князю Михаилу Ивановичу Лыкову, думному дворянину А. М. Ржевскому, да думному генералу А. А. Шепелеву. По стѣнамъ разставлены были пушки, и монастырь приведенъ въ оборонительное положеніе.

Петру было что посмотрѣть, о чемъ пораспросить и потолковать.

По городамъ посланы были понудительныя грамоты для великаго, нужнаго и скораго дѣла. Такія же и къ иноземцамъ, оставшимся въ Москвѣ.

Стрѣльцы, услышавъ о сборѣ и о переѣздѣ къ Троицѣ, призадумались: „какъ идти на святое мѣсто, есть ли возможность справиться съ силою, которая со всѣхъ сторонъ собирается“? Они оробѣли, но въ Москвѣ между

тѣмъ все-таки укрѣплялись, какъ бы приготовляясь сидѣть въ осадѣ, строили по улицѣ и Земляному городу надолбы, роздали многимъ людямъ изъ казны мушкеты и карабины, а на караулы въ день и ночь выгоняли посадскихъ людей. „Если бояре придутъ съ своими людьми войною, мы никого въ городъ не пустимъ. Если захотятъ биться съ нами, мы поставимъ впереди посадскихъ и всякихъ чиновъ людей съ женами и дѣтьми, а сами ударимъ со сторонъ“.

Они ходили по улицамъ и стрѣляли постоянно изъ ружей, наводя страхъ на все населеніе.

Обѣ стороны приготовлялись.

Въ Москвѣ между тѣмъ оказалась скудость въ хлѣбѣ и дровахъ, подвозить было некому, а кто пріѣзжалъ, то отъ осмотровъ становилось опасно и жутко.

А помощниковъ въ Троицкомъ монастырѣ собиралось всякій день по многу, и Царевна увидѣла возможность дѣйствовать рѣшительнѣе.

Стрѣльцы обратились къ Патріарху, и униженно просили его заступиться за нихъ и послать къ государямъ отъ лица своего архимандрита, или игумена.

Дѣти мои, отвѣчалъ имъ Патріархъ,—я всегда желалъ и желаю вамъ добра. Самъ бы пошелъ просить вамъ прощенія, но не могу за немощію, вотъ вамъ архимандритъ, а если хотите и архіерея дамъ.

Отправленъ былъ Чудовскій архимандритъ Адріанъ, что послѣ былъ патріархомъ, просить государей, чтобы они возвратились въ Москву, избавили народъ отъ всякаго смущенія и страха, и обрадовали городъ своимъ присутствіемъ.

На эту просьбу послѣдовалъ рѣшительный отказъ, но 21-го сентября присланъ былъ къ стрѣльцамъ думный дворянинъ Лукьянъ Тимоѳеевичъ Голосовъ сказать имъ, „чтобъ они унялись, отъ смятенія престали, исполоховъ, страхованія, въ Москвѣ не чинили, а казнь учинена князьямъ Хованскимъ за измѣну по ихъ указу, и судъ о милости и казни врученъ имъ отъ Бога, а имъ, стрѣльцамъ, о томъ не только говорить, но и мыслить не довелось; а на нихъ опалы нѣтъ, и были бы они безъ смущенія на ихъ царскую милость надежны, и для челобитья дѣлъ своихъ, кому надобно, шли бы къ нимъ въ походъ".

Стрѣльцы опять приступили къ Патріарху съ просьбою звать государей въ Москву: для чего они оставили ихъ и все государство безъ управленія, такъ что они не знаютъ, что и между собою дѣлать, а бояре съ своими людьми грозятся ихъ искоренить.

Цѣль ихъ была очевидна: призвать въ Москву государей съ боярами и раздѣлаться потомъ съ своими врагами. Но правительство пребывало твердымъ. Москву вѣдать присланъ былъ Михаилъ Петровичъ Головинъ.

Видя, что Дворъ крѣпко стоитъ въ своемъ рѣшеніи, а дворянъ къ Троицѣ собралось уже многое множество, стрѣльцы упали духомъ, и дерзость ихъ смѣнилась страхомъ. Они пришли опять къ Патріарху и просили его со слезами послать со своею отпиской къ государямъ двухъ человѣкъ стрѣльцовъ, которыхъ уполномочили просить милости царской и приказанія, сколько призвать ихъ величествамъ угодно стрѣльцовъ, лучшихъ людей, къ себѣ въ походъ.

„Бысть плачъ воспоминовенныхъ отъ нихъ прежде страховъ; бысть плачъ и на нихъ плачущихся смотря.... гдѣ первая дерзость и буйство и неправедные совѣты? Все разсыпася, и опровержеся.... Коло превратися внизъ, все убо сіе видеся во очію нашею".

Полученъ приказъ прислать изъ каждаго полка по двадцати человѣкъ.

Стрѣльцы испугались: лучшихъ людей хотятъ взять у насъ и казнить смертію. По дорогѣ стоятъ служилые полки, разказывали другіе, они нашихъ братьевъ перехватаютъ, и въ походъ къ государямъ не допустятъ. Многіе отказывались ѣхать, „яко не надѣялись живы быти", и просили со слезами Патріарха, чтобы онъ по крайней мѣрѣ послалъ съ ними архіерея предводителемъ: ради архіерея авось не побьютъ насъ гнѣваясь какіе люди.

Патріархъ далъ имъ митрополита суздальскаго Иларіона, мужа извѣстнаго своей святой жизнію. „Идите съ миромъ и не бойтесь, не слушайтесь навѣтовъ: государи вашему покоренію желательны, а гнѣва на васъ явити не изволятъ". Это было 24-го сентября.

Тогда же Патріархъ послалъ съ ними книгу, Увѣтъ духовный, съ возраженіями на раскольничьи мудрованія, изложенныя въ челобитной, (которая только что на дворѣ его была напечатана), поручивъ ее справщику, іеродіакону Каріону Истомину.

Весь поѣздъ обночевалъ на мосту въ пяти верстахъ отъ города Москвы вмѣстѣ съ митрополитомъ Иларіономъ 25-го сентября. Стрѣльцы боялись идти далѣе, прослыша, что въ Мытищахъ, въ 15-ти верстахъ, „стоитъ съ войскомъ бояринъ Шеинъ, и, тамо поймавъ ихъ, казнитъ"..

26-го сентября пошли однакоже впередъ, и въ Мытищахъ, къ радости своей, никого не увидали. Конечно, войско стоитъ въ Пушкинѣ, — они опять отказывалися идти и насилу двинулись. Не нашли никого и въ Пушкинѣ, потомъ испугались еще болѣе, увидя множество дворянъ, шедшихъ изъ городовъ къ Троицѣ по царскому приказу. Опять остановились: насъ хотятъ казнить въ Воздвиженскомъ, гдѣ казненъ князь Иванъ Хованскій, ходили по селу и плакали, иные бѣжали оттуда и разглашали, что товарищи ихъ уже казнены.

Митрополитъ Иларіонъ уговаривалъ ихъ, что съ нимъ ради прошенія Патріарха ничего худа не будетъ. Они не вѣрили и послали отъ себя двухъ человѣкъ къ Троицѣ провѣдать, есть ли гдѣ по дорогѣ войско, а чтобъ по дорогѣ кто не задержалъ ихъ, выпросили у митрополита послать съ ними отписку Патріарха къ государю.

Отчаясь въ жизни своей, они попрощались между собою въ Воздвиженскомъ, „не уповаху быти себе къ тому живыхъ“ и пошли за митрополитомъ.

Но на дорогѣ они были обрадованы царскою милостію. Въ сельцѣ Рахмановѣ встрѣтилъ ихъ высланный стольникъ Иванъ Ивановичъ Нормацкой, сказалъ имъ, чтобы они ничего не боялись и надѣялись на царскую милость: онъ, стольникъ, нарочно съ тѣмъ словомъ къ нимъ присланъ.

Не чаявъ такой радости, стрѣльцы заплакали „вси слезъ исполнишася“. Самъ митрополитъ, и стольникъ, глядя на нихъ, прослезились. А нѣкоторымъ все еще не вѣрилось, потому что два ихъ посланца къ нимъ не возвращались; но вотъ и тѣ пришли и объявили, что на пути никакого препятствія не было, войска на подсадѣ

подъ ними нѣтъ, и безъ указу государей тому напрасному ихъ побіенію быти невозможно; государи ихъ повиновеніе примутъ и государская имъ милость есть.

26-го сентября, въ третьемъ часу, митрополитъ пришелъ къ Троицѣ съ выборными стрѣльцами и возвѣстилъ государямъ причину своего прибытія.

Царевна Софія, въ собраніи царскаго синклита близкихъ людей, призвала къ себѣ стрѣльцовъ, и, воздавъ благодареніе Богу, почтивъ память создавшихъ обитель ту преподобныхъ Сергія Чудотворца и ученика его Никона, обратилась къ нимъ стоявшимъ, ни живымъ, ни мертымъ, съ упрекомъ: людіе Божіе, какъ вы, не бояся Бога, смѣли возстать на насъ, государей своихъ и на нашихъ бояръ, замутить во всемъ Московскомъ государствѣ, забыли вы вѣру и присягу служить намъ вѣрно, забыли вы милости дѣда, отца и брата нашего, и нынѣ государей царей Ивана Алексѣевича и Петра Алексѣевича жалованье. На что взяли вы изъ казны порохъ и свинецъ и всякіе запасы, роздали людямъ ружья, завели злосовѣтные круги по-казацки, чего не бывало. Видите теперь, до чего своевольствомъ своимъ довели себя. Вонъ сколько воинства къ намъ для охраны нашей собралося. И вы вздумали царямъ своимъ въ такомъ юномъ возрастѣ причинить скорбь и смущеніе и мятежъ, негодны вы лицо наше зрѣть, не только милости получать. Называетесь вы слугами царскаго величества: гдѣ же нынѣ ваша служба, боязнь и послушаніе?

Ни живые, ни мертвые, стрѣльцы стояли передъ Царевною, и только кланялись и произносили: виноваты, согрѣшили, прогнѣвали Бога, и подали сказку съ обѣ-

щаніемъ „служить и работать великимъ государямъ неизмѣнно, безъ всякой шатости; если отъ кого услышатъ злоумышленныя слова, тѣхъ людей имать и приводить въ съѣзжія избы и держать до указу, на царское величество, бояръ и ближнихъ людей никакого зла не мыслить, а что казну побрали—пушки, порохъ и свинецъ и фитили для опаски, то казна у нихъ въ цѣлости, а которымъ полкамъ велѣно быть на службѣ въ Кіевѣ, и на тое службу готовы, то наша и сказка".

Царевна похвалила ихъ за покорность, велѣла, возвратясь, братію свою усовѣстить такъ же, по улицамъ ходя не стрѣлять изъ ружей и людей не тревожить, всю пушечную и зелейную казну возвратить. Исполнивъ все, съ повинною опять приходите сюда, и тогда прощеніе получите. Если всего не исполните, то будетъ вамъ дурно; сила на васъ готова.

Собранное ополченіе было распредѣлено кругомъ Москвы.

Стрѣльцы исполнили все и подтвердили свою покорность новою повинною, написанною отъ всѣхъ полковъ. Выборные доставили ее Царямъ, прося ихъ возвратиться въ Москву, „чтобы намъ всѣмъ", писали они, „холопамъ вашимъ, съ женами и дѣтишками всѣми возрадоваться".

3-го октября Царевна приняла грамоту и челобитную, и вина стрѣльцовъ была отпущена. Оставшійся въ живыхъ молодой князь Иванъ Хованскій приведенъ былъ въ Троицкій монастырь. На площади передъ монастыремъ ему объявлена смертная казнь, онъ былъ положенъ на плаху и, прощенный, сосланъ...

8-го октября, въ воскресенье, по совершеніи литургіи въ Успенскомъ соборѣ, прочтены были всенародно указныя

статьи и грамота, какъ стрѣльцы впредь держать себя должны. За симъ стрѣльцы цѣловали Святое Евангеліе и руку Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, и взяли новоуказныя статьи въ тетрадяхъ для прочтенія по всѣмъ полкамъ.

Царевна медлила еще возвратиться въ Москву. 28-го октября стрѣльцы, по ея внушенію, подали челобитную о позволеніи разломать каменный столбъ, поставленный на Красной площади, „чтобы не было отъ другихъ государствъ царствующему граду зазорно“. 2-го ноября онъ былъ разрушенъ до основанія, жестяные листы сорваны и сожжены, самый бутъ выкопанъ изъ земли и разметанъ.

Жалованныя прежнія грамоты въ память о побіеніяхъ „за домъ Пресвятыя Богородицы“ были взяты назадъ и замѣнены новыми.

Царевна Софія хотѣла уничтожить всѣ слѣды своего злаго дѣла, которое осталось только въ народной памяти.

Приписывая всѣ бунты преимущественно злоумышленіямъ князя Хованскаго и раскольника Алексѣя Юдина, она запретила называть стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками.

Чрезъ четыре дня дворъ воротился въ Москву, окруженный многочисленнымъ служивымъ дворянствомъ, которое заняло всѣ караулы вмѣсто стрѣльцевъ.

Стрѣлецкій приказъ порученъ былъ окольничему Змѣеву, а чрезъ мѣсяцъ думному дьяку Ѳедору Леонтьевичу Шакловитому, который воспользовавшись вскорѣ однимъ частнымъ возмущеніемъ въ полку Бохина, подалъ совѣтъ перебрать всѣ полки, и неблагонадежныхъ людей пере-

вести въ Украинскіе города, на что послѣдовало разрѣшеніе, и такимъ образомъ возстановлено спокойствіе въ городѣ.[88]

Царевна Софія приняла окончательно бразды правленія въ окровавленныя свои руки...

Избавясь отъ главныхъ своихъ враговъ и соперниковъ посредствомъ стрѣлецкаго бунта, управясь съ раскольниками казнею Никиты Пустосвята и заточеніемъ его единомышленниковъ, укротивъ стрѣльцевъ по поводу замысловъ князя Хованскаго, Царевна Софія не видѣла уже противъ себя никого, кромѣ десятилѣтняго мальчика; властолюбивая, рѣшительная, страстная, даровитая, она вознамѣрилась быть Екатериною, но, на бѣду ей, въ этомъ мальчикѣ выросталъ не Павелъ, а Петръ.

Главными сотрудниками и совѣтниками выбрала она себѣ: князя Василья Васильевича Голицына, монаха Заиконоспасскаго монастыря Сильвестра Медвѣдева, и земляка его, курскаго уроженца, Ѳедора Леонтьевича Шакловитаго. Пособникъ Иванъ Михайловичъ Милославскій скончался вскорѣ, въ іюлѣ 1685 года, не успѣвъ воспользоваться плодами своихъ трудовъ, за которые въ могилѣ однакожъ ожидала его достойная награда.

Князь Голицынъ, человѣкъ умный и значительно образованный для того времени, исполненный благихъ намѣреній, съ высокими государственными цѣлями, думалъ о важныхъ перемѣнахъ въ общественномъ устройствѣ. Уничтоживъ пагубный обычай, ставшій закономъ, о старшинствѣ родовой службы, причинявшій столько вреда въ военное время, дошедшій до границъ смѣшнаго въ

мирное, онъ хотѣлъ освободить крѣпостныхъ крестьянъ и надѣлить ихъ землею, обложивъ податью въ пользу казны, учредить постоянное войско вмѣсто сборнаго, распредѣлить подати, назначить жалованье служащимъ чиновникамъ деньгами, провести дороги по степямъ и пустынямъ, открыть новые рынки для торговли въ Азіи...[89]

Медвѣдевъ, въ надеждѣ занять престолъ патріаршій, мечталъ о преобразованіяхъ церковныхъ, о сношеніи съ Римскимъ западомъ, сочинялъ уже планы объ устройствѣ училищъ.[90]

Шакловитый готовился быть ревностнымъ исполнителемъ какихъ бы то ни было приказаній съ Верху.

Много было замысловъ но человѣкъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ.

Царица Наталія Кирилловна съ сыномъ, младшимъ Царемъ, и дочерью, на первыхъ порахъ, оставлена была въ покоѣ. Временщики разсчитывали, что съ ними всегда управиться можно.

Десятилѣтній Петръ, находясь во все смутное время при матери, видѣлъ всякій день новое и необычайное, которое хватало за сердце его ближнихъ, а слѣдовательно и его самаго; всякій день получалъ онъ разнородныя сильныя впечатлѣнія, отъ высокой радости до глубокой горести, отъ надежды до отчаянія, въ безпрестанномъ страхѣ, чтобъ не случилось еще чего нибудь опаснаго, подъ вліяніемъ безконечныхъ толковъ, пережилъ въ одинъ годъ при дознанной его воспріимчивости, много годовъ и развился, созрѣлъ не по лѣтамъ въ это короткое время.

Между тѣмъ дѣтскій его почти возрастъ требовалъ свойственныхъ ему занятій.

S44.

Давно уже встосковался онъ посвоимъ военнымъ потѣхамъ, задержаннымъ впродолженіи несчастнаго 1682 года, бурнаго въ началѣ, скучнаго и утомительнаго въ концѣ, при исполненіи пустыхъ придворныхъ обрядовъ. Ему противно было ходить, стоять, сидѣть куклою, молчать и говорить по указкѣ, или слушать постоянныя жалобы; душа его рвалась съ нетерпѣніемъ изъ противныхъ Кремлевскихъ хоромъ на Преображенское поле, въ Сокольницкую рощу, къ своимъ любезнымъ робяткамъ — стрѣлять, бѣгать, маршировать, выкидывать артикулъ ружьемъ, и бить въ барабанъ; у него играло уже воображеніе, и зарождались мысли, какъ бы устроить свое дѣло пошире, тѣмъ болѣе, что онъ Царь теперь, и можетъ, кажется, приказывать. И вотъ только что воротившись въ Москву отъ Троицы, онъ начинаетъ заготовлять себѣ нужныя вещи для замышляемыхъ лѣтнихъ потѣхъ.[91]

1683 *Января 5*. Изъ хоромъ в. г. ц. в. к. Петра Алексѣевича, бояринъ Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ выдалъ шпагу, Нѣмецкаго дѣла, крыжъ золотой, ножны сдѣлать вновь и покрыть чернымъ гзомъ.

Января 13. По указу..... велѣно сдѣлать къ нему великому Государю въ хоромы двѣ пушки деревянныя потѣшныя, мѣрою одна въ длину аршинъ, другая въ полтора аршина, и посеребрить, на станкахъ и съ колесы окованными, на станкахъ каймы, и въ кругахъ орлы, и клейма литыя оловянныя, и росписать ихъ зеленымъ аспидомъ, и съ дышлы, да старый станокъ починить за ново, который стоялъ въ Оружейной палатѣ. (За работу выдано 4 р.)

Февраля 20. Указано сдѣлать въ Оружейной палатѣ великому Государю П. А. обухъ желѣзной, чтобъ былъ вѣсомъ малымъ чѣмъ больше фунта, и навести волоченымъ золотомъ, противъ прежнихъ каковы дѣланы брату его ... Ѳедору.

И тогожъ числа бояринъ и оружничій Петръ Васильевичъ Шереметевъ приказалъ къ тому обушку сдѣлать рукоять желѣзную тощую, и по мѣстамъ позолотить и посеребрить сплошь.

Лишь наступила весна, какъ и отправился молодой Царь въ село Воробьево, гдѣ пробылъ, кажется, весь май мѣсяцъ потѣшаясь всякими образы.

Изъ Оружейной палаты, отъ разныхъ приказовъ, требовались безпрестанно пищали, карабины, мушкеты, копья, стрѣлы. Въ торговыхъ рядахъ покупалось нужное для ихъ оснащиванія или украшенія. Мастера были заняты насаживаніемъ копій, пострѣливаньемъ стволовъ, вышиваньемъ знаменъ. Не проходило недѣли безъ новыхъ требованій. Изъ Воробьева и Преображенскаго являлись въ Кремль посланцы, одинъ послѣ другаго, за свинцомъ, за дробью, за порохомъ. Закащиками и пріемщиками упоминаются лица, принадлежавшія къ двору Петрову съ самаго его рожденія: Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, Гаврило Ивановичъ Головкинъ, Петръ Васильевичъ Шереметевъ, Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ.

Мая въ 1 день прислалъ Царь П. А. изъ похода изъ села Воробьева потѣшный большой барабанъ: верхняя кожа во многихъ мѣстахъ пробита и струны изорваны, а велѣно на тотъ барабанъ кожу положить и струны сдѣлать новыя.

Мая въ 9 день изъ похода изъ села Воробьева привезъ лучникъ... два барабана потѣшныхъ, росписаны разными красками, кожи пробиты,... выдалъ, де, тѣ барабаны изъ хоромъ окольничій Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, а приказалъ у тѣхъ барабановъ кожи, которыя пробиты, снять, и въ то число положить новыя, и снуры сдѣлать новые пенковые.

Мая въ 20 день привезъ въ Оружейную Палату изъ похода изъ села Воробьева стольникъ Соковнинъ два барабана, одинъ большой,

требовалось этикетомъ, стремительно вскочилъ съ своего мѣста, самъ приподнялъ царскую шапку и заговорилъ скороговоркой обычный привѣтъ: „Его королевское величество, братъ нашъ Каролусъ Свейскій по здорову-ль“?

Петру было тогда съ небольшимъ 11 лѣтъ; а Кемпферу онъ показался не менѣе, какъ 16 лѣтнымъ.[92]

Вотъ вѣрное свидѣтельство ранняго физическаго развитія въ Петрѣ: въ нравственномъ мы видѣли, какое вліяніе должны были имѣть на него ужасныя обстоятельства 1682 года.

По исполненіи подобныхъ придворныхъ обрядовъ, Петръ еще съ бо̀льшимъ жаромъ спѣшилъ къ любимымъ своимъ занятіямъ, которыя безпрерывно умножались и разнообразились.

Руководители неизвѣстны. Прежній наставникъ, генералъ Менезіусъ, состоявшій по спискамъ 1683 года переводчикомъ Шведскаго языка, и жившій въ Нѣмецкой слободѣ, близъ Преображенскаго, навѣщалъ, можетъ быть, своего воспитанника по старой памяти, и подавалъ нужные совѣты.

Симонъ Зоммеръ, угодившій такъ огненной стрѣльбой, судя по полученнымъ имъ тогда наградамъ, не могъ оставаться также безъ участія въ новыхъ потѣхахъ.

Изъ сосѣдней Нѣмецкой слободы являлись, безъ сомнѣнія, охотники, званые и незваные, предлагать свои услуги молодому Царю, старались забавлять его „на разные манеры“, въ надеждѣ получить такія же награды сукномъ и деньгами, какъ Симонъ Зоммеръ.

Знакомство съ Нѣмецкою слободою исподоволь начиналось.

Въ концѣ 1683 года, когда Петру пошелъ 12 годъ уже на вторую половину, вздумалось ему составить себѣ въ Преображенскомъ особый полкъ, и, что не менѣе затѣйливо и ново, вызвать охотниковъ для своей потѣшной службы.

И вотъ на зовъ его явился прежде всѣхъ, 30 ноября 1683 года, придворный конюхъ, приставленный къ потѣшнымъ лошадямъ, Сергѣй Леонтьевъ Бухвостовъ, который и былъ записанъ первымъ солдатомъ будущаго полка.[93]

Петръ такъ обрадовался первому своему солдату, что впослѣдствіи, ставъ Императоромъ, велѣлъ славному художнику Растрелли вылить изъ металла его статую.

Примѣру Бухвостова послѣдовали другіе охотники изъ конюховъ и прочихъ придворныхъ служителей: Данило Новицкій, Лука Хабаровъ, Екимъ Воронинъ, Григорій Лукинъ, Степанъ Буженинов и проч.[94]

Такимъ образомъ началъ мало по малу собираться потѣшный полкъ, Преображенскій, такъ называвшійся сперва въ нарицательномъ, какъ пребывавшій въ селѣ Преображенскомъ, а послѣ и въ собственномъ смыслѣ: полкъ, который донынѣ считается старшимъ полкомъ въ гвардіи и вообще въ Русскомъ войскѣ, и имѣетъ всегда шефомъ Государя.

Петръ, потѣшаясь, задумалъ самъ служить, наровнѣ съ своими сверстниками въ этомъ любезномъ, родномъ своемъ полку: онъ принялъ на себя должность бомбардира,—это ему понравилось,—и онъ продолжать служить. Такимъ образомъ съ самаго ранняго возраста началъ онъ знакомиться съ подчиненностію столько-же, сколько

и съ начальствованіемъ, началъ проходить, оставаясь Царемъ, по всѣмъ степенямъ службы, узнавать мало по малу ея нужды и потребности, искать и находить средства для ихъ удовлетворенія, изворачиваться въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Никто изъ враговъ и друзей не обращалъ вниманія на военныя потѣхи Петра и не придавалъ имъ значенія.

Никто не могъ вообразить, начиная съ него самаго, что въ этомъ потѣшномъ полку зараждается то войско, которое подъ Полтавою одолѣетъ Шведскаго льва, подъ Пальцигомъ и Кунерсдорфомъ обратитъ въ бѣгство Фридриха великаго, подъ Кагуломъ и Рымникомъ нанесетъ первый ударъ Турецкому владычеству въ Европѣ, подъ Требіей и Нови отразитъ натиски революціи, подъ Бородинымъ и Тарутинымъ помѣрится съ первымъ полководцемъ древняго и новаго міра, а подъ Лейпцигомъ и Кульмомъ дастъ урокъ ему и его сподвижникамъ, на горахъ Кавказскихъ и пустыняхъ Средней Азіи выдержитъ борьбу съ природою.

Никому не могло придти въ голову, что въ этихъ дѣтскихъ играхъ заключается зерно великихъ преобразованій, которыя обнимутъ обширнѣйшее государство въ мірѣ, остававшееся до сихъ поръ внѣ круга между-народныхъ отношеній, и возъимѣютъ рѣшительное вліяніе на его исторію, исторія Европы.

Царевна Софія предоставляла Петру полную свободу, впредь до рѣшенія его участи; всѣ желанія его были исполняемы, по пословицѣ: чѣмъ бы дитя не занималось, лишь бы не плакало.

Она хотѣла сдѣлать его безвреднымъ для себя другимъ образомъ, и, въ исполненіе задуманнаго съ Голицынымъ плана, женила болѣзненнаго своего брата, Царя Ивана Алексѣевича, лишь только достигнулъ онъ юношескаго возраста 16 лѣтъ, 1684 года, января 9, на дѣвицѣ изъ рода Салтыковыхъ, Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, въ полной увѣренности, что у нихъ будутъ дѣти, надъ которыми во всякомъ случаѣ опека со властію должна будетъ предоставиться ей[95]—но на верху написано было иначе.

Наружно она старалась даже дѣлать ему удовольствія, такъ іюля 13, 1684 года, поднесла она ему, „какъ онъ Государь изволилъ идти въ походъ, три мѣста запонъ во влагалищахъ — запона орелъ съ коруною, въ немъ 84 алмаза и алмазца и искръ алмазныхъ сквозныхъ; запона петлицами, въ ней 63 алмаза и алмазца и искръ алмазныхъ сквозныхъ; запонка круглая, въ ней 9 алмазовъ сквозныхъ же.[96]

Такъ-то, осыпая алмазными искрами, Софія готовила ему рѣшительный ударъ, но онъ не думалъ ни объ какихъ опасностяхъ, погружаясь глубже и глубже въ любезное военное ученье.

1684 годъ долженъ бы быть посвященъ солдатскому ученью. Число охотниковъ умножалось безпрерывно. Любо было Петру видѣть предъ собою преданную дружину, всякой день наростающую, и всегда готовую по его знаку идти за нимъ, куда укажетъ, въ огонь и въ воду.

Надо было завести порядокъ въ полку, учредить начальство, а ктоже могъ пособить здѣсь кромѣ иностранцевъ, жителей сосѣдней Нѣмецкой слободы, съ которыми завелось знакомство и прежде.—Началось полковое ученье.

Всѣ почти офицеры, въ Преображенскомъ полку, извѣстные по самымъ первымъ спискамъ, были Нѣмцы.

Не малаго труда имъ стоило, чтобъ неуклюжіе конюхи и истопники, изъ конюшни и отъ печки, отъ кнутовъ и кочерегъ, отъ скребницъ и топоровъ, привыкли слушать Нѣмецкой команды, по данному знаку оборачиваться, наклоняться, разбѣгаться, останавливаться, сплачиваться въ каре, вытягиваться въ шеренги, заряжать ружье на ходу и стрѣлять во что указано. Много надо было командирамъ поработать надъ ними, разгибая спины, вытягивая шеи, выпрямляя ноги, вымахивая руки, разминая, раскачивая, распрямляя туловище, косное, дебелое, чтобъ—изъ этихъ увальней и косолапыхъ медвѣдей приготовить борцевъ съ Карломъ XII, который тогда только что родился въ Швеціи. Но чего не выдержитъ Русскій человѣкъ, чему онъ не выучится, лишь былабъ охота, да если взяться за него умѣючи. И загремѣли въ Преображенскомъ барабаны, засвистѣли свистки, заиграли флейты, раздались клики: слушай, направо кругомъ, лѣвое плечо впередъ, а Петръ слушалъ, сердце у него билось, и онъ, двѣнадцатилѣтный, видѣлъ уже въ себѣ полководца.

1684, *Марта* 3 *отъ* Государя... Петра Алексѣевича изъ хоромъ выдалъ стольникъ Гаврила Ивановъ сынъ Головкинъ три барабана: одинъ большой, другой средній, третій малый, испорчены, кожи у нихъ испроломаны.

Марта 8 еще два барабана большихъ, а приказалъ ихъ починить, кожи наволочить вовыя.

Іюня 4, прислано для починки 8 барабановъ, чтобы поспѣли сего мѣсяца къ 7 числу.

Іюня 21. Роспись, что надобно для походу за в. г. ПетромъАлексѣевичемъ... въ село Преображенское самопальнымъ; пороху фунтъ, свинцу два фунта, двѣ трещетки съ трубки, ветошей на 6 денегъ.

Она хотѣла сдѣлать его безвреднымъ для себя другимъ образомъ, и, въ исполненіе задуманнаго съ Голицынымъ плана, женила болѣзненнаго своего брата, Царя Ивана Алексѣевича, лишь только достигнулъ онъ юношескаго возраста 16 лѣтъ, 1684 года, января 9, на дѣвицѣ изъ рода Салтыковыхъ, Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, въ полной увѣренности, что у нихъ будутъ дѣти, надъ которыми во всякомъ случаѣ опека со властію должна будетъ предоставиться ей[95]—но на верху написано было иначе.

Наружно она старалась даже дѣлать ему удовольствія, такъ іюля 13, 1684 года, поднесла она ему, „какъ онъ Государь изволилъ идти въ походъ, три мѣста запонъ во влагалищахъ — запона орелъ съ коруною, въ немъ 84 алмаза и алмазца и искръ алмазныхъ сквозныхъ; запона петлицами, въ ней 63 алмаза и алмазца и искръ алмазныхъ сквозныхъ; запонка круглая, въ ней 9 алмазовъ сквозныхъ же.[96]

Такъ-то, осыпая алмазными искрами, Софія готовила ему рѣшительный ударъ, но онъ не думалъ ни объ какихъ опасностяхъ, погружаясь глубже и глубже въ любезное военное ученье.

1684 годъ долженъ бы быть посвященъ солдатскому ученью. Число охотниковъ умножалось безпрерывно. Любо было Петру видѣть предъ собою преданную дружину, всякой день наростающую, и всегда готовую по его знаку идти за нимъ, куда укажетъ, въ огонь и въ воду.

Надо было завести порядокъ въ полку, учредить начальство, а ктоже могъ пособить здѣсь кромѣ иностранцевъ, жителей сосѣдней Нѣмецкой слободы, съ которыми завелось знакомство и прежде.—Началось полковое ученье.

репьи розными краски, цѣною по договору 26 ал. 4 д., обоего рубль 4 деньги; и тѣ шахматы и доски шахматныя, и свинецъ, и дробь и порохъ, послано изъ Оружейныя Палаты къ в. г. въ походъ въ село Воздвиженское съ самопальнымъ съ Яковымъ Деминымъ.

Ноября 22, Стольникъ Гаврила Ивановъ Головкинъ выдалъ въ Оружейную Палату: протазаны, лебарды, пальники, палаши, кончеры, шпаги, пищали золоченыя, винтованныя и духовыя, и скорострѣльную, о десяти зарядахъ, и мушкаты съ жагры и съ нѣмецкими замки, и посольскіе булатные топоры и мечи, бердышъ съ пищальнымъ стволомъ и съ замкомъ, бунчукъ крымской съ хвостомъ, всего семдесятъ одно мѣсто, а приказалъ то все сего жъ числа отвесть къ нему великому государю въ походъ, въ село Преображенское. И того жъ числа то все послано на трехъ подводахъ.[98]

Эти, такъ называемые, походы или объѣзды, занимавшіе много времени, предпринимались, вѣроятно, съ цѣлію потѣшиться на свободѣ, погулять на распашку, подальше отъ матери и всякаго надзору, котораго при немъ впрочемъ вообще не было примѣтно. Вездѣ мы видимъ его одного; онъ такъ потѣшался, какъ ему было угодно, и такимъ образомъ пріучался къ полному, неограниченному во всемъ произволу, безпрекословному исполненію всѣхъ своихъ желаній.

Въ началѣ 1685 года, предпринятъ былъ какой-то особенный походъ, или сдѣлано какое-то особое распоряженіе, по которому велѣно за Государемъ Царемъ и великимъ княземъ П. А. быть въ походѣ съ 13 февраля великому множеству бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, стольниковъ и стряпчихъ.[99]

Полкъ собирался, устраивался, учился, солдаты готовы, да чтоже дѣлать имъ?

Въ 1685 году, когда Петру было уже 13 лѣтъ, явилась у него новая затѣя: построить въ Преображенскомъ, на берегу Яузы, большой потѣшный городокъ, чтобъ обучить вновь набранныхъ солдатъ осадному искусству, взятію приступомъ.

Закипѣла работа съ зимы, съ февраля мѣсяца наважи-вался лѣсъ, дубовый, сосновый, еловый, липовый, бревна, доски, тесницы, брусья, лубье, матеріалъ каменный и желѣзный.[100]

Дѣло здѣсь также не могло обойтись безъ Нѣмцевъ, которые должны были совѣтовать, указывать и наблюдать за работами. Вотъ вывелись стѣны, поднялись башни, раскинулись мосты, насыпались валы, выкопались рвы, выстроились внутри крѣпости хоромы съ свѣтлицами и сѣнями для жилища, амбары и навѣсы для храненія оружей-ной казны, избы для служителей. Потѣшная крѣпость названа Пресбургомъ, вѣроятно, по совѣту кого нибудь изъ строителей, можетъ быть, Венгерца.

Упоминается въ городкѣ и гранатное дѣло, что „дѣлаютъ у в. г. Царя Петра Алексѣевича, для котораго потребо-валось января 18, 1686 года 15 досокъ липовыхъ Москво-рѣцкихъ, двухъ саженъ, 5 досокъ сосновыхъ полуторныхъ, 50 кленинъ“. Вѣрный слуга Лука Хабаровъ въ позднѣй-шей просьбѣ уже Императору Петру напомнилъ, что онъ завѣдывалъ въ Преображенскомъ артиллеріею и артиллерій-скими припасами и аммуниціею, много лѣтъ до 1689 года.[101]

Требованія изъ Оружейной мастерской Палаты и изъ разныхъ приказовъ умножались съ каждымъ днемъ.

Подъячіе не успѣвали заносить ихъ въ свои вѣдомости и сводить счеты. Казенные запасы истощались, и надо было обращаться въ гостинный городъ къ торговымъ людямъ.

Впродолженіи 1685 г. февраля 13-го въ село Преображенское послано 2 ф. пороха; апрѣля 30-го въ село Коломенское пороху 1½ ф., шомполы и двѣ трещетки; мая 5-го въ с. Коломенское послано 1 ф. пороху, кремни, тряпицы, шомполы, пыжовники; мая 12-го въ с. Коломенское 1 ф. пороху; мая 18-го 2 ф. дроби нѣмецкой; мая 19-го въ с. Коломенское 2 ф. пороху, 2 ф. свинца, шомполы, трещетки, кремни, тряпицы; мая 27-го въ с. Коломенское 1 ф. пороху и кремни; іюня 9-го въ с. Коломенское порохъ, свинецъ, трещетки, пыжовники, затравки, мѣрки; іюля 10-го въ с. Коломенское 5 ф. свинцу; іюля 14-го въ с. Коломенское 1 ф. пороху; іюля 19-го въ с. Алексѣевское порохъ, мѣрки, затравки, кремни, трещетки; августа 6 го въ с. Коломенское 1 ф. пороху; августа 7-го въ с. Коломенское 1 ф. дроби; августа 27-го въ с. Коломенское 1 ф. пороху; сентября 28-го въ походъ въ с. Воробьево 8 ф. свинцу; октября 5-го въ с. Коломенское сто кремней, десять затравокъ, пять мѣрокъ, тряпицы, три аршина холста на флясты, пять трещетокъ, пять пыжовниковъ, 10 шомполовъ, фунтъ пороху головнаго къ походнымъ пищалямъ; октября 6-го послано въ с. Коломенское десять затравокъ, пять мѣрокъ, пять трещетокъ, пять пыжовниковъ.[102]

Строеніе потѣшнаго городка, приспособленнаго къ осадѣ и оборонѣ, стрѣльба, пушечная и ружейная, разныя экзерциціи, нововымышляемыя иностранцами, подавали естественно поводъ Петру къ многоразличнымъ вопросамъ, и врожденное любопытство, отличительное его свойство, всегда живое, нетерпѣливое, горячее, возбуждалось безпрестанно и изощрялось. Оно замѣнило ему наставниковъ и руководителей, которыхъ по обстоятельствамъ имѣть онъ не могъ въ своей молодости, и сдѣлалось главнымъ

источникомъ его образованія, обратясь со временемъ въ любознательность, всестороннюю и ненасытную.

Кромѣ военнаго искусства, о которомъ велась у него рѣчь преимущественно съ обитателями Нѣмецкой слободы, не было недостатка и въ другихъ предметахъ, возбуждавшихъ его вниманіе. Торжественные пріемы иностранныхъ пословъ, отпуски нашихъ, разсужденіе о внѣшнихъ сношеніяхъ подавали поводы къ разговорамъ занимательнымъ.

Изъ окружавшихъ его лицъ нѣкоторые могли сообщать ему при такихъ случаяхъ свѣдѣнія для него желательные: напримѣръ, молодой Матвѣевъ, у котораго мать была Англичанка и воспитателемъ ученый Полякъ, научившій его даже Латинскому языку.[103] Матвѣевъ, проживъ съ отцемъ въ ссылкѣ шесть лѣтъ, могъ отъ него наслушаться о дѣлахъ нашихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, и передавать Петру при случаяхъ ему извѣстное.

Никита Моисеевичъ Зотовъ, старый его учитель, возвратившійся изъ дипломатическаго своего путешествія въ 1681 году, разсказалъ, вѣроятно, своему воспитаннику обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ.[104] А что Зотовъ былъ словоохотливъ, можемъ мы заключать изъ того, что послѣ онъ сдѣлался старшиною на пирахъ Петровыхъ, чего не могъ бы пріобрѣсти однимъ расположеніемъ къ горячимъ напиткамъ.

Докторомъ у Петра былъ Нѣмецъ, съ которымъ также могъ онъ тогда часто бесѣдовать и слышать новое.[105]

Свѣдѣнія умножались, а необыкновенная память, которою онъ былъ одаренъ отъ природы, сохраняла ихъ въ цѣлости и сохранности; разъ узнанное оставалось навсегда

неотъемлемой собственностію въ его головѣ, какъ въ крѣпкой, кладовой, или, лучше, какъ на тучной нивѣ, которая даетъ плодъ сторицею.

Начало 1686 года занято было заключеніемъ вѣчнаго мира съ Польшею. Многочисленное, пышное посольство прибыло въ Москву 8 февраля. Послы приняты были торжественно въ Грановитой Палатѣ. Присутствовали оба Царя, въ царскихъ вѣнцахъ, въ діадимахъ со скипетрами въ рукахъ. Переговоры длились около трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ, благодаря искусству и настойчивости начальника посольскаго приказа, царственныя большія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя, князя Василія Васильевича Голицына, заключенъ былъ славный миръ, по которому утверждены были за Россіей, не только Смоленскъ, Черниговъ съ Малороссійскою страною, но и Кіевъ, который трижды по прежнимъ договорамъ мы обязывались возвратить Польшѣ. Польша согласилась на эти условія, не видя возможности удерживать упомянутыхъ городовъ за собою, а главное — постановивъ за то непремѣнною обязанностію Россіи начать немедленно войну съ Турціей, которая грозила великой опасностію для Рѣчи Посполитой. Россія по договору не должна была класть оружія, пока Турція не возвратитъ Польшѣ Каменца. 27 апрѣля посольство было отпущено. Цари пожаловали ихъ къ рукѣ, пили здоровье королевское, и жаловали кубками изъ своихъ рукъ пословъ и бояръ, пившихъ за здравіе Царское.[106]

Молодой Царь облекался въ порфиру, надѣвалъ на голову вѣнецъ, и въ руки бралъ скипетръ: все это не могло также

не оставить сильныхъ слѣдовъ въ душѣ 14 лѣтнаго уже Петра, который подлѣ себя видѣлъ обиженнаго природою, убогаго брата, и сестру, случайно и незаконно захватившую власть. Не было недостатка въ людяхъ, которые рады были надоумить его и объяснить странное положеніе.

Петръ видимо развивался, и показывалъ своею дѣятельностію, своимъ образомъ дѣйствій, своимъ характеромъ, что изъ него можетъ выйдти. Сторонники его утверждались въ надеждѣ дождаться праздника на своей улицѣ, и, не въ силахъ скрывать нетерпѣніе, смѣло выражали свое мнѣніе, оказывая неуваженіе къ старшему Царю и правительству Царевны Софіи Алексѣевны.

Такъ: стольникъ Языковъ открыто говорилъ: имя Царя Петра Алексѣевича видимъ, а бить челомъ ему ни о чемъ не смѣемъ. Шакловитый подвергъ его пыткѣ и выпроводилъ изъ Москвы.

1684 г. октября 23, боярамъ Ив. Вас. Бутурлину, А. П. Салтыкову, окольничимъ князю Я. В. Хилкову, А. С. Хитрову, М. П. Измайлову, князю В. Ѳ. Жировому-Засѣкину, стольнику кн. Б. Ѳ. Долгорукому приказано съ дворовъ до своего в. государей указу не съѣзжать; а у В. Мяснова отнять честь, думное дворянство за то, что въ 193 г. окт. въ 22 числѣ, на праздникъ Богородицы Казанскія, по ихъ, в. государей, указу велѣно имъ быть за в. государемъ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ въ ходу, и изъ того ходу за св. иконами по городу. И для того къ нимъ на дворы посыланы изъ разряду подъячіе многажды, и они въ томъ ходу за в. государемъ и по городу за иконы не были; а про

неотъемлемой собственностію въ его головѣ, какъ въ крѣпкой, кладовой, или, лучше, какъ на тучной нивѣ, которая даетъ плодъ сторицею.

Начало 1686 года занято было заключеніемъ вѣчнаго мира съ Польшею. Многочисленное, пышное посольство прибыло въ Москву 8 февраля. Послы приняты были торжественно въ Грановитой Палатѣ. Присутствовали оба Царя, въ царскихъ вѣнцахъ, въ діадимахъ со скипетрами въ рукахъ. Переговоры длились около трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ, благодаря искусству и настойчивости начальника посольскаго приказа, царственныя большія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя, князя Василія Васильевича Голицына, заключенъ былъ славный миръ, по которому утверждены были за Россіей, не только Смоленскъ, Черниговъ съ Малороссійскою страною, но и Кіевъ, который трижды по прежнимъ договорамъ мы обязывались возвратить Польшѣ. Польша согласилась на эти условія, не видя возможности удерживать упомянутыхъ городовъ за собою, а главное — постановивъ за то непремѣнною обязанностію Россіи начать немедленно войну съ Турціей, которая грозила великой опасностію для Рѣчи Посполитой. Россія по договору не должна была класть оружія, пока Турція не возвратитъ Польшѣ Каменца. 27 апрѣля посольство было отпущено. Цари пожаловали ихъ къ рукѣ, пили здоровье королевское, и жаловали кубками изъ своихъ рукъ пословъ и бояръ, пившихъ за здравіе Царское.[106]

Молодой Царь облекался въ порфиру, надѣвалъ на голову вѣнецъ, и въ руки бралъ скипетръ: все это не могло также

не оставить сильныхъ слѣдовъ въ душѣ 14 лѣтнаго уже Петра, который подлѣ себя видѣлъ обиженнаго природою, убогаго брата, и сестру, случайно и незаконно захватившую власть. Не было недостатка въ людяхъ, которые рады были надоумить его и объяснить странное положеніе.

Петръ видимо развивался, и показывалъ своею дѣятельностію, своимъ образомъ дѣйствій, своимъ характеромъ, что изъ него можетъ выйдти. Сторонники его утверждались въ надеждѣ дождаться праздника на своей улицѣ, и, не въ силахъ скрывать нетерпѣніе, смѣло выражали свое мнѣніе, оказывая неуваженіе къ старшему Царю и правительству Царевны Софіи Алексѣевны.

Такъ: стольникъ Языковъ открыто говорилъ: имя Царя Петра Алексѣевича видимъ, а бить челомъ ему ни о чемъ не смѣемъ. Шакловитый подвергъ его пыткѣ и выпроводилъ изъ Москвы.

1684 г. октября 23, боярамъ Ив. Вас. Бутурлину, А. П. Салтыкову, окольничимъ князю Я. В. Хилкову, А. С. Хитрову, М. П. Измайлову, князю В. Ѳ. Жировому-Засѣкину, стольнику кн. Б. Ѳ. Долгорукому приказано съ дворовъ до своего в. государей указу не съѣзжать; а у В. Мяснова отнять честь, думное дворянство за то, что въ 193 г. окт. въ 22 числѣ, на праздникъ Богородицы Казанскія, по ихъ, в. государей, указу велѣно имъ быть за в. государемъ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ въ ходу, и изъ того ходу за св. иконами по городу. И для того къ нимъ на дворы посыланы изъ разряду подъячіе многажды, и они въ томъ ходу за в. государемъ и по городу за иконы не были; а про

стороны, а ея приверженцы, принужденные молчать въ началѣ управленіи Софіи, усилились видно на столько, что могли думать о борьбѣ.

Софіи нужно было ознаменовать свое правленіе какимъ нибудь славнымъ, громкимъ дѣяніемъ. Обязанность, принятая договоромъ съ Польшею, подавала къ тому самый благовидный предлогъ. Рѣшено было идти войною на Крымъ. Снаряжалось войско.

Многіе, знакомые Петру, иностранцы готовились выступить въ походъ. Вездѣ пошли разговоры о задуманномъ предпріятіи, въ которыхъ любознательный Петръ принималъ, разумѣется, живое участіе: о Крымѣ, о Татарахъ и Туркахъ, объ ихъ силѣ, объ отношеніяхъ къ намъ и другимъ странамъ, къ Польшѣ и Имперіи, объ опасности, угрожавшей Европѣ отъ Турокъ, которые осаждали уже Вѣну, о необходимости для Европейскихъ государей заключить союзъ между собою, о мѣрахъ, которыя должно принимать противъ враговъ христіанства.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ правительствомъ Царевны Софіи, было и снаряженіе посольства въ разныя Европейскія государства извѣстить Государей о предпринятомъ походѣ на Крымъ, и пригласить ихъ къ участію въ войнѣ противъ невѣрныхъ, которые грозятъ всему христіанству.

Посольства эти не принесли никакой пользы, но одно изъ нихъ подало поводъ къ случаю, получившему великое значеніе въ жизни Петровой. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, одинъ изъ ближнихъ людей ко двору младшаго

на Верхотурье капитанъ стрѣлецкій Ив. Тавкуновъ съ женою Любавою; „велѣно держать его за крѣпкою сторожею, до тѣхъ мѣстъ, какъ объ немъ присланъ будетъ указъ.“[107]

И въ простомъ народѣ примѣчались иногда знаки нерасположенія къ правительству Царевны Софіи.

Между тѣмъ Царевна Софія увидѣла, что ошиблась въ своихъ разсчетахъ: супруга, данная ею больному своему брату Ивану, приносила дочерей, а не сыновей. Софія должна была принимать другія мѣры для обезпеченія своей власти.

По заключеніи славнаго мира съ Польшею, въ день объявленія наградъ, она вздумала принять титло Самодержицы, равное съ государями Царями и Самодержцами, своими братьями. Такъ велѣно было называть ее въ грамматахъ, отъ имени Царей разсылаемыхъ (апрѣля 6, 1686 года), и такъ чествовалась она въ челобитныхъ, подаванныхъ на ея имя. Она начала участвовать во всѣхъ царскихъ выходахъ 19-го мая 1686 года, вмѣстѣ съ Царями.[108]

Молодой Петръ, погруженный въ свои занятія, мало обращалъ на то вниманія, но при дворѣ его смотрѣли на эти замыслы и покушенія иначе; тамъ выражалось негодованіе, и мать его, Царица Наталія Кирилловна, сказала, не обинуясь, теткамъ и старшимъ сестрамъ Софіи, „для чего учала она писаться съ великими государями обще? У насъ люди есть и того дѣла не покинутъ!“[109] Она, слѣдовательно, была увѣрена уже въ значеніи своей

нозѣ ихъ всякаго врага и супостата. Государи проводили воеводъ за образами и полки съ знаменами до Казанскаго собора.

И вѣрно думалъ про себя Петръ, смотря на удалявшіеся полки: когда-то доведется мнѣ вести ихъ на сраженія, когда-то я буду военачальникомъ, стану брать города, побѣждать непріятелей, покорять новыя земли...

Наступила весна. Число потѣшныхъ солдатъ умножилось: они не могли уже помѣщаться въ Преображенскомъ, и имъ понадобилось занять другое сосѣднее село, Семеновское. Такъ произошелъ другой полкъ, получившій проименованіе Семеновскаго.

Вмѣстѣ съ придворными конюхами начали записываться и знатные юноши изъ тѣхъ родовъ, которые держались стороны Петровой. Они хотѣли заранѣе пріобрѣсти его благорасположеніе, а его нельзя было пріобрѣсти ни чѣмъ больше участія въ его военныхъ потѣхахъ.[111] Онъ служилъ солдатомъ въ своемъ полку, и они должны были слѣдовать его примѣру.

Такъ князь М. М. Голицынъ, будущій Фельдмаршалъ, поступилъ за малолѣтство въ барабанную науку въ Семеновскомъ полку; Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ служилъ въ Преображенскомъ полку въ чинѣ Маіора.[112]

Полки имѣли нужду въ вооруженіи. Петръ добрался до Оружейной палаты, куда до сихъ поръ посылались только приказы отъ его имени. Глаза у него разбѣжались при видѣ оружія всякаго рода, и ему захотѣлось захватить все вдругъ, тотчасъ перетащить все въ Преображенское. Успокоясь, онъ указалъ вещи для доставленія къ нему въ хоромы, и ихъ набрался цѣлый возъ.[113]

Царя, бывшій его стольникомъ еще при жизни отца его, Царя А. М., державшій его сторону при избраніи на царство, назначенъ былъ посланникомъ во Францію къ Людовику XIV, и въ Испанію къ Карлу II. Онъ пришелъ проститься съ Петромъ и спросилъ его, какой гостинецъ привезти ему изъ чужихъ краевъ. Въ разговорѣ о предстоявшей войнѣ, о сборѣ ратныхъ людей, или о потѣшномъ городкѣ, который распространялся болѣе и болѣе на берегу Яузы, пришлось какъ-то къ слову, Князь Яковъ Ѳедоровичъ сказалъ, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно узнать разстоянія, не сходя съ мѣста, не измѣряя шагами.[110]

„Можетъ ли это быть?“ спросилъ удивленный Петръ.

— Вѣрно такъ, отвѣчалъ князь Долгорукій.

„Дай мнѣ его.“

— Да нѣтъ уже его у меня, пропалъ, украли.

„Какой же онъ былъ, разскажи.“

— Устанавливался на трехъ ножкахъ, какъ на палкахъ, а на верху кружокъ, а въ кружкѣ стрѣлка, такъ и ходитъ...

„Купи, купи мнѣ такой инструментъ, гдѣ найдешь и привези. Вотъ мнѣ гостинецъ—сдѣлай милость!“

Долгорукій обѣщался.

„Смотри же, не забудь, князь Яковъ Ѳедоровичъ!“

— Не забуду, будь покоенъ.

Февраля 22, 1687 года совершено было торжественное молебствіе въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи Царей и Царевны, вознесена общая молитва о покореніи подъ

Глядя на Нѣмцевъ, и Петръ начиналъ отвѣдывать вина и другихъ пряностей, которыя пришлись болѣе по вкусу, чѣмъ прѣсныя яства и питья придворныхъ обѣдовъ съ кислымъ квасомъ и сладкимъ медомъ.

Старшіе его товарищи, даже и наставники, какъ напримѣръ: Бутурлинъ и Зотовъ, прославившіеся впослѣдствіи на этомъ поприщѣ, не могли его останавливать, а развѣ поощрять.

Изъ Потѣшнаго городка не далеко было до Нѣмецкой слободы, куда вѣрно зазывали его иногда въ гости веселые товарищи, любившіе не только выпить, но и потолковать о политикѣ, поспорить, поиграть въ шахматы, и изъ за кружки пива потанцовать съ своими Доротеями и Вильгельминами.

Зазвавъ, они, разумѣется, старались угощать его на славу. Можетъ быть, и самъ онъ, слыша и видя, какъ весело проводится у нихъ время, напрашивался къ нимъ въ гости, и подъ какими нибудь предлогами ускользалъ изъ подъ близкаго домашняго надзора, чтобъ попасть въ веселое общество Нѣмецкой слободы.

Тамошнія свободныя пирушки, гдѣ, въ облакахъ табачнаго дыма, все было на распашку, гремѣла музыка, разыгрывались разныя замысловатыя игры, раздавались веселыя пѣсни, волновавшія кровь, кружились до упаду разгоряченныя пары далеко за полночь; гдѣ женщины и дѣвицы, одѣтыя не по нашему, съ полуоткрытыми или открытыми грудями и обнаженными плечами, съ перетянутой таліей, въ коротенькихъ юбочкахъ, бросали умильные взгляды, улыбались кокетливо на всякія двусмыслен-

Формированіе продолжалось, полки раздѣлились на роты, между которыми первая была бомбардирская. Гдѣ же набирать офицеровъ, знающихъ и опытныхъ? Свои могли смотрѣть только за поведеніемъ, за подчиненностію. Набирать было негдѣ кромѣ Нѣмецкой слободы,—и оттуда являлись охотники гурьбами.

Лишь установилась погода, какъ и начались маневры, экзерциціи, сраженія, осады и приступы. Потѣшные съ Царемъ во главѣ, трудились до пота лица.

Участіе Нѣмцевъ во всѣхъ военныхъ упражненіяхъ соединилось съ табакомъ, виномъ и пивомъ, безъ которыхъ они, особенно въ то время, жить не могли.

Всякое успѣшное дѣло, (а неуспѣшныхъ не было), нужно было отпраздновать, закусить и выпить. Начала, ополченія, побѣды, пораженія, все подавало поводъ къ возліяніямъ.

Царскіе праздники на Верху оканчивались угощеніемъ присутствовавшихъ по бокалу вина, за который пожалованные бояре отвѣшивали по низкому поклону, и разъѣзжались по домамъ. Нѣмцы бокаломъ не могли удовольствоваться. Имъ мало было и по два, и по три. У Царя должно быть разливанное море. Молодой бомбардиръ разумѣется не могъ оставаться на тощакъ при общемъ настроеніи, онъ хотѣлъ во всемъ вести себя наравнѣ съ другими, не только не отстать отъ нихъ, но и отличиться предъ ними, показать свою силу, и удаль и молодечество. Такимъ образомъ, если, вспомнимъ, что 11 лѣтъ онъ казался иностранному путешественнику 15 лѣтнымъ, то 15-ти, 16 лѣтъ, онъ былъ, разумѣется, уже возмужалымъ юношей.

опасеніе увеличилось. Надо держать ухо востро, надо развѣдать, что тамъ дѣлается, не затѣвается ли что недоброе. Нашлись предательницы, польстившіяся на награды, двѣ постельницы Царицы Натальи Кирилловны: Нелидова и Сенюкова. Онѣ начали переносить оттуда вѣсти къ Царевнѣ Софіи, и разсказывали, какъ ее тамъ бранятъ и желаютъ всякаго лиха, въ особенности братъ Царицынъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ.[114] Противъ такихъ вѣстей и на Верху послышались угрозы и злыя слова. Шакловитый говорилъ: „чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше Царицу извести". И князю В. В. Голицыну приписывали даже такія слова: „для чего ее прежде съ братьями не уходили! Ничего бы теперь не было".[115]

Военныя упражненія начали возбуждать опасенія на Верху, но прекратить ихъ не было возможности, и мѣшать имъ не встрѣчалось никакого предлога. На первыхъ порахъ правительство удовольствовалось, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, распространеніемъ неблагопріятныхъ слуховъ объ образѣ жизни молодаго Царя: онъ ведетъ себя не по царски и якшается больше всего за панибрата съ нехристями Нѣмцами, которымъ отдается ясное предпочтеніе предъ Русскими людьми; онъ не уважаетъ отеческихъ обычаевъ, и на праздники, когда въ церквахъ христіанскихъ православные молятся за заутренею, у него въ Преображенскомъ идетъ пиръ горою, играютъ на скрипкахъ и органахъ; онъ пьетъ тогда на пропалую съ своими товарищами и буйствуетъ. Если въ такихъ молодыхъ лѣтахъ показываетъ онъ расположеніе къ этому постыдному пороку,

то чего слѣдуетъ ожидать отъ него, когда онъ достигнетъ совершеннаго возраста. Царевна Софія надѣялась въ самомъ дѣлѣ, что ранніе кутежи Петра не доведутъ до добра и разстроятъ его здоровье, что онъ возбудитъ противъ себя народную ненависть, которою при случаѣ можно будетъ воспользоваться, или, наконецъ, что онъ сломитъ себѣ шею среди своихъ безпрерывныхъ экзерцицій.

А новый богатырь, между тѣмъ, росъ себѣ, потѣшаясь и гуляя, мужалъ, укрѣплялся тѣломъ и духомъ; тѣломъ дорасталъ чуть не до сажени въ высоту, а духу скоро и мѣры не найдется.

Крымскій походъ, на который Царевна Софія, повидимому, возлагала большую надежду, шелъ неуспѣшно. Число сборнаго войска простиралось до ста тысячъ, къ которымъ присоединилось Малороссійскихъ козаковъ до 50 съ Гетманомъ Самойловичемъ. Между начальствовавшими съ самаго начала примѣчались разногласія. Нѣкоторые придворные чины оказывали неповиновеніе вслѣдствіе новыхъ порядковъ, введенныхъ княземъ Голицынымъ въ раздѣленіи полковъ. Стольники: Князь Борисъ Долгорукій, Князь Юрій Щербатовъ, Дмитріевъ и Мосаловъ, явились на смотръ въ черномъ платьѣ, на лошадяхъ, прикрытыхъ черными сукнами, какъ бы на погребеніе.[116] Такая выходка показывала, что противная царевнѣ Софіи партія сознавала свою силу и не побоялась Князя Голицына нанести ему явное оскорбленіе. Онъ пожаловался и требовалъ строгаго наказанія, которое и было назначено, но виноватые, принеся покаяніе, были прощены. Изъ писемъ князя Голицына къ Шакловитому во время похода видно,

что эта партія въ Москвѣ значительно усилилась, и онъ опасался ея происковъ, возлагая всю надежду на усердіе Шакловитаго, который, кажется, заступилъ его мѣсто наперсника Царевны Софіи.

Два мѣсяца прошло, пока всѣ войска прибыли въ первыхъ числахъ Мая на сборное мѣсто въ окрестностяхъ рѣки Мерло. Отсюда, съ величайшими предосторожностями, опасаясь нечаяннаго нападенія Татаръ, все войско двинулось на югъ, и 12 іюня достигло Конскихъ водъ. Здѣсь встрѣтилось неожиданное препятствіе: страшный дымъ и смрадъ несся ему на встрѣчу. Татары зажгли степи и пожаръ распространился на огромное пространство. Полководцы попытались на другой день продолжить походъ, и въ двое сутокъ могли сдѣлать только 12 верстъ. Травы вовсе не было, воды также. Люди и лошади, изнуренные жаждою и зноемъ, съ трудомъ передвигали ноги, въ полкахъ появилось много больныхъ, продовольствія не доставало.

Созванъ былъ военный совѣтъ, на которомъ, въ виду такихъ неожиданныхъ обстоятельствъ, чтобы не погубить войска, рѣшено было прекратить походъ, возратиться на границу, гдѣ и ожидать царскаго указа. Для охраненія отступавшаго войска отряженъ къ низовьямъ Днѣпра окольничій Неплюевъ съ 20 тысячами Московскаго войска и 20 тысячами казаковъ.[117]

Неудача приписана была Малороссійскому Гетману Самойловичу, вслѣдствіе слуховъ, распущенныхъ генеральнымъ есауломъ Мазепою, будто степи запалены казаками, если и не по приказанію, то съ вѣдома Гетмана, который

боялся, чтобъ побѣды Москвы не имѣли слѣдствіемъ уничтоженія казацкихъ волостей, надъ Крымомъ. Доносъ, сочиненный на Гетмана, въ сообществѣ съ казацкими чинами, былъ отправленъ въ Москву, оттуда присланъ былъ начальникъ стрѣлецкаго приказа Шакловитый произвести дознаніе и слѣдствіе. По настоянію Князя Голицына, Самойловичъ лишенъ былъ своего званія и отосланъ въ ссылку въ Сибирь, а на его мѣсто Гетманомъ Малороссійскимъ избранъ Мазепа, будущій предатель.[118]

На берегахъ Мерло войско получило милостивое царское слово, привезенное бояриномъ В. П. Шереметевымъ, и было осыпано за успѣшный якобы походъ такими наградами, какимъ подобныхъ не бывало. Князь Голицынъ получилъ золотую медаль, осыпанную драгоцѣнными каменьями, на золотой цѣпи въ 300 червонцевъ; товарищамъ его розданы медали въ 9 червонцевъ, другимъ менѣе; Генералъ-поручику Гордону досталась медаль въ 5 червонцевъ. Солдаты выборныхъ полковъ получили по золотому, прочихъ полковъ по серебряной копейкѣ. Послѣдній рейтаръ получилъ 120 четвертей земли и немалую сумму денегъ.[119] Народу объявлено, что Ханъ Крымскій, сознавъ свое безсиліе, всѣ степи Крымскихъ юртовъ выжегъ, и самъ скрылся, а войско наше сохранилось въ цѣлости.

Съ другой стороны на Крымской походъ посмотрѣла партія Петрова. Лица, принадлежавшія къ ней, старались возбуждать неудовольствіе въ народѣ за безплодныя траты людей и денегъ, за щедрыя награды воеводамъ, ничѣмъ незаслуженныя.

что эта партія въ Москвѣ значительно усилилась, и онъ опасался ея происковъ, возлагая всю надежду на усердіе Шакловитаго, который, кажется, заступилъ его мѣсто наперсника Царевны Софіи.

Два мѣсяца прошло, пока всѣ войска прибыли въ первыхъ числахъ Мая на сборное мѣсто въ окрестностяхъ рѣки Мерло. Отсюда, съ величайшими предосторожностями, опасаясь нечаяннаго нападенія Татаръ, все войско двинулось на югъ, и 12 іюня достигло Конскихъ водъ. Здѣсь встрѣтилось неожиданное препятствіе: страшный дымъ и смрадъ несся ему на встрѣчу. Татары зажгли степи и пожаръ распространился на огромное пространство. Полководцы попытались на другой день продолжить походъ, и въ двое сутокъ могли сдѣлать только 12 верстъ. Травы вовсе не было, воды также. Люди и лошади, изнуренные жаждою и зноемъ, съ трудомъ передвигали ноги, въ полкахъ появилось много больныхъ, продовольствія не доставало.

Созванъ былъ военный совѣтъ, на которомъ, въ виду такихъ неожиданныхъ обстоятельствъ, чтобы не погубить войска, рѣшено было прекратить походъ, возратиться на границу, гдѣ и ожидать царскаго указа. Для охраненія отступавшаго войска отряженъ къ низовьямъ Днѣпра окольничій Неплюевъ съ 20 тысячами Московскаго войска и 20 тысячами казаковъ.[117]

Неудача приписана была Малороссійскому Гетману Самойловичу, вслѣдствіе слуховъ, распущенныхъ генеральнымъ есауломъ Мазепою, будто степи запалены казаками, если и не по приказанію, то съ вѣдома Гетмана, который

боялся, чтобъ побѣды Москвы не имѣли слѣдствіемъ уничтоженія казацкихъ волостей, надъ Крымомъ. Доносъ, сочиненный на Гетмана, въ сообществѣ съ казацкими чинами, былъ отправленъ въ Москву, оттуда присланъ былъ начальникъ стрѣлецкаго приказа Шакловитый произвести дознаніе и слѣдствіе. По настоянію Князя Голицына, Самойловичъ лишенъ былъ своего званія и отосланъ въ ссылку въ Сибирь, а на его мѣсто Гетманомъ Малороссійскимъ избранъ Мазепа, будущій предатель.[118]

На берегахъ Мерло войско получило милостивое царское слово, привезенное бояриномъ В. П. Шереметевымъ, и было осыпано за успѣшный якобы походъ такими наградами, какимъ подобныхъ не бывало. Князь Голицынъ получилъ золотую медаль, осыпанную драгоцѣнными каменьями, на золотой цѣпи въ 300 червонцевъ; товарищамъ его розданы медали въ 9 червонцевъ, другимъ менѣе; Генералъ-поручику Гордону досталась медаль въ 5 червонцевъ. Солдаты выборныхъ полковъ получили по золотому, прочихъ полковъ по серебряной копейкѣ. Послѣдній рейтаръ получилъ 120 четвертей земли и немалую сумму денегъ.[119] Народу объявлено, что Ханъ Крымскій, сознавъ свое безсиліе, всѣ степи Крымскихъ юртовъ выжегъ, и самъ скрылся, а войско наше сохранилось въ цѣлости.

Съ другой стороны на Крымской походъ посмотрѣла партія Петрова. Лица, принадлежавшія къ ней, старались возбуждать неудовольствіе въ народѣ за безплодныя траты людей и денегъ, за щедрыя награды воеводамъ, ничѣмъ незаслуженныя.

Самому Петру было о чемъ разспрашивать возвратившихся военныхъ людей. Нѣмцы не упускали случая сообщать ему свои критическія замѣчанія, приписывая неудачу малому исскуству Русскихъ воеводъ: не забрали они нужныхъ справокъ, не приняли должныхъ мѣръ и не умѣли повести дѣла, пренебрегая совѣтами иностранцевъ.

Онъ слушалъ, принималъ все къ свѣдѣнію, и моталъ себѣ на усъ, который началъ у него пробиваться. Ему пошелъ 16 годъ.

Ропотъ раздавался громче и громче, жалобы увеличивались. Царевна Софія, чтобъ удержать за собой власть, задумала вѣнчаться на царство. Въ августѣ мѣсяцѣ 1687 г., послѣ возвращенія князя Голицына изъ Крымскаго похода, она велѣла Шакловитому провѣдать у стрѣльцовъ, какъ они примутъ такое дѣло.[120]

28 августа Шакловитый созвалъ въ загородный домъ свой подъ Дѣвичьимъ монастыремъ нѣсколько стрѣльцевъ позначительнѣе, человѣкъ 30, въ томъ числѣ пятисотныхъ: Ларіона Елизарьева, будущаго донощика, Василія Бурмистрова, пятидесятниковъ и приставовъ: Андрея Кондратьева, Обросима Петрова, Алексѣя Стрижева, Аѳанасія Ларіонова, Бориса Дмитріева, и, напомнивъ имъ, какими милостями осыпаетъ ихъ Царевна Софія Алексѣева, предложилъ имъ подать челобитную, чтобъ она вѣнчалась вѣнцемъ. Стрѣльцы задумались, но сказали: пожалуй, но вѣдаютъ-ли про то Государи и бояре? „Вѣдаетъ одинъ Государь“, отвѣчалъ Шакловитый, а другой въ малыхъ лѣтахъ. Его слушать нечего; стоитъ захватить Льва Нарышкина и князя Бориса Голицына, и онъ согласится.

„А Патріархъ“? Патріарха и перемѣнить можно. Возмемъ хоть простаго монаха, на нашу руку, тотъже патріархъ будетъ. Бояръ же опасаться нечего: всѣ они зяблое дерево, постоитъ одинъ только Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.—Попытайте же товарищей, какая отъ нихъ будетъ отповѣдь“.

Въ слободахъ обнаружилось сомнѣніе; многіе стрѣльцы не соглашались, и хотя челобитная была готова, и наканунѣ еще новаго года Шакловитый сообщалъ Медвѣдеву, что Царевна на завтра будетъ вѣнчаться царскимъ вѣнцемъ, но она отмѣнила свое намѣреніе, „чтобъ то не было братьямъ ея великимъ Государямъ въ гнѣвъ и безчестіе.“ Она велѣла Шакловитому передать согласившимся стрѣльцамъ, чтобъ они челобитной не подавали: „то ей непотребно.“[121]

Черезъ нѣсколько дней сама Царевна Софія призывала къ себѣ нѣсколько довѣренныхъ стрѣльцевъ, и жаловалась, что Царица Наталья Кирилловна, съ братьями и княземъ Борисомъ Голицынымъ, затѣваетъ бунтъ, и Патріархъ съ ними за одно: чѣмъ-бы ему уговаривать, а онъ только мутитъ. Шакловитый прибавилъ: для чего бы Князя Бориса и Льва Нарышкина не принять? Можно бы принять и Царицу. Извѣстно тебѣ, Государыня, каковъ ея родъ, и какова въ Смоленскѣ была: въ лаптяхъ ходила. „Жаль мнѣ ихъ,“ сказала Царевна, „и безъ того ихъ Богъ убилъ.“ Воля твоя, Государыня, отвѣчали стрѣльцы; что хочешь, то и дѣлай.[125]

Разумѣется, всѣ эти дѣйствія, намѣренія, переговоры, доходили въ разныхъ слухахъ до Петровой партіи и оказывали вліяніе на ея образъ дѣйствій.

Петръ впрочемъ не принималъ въ нихъ участія, и продолжалъ воевать по своему въ Преображенскомъ.

Въ Оружейную Палату онъ опять заглянулъ и велѣлъ отвезти оттуда еще возъ всякаго оружія.

О концѣ 1687 года нѣтъ извѣстія. Мы можемъ судить о нихъ только по требованіямъ пороха и свинца.[126]

Мая 26-го въ село Преображенское 1 Ф. дроби; іюня 1-го отпущено 2 Ф. свинцу; іюля 12-го въ с. Преображенское 1 Ф. свинцу, 1 Ф. дроби; сентября 1-го въ с. Преображенское 4 Ф. свинцу; сентября 10-го въ с. Преображенское 4 Ф. свинцу; Сентября 14-го въ с. Преображенское 1 Ф. пороху, свинцу 2 Ф., 50 кремней; сентября 15-го въ с. Преображенское 2 Ф. свинцу; сентября 25-го въ с. Преображенское 1 Ф. пороху, 2 Ф. свинцу; октября 5-го въ с. Преображенское 1 Ф. свинцу; октября 10-го въ с. Преображенское 1 Ф. пороху; ноября 23-го въ Саввинскій походъ 1 Ф. пороху, 1 Ф. свинцу.[127]

1688 года, января 14, было при дворѣ засѣданіе верховной думы, въ коемъ присутствовали оба Царя,—и притомъ младшій въ первый разъ,—съ Царевной Софіей.

Такъ свидѣтельствуетъ Гордонъ въ своемъ дневникѣ, дѣлая удареніе на то, что Петръ присутствовалъ въ первый разъ.[128]

Изъ этого извѣстія ясно видно, что мать и приверженцы Петровы хотѣли показать его готовность и твердое намѣреніе принять участіе въ управленіи, что̀, разумѣется, должно было заставить задуматься Царевну Софію съ ея друзьями.

Еще болѣе, Петръ, по извѣстію Гордона, 27 января, послѣ годичной панихиды по отцѣ его, Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, обошелъ всѣ приказы, одѣлилъ однихъ колодниковъ деньгами, другимъ даровалъ свободу.[129]

Разумѣется, что онъ поступалъ такъ по чужому внушенію, исполнялъ задаваемые ему уроки, а самъ не чувствовалъ еще, кажется, расположенія ни къ какимъ дѣламъ, кромѣ военныхъ потѣхъ.

20 февраля въ Воскресенскомъ (на Прѣснѣ) передъ молодымъ Царемъ происходила пальба изъ пушекъ, и сожженъ фейерверкъ.[130]

Вотъ новая забава, чисто увеселительная, которую Петръ очень полюбилъ, и часто началъ устроивать.

Не прерывались однако и учебныя занятія, по крайней мѣрѣ мы видимъ, что марта 1, по указу Царя Петра Алексѣевича, велѣно въ Оружейной Палатѣ, глобузъ, который выданъ отъ него великаго Государя изъ хоромъ, починить заново.[131]

А вотъ воротился изъ чужихъ краевъ и Князь Долгорукій, въ маѣ 1688 года. Петру исполнилось 16 лѣтъ.

„Ну что привезъ ли гостинецъ, Князь Яковъ Ѳедоровичъ?“

Какъ не привезти, коли ты приказалъ.

„Гдѣже онъ, подавай скорѣе.“

Принесли большой увязанный ящикъ. Начали распаковывать, развязывать. Петръ хлопоталъ, разумѣется, больше всѣхъ, съ нетерпѣніемъ разрывая узлы, разрѣзывая веревки. Открыли, вынули.

Какъ же мѣрять? Никто не умѣетъ. Поглядываютъ Русскіе люди на инструментъ, поглядываютъ другъ на друга, и только разводятъ руками, да диву даются; потрогаютъ, пошевелятъ, да и прочь пойдутъ, а стрѣлка бѣгаетъ. Отчего она бѣгаетъ? Что указываетъ? Что означаютъ буквы, числа, кругомъ, въ три ряда?

„Князь Яковъ Ѳедоровичъ, какъ же мѣрять“?

А я почемъ знаю, отвѣчаетъ сановитый посланникъ, поглаживая бороду, ты велѣлъ купить, ну вотъ я и купилъ, а какъ прилаживать инструментъ, почему мнѣ знать?

Петръ въ отчаяніи. Онъ обращается къ своему доктору Нѣмцу, не умѣетъ ли онъ употреблять астролябіи. Нѣтъ, не умѣетъ,—но постарается найдти такого человѣка, который дѣла такія смыслитъ.

— „Сдѣлай милость поищи,“—и докторъ на другой день приводитъ къ Петру Франца Тиммермана, Голландскаго купца, который издавна поселился въ Москвѣ, выучился по Русски и имѣлъ нѣкоторое образованіе. Тотъ взглянулъ на астролябію и сказалъ, что можетъ научить ея употребленію. Какъ-же? Вотъ какъ...

И онъ смѣрялъ взятое для примѣра разстояніе, сдѣлалъ выкладку, и сказалъ, на сколько саженъ отстоитъ отъ нихъ указанное мѣсто. Провѣрили шагами его счетъ, и счетъ оказался вѣрнымъ. Удивились всѣ свидѣтели такой неслыханной хитрости.

„Научи меня мѣрить и считать“, сказалъ озадаченный Петръ.

Вдругъ нельзя, отвѣчалъ Тиммерманъ, для этого надо знать ариѳметику, геометрію...

„Ну такъ научи меня ариѳметикѣ, геометріи.“
И принялся учиться Петръ.[132]

Днемъ и ночью онъ только и думалъ о новомъ ученьѣ, сидѣлъ за столомъ съ своимъ учителемъ, писалъ, считалъ, выкладывалъ. Одно узнанное правило влекло его къ другому, всякое новое свѣдѣніе доставляло ему удовольствіе и возбуждало къ дальнѣйшему пріобрѣтенію, жажда познаній усиливалась.

Дошли до насъ учебныя тетради Петра, (драгоцѣнное сокровище, для котораго мы не успѣли построить золотой ковчегъ), писанныя по свидѣтельству Устрялова[133] рукою нетвердою, очевидно непривычною безъ всякаго соблюденія правилъ то гдашняго правописанія, часто безъ отдѣленія одной рѣчи отъ другой, съ безпрестаннымъ повтореніемъ буквы ъ въ срединѣ словъ, со множествомъ описокъ, недописокъ и всякаго рода ошибокъ. Тетради показываютъ очевидно, какъ усердно занимался Петръ, какъ быстро уразумѣвалъ правила аддиціи, субстракціи, мултипликаціи, дивизіи, какъ легко шелъ впередъ отъ цѣлыхъ чиселъ къ именованнымъ и дробямъ, отъ ариѳметики къ геометріи и фортификаціи, какъ знакомился съ иностранными терминами, съ разными пріемами вычисленій, повѣрками и всякими техническими словами.

Тиммерманъ сдѣлался неотлучнымъ собесѣдникомъ Петра. Петръ обрадовался, что встрѣтилъ человѣка, отъ котораго могъ слышать и узнавать новое.

Однажды, мѣсяца чрезъ два, лѣтомъ 1687 года, въ селѣ Измайловѣ, гулялъ онъ, вмѣстѣ съ Тиммерманомъ, по льняному двору.[134]

„Что это за строеніе?“ спросилъ онъ своихъ проводниковъ, указывая на старый амбаръ, который виденъ былъ въ сторонѣ. Кладовая: тамъ сваленъ всякой хламъ, оставшійся послѣ Никиты Ивановича Романова, (двоюроднаго брата Царю Михаилу Ѳедоровичу), здѣсь жившаго.

Какъ будто кто-то подзываетъ туда Петра.

„Отоприте ворота!“

Входитъ, оглядываетъ... тамъ, въ углу, лежитъ опрокинутое что-то, не то-лодка, не то-барка, не похожее на наши обыкновенныя суда.

„Это что такое?“

— Это Англійскій ботъ, отвѣчаетъ бывалый его спутникъ, Голландецъ Тиммерманъ.

„Куда онъ пригожается.? Чѣмъ онъ лучше нашихъ судовъ?“

— Онъ ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра.

„Какъ противъ вѣтра? Можетъ ли это быть?“

— Вѣрно такъ.

„Ну такъ поѣдемъ.“

Нельзя: онъ поврежденъ, сказалъ Тиммерманъ, оглядывая ботъ со всѣхъ сторонъ, его надо прежде починить. умѣючи, придѣлать мачту, потомъ натянуть паруса.

„Нѣтъ-ли такого человѣка, который умѣлъ бы все это сдѣлать, и показалъ ходъ?“—Есть.

„Приведите его ко мнѣ.“

Великая, благословенная минута въ жизни Петра, въ исторіи Россіи!—Въ эту минуту зародился въ умѣ шестнадцатилѣтнаго юноши Россійскій флотъ, какъ прежде, въ Преображенскомъ, среди дѣтскихъ потѣхъ его, заро-

дилось строевое войско въ мысли набрать свой полкъ изъ охотниковъ,—войско, которому суждено было утвердить Россію въ системѣ государствъ Европейскихъ.

Въ Москвѣ жилъ нѣкто Карштенъ Брантъ, Голландецъ, изъ числа призванныхъ въ 1660-хъ годахъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ иностранцевъ строить морскія суда на Каспійскомъ морѣ. Когда дѣлу ихъ въ Астрахани не посчастливилось, и первый корабль, Орелъ, сожженъ былъ Стенькой Разинымъ, Карштенъ-Брантъ возвратился въ Москву, остался жить тамъ, и промышлялъ столярною работою. Тиммерманъ почему-то зналъ его, отыскалъ, и привелъ въ Измайлово къ нетерпѣливому Петру.[135]

Старикъ осмотрѣлъ ботъ, взялся изготовить его для плаванія, установилъ мачту, собралъ паруса и спустилъ на Яузу.

Тамъ, предъ глазами Петра, онъ началъ плавать внизъ и вверхъ по рѣкѣ и оборачиваться на право и на лѣво. Сердце у Петра кипѣло.

Онъ закричалъ ему остановиться, причалить къ берегу, соскочилъ на лавку къ Бранту, и началъ кататься съ нимъ вмѣстѣ, управляя самъ подъ его руководствомъ.

„И зѣло любо мнѣ стало,“ пишетъ онъ въ морскомъ своемъ регламентѣ, описывая начало морскаго дѣла въ Россіи, имъ созданнаго.[136]

Но вотъ случается, что ботъ повертывается неловко, упирается въ берега. Опять вопросъ: „Отъ чего такъ?“ спрашиваетъ онъ, возбуждаемый присущимъ ему духомъ любопытства.

— Отъ того, что здѣсь вода мелка, узка.

„Гдѣже бы пошире?“

зала стольникамъ и спальникамъ, съ нимъ отправлявшимся, чтобъ берегли Царя пуще глаза. Возвращайся-же скорѣе, другъ мой, и присылай почаще грамотки о своемъ здоровьѣ!

Мать отпустила со слезами, опасаясь, чтобъ съ нимъ не случилось чего худаго, а сестра, Царевна Софія, только того и желала, чтобъ случилось это худое, и думала про себя, и толковала съ своими близкими: пусть балуется и колобродитъ, авось уходитъ себя.

Близкіе убѣждали ее рѣшиться на что нибудь поскорѣе, видя, что иначе не сдобровать имъ всѣмъ придется.

Изъ Преображенскаго доходили слухи тревожные: тамъ завелись уже свои полки, набрано много ружей, палятъ изъ пушекъ. Петровы сторонники показываютъ уже нетерпѣніе занять ихъ мѣста и дѣйствіями своими явно идутъ къ цѣли.

Софія сама понимала теперь, что, при возмужалости Петра, ей должно будетъ отказаться отъ власти, либо ей быть, либо ему, а властвовать вмѣстѣ, какъ ужиться двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ, нельзя; уступить она не думала и готова была рѣшиться на повтореніе дѣйствій 15, 16 и 17 мая. Только встрѣченныя ею теперь сомнѣнія и октазы стрѣльцовъ, боявшихся мысли поднять руки на Царя, кромѣ немногихъ ея повѣренныхъ, неувѣренность въ успѣхѣ, и, можетъ быть, совѣты князя Василья Васильевича Голицына, извѣстнаго своею умѣренностію, останавливали ее принимать рѣшительныя мѣры.[137]

Она медлила и ожидала перемѣны обстоятельствъ, не случится ли что нибудь неожиданное въ ея пользу. Окромѣ стрѣльцовъ, она надѣялась теперь найдти подмогу

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ГИМНАЗИЯ БИБЛІОТЕКА

— Хорошо бы, да на чемъ?

„Развѣ нельзя настроить здѣсь судовъ?“

— Отъ чего нельзя, оно конечно можно, но...

„Можно, такъ и настроимъ.“

И полетѣлъ онъ назадъ въ Москву, съ твердымъ намѣреніемъ начать немедленно, постройку судовъ на озерѣ, обдумывая на дорогѣ, какъ бы уговорить мать, чтобъ она согласилась разстаться съ нимъ не на короткій срокъ.

„Матушка, отпусти меня пожить въ Переяславлѣ.“

— Дитятко, зачѣмъ?

„Строить корабли.“

Какіе корабли, храни тебя Богъ! На что тебѣ они?

„Плавать хочу.“

— Христосъ съ тобою, ты утонешь. И что приходитъ тебѣ въ голову! Полно, перестань, это все Нѣмцы, пропадай они, наводятъ тебя на такія страсти. Говорила я, что съ ними не дожить до добра.

„Нѣтъ, матушка, это хорошо, пусти, я умру съ тоски, коли не отпустишь.“

И онъ началъ приставать неотступно къ матери, цѣловалъ и любызалъ, и плакалъ. Дѣлать нечего: чтобъ въ самомъ дѣлѣ не случилось бы съ нимъ чего, подумала она, такой онъ, Богъ съ нимъ, горячій, да своеобычливый.

Подожди хоть именинъ своихъ, сказала она ему въ отвѣтъ на неотступныя просьбы.

Петръ дождался именинъ, и на другой день послѣ праздника Петра и Павла, 30-го іюня, отпустила со слезами Царица Наталія Кирилловна дорогое свое дѣтище въ дальнюю по тогдашнему дорогу. Перекрестивъ его, нака-

зала стольникамъ и спальникамъ, съ нимъ отправлявшимся, чтобъ берегли Царя пуще глаза. Возвращайся-же скорѣе, другъ мой, и присылай почаще грамотки о своемъ здоровьѣ!

Мать отпустила со слезами, опасаясь, чтобъ съ нимъ не случилось чего худаго, а сестра, Царевна Софія, только того и желала, чтобъ случилось это худое, и думала про себя, и толковала съ своими близкими: пусть балуется и колоброднтъ, авось уходитъ себя.

Близкіе убѣждали ее рѣшиться на что нибудь поскорѣе, видя, что иначе не сдобровать имъ всѣмъ придется.

Изъ Преображенскаго доходили слухи тревожные: тамъ завелись уже свои полки, набрано много ружей, палятъ изъ пушекъ. Петровы сторонники показываютъ уже нетерпѣніе занять ихъ мѣста и дѣйствіями своими явно идутъ къ цѣли.

Софія сама понимала теперь, что, при возмужалости Петра, ей должно будетъ отказаться отъ власти, либо ей быть, либо ему, а властвовать вмѣстѣ, какъ ужиться двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ, нельзя; уступить она не думала и готова была рѣшиться на повтореніе дѣйствій 15, 16 и 17 мая. Только встрѣченныя ею теперь сомнѣнія и октазы стрѣльцовъ, боявшихся мысли поднять руки на Царя, кромѣ немногихъ ея повѣренныхъ, неувѣренность въ успѣхѣ, и, можетъ быть, совѣты князя Василья Васильевича Голицына, извѣстнаго своею умѣренностію, останавливали ее принимать рѣшительныя мѣры.[137]

Она медлила и ожидала перемѣны обстоятельствъ, не случится ли что нибудь неожиданное въ ея пользу. Окромѣ стрѣльцовъ, она надѣялась теперь найдти подмогу

и въ войскѣ, между начальными людьми, которые, осыпанные наградами, вѣрно примутъ въ нужномъ случаѣ, если дойдетъ дѣло до крайности, сторону славной Царевны противъ молодаго Царя, который предается Нѣмцамъ болѣе и болѣе, и куралеситъ съ ними въ Преображенской и Нѣмецкой слободѣ безъ всякаго зазору. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ лукавая совѣсть человѣческая поставляла на видъ Софіи дурныя стороны Петровыхъ поступковъ и оправдывала ея замыслы, которыми отвратится пагубное для отечества управленіе. Можетъ быть, покушаясь на жизнь Петрову, она думала дѣлать доброе дѣло, какъ прежде думали стрѣльцы, проливая кровь въ Кремлѣ, служить службу Царскому дому.

Петръ полетѣлъ въ Переяславль вмѣстѣ съ любезнымъ своимъ Карштеномъ Брантомъ и другимъ мастеромъ Кортомъ, котораго тотъ пріискалъ себѣ въ товарищи. Тиммерманъ вѣроятно оставался въ его обществѣ.

Хлопотъ въ Переяславлѣ не оберешься: надо было заготовить лѣсу, напилить досокъ, припасти гвоздей и скобокъ, веревокъ и парусины, и мало ли чего оказалось нужно для постройки и оснастки задуманныхъ судовъ. Прежде всего требовалось выбрать мѣсто, удобное строить суда.— До сихъ поръ церковь Знаменія, на берегу Трубежа, прозывается „что на кораблях.“ А противъ нея стоятъ еще теперь сваи, глубоко въ рѣкѣ наколоченныя, мѣшая рыболовамъ закидывать сѣти. Здѣсь и началась постройка.[138] Устроивъ мѣсто, запасшись матеріалами, усердные мастера дружно принялись за работу, и работа закипѣла. Петръ духомъ своимъ оживлялъ ее, онъ былъ вездѣ самъ, и

Русскіе люди предъ царскими глазами старались изъ всѣхъ силъ...

Между тѣмъ была на дворѣ осень. Оставалось мало времени для сухопутныхъ потѣхъ съ новобранными полками, Преображенскимъ и Семеновскимъ. Они уж были подучены, да и крѣпость на берегу Яузы была отстроена и снабжена. Надо брать ее приступомъ.

Къ тому же мать его, Царица Наталья Кирилловна, праздновала 26-го августа день своего ангела; она уже безпокоилась о долгой отлучкѣ сына, а слухи о козняхъ и замыслахъ Царевны Софіи Алексѣевны требовали, по мнѣнію ея приверженцевъ, присутствія молодаго Царя въ городѣ. Сердце Петрово разрывалось между Переяславскимъ озеромъ и Преображенскими долинами, между плаваньемъ и маршами. Здѣсь хотѣлось остаться, и туда не опоздать. Москва перетянула, потому что въ Переяславлѣ работы на берегу оставалось еще много, а въ Преображенскомъ все было готово.

Съ горемъ пополамъ, простился онъ съ своими усердными стариками, и наказалъ крѣпко на крѣпко вѣрнымъ Голландцамъ, вмѣстѣ съ Русскими десятниками, чтобъ они постарались непремѣнно изготовить суда къ веснѣ будущаго года.

Что осенью предполагались Петромъ какіе нибудь особые маневры, мы видимъ по его требованіямъ, записаннымъ въ Гордоновомъ дневникѣ:[139]

„Сентября 2-го, Петръ вытребовалъ себѣ восемь солдатъ въ потѣшные конюхи.

„Сентября 7-го, пять флейтщиковъ и столько же барабанщиковъ изъ Гордонова полка.

8 іюля, въ день празднованія образу Казанской Божіей Матери, совершается крестный ходъ изъ Кремля въ Казанскій соборъ, основанный княземъ Пожарскимъ въ память освобожденія Москвы отъ Поляковъ. Цари участвовали обыкновенно въ этомъ ходу. Явилась и Царевна Софія, какъ бывало и до сихъ поръ. Петръ, по окончаніи литургіи, объявилъ сестрѣ, чтобъ она въ ходъ не ходила.[158]

Эти слова были рѣшительнымъ объявленіемъ войны. Отстраняется Царевна теперь отъ участія вмѣстѣ съ Царями въ исполненіи торжественнаго обряда, какъ это до сихъ поръ было соблюдаемо, значитъ, ей предстоитъ лишеніе и прочихъ правъ царскихъ, однимъ словомъ—удаленіе отъ правленія.

Вотъ что означало неожиданное, смѣлое требованіе молодаго Царя, внушенное ему его вѣроятно друзьями, по предначертанному плану.

Софія не послушалась, взяла образъ Божіей Матери, прозываемый „о тебѣ радуется“, и пошла за крестами и хоругвями. Петръ оставилъ ходъ, разсердился, отошелъ въ Архангельскій соборъ и потомъ уѣхалъ въ Коломенское.

Жребій брошенъ—кому быть и кому не быть! Обѣ стороны, ясно, не хотѣли уступить одна другой, и борьба между ними должна была начаться на жизнь и смерть. Прошедшее Царевны не позволяло думать, чтобъ она разсталась со властію спокойно, не истощивъ всѣхъ средствъ для ея удержанія. Прежніе успѣхи внушали ей бодрость, у нея въ рукахъ была вся сила, а противъ нея выступалъ семнадцатилѣтный молодой человѣкъ, который до сихъ

города въ низовьяхъ Днѣпровскихъ также уступить Россіи, или, по крайней мѣрѣ, разорить; 4) всѣхъ Русскихъ и Малороссійскихъ плѣнныхъ освободить, безъ всякаго выкупа и размѣна; 5) за убытки, причиненные набѣгами Татаръ въ прежнее время, вознаградить двумя милліонами червонныхъ".

Софія разсчитывала, какія выгоды можетъ извлечь она отъ этого похода въ предстоявшей борьбѣ съ братомъ Петромъ, а Царица Наталія Кирилловна думала, какъ бы остепенить сына, которому не сидится дома, который безпрестанно отлучается то туда, то сюда, знается преимущественно съ иноземцами не нашей вѣры, ведетъ безпорядочную жизнь. Какъ же остепенить его, усадить на мѣсто? Разумѣется, по тогдашнему образу мыслей, не теряющему своего приложенія и теперь, единственнымъ средствомъ представлялось окрутить его, то есть женить: ему уже пошелъ 17 годъ.

Царица Наталія Кириловна стала высматривать ему невѣстъ, и выбрала наконецъ Авдотью Ѳедоровну Лопухину, дочь окольничаго Ѳедора Абрамовича, дѣвушку, собою красивую, смирную, благочестивую, воспитанную въ страхѣ Божіемъ и отеческихъ обычаяхъ.—Нѣжной матери казалось, что такая жена составитъ счастіе мужа, но, увы, не такая жена была нужна Петру, навыкшему уже жить не постарому, полюбившему вольное женское обращеніе въ веселой компаніи, съ пляскою, пѣніемъ и музыкою. Не могла понравится ему Русская трепетная лань, робкая, неподвижная воспитанница монастырскаго терема, которой и глаза поднять къ верху было больно.

Но онъ не хотѣлъ спорить съ матерью, лишь бы она не мѣшала ему дѣлать что хочетъ. Онъ относился къ задуманной свадьбѣ безъ большаго участія, и думалъ не объ невѣстѣ, а о Переяславскомъ озерѣ, какъ онъ будетъ кататься тамъ на корабляхъ, что строятся теперь его пріятелями.

Свадьба была сыграна тихо, 27 Января 1689 года, и едва кончился полумедовый, полуполынный мѣсяцъ, какъ Петръ отпросился на нѣсколько дней въ Переяславль посмотрѣть, что тамъ дѣлается, успѣшно ли идетъ строеніе. Давно уже порывался онъ туда, и только Пресбургъ, убѣжденія его родныхъ и приверженцевъ принимать участіе въ текущихъ дѣлахъ, и наконецъ принужденная свадьба, останавливали его порывы. Но вотъ онъ кое-какъ отдѣлался и покатилъ на Плещеево озеро.

Радость и восхищеніе: два судна были уже въ отдѣлкѣ, и какъ бы въ угоду ему, озеро вскрылось въ первый день его пріѣзда, 20 апрѣля, хоть теперь же плыви!

Петръ обрадовался безъ памяти, принялся за окончательную вмѣстѣ съ стариками работу, и написалъ письмо къ матери тотчасъ по пріѣздѣ:

Вселюбезнѣйшей, и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, Государынѣ Царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кириловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю, а у насъ молитвами твоими здорово всѣ. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды все, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобъ тѣ канаты, по семи сотъ саженъ, изъ Пушкарскаго приказу,

не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ, и житье наше продолжится. Посемъ паки благословенія прошу. Изъ Переяславля, апрѣля 20, 1689 года.[145]

Канатовъ проситъ онъ поскорѣе, а если не скоро они пришлются, то, грозитъ онъ, надо будетъ оставаться въ Переяславлѣ дольше.

Мать приказывала ему настоятельно воротиться какъ можно скорѣе: прислала нарочнаго звать его къ 27 апрѣля, ко дню кончины брата его Царя Ѳедора Алексѣевича. По придворному обряду Петру необходимо было присутствовать на панихидѣ, а ему не до панихиды, не до покойнаго брата, дай Богъ ему Царство небесное! Суда скоро будутъ готовы совершенно, и можно испытать плаваніе. И оставить ему такое жгучее дѣло—изъ за панихиды! Нѣтъ, на это его не уговоришь. Онъ отвѣчалъ матери съ тѣмъ же нарочнымъ:

„Вселюбезнѣйшей и дражайшей моей матушкѣ, Государынѣ Царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, недостойный сынишка твой, Петрушка, о здравіи твоемъ присно слышати желаю. А что изволила ко мнѣ приказывать, чтобы мнѣ быть къ Москвѣ, и я быть готовъ; только гей-гей, дѣло есть. И то присланный самъ видѣлъ, извѣститъ яснѣе; а мы молитвами твоими во всякой цѣлости пребываемъ. О бытіи моемъ пространнѣе писалъ я ко Льву Кирилловичу, и онъ тебѣ, Государынѣ, донесетъ. Посемъ и наипокорственнѣя предаюся въ волю вашу“. Аминь.[146]

Чувствуется изъ этого простаго безъискусственнаго письма, какъ писавшему было досадно, что его отрываютъ отъ любезнаго дѣла, какъ хотѣлось ему остаться на мѣстѣ:

„Я быть готовъ,“ пишетъ онъ... „недостойный сынишка твой, Петрушка... но гей-гей дѣло есть... не безпокойтесь... мы во всякой цѣлости пребываемъ... Аминь.“

Царица мать требовала настоятельно; просила умильно и молодая жена присоединяя свои просьбы:

„Государю моему радости, Царю Петру Алексѣевичу. Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ! Просимъ милости, пожалуй, Государь, буди къ намъ не замѣшкавъ. А я при милости матушкиной жива, женишка твоя Дунька челомъ бьетъ.“[147]

Отговариваться больше было нельзя, совѣстно. Скрѣпя сердце, съ тяжелымъ чувствомъ, бросилъ онъ топоръ, посмотрѣлъ уныло на свои любезныя суда, на озеро, перецѣловалъ дорогихъ стариковъ на прощанье, поручая имъ начатое дѣло:—постарайтесь, отблагодарю,—и отправился въ Москву зѣвать за панихидою, которую едва засталъ.

Цѣлый мѣсяцъ мать и жена держали его какъ бы за полы въ Москвѣ, наконецъ онъ вырвался опять, и уѣхалъ въ Переяславль, гдѣ старикъ Кортъ за день до него умеръ.

Уже вдвоемъ съ неизмѣннымъ Брантомъ принялся онъ оканчивать суда,—и наконецъ они были готовы. Онъ написалъ къ матери: „Вседражайшей моей матушкѣ, недостойный Петрушка, благословенія прося, челомъ бью, и за присылку съ дохтуромъ и съ Гаврилою, яко Ной иногда о масличномъ сукѣ радуюсь, и паки челомъ бью. А у насъ все молитвами твоими здорово, и суды удались всѣ зѣло хороши. По семъ, дай Господь здравія душѣ и тѣлу, яко же азъ желаю“. Изъ Переславля, іюня въ 8 день.[148]

„А мастеръ корабельный Кортъ іюня во 2 д. умре, до нашего пріѣзду за двадцать за два часа".

Петръ пишетъ, что обрадовался посылкѣ, какъ Ной масличному суку. „А суда зѣло хороши!" Видно, какъ семнадцатилѣтный юноша былъ доволенъ своею работой.

Царица Наталья Кирилловна прислала провѣдать о немъ Тихона Никитича Стрѣшнева, близкаго къ себѣ человѣка. Петръ написалъ съ нимъ еще письмо къ матери:

„Гей, о здравіи слышать желаю и благословенія прошу; а у насъ все здорово, а о судахъ паки подтверждаю, что зѣло хороши всѣ, и о томъ Тихонъ Никитичъ самъ извѣститъ". Недостойный Petrus.[149]

Всѣ эти письма писаны на лоскуткахъ грязной бумаги, дрожащей рукою, уставшей въ продолженіи дня отъ работы съ топоромъ и пилою, которыя у Петра держались въ ней крѣпче чѣмъ перо. Латинская подпись Petrus показываетъ, что влеченіе къ иностранному начинаетъ уже проситься у него наружу.

Но матери было не до судовъ: хоть бы ихъ вовсе не было! Она боялась, чтобъ не случилось съ нимъ чего въ такой глуши, гдѣ такъ легко было сдѣлать надъ нимъ что нибудь худое, боялась и оставаться въ Москвѣ одна. Слухи ходили страшнѣе и страшнѣе. Наступало 8 іюня, день ангела покойнаго Ѳедора; надо было опять обоимъ Царямъ быть на панихидѣ.

Царица Наталія Кирилловна звала сына неотступно

И онъ долженъ былъ наконецъ, скрѣпя сердце, по истощеніи всѣхъ отговорокъ, оставить Переяславль. Въ Москву пріѣхалъ онъ однакожъ уже черезъ четыре дня,

послѣ панихиды, то есть 12 іюня,—и, вопреки своимъ надеждамъ, надолго: обстоятельства становились день отодня важнѣе и опаснѣе.

Какъ ни противны были совѣты, доказательства, опасенія, ему, погруженному всецѣло въ думу о своемъ дѣлѣ, какъ ни хотѣлось ему полюбоваться скорѣе вновь отстроенными судами и покататься на широкомъ озерѣ Переяславскомъ, по вѣтру и противъ вѣтра, но онъ долженъ былъ наконецъ уступить настоятельнымъ требованіямъ матери, ласкамъ молодой жены и убѣжденіямъ приверженцевъ, которые объяснили ему, что его присутствіе въ Москвѣ необходимо, и что наступаетъ пора положить конецъ властолюбивымъ притязаніямъ Царевны Софіи, готовой на все, и объявить себя Царемъ. „А послѣ того будешь дѣлать, что тебѣ угодно. Потерпи же теперь, и послушайся насъ. Ты увидишь послѣ самъ, что это хорошо, и будешь благодарить насъ“.

Тогда же въ семейномъ совѣтѣ Царицы Натальи Кирилловны и Нарышкина съ Княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, вѣроятно, былъ составленъ ими и планъ для предстоявшихъ дѣйствій. Партія почувствовала, видно, свою силу и рѣшилась приступить къ дѣйствію, ободренная извѣстіями о неудачномъ окончаніи втораго Крымскаго похода, которое должно было произвесть тяжелое впечатлѣніе въ народѣ, и внушить недовѣрчивость къ Царевнѣ и ея любимцу.

Между тѣмъ Татары добѣгали до Полтавы и сожгли все сѣно, приготовленное для войска на берегахъ Коломака.

Такими же точно выраженіями описываетъ Голицынъ битву въ слѣдующій день: „когда двинулись мы изъ урочища Черной Долины, въ 5 часу дня 16 мая пришелъ на наши полки ханъ Крымскій со всѣми выщеупомянутыми ордами, и имѣлъ съ нами бои великіе и жестокіе на пути во весь день; ратные люди наши бились съ тѣмъ поганствомъ мужественно и храбро, и жестокимъ, кровавымъ боемъ сбивъ его съ боеваго поля, стали въ степи, не доходя Колончака". „Въ слѣдующій день", продолжаетъ князь Голицынъ, когда, по словамъ Гордона, Татары, не смѣя напасть на пѣхоту, показывались только издали: „ханъ Крымскій, не хотя нашихъ полковъ допустить до Колончака, имѣлъ съ нами бои великіе и напуски жестокіе, непрестанные во весь день: наши ратные люди бились съ тѣмъ поганствомъ мужественно и храбро, много побили, много живыхъ взяли, и кровавымъ боемъ прогнанные до Колончака, непріятели, оставя свои боевые напуски, побѣжали за самый Колончакъ къ Перекопу". [134]

Кромѣ оффиціальныхъ донесеній князя Голицына, была шифрованная переписка съ царевной Софіей. Вотъ одинъ изъ ея отвѣтовъ, доказывающій ясно ихъ близкія отношенія между собою:

„Свѣтъ мой, братецъ Васенька!" здравствуй, батюшка мой, на многія лѣта! И паки здравствуй, Божіею и пресвятыя Богородицы милостію и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ Агаряне. Подай тебѣ, Господи, и впредь враги побѣждать! А мнѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю, какъ увижу въ объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего. Что же, свѣтъ мой,

пишешь, чтобы я помолилась: будто я вѣрно грѣшна предъ Богомъ и недостойна; однакожъ, хотя и грѣшная, дерзаю надѣяться на Его благоутробіе. Ей! всегда прошу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть. Посемъ здравствуй, свѣтъ мой, на вѣки неисчетные![155]

Послѣ двухъ переходовъ, 20 мая, войска наши приблизились къ Перекопу,—а на другой день, 21 мая, начали отступленіе, не употребивъ ни малѣйшей попытки къ осадѣ или нападенію, „не учинивъ (ни малѣйшаго) промысла надъ Перекопомъ!“ Князь Голицынъ объяснялъ такое странное дѣйствіе недостаткомъ кормовъ и безводицей, какъ будто, за два дня стоя въ Черной долинѣ, онъ не могъ предвидѣть его. Нельзя оправдываться и надеждою заключить выгодный миръ, безъ кровопролитія, потому что никакого основанія для нея не было, даже и въ открывшихся яко бы переговорахъ. Отступая поспѣшно на другой день по прибытіи къ Перекопу, князь Голицынъ показывалъ хану свое безсиліе. Съ чего-жъ бы тому было согласиться на уступки? Напротивъ ханъ началъ тотчасъ преслѣдованіе отступавшаго войска.

Татары погнались за нимъ, и живо преслѣдовали его цѣлые 8 сутокъ, не давая покоя ни днемъ, ни ночью. „Армія наша находилась въ большой опасности“, говоритъ Гордонъ, командовавшій арьергардомъ въ числѣ 7 пѣхотныхъ полковъ съ отрядомъ конницы. „Положеніе ея было бы еще затруднительнѣе, если бы ханъ вздумалъ преслѣдовать насъ всѣми силами. Къ счастію, у него было менѣе войска, нежели мы воображали. Больше непріятеля безпокоила насъ мучительная жажда; правда, мы запаслись большими бочками съ водою, но ихъ было слишкомъ

недостаточно для такого многолюдства, и среди безводныхъ степей, въ нестерпимый зной, гибель наша была бы неизбѣжна, если бы милосердый Богъ не ниспослалъ обильнаго дождя.“[156]

Говорили, что князь Голицынъ былъ подкупленъ, но это ничѣмъ не доказывается: богатый и сильный, онъ не имѣлъ нужды въ подобномъ пріобрѣтеніи, хотя нашлись послѣ доказчики, которые видѣли, будто, въ Перекопѣ, какъ накладывались боченки золотомъ сверху, а снизу кирпичами.[157]

Почему же отступилъ князь Голицынъ отъ Перекопа? Или потому, что Царевна Софія, увидя неизбѣжность борьбы съ Петромъ, боялась оставаться одна въ Москвѣ, какъ по своимъ причинамъ Царица Наталья Кирилловна, и хотѣла имѣть около себя князя Голицына и прочихъ вѣрныхъ друзей своихъ, начальниковъ войска, которыхъ, предположивъ наградить щедро за небывалые подвиги, надѣялась привлечь къ себѣ, (а Крымъ?—Теперь не до него!); или по первоначальному плану правительства положено было не поражать Крыма, какъ врага Польши, и не тратить на то нашихъ силъ, а только видимымъ походомъ исполнить принятое предъ Польскимъ королемъ и Нѣмецкимъ императоромъ обязательство. О дурномъ впечатлѣніи народа въ Россіи думать было нечего, ибо пышныхъ реляцій было достаточно, чтобъ удовлетворить его ими наравнѣ съ истинными побѣдами.

Петръ, по возвращеніи въ Москву изъ Переяславля долженъ былъ, по совѣтамъ своей партіи, принять участіе въ засѣданіяхъ Царской Думы.

8 іюля, въ день празднованія образу Казанской Божіей Матери, совершается крестный ходъ изъ Кремля въ Казанскій соборъ, основанный княземъ Пожарскимъ въ память освобожденія Москвы отъ Поляковъ. Цари участвовали обыкновенно въ этомъ ходу. Явилась и Царевна Софія, какъ бывало и до сихъ поръ. Петръ, по окончаніи литургіи, объявилъ сестрѣ, чтобъ она въ ходъ не ходила.[138]

Эти слова были рѣшительнымъ объявленіемъ войны. Отстраняется Царевна теперь отъ участія вмѣстѣ съ Царями въ исполненіи торжественнаго обряда, какъ это до сихъ поръ было соблюдаемо, значитъ, ей предстоитъ лишеніе и прочихъ правъ царскихъ, однимъ словомъ—удаленіе отъ правленія.

Вотъ что означало неожиданное, смѣлое требованіе молодаго Царя, внушенное ему его вѣроятно друзьями, по предначертанному плану.

Софія не послушалась, взяла образъ Божіей Матери, прозываемый „о тебѣ радуется“, и пошла за крестами и хоругвями. Петръ оставилъ ходъ, разсердился, отошелъ въ Архангельскій соборъ и потомъ уѣхалъ въ Коломенское.

Жребій брошенъ—кому быть и кому не быть! Обѣ стороны, ясно, не хотѣли уступить одна другой, и борьба между ними должна была начаться на жизнь и смерть. Прошедшее Царевны не позволяло думать, чтобъ она разсталась со властію спокойно, не истощивъ всѣхъ средствъ для ея удержанія. Прежніе успѣхи внушали ей бодрость, у нея въ рукахъ была вся сила, а противъ нея выступалъ семнадцатилѣтный молодой человѣкъ, который до сихъ

прерваніе похода, можетъ быть, имѣло главною причиною желаніе видѣть скорѣе военачальника въ Москвѣ, а Крымцы—теперь не до нихъ!

Дѣлались приготовленія для его встрѣчи, сочинялась великолѣпная грамата о небывалыхъ его подвигахъ съ прославленіемъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечеству, и назначались награды необыкновенныя для всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ походѣ, съ цѣлью, разумѣется, привлечь ихъ на свою сторону, болѣе и болѣе, въ предстоявшей борьбѣ.

Наконецъ князь Голицынъ пріѣхалъ и принятъ былъ іюня 28 торжественно въ Грановитой Палатѣ старшимъ Царемъ Иваномъ и Царевной Софіей, допущенъ къ рукѣ и получилъ всенародную благодарность со всѣми товарищами.

Награды же не могли быть объявлены, говоритъ Гордонъ, потому что Петръ не изъявлялъ своего согласія на оныя, какъ безъ его вѣдома назначенныя.[159]

На другой день праздновались имянины престарѣлой дочери Царя Михаила Ѳеодоровича, Царевны Анны Михайловны, которая издавна жила въ Вознесенскомъ монастырѣ по причинѣ болѣзни, и была предметомъ уваженія во всемъ царскомъ семействѣ. Петръ былъ ожидаемъ у нея съ поздравленіемъ. Шакловитый снарядилъ на канунѣ 50 стрѣльцовъ изъ полковъ Стремяннаго и Жукова, велѣлъ имъ стоять съ саблями въ скрытѣ, близь Краснаго крыльца, и слушать вѣстоваго колокольца, повѣшеннаго у церкви Ризъ-положенія для вѣсти большому набату, „а какъ де въ большой набатъ учнутъ бить и вы де дѣлайте что вамъ велѣлъ.“[160]

Петръ пріѣзжалъ поздравить бабушку изъ Коломенскаго и пробывъ у именинницы нѣсколько времени, отправился въ Преображенское.

Въ застѣнкахъ, послѣ распоряженія Шакловитаго, приписывалось намѣреніе его напасть на Петра и побить его друзей,[161] но еслибъ такое намѣреніе было, то чтожъ могло помѣшать ему? Вѣроятнѣе, что партія Софіи ожидала какого нибудь почина со стороны Петра, которому и приготовляла отпоръ. Почина никакого не было, не встрѣтилось и повода приступить къ задуманной расправѣ; тревога была напрасная.

„26 іюля, послѣ многихъ просьбъ, съ большимъ трудомъ," говоритъ Гордонъ, „Петръ наконецъ былъ убѣжденъ согласиться на опредѣленныя награды, и 27 числа въ субботу онѣ прочтены боярамъ и ихъ товарищамъ во внутреннихъ комнатахъ, а прочимъ на верхней лѣстницѣ. Князь Голицынъ получилъ большія помѣстья, товарищи, дьяки, надѣлены деньгами, матеріями на платье, инымъ обращены помѣстья въ отчины и сдѣланы прибавки къ окладамъ, иностранцамъ пожаловано мѣсячное жалованье, полковникамъ и подполковникамъ шелковыя ткани. Гордонъ получилъ мѣсячное жалованье и 20 соболей, серебряный стаканъ и богатую матерію на платье. Имена убитыхъ и умершихъ разосланы по всѣмъ соборамъ для поминовенія въ общественныхъ молитвахъ. Всякой отецъ, сынъ, братъ, близкій родственникъ погибшихъ былъ повышенъ чиномъ, въ свидѣтельство вѣрности и службы его присныхъ. Наконецъ всѣмъ розданы или обѣщаны были золотыя медали. Гордонъ получилъ такую въ три червонца.[162]

Должно было благодарить Царей за оказанныя милости, —младшаго, Петра, въ Преображенскомъ. „Военачальники и офицеры явилися туда, но не были приняты. Одни огорчились тѣмъ,“ говоритъ Гордонъ, „другіе нѣтъ. Всѣ поняли, что согласіе младшаго Царя было вынужденное, съ великимъ насиліемъ, что возбудило его еще больше противъ военачальника и противъ главнѣйшихъ совѣтниковъ при дворѣ изъ противной стороны. Всѣ видѣли ясно открытый разрывъ, который по всѣмъ вѣроятіямъ долженъ разрѣшиться величайшимъ озлобленіемъ.“ „Все это,“ заключаетъ Гордонъ, „по возможности сохранялось въ великой тайнѣ отъ толпы, но не съ такою ловкостію и скромностію, чтобъ не могъ знать о томъ почти всякій.“[163]

Софія 28 іюля ходила по обычаю въ Новодѣвичій монастырь ко всенощной на праздникъ Смоленской Божіей Матери. 29 іюля ее провожали пятисотные и пятидесятники всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ. По окончаніи службы, вышедъ изъ церкви, она позвала стрѣльцовъ, и послала князя Алексѣя Голицына за стуломъ, сѣла и жаловалась имъ на Царицу Наталію Кирилловну. „И такъ бѣда была, да Богъ сохранилъ, а нынѣ опять бѣду начинаетъ. Годны ли мы вамъ? Буде годны, то вы за насъ стойте, а буде не годны, мы оставимъ государство.“ Стрѣльцы отвѣчали. Воля ваша, мы повелѣніе твое исполнить готовы. что велишь дѣлать, то и станемъ. „Ждите повѣстки,“ сказала Царевна.[164]

Слова эти разнеслись, разумѣется, тотчасъ по всѣмъ полкамъ съ толкованіями, и каждый понималъ и разбиралъ ихъ по своему, но всѣ ожидали чего нибудь рѣшительнаго вскорѣ.

Шакловитый дѣйствовалъ такъ же съ своей стороны: онъ призвалъ 27 числа главныхъ своихъ повѣренныхъ, самыхъ близкихъ людей: Ларіона Елизарьева, который приносилъ къ нему за два года подметное письмо, угрожавшее будто Царевнѣ Софіи, и подавшее первой поводъ къ ея опасеніямъ, Елизарьева, который чрезъ недѣлю сдѣлается главнымъ на него донощикомъ, Никиту Гладкаго, Обросима Петрова и проч., и объявилъ имъ, что князь Борисъ Голицынъ и Левъ Нарышкинъ съ братьями хотятъ извести Царевну, велѣлъ приготовить человѣкъ по 50 и по 100 отъ каждаго полка, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ перебить всѣхъ приверженцевъ Петровыхъ.

Урядники объявили о томъ въ слободахъ, но рядовые стрѣльцы не соглашались. „Буде до кого какое дѣло есть," говорили они „пусть думный дьякъ скажетъ царскій указъ: мы того возмемъ; а безъ указу дѣлать не станемъ, хоть многажды бей въ набатъ."[165]

29 іюля Гордонъ былъ въ городѣ и записалъ у себя: „дѣла идутъ худо."[166]

Софія сносилась безпрестанно съ стрѣльцами. Въ первыхъ числахъ августа она призывала къ себѣ опять на Верхъ Елизарьева и Гладкаго съ двумя другими стрѣльцами, и въ палаткѣ Ризъ-положенія сказала имъ: „Долголь намъ терпѣть? ужъ житья нашего не стало отъ Бориса Голицына, да отъ Льва Нарышкина: Царя Петра они съ ума споили, брата Іоанна ставятъ ни во что; комнату его дровами закидали, меня называютъ дѣвкою, какъ будто я и не дочь царя Алексѣя Михаиловича; князю Василью Васильевичу хотятъ голову

отрубить, а онъ добра много сдѣлалъ: Польскій миръ учинилъ; съ Дону выдачи бѣглыхъ не было, а его промысломъ и съ Дону выдаютъ. Радѣла я о всячинѣ, а они все изъ рукъ тащатъ. Можно-ль на васъ надѣяться? Надобныль мы вамъ? А буде не надобны, мы пойдемъ себѣ съ братомъ, гдѣ кельи искать.“ Стрѣльцы отвѣчали: „Воля ваша, Государыня.“ Царевна Софія велѣла имъ дать сто рублей.[167]

Между преданными стрѣльцами происходило движеніе. Алексѣй Стрижевъ пригласилъ къ себѣ обѣдать Никиту Гладкаго, Егора Романова, и говорилъ, что надо управиться со Львомъ Нарышкинымъ и княземъ Борисомъ Голицынымъ. Можно ли на васъ надѣяться, спрашивалъ онъ ихъ, и велѣлъ подговаривать свою братію, кто понадежнѣе.

Буйныя рѣчи дошли и до Преображенскаго: Петръ приказалъ привесть къ себѣ стрѣльца Стрижева, который видно кричалъ громче другихъ. Шакловитый старался задержать его. Петръ велѣлъ схватить въ Измаиловѣ самаго Шакловитаго, пріѣхавшаго поздравить Царицу Евдокію Ѳедоровну съ днемъ ея ангела, но позволилъ вскорѣ отпустить. Шакловитый послалъ съ дороги нарочныхъ къ истопнику Царевны Евдокимову передать ей, что изъ за караула онъ освобожденъ и ѣдетъ въ добромъ здоровьѣ.[168]

Дѣло, по видимому, приближалось къ развязкѣ. Ясно было, что Софія хотѣла, во что бы ни стало, удержать власть въ своихъ рукахъ, а Петрова сторона съ такою же рѣшимостію хотѣла вырвать власть изъ рукъ у нея.

Самъ онъ, занятый своими кораблями и полками, не

принималъ, кажется, живаго, дѣятельнаго участія въ наступавшихъ событіяхъ, и поступалъ только по внушеніямъ родныхъ, исполнялъ какъ будто задаваемые уроки, и думалъ больше всего о своихъ экзерциціяхъ.

Слышались въ стрѣлецкихъ сходкахъ имена Голицына и Нарышкина, иногда имя Царицы Наталіи Кирилловны, которая слыла главною причиною смуты въ царскомъ семействѣ. Если Петрово имя не выговаривалось, то, безъ сомнѣнія, подразумѣвалось. Судьба его была рѣшена. Въ прежней жизни Софіи находилось довольно доказательствъ, какъ она была неразборчива въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, и смерть Матвѣева, Языкова, Нарышкиныхъ, Хованскихъ представляла примѣры, чего ожидать отъ нея было можно.

Гордонъ подъ 31 числомъ августа отмѣтилъ: „пылъ и раздраженіе увеличиваются, и кажется, что онѣ скоро должны разразиться вполнѣ.“

Ни той ни другой сторонѣ, неубѣжденной въ успѣхѣ, долго не хотѣлось начинать спора. Петрова, сторона опасалась стрѣльцовъ. Софіина не была увѣрена въ ихъ единодушіи, подготовляла, подкупала. Обѣ кажется хотѣли выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ, надѣялись на случаи, чтобъ нанесть рѣшительный ударъ обороняясь, а не нападая. Имъ страшно было навлечь на себя тяжелое обвиненіе въ возбужденіи междоусобія; имъ нужно было имѣть на всякій случай основаніе для оправданія. Множество стрѣльцевъ было собираемо въ Кремль почти каждую ночь. Между иными обнаруживалось недоумѣніе, когда дѣло дошло до крайности, и мысль поднять руку

на Царя, вѣнчаннаго и помазаннаго, устрашала многихъ, тѣмъ болѣе, что право казалось на сторонѣ Петра, и они видимо колебались, не изъявляли полной, безотчетной готовности. Только нѣсколько изъ начальныхъ людей, пятидесятниковъ, приставовъ, предались вполнѣ сторонѣ Софіиной, съ Шакловитымъ во главѣ. Имъ тяжело было томиться такъ долго въ неизвѣстности, и они желали приступить къ дѣйствію, во что бы ни стало, выражали громко свое нетерпѣніе, побуждавшее и противную сторону спѣшить къ своей цѣли.

Подъ 6-мъ числомъ августа Гордонъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „ходятъ такіе слухи, что и пересказывать ихъ страшно“.[169]

Какіе же могли быть эти слухи, кромѣ окончательной расправы съ Петромъ, его матерью и ихъ приверженцами,—расправы, подобной кровопролитію 15 мая?

Французскій агентъ Невиль, бывшій тогда въ Москвѣ, и обращавшійся между главными дѣйствующими лицами, говоритъ именно о рѣшеніи Царевны Софіи покончить съ Петромъ.[170]

Корбъ, секретарь Австрійскаго посольства, чрезъ десять лѣтъ, представляетъ тѣже свидѣтельства.[171]

Участь Петрова была рѣшена, но грозенъ сонъ а милостивъ Богъ: со стороны Царевны Софіи замахнулись, со стороны Петра ударили.

Между повѣренными Царевны Софіи нашлись предатели: пятисотенный Стремяннаго Цыклерова полка Ларіонъ

Елизарьевъ, предъ которымъ еще наканунѣ Царевна Софія вполнѣ открывалась, съ своими товарищами: Ульфовомъ, Мельновымъ, Ладыгинымъ, да трое деньщиковъ Шакловитаго: Турка, Троицкой, Капрановъ.[172] Они, вѣроятно подкупленные, сбирались донести Петру объ умыслахъ на его жизнь, чтобъ привлечь Царевну Софію къ отвѣтственности и ожидали удобнаго къ тому случая. Случай не замедлилъ представиться.

Въ пятницу 7 августа Царевна Софія велѣла Шакловитому нарядить побольше стрѣльцевъ въ Кремль для сопровожденія ея на богомолье пѣшкомъ въ Донской монастырь къ заутрени. Но вскорѣ объявилось будто на Верху подметное письмо съ извѣстіемъ, что ночью Царь Петръ прибудетъ въ Кремль съ своими потѣшными убить ее съ сестрами и братомъ, старшимъ Царемъ, и перенять власть въ свои руки.[173]

Шакловитый призвалъ къ себѣ стрѣльцевъ: „Никиту Гладкаго, Ларіона Елизарьева, Андрея Кондратьева, Обросима Петрова, Егора Романова, и велѣлъ имъ, именемъ Царевны Софіи, изготовить стрѣльцевъ человѣкъ сто или двѣсти, а, если можно, то пусть кто и цѣлый полкъ приведетъ, чтобъ идти великимъ собраніемъ въ село Преображенское, и тамъ побить бояръ: Князя Бориса Алексѣевича Голицына, Льва Кирилловича Нарышкина, за намѣреніе ихъ известь Царевну Софію Алексѣевну, Нарышкиныхъ всѣхъ до единаго человѣка, Лопухиныхъ, Апраксиныхъ, Василія Извольскаго, Ѳеодора Зыкова“. Имя Петрово, если не было ни у кого на языкѣ, то, разумѣется, у всѣхъ было на умѣ. Деньщики: Ѳеодоръ Турка, Иванъ Троицкій, Михайло

Капрановъ, посланы верхомъ къ селу Преображенскому для вѣстей, куда поѣдетъ Царь Петръ,—одинъ долженъ былъ стеречь подъ рощею, другой у Краснаго пруда, третій у плотины.[174]

Вороты въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ велѣлъ запереть и никого въ Кремль не впускать.

„Ночью многіе стрѣльцы“, говоритъ Гордонъ „зашли было въ Кремль, но никого туда не пустили, кромѣ извѣстныхъ лицъ. Это встревожило партію младшаго Царя до того, что всѣ, о томъ узнавшіе, поспѣшили въ Преображенское“.[175]

А повѣщенные стрѣльцы собрались: сто человѣкъ стремянныхъ изъ полка Ефимьева поставлены были на Лыковѣ дворѣ, 50 человѣкъ, съ стѣннаго караула полку Нормацкаго, у заднихъ дворцовыхъ воротъ, 50 человѣкъ изъ полку Жукова у дворцовой лѣстницы, 100 человѣкъ, изъ полка Рязанова, съ капитаномъ Сапоговымъ, на Житномъ дворѣ.

Наступала ночь. Приставъ Кондратьевъ велѣлъ пятидесятнику Никитѣ Гладкому спѣшить къ съѣзжей избѣ на Лубянку съ Андреемъ Сергѣевымъ и нарядить тамъ 300 человѣкъ съ ружьемъ. Прискакавъ, Гладкой послалъ Сергѣева за пятисотеннымъ Елизарьевымъ, который жилъ по близости.

У Елизарьева Сергѣевъ засталъ деньщиковъ Шаковитаго, Ладогина, Турку, Троицкаго, Ѳеоктистова, посланныхъ наблюдать за Петромъ въ Преображенскомъ. На вызовъ Сергѣева они пошли всѣ вмѣстѣ и увидѣли Гладкаго

на конѣ у святыхъ воротъ. Гладкій кричалъ, что въ Кремлѣ всѣ готовы, а ихъ приказу никого нѣтъ. „Шлите скорѣе людей въ городъ, а сами слушайте набату, я привязалъ языкъ къ Спасскому колоколу; какъ ударятъ, смотрите на насъ, что вамъ дѣлать и куда идти". На съѣзжей избѣ десятникамъ караульнымъ велѣлъ онъ скликать строевыхъ стрѣльцовъ 300 человѣкъ и идти въ Кремль.[176]

Елизарьевъ съ товарищами отправили съ нимъ и за нимъ своихъ повѣренныхъ въ Кремль посмотрѣть, что тамъ дѣлается, а сами, оставшись одни, рѣшились послать тотчасъ доносъ въ Преображенское. Они велѣли отпереть церковь Св. Ѳеодосія, позвали священника, и, цѣлуя крестъ и Евангеліе, присягнули другъ другу въ вѣрности. [177]

Посланный, Мельновъ, возвратился съ извѣстіемъ, что Кремль наполненъ стрѣльцами, и что при немъ Гладкой стащилъ съ лошади спальника Плещеева, пріѣхавшаго за чѣмъ-то изъ Преображенскаго и повелъ на Верхъ... [178]

Донощики снаряжаютъ тогда Мельнова и Ладогина, и велятъ имъ скакать въ Преображенское, и сказать Царю, чтобъ онъ спасался: стрѣльцы идутъ на него...

Было уже близко полночи. Въ Преображенскомъ все было тихо. Петръ спалъ крѣпкимъ сномъ. Его будятъ, объясняютъ: спасайся скорѣе, бѣги! стрѣльцы сейчасъ явятся въ Преображенскомъ.

Онъ вскочилъ съ постели, и, безъ памяти, босой, кинулся въ конюшню. Тамъ велитъ осѣдлать себѣ лошадь; въ сосѣднюю рощу принесли ему платье; одѣвшись,

поскакалъ онъ отъ мнимо-гнавшейся за нимъ смерти. Кто могъ, кто успѣлъ собраться, изъ приближенныхъ, поскакали вслѣдъ за нимъ.[179] Куда?

А точно ли шли стрѣльцы на Преображенское? Что происходило въ Кремлѣ, на Верху, въ совѣтѣ Царевны Софіи съ ея наперсниками Шакловитымъ и княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ?

Въ Кремлѣ было тихо также, какъ въ Преображенскомъ. Князь Голицынъ, сдѣлавъ вечеромъ извѣстныя распоряженія, уѣхалъ къ себѣ на подворье. Шакловитый—также къ себѣ, на Знаменку, въ свой домъ. Стрѣльцы стояли на указанныхъ ими сборныхъ пунктахъ и не двигались съ мѣста. Они не знали сами, на что были собраны. Кто говорилъ,—для провожанья, кто—для нападенья, кто—для обороны; но распоряженія никакого не было дѣлано. Шакловитый вскорѣ воротился изъ дому съ двумя подъячими и пошелъ прямо къ Царевнѣ. Разговоръ ихъ продолжался съ часъ. Онъ вышелъ и легъ спать въ Грановитой Палатѣ, вмѣстѣ съ приведенными имъ подъячими и начальникомъ стрѣлецкаго караула, полковникомъ Нормацкимъ.[180]

Тревога слѣдовательно оказалась пустою. Нападенія ни предпринималось, равно какъ и ни ожидалось, если и было прежде какое намѣреніе.

Почувствовала ли Царевна Софія нерѣшимость въ послѣднюю минуту, какъ это случалось съ нею и прежде, напримѣръ, наканунѣ задуманнаго вѣнчанія на царство;—узнала-ль какъ нибудь стороною о неблагонадежности

собранныхъ стрѣльцевъ;—получила-ль совѣтъ отъ князя Голицына, всегдашняго противника крутыхъ мѣръ;—наконецъ самому Шакловитому не попались-ли какія важныя указанія,—неизвѣстно. Вѣрно только то, что въ Кремлѣ ночью на 8 августа царствовало такое же спокойствіе, какъ въ Преображенскомъ, и роковое событіе, рѣшавшее на ту пору судьбу Петра и Софіи, вызвано было ложнымъ слухомъ.

За два часа до свѣта Шакловитый разбудилъ подъячихъ. Царевна Софія отправилась въ Казанскій соборъ къ заутрени. Стрѣльцы провожали ее во множествѣ, кромѣ Рязанова полка, который былъ отпущенъ.

Между провожатыми очутился и Елизарьевъ съ своими товарищами. Они, уславъ повѣренныхъ предупредить Петра о мнимой опасности, отправились въ Кремль, какъ ни въ чемъ не бывалые, зашли по дорогѣ къ отцу Сильвестру въ Заиконоспасскій монастырь на Никольской, и повѣстили ему, что въ Кремлѣ ожидаютъ нападенія Петра съ потѣшными конюхами.

Во время богослуженія въ Казанскомъ соборѣ Елизарьевъ столкнулся на паперти съ подъячимъ Агапомъ Петровымъ, котораго привелъ съ собою Шакловитый, и на вопросъ его, зачѣмъ собрано такъ много стрѣльцевъ, отвѣчалъ спокойно, что такъ дѣйствительно никогда не бывало прежде.[181]

Послѣ молебна Царевна Софія, оборотясь къ провожавшимъ ее стрѣльцамъ, сказала: „еслибы я не опаслась, всѣхъ бы насъ передавили потѣшные конюхи,“ давая тѣмъ понять, что на Кремль предполагалось нападеніе

изъ Преображенскаго, и что они созваны были собственно для обороны.[182]

Шакловитый послалъ довѣреннаго стрѣльца Обросима Петрова за княземъ Голицынымъ просить его къ Царевнѣ, но тотъ не вышелъ къ посланному и чрезъ дворецкаго отозвался болѣзнію. Тогда Шакловитый поѣхалъ къ нему самъ и проговоривъ съ нимъ два часа, возвратился на Верхъ, вслѣдъ за Царевной.[183]

Такъ кончилась эта важная въ Русской Исторіи ночь!

Въ 6 часовъ поутру, 8 числа, добрался Петръ до Троицкаго монастыря, утомленный, измученный, почти въ безпамятствѣ. Его сняли съ лошади и отнесли въ горницу, положили на кровать. Пришелъ игуменъ. Въ слезахъ разсказалъ Петръ какая опасность угрожала ему въ Москвѣ, и просилъ помощи и защиты.

Вскорѣ прибыли къ Троицѣ нѣсколько изъ потѣшныхъ и придворныхъ.[184]

Въ это время поутру, въ Москвѣ деньщики-предатели, посланные наканунѣ для вѣстей о Преображенскомъ, какъ будто возвратясь оттуда, донесли Шакловитому, что Царь Петръ ушелъ ночью босой, въ одной сорочкѣ, а куда — неизвѣстно.[185]

„Взбѣсился, видно, онъ,“ сказалъ Шакловитый, скрывая свое изумленіе. „Вольно ему бѣгать!“

Такія слова вырвались у Шакловитаго, но вѣрно упало у него сердце, и онъ почувствовалъ, что дѣлу ихъ нанесенъ неожиданный ударъ.

И дѣйствительно, удаленіе Петрово въ Троицкій мона-

стырь было не только спасеніемъ для его жизни, но вмѣстѣ и окончательнымъ рѣшеніемъ возникшаго мудренаго спора между имъ и сестрою, въ его пользу.

Въ Троицкомъ монастырѣ Петръ былъ безопасенъ; достать его тамъ было невозможно: на святыню не могли идти стрѣльцы такъ, какъ могли бы они идти на Преображенское. Изъ монастыря онъ, въ глазахъ всѣхъ спасшійся отъ угрожавшей ему смерти, привлекалъ большинство народное на свою сторону, могъ по примѣру, поданному Царевною Софіею во время ея опасностей отъ Хованскихъ, вызвать и соединить около себя городовое дворянство, и начать открытую борьбу съ твердою надеждою на успѣхъ. Вопросъ заключался только во времени: Царевна Софія будетъ отстранена отъ участія въ правленіи, и единодержавіе Петра основано. Руки развяжутся, дѣлай, что хочетъ, онъ одинъ, и давай отчетъ только Исторіи!

Дѣйствительно, всѣ послѣдующія событія истекали одно отъ другаго и шли естественно, какъ будто уже сами собою, къ своей развязкѣ.

Какъ пришла Петру въ голову съ просонья такая счастливая мысль?

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что она принадлежитъ не ему, а сообщена другими, которые заранѣе начертали планъ дѣйствій. Кому же?

По всѣмъ свидѣтельствамъ должно приписать ее князю Борису Алексѣевичу Голицыну. Голицынъ является главнымъ руководителемъ Петра въ эту критическую минуту

въ его жизни, въ Русской Исторіи. Гордонъ, свидѣтель вполнѣ достовѣрный, говоритъ именно, что никто другой не осмѣлился бы вступиться въ такое опасное дѣло, какъ оно представлялось сначала, и что онъ именно заправлялъ всѣми дѣлами у Троицы. [186]

Въ томъ же сознаются и самые противники, желавшіе и прежде отдѣлаться какъ можно скорѣе отъ этого опаснаго врага, вмѣстѣ съ братомъ Царицы, Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ. [187] Они приписывали именно ему вмѣстѣ со Львомъ Нарышкинымъ убѣжденіе Петра бѣжать къ Троицѣ.[188]

Петру, разумѣется, весь планъ оставался несообщеннымъ заранѣе, изъ опасенія, чтобы онъ, по своей нетерпѣливости, не помѣшалъ исполненію, не вздумалъ бы спорить, или не отказался бы бѣжать. Его надобно было захватить такъ, чтобы онъ не имѣлъ свободной минуты подумать о томъ, что дѣлаетъ, и поскакалъ, сломя голову. Такое внезапное бѣгство должно было послужить для всего народа убѣжденіемъ о дѣйствительно угрожавшей ему опасности.

Князь Борисъ Алексѣевичъ видѣлъ ясно, что Петру въ Москвѣ нѣтъ возможности бороться съ Царевной Софіею, имѣвшей всю власть въ своихъ рукахъ и располагавшей стрѣльцами, и что, напротивъ, ему по всѣмъ признакамъ и слухамъ грозитъ тамъ ежедневная опасность; его, слѣдовательно, надобно удалить куда нибудь, и самое вѣрное убѣжище есть Троицкій монастырь, откуда сама Царевна нашла средства покончить дѣло съ стрѣльцами, поднявшимися за Хованскихъ.

Но какъ попасть туда Петру? Уѣхать просто не произвело бы никакого впечатлѣнія, могло бы быть приписано случайной прихоти, къ которой, всѣмъ уже было извѣстно, способенъ былъ Петръ. Трудно было бы повѣрить, особенно въ дальнихъ городахъ, опасности, которой подвергалась будто бы жизнь его въ Москвѣ, и которую противная партія могла бы объявить напраслиною, выдумкою для особыхъ цѣлей, и даже употребить ее, отъ имени старшаго Царя, въ ущербъ младшему, подать даже поводъ къ его отрѣшенію.

Надо было найдти предателей въ противной партіи, которые взялись бы доставить, такъ сказать, поличное для обвиненія, и они были найдены между самыми близкими людьми къ Царевнѣ Софіи и Шакловитому,—семь человѣкъ, получившихъ послѣ по тысячѣ рублей въ награду семь тысячъ, сумму очень значительную для того времени.

Разумѣется, это есть только объяснительная догадка событія; вѣрнаго по крайней мѣрѣ было здѣсь вотъ что:

Партія Царевны Софіи была готова на кровопролитіе, и только откладывала его со дня на день.

Партія Петрова съ Царицею Натальею Кирилловною рѣшилась на борьбу съ цѣлію отстранить совершенно Царевну Софію отъ участія въ правленіи.

Обѣ стороны были увѣрены, что терять время не возможно.

Самъ Петръ не принималъ никакого живаго участія въ дѣлахъ, поступалъ по внушеніямъ и указаніямъ, и думалъ только о своихъ военныхъ потѣхахъ на землѣ и на водѣ.

Съ 7 на 8 августа намѣреніе со стороны Царевны Софіи

было напасть на Преображенское; но рѣшенія и окончательнаго распоряженія не состоялось.

Доносъ завѣдомо былъ ложный.

Доносчики не заслуживаютъ никакой нравственной довѣренности. Какимъ бы образомъ, для чего, собираться семерымъ для доноса, если бы онъ происходилъ по личному искреннему убѣжденію?

Подкупъ ихъ доказывается значительною наградою, вѣроятно, условною, которой иначе не за-что бы дать. Простой доносъ не могъ быть оцѣненъ такъ дорого, тѣмъ болѣе, что онъ тогда же оказался ложнымъ, ибо никакого нападенія на Преображенское не было сдѣлано, и даже о положительномъ распоряженіи при слѣдствіи не получено никакихъ данныхъ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, руководителемъ дѣла былъ Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, и ему принадлежитъ честь и слава за доставленіе побѣды Петру надъ сестрой и основаніе его единодержавія.

Бѣгство младшаго Царя хотѣли было скрыть на первыхъ порахъ, но тайна огласилась тотчасъ.

Сухаревъ полкъ, получившій, разумѣется, приказаніе наканунѣ, началъ собираться поутру на другой день въ походъ за Петромъ къ Троицѣ.[189]

На ту пору ночевалъ въ слободѣ пятидесятникъ Алексѣй Севастьяновъ. Онъ послалъ названнаго сына своего Степана Алексѣева провѣдать, зачѣмъ кличутъ стрѣльцовъ въ походъ. Десятникъ сказалъ ему: къ Государю, въ Троицкій монастырь, и примолвилъ потихоньку, что Государь изво-

лилъ идти скорымъ походомъ въ одной сорочкѣ. Посланный передалъ отцу о походѣ къ Троицѣ, а о внезапномъ бѣгствѣ ему не сказалъ, сказалъ же бабкѣ своей, а бабка, пойдя въ городъ, сказала сестрамъ, отъ которыхъ услышалъ погребщикъ, и донесъ Шакловитому. Всѣ они— десятской, сообщившій извѣстіе Степану, бабка и погребщикъ, взяты тотчасъ въ стрѣлецкій приказъ и допрошены, ихъ хотѣли казнить, какъ узнали, что весь городъ заговорилъ уже о бѣгствѣ младшаго Царя, и отпустили.[190]

„Московскіе стрѣльцы Лаврентьева (Сухарева) полка пошли въ походъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь за нимъ, великимъ Государемъ, съ Москвы съ поспѣшеніемъ для обереганія его, великаго Государя, и все его государскаго дому здоровье.... и былъ тотъ полкъ весь при немъ въ пути отъ Москвы до монастыря и въ монастырѣ неотступно".

Такъ засвидѣтельствовано въ царской грамотѣ жалованной священникамъ Церкви Троицы на Листахъ, съ которою въ сосѣдствѣ была воздвигнута послѣ въ память объ этомъ подвигѣ стрѣльцовъ Сухарева полка, здѣсь жившихъ, Сухарева башня.[191]

Мать, жена и сестра Петровы, прибыли къ Троицѣ въ тотъ же день, 8 числа.[192]

Пушки, мортиры, порохъ, перевозилъ въ Троицкій монастырь тайно капралъ новаго Преображенскаго полка, Лука Хабаровъ. Въ просьбѣ своей къ И. Петру въ 1724 году онъ напоминаетъ: „въ 1689 г. по именному указу Вашего Величества посыланъ я изъ Троицкаго монастыря въ Москву и Преображенское, и отъ Преображенскаго привезъ я въ тотъ монастырь пушки и мортиры,

также и порохъ бралъ съ зеленой мельницы, и провозилъ лѣсами, тайно отъ Князя Василья Голицына, и былъ при томъ дѣлѣ въ монастырѣ неотлучно.“ [193]

А что происходило на Верху, въ городѣ?

Въ Москвѣ произошло большое смущеніе, начались распросы и толки, которые тогда же донеслись молвою и до Троицы. Съ Верху старались всячески представить этотъ случай маловажнымъ, не заслуживающимъ никакого вниманія.

На другой день, 9 числа, Петръ прислалъ къ старшему Царю Ивану и Царевнѣ Софіи довѣренное лице съ вопросомъ, что значитъ созваніе въ Кремль, въ неудобное время, такого множества стрѣльцевъ?

Вопросъ простой и естественный и вмѣстѣ самый сильный, которымъ сразу Царевна Софія поставлена была въ опасное положеніе, и бѣгство Петрово представилось въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ.

Такъ началась трагедія, которая кончилась его торжествомъ и паденіемъ соперницы.

Ему данъ отвѣтъ, что стрѣльцы были собраны единственно для того, что провожать Царевну въ Донской монастырь, куда она сбиралась идти на богомолье.

Другаго отвѣта дать было нельзя. Нельзя было ссылаться и на приготовленіе къ оборонѣ отъ ожиданнаго нападенія изъ Преображенскаго, которое опровергалось бѣгствомъ самаго Петра оттуда.

Такое объясненіе не могло, разумѣется, никому показаться удовлетворительнымъ, и только утвердило убѣж-

деніе въ злыхъ умыслахъ, и дало поводъ къ обвиненіямъ. Дѣло Царевны проигрывалось, а Петръ укрѣплялся нравственно и вещественно: къ нему начали собираться приверженцы.

Между тѣмъ въ этотъ день, 9 августа, назначенъ былъ на Верху торжественный пріемъ Малороссійскаго Гетмана Мазепы. Царевна Софія, разстроенная въ своихъ намѣреніяхъ, получившая ударъ въ самое сердце, была не въ силахъ исполнить обрядъ, который отложенъ былъ до слѣдующаго дня, до 10 числа.

Того же 10 числа Петръ потребовалъ къ себѣ полковника Циклера и 50 стрѣльцовъ. Послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній и колебаній они были отпущены, и, разумѣется, выбраны такіе, которые ни къ чему не были причастны, ничего не знали, и, слѣдовательно, не могли сказать что либо лишнее или опасное.

„Послѣ было узнано“, говоритъ Гордонъ, „что это было хитростію Циклера, который былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, когда погибло много изъ друзей младшаго Царя: чтобъ пріобрѣсть милость младшаго Царя, онъ написалъ къ одному изъ своихъ друзей, чтобъ тотъ убѣдилъ младшаго Царя прислать за нимъ и обѣщалъ открыть нѣкоторыя вещи, которыя тамъ знать нужно“.

„По прибытіи туда, онъ открылъ все, и передалъ на письмѣ, какіе получалъ съ Верху приказы и записки для распространенія между стрѣльцами“. [194]

На Верху вскорѣ съ ужасомъ узнали объ измѣнѣ, и Шакловитый въ вѣдомости, писанной имъ по приказанію

Царевна воротилась, и объявила имъ рѣшительно, что если кто отойдетъ въ Троицкій монастырь, то она велитъ поймать того и отсѣчь голову.[196]

Такія распоряженія и рѣшенія показывали ясно, что Царевна Софія не хотѣла уступить безъ борьбы даже теперь, когда дѣло оборотилось совершенно противъ нея. Одно это доказываетъ, что прежде, въ лучшихъ обстоятельствахъ, она была готова на всякія средства, чтобъ удержать свою власть.

„Князь Голицынъ объявилъ тоже Гордону, чтобъ онъ ни по чьему приказанію, ни по какой причинѣ, изъ Москвы не удалялся“.[197]

„16 числа младшій Царь потребовалъ въ другой разъ отъ старшаго брата и Царевны Софіи, или, лучше сказать, велѣлъ имъ объявить, что онъ послалъ за полковниками, солдатами и стрѣльцами, которыхъ благоволятъ они отпустить къ нему въ Троицкій монастырь“.

„Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, попечитель или дядька старшаго Царя, и духовникъ младшаго, посланы къ Троицѣ извиниться въ томъ, что полковники, стрѣльцы и солдаты не отпущены, и употребить всѣ средства для примиренія и убѣжденія Царя Петра Алексѣевича возвратиться въ Москву“.

„17-го распущенъ былъ слухъ въ Москвѣ, что указы изъ монастыря объ присылкѣ полковниковъ, солдатъ и стрѣльцовъ, даны не отъ его величества, а безъ его вѣдома“.[198]

„18-го воротился Князь Прозоровскій съ духовникомъ, не успѣвъ сдѣлать ничего изъ того, что было имъ поручено“.[199]

До 25-го числа время тянулось однакожъ въ неизвѣстности: изъ стрѣльцовъ и солдатъ очень не многіе явился къ Троицѣ.

Знаменитый Лефортъ, будущій другъ Петровъ, былъ, кажется, изъ числа первыхъ, чѣмъ и началось ихъ сближеніе, которое укрѣпилось вскорѣ сходствомъ въ нравахъ и вкусахъ, въ расположеніи къ веселости.

Царевна Софія питала надежду, у Троицы было болѣе увѣренности въ успѣхѣ, но порою возникало и сомнѣніе. Въ городѣ между стрѣльцами, среди партій или разсужденія, толки, соображенія, споры. Чья возметъ—важно было для всякаго, а для приверженцевъ той или другой стороны вопросъ касался жизни и смерти. Многіе жители со страху отъ грозившей напасти оставили городъ. Сильвестръ Медвѣдевъ, основываясь на показаніяхъ какихъ-то колдуновъ, показывали послѣ его пріятели-стрѣльцы, ободрялъ ихъ скорою перемѣною обстоятельствъ: „не бойтесь, хоть и повезетъ нашимъ врагамъ, много что дней десять, а тамъ опять возметъ верхъ Царевна Софія Алексѣевна, перетѣрпите“. [200]

Шакловитый послалъ къ Троицѣ лазутчиковъ провѣдывать, что говорятъ тамъ на него и на Царевну, Циклеръ, Елизарьевъ, Ульфовъ, Ладогинъ, Мельновъ, Турка. Двое были пойманы 18 августа: Семенъ Троицкій и Петръ Санинъ, а другіе воротились и донесли о томъ, что услышали, разумѣется, ему не на радость. [201]

Голицынъ подалъ еще совѣтъ Шакловитому уговорить у Троицы сколько нибудь стрѣльцовъ изъ Сухарева полка, чтобъ они воротились, а глядя на нихъ поднимутся, де,

и прочіе: тогда Царь долженъ будетъ по неволѣ двинуться къ Москвѣ, и можетъ устроиться примиреніе. Шакловитый, въ исполненіе совѣта, подослалъ своихъ повѣренныхъ къ стрѣльчихамъ: „зовите мужей домой, не то плохо будетъ вамъ: нападутъ на васъ прочіе, и одному полку неустоять противъ девятнадцати.“

Эти попытки не имѣли успѣха, а у Троицы по призыву народу собиралось больше и больше. [202]

Царевна рѣшилась наконецъ послать Патріарха, (между 19 и 22 августа), чтобъ онъ упросилъ брата отложить гнѣвъ его, и всѣ прочія ссоры предать забвенію.

Патріарху, по его прибытіи въ Лавру, прочтены были извѣты о покушеніяхъ на жизнь Царя Петра, и объ умыслахъ противъ него самаго. Патріархъ убѣдился приведенными доказательствами, и остался въ монастырѣ, принявъ рѣшительно сторону Петрову, чѣмъ она укрѣпилась и усилилась значительно.

Софія, узнавъ объ его рѣшеніи, приведена была въ крайнее раздраженіе. „Послала я Патріарха, чтобъ съ братомъ сойтись, а онъ“, жаловалась она пріятелямъ своимъ изъ главныхъ стрѣльцовъ, „заѣхалъ туда, да тамъ и живетъ, а къ Москвѣ не ѣдетъ“. [203]

---

27 августа присланы были въ Москву еще понудительныя грамоты, прямо, не только къ стрѣльцамъ, но и къ народу: въ гостинную сотню, въ дворцовую слободу и въ черныя сотни. Изъ полковъ приказывалось явиться къ Троицѣ всѣмъ полковникамъ и урядникамъ, съ десятью стрѣльцами изъ каждаго полка, а изъ сотенъ и слободъ

всѣ старосты и выборные съ десятью тяглецами отъ каждой слободы и сотни. Ослушникамъ угрожалось смертною казнію.

Эти грамоты произвели наконецъ дѣйствіе: вѣроятно, видно стало по ходу дѣлъ, что Петрова сторона должна побѣдить. Полковники: Нечаевъ, Спиридоновъ, Нормацкой, Дуровъ, Сергѣевъ, съ 500 урядниковъ и множествомъ стрѣльцовъ, потянулись къ Троицѣ. Прибывшая толпа допущена была въ ограду, къ царскимъ покоямъ.

Молодой Царь вышелъ съ Патріархомъ, и объявилъ имъ объ злоумышленіи Шакловитаго и велѣлъ прочесть полученное дознаніе. Патріархъ увѣщевалъ ихъ открыть чистосердечно, кто что знаетъ о замышлявшемся зломъ дѣлѣ, не норовя никому и не налегая по напрасну изъ корыстныхъ видовъ. Надъ клеветниками не будетъ его благословенія.

Стрѣльцы клялись, что знать ничего не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ, что готовы служить великимъ государямъ, какъ и всегда, вѣрою и правдою, а въ измѣнникахъ вольны они великіе государи.

Только два брата капитаны Сапоговы признались, что, по приказанію Шакловитаго, они ѣздили съ подъячимъ Шошинымъ, по городу, представляя собою Льва Нарышкина, и наругаясь надъ караульными стрѣльцами, съ цѣлію ихъ озлоблять, и вмѣстѣ съ тѣмъ донесли, что Шакловитый подговаривалъ ихъ убить Царя Петра съ матерью. [204]

Оговоренные, заподозрѣнные стрѣльцы подвергались жестокимъ пыткамъ, поднимались на дыбу, были сѣчены кнутомъ. Слѣдователи, впрочемъ, производили слѣдствіе не

слишкомъ тщательно. Заранѣе они были убѣждены, что главными виновниками, подъ началомъ Царевны Софіи, были Шакловитый и Сильвестръ Медвѣдевъ, а изъ стрѣльцевъ полковникъ Рязановъ и пятидесятникъ Гладкой: ихъ нужно было захватить, на нихъ собрать какъ можно больше обвиненій и тотчасъ предать казни, а управиться съ прочими орудіями время терпѣло.... не уйдутъ.

Царевна Софія рѣшилась на крайнее средство: самой ѣхать къ брату для объясненія и примиренія. Взявъ на руки икону Спасителеву, отправилась она изъ Москвы 29 августа. Ее провожали: князь В. В. Голицынъ, Шакловитый, Неплюевъ, Змѣевъ, Нарбековъ и многіе стрѣльцы.

Она остановилась въ 10 верстахъ отъ Троицы въ селѣ Воздвиженскомъ, слишкомъ для нея памятномъ по казни Хованскихъ, съ твердымъ намѣреніемъ идти въ монастырь, и увидѣться съ братомъ: но отъ него пріѣхалъ стольникъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ сказать, чтобъ она въ монастырь не ходила.

„Конечно пойду“, отвѣчала она съ гнѣвомъ.

Бутурлинъ поспѣшилъ донести Царю объ ея рѣшеніи, и онъ прислалъ еще боярина Ивана Борисовича Троекурова „съ послѣднимъ словомъ, чтобы она, Царевна, отнюдь въ Троицкой монастырь не шла; ежели же дерзновенно придетъ, то съ нею нечестно поступлено будетъ“.[205]

Униженная и оскорбленная, скрѣпя сердце, должна она была воротиться въ Москву, ночью на 1 сентября, и за два часа до свѣта приказала истопнику Евдокимову, призвать на Верхъ вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ, Обросима

Петрова съ товарищами, и разсказала имъ о полученныхъ обидахъ, вынесла крестъ и сама привела ихъ къ присягѣ.

„Чуть меня не застрѣлили“, говорила Царевна. „Въ Воздвиженскомъ прискакали на меня многіе люди съ самопалами и луками. Я насилу ушла и поспѣшила къ Москвѣ въ 5 часовъ. Затѣваютъ Нарышкины съ Лопухиными извести царя Іоанна Алексѣевича, и до моей головы доходитъ. Соберу полки и буду имъ говорить сама. Вы послужите намъ и къ Троицѣ не уходите. Я вамъ вѣрю: кому и вѣрить, какъ не вамъ, старымъ? Пожалуй, и вы побѣжите? Цѣлуйте лучше крестъ“. Софія взяла его и сама держала, приводя стрѣльцовъ къ присягѣ. „А если побѣжите“, заключила Царевна, „животворящій крестъ васъ не допуститъ. Письма же, какія будутъ изъ похода, у съѣзжихъ избъ не читать, а приносить въ Верхъ“. [206]

Гордонъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что „въ воскресенье, 1 числа, отправился онъ въ городъ, и услышалъ, что Царевна возвратилась отъ Троицы. Многіе стрѣльцы безоружные ходили предъ каждыми воротами взадъ и впередъ. Когда онъ спросилъ ихъ, что они дѣлаютъ, то они отвѣчать не хотѣли“. Видно было общее недоумѣніе. [207]

„Въ Кремлѣ уже узналъ Гордонъ, что имъ велѣно наблюдать за нѣкоторыми указанными людьми, чтобъ не могли уйдти. Въ Кремлѣ дѣлались обыкновенныя приготовленія къ празднованію новаго года“.

„Около 7 часовъ“, пишетъ Гордонъ, „пріѣхалъ въ Москву полковникъ Иванъ Нечаевъ и привезъ письмо къ стар-

слишкомъ тщательно. Заранѣе они были убѣждены, что главными виновниками, подъ началомъ Царевны Софіи, были Шакловитый и Сильвестръ Медвѣдевъ, а изъ стрѣльцевъ полковникъ Рязановъ и пятидесятникъ Гладкой: ихъ нужно было захватить, на нихъ собрать какъ можно больше обвиненій и тотчасъ предать казни, а управиться съ прочими орудіями время терпѣло.... не уйдутъ.

Царевна Софія рѣшилась на крайнее средство: самòй ѣхать къ брату для объясненія и примиренія. Взявъ на руки икону Спасителеву, отправилась она изъ Москвы 29 августа. Ее провожали: князь В. В. Голицынъ, Шакловитый, Цеплюевъ, Змѣевъ, Нарбековъ и многіе стрѣльцы.

Она остановилась въ 10 верстахъ отъ Троицы въ селѣ Воздвиженскомъ, слишкомъ для нея памятномъ по казни Хованскихъ, съ твердымъ намѣреніемъ идти въ монастырь, и увидѣться съ братомъ: но отъ него пріѣхалъ стольникъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ сказать, чтобъ она въ монастырь не ходила.

„Конечно пойду“, отвѣчала она съ гнѣвомъ.

Бутурлинъ поспѣшилъ донести Царю объ ея рѣшеніи, и онъ прислалъ еще боярина Ивана Борисовича Троекурова „съ послѣднимъ словомъ, чтобы она, Царевна, отнюдь въ Троицкой монастырь не шла; ежели же дерзновенно придетъ, то съ нею нечестно поступлено будетъ“.[205]

Униженная и оскорбленная, скрѣпя сердце, должна она была воротиться въ Москву, ночью на 1 сентября, и за два часа до свѣта приказала истопнику Евдокимову, призвать на Верхъ вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ, Обросима

Петрова съ товарищами, и разсказала имъ о полученныхъ обидахъ, вынесла крестъ и сама привела ихъ къ присягѣ.

„Чуть меня не застрѣлили“, говорила Царевна. „Въ Воздвиженскомъ прискакали на меня многіе люди съ самопалами и луками. Я насилу ушла и поспѣшила къ Москвѣ въ 5 часовъ. Затѣваютъ Нарышкины съ Лопухиными извести царя Іоанна Алексѣевича, и до моей головы доходитъ. Соберу полки и буду имъ говорить сама. Вы послужите намъ и къ Троицѣ не уходите. Я вамъ вѣрю: кому и вѣрить, какъ не вамъ, старымъ? Пожалуй, и вы побѣжите? Цѣлуйте лучше крестъ“. Софія взяла его и сама держала, приводя стрѣльцовъ къ присягѣ. „А если побѣжите“, заключила Царевна, „животворящій крестъ васъ не допуститъ. Письма же, какія будутъ изъ похода, у съѣзжихъ избъ не читать, а приносить въ Верхъ“. [206]

Гордонъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что „въ воскресенье, 1 числа, отправился онъ въ городъ, и услышалъ, что Царевна возвратилась отъ Троицы. Многіе стрѣльцы безоружные ходили предъ каждыми воротами взадъ и впередъ. Когда онъ спросилъ ихъ, что они дѣлаютъ, то они отвѣчать не хотѣли“. Видно было общее недоумѣніе. [207]

„Въ Кремлѣ уже узналъ Гордонъ, что имъ велѣно наблюдать за нѣкоторыми указанными людьми, чтобъ не могли уйдти. Въ Кремлѣ дѣлались обыкновенныя приготовленія къ празднованію новаго года“.

„Около 7 часовъ“, пишетъ Гордонъ, „пріѣхалъ въ Москву полковникъ Иванъ Нечаевъ и привезъ письмо къ стар-

шему Царю и къ Царевнѣ, съ извѣщеніемъ о заговорѣ, и требованіемъ, чтобъ Ѳедоръ Шакловитый, монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ и ихъ сообщники, были присланы къ Троицѣ для розыску". Это произвело великое смущеніе на Верху, и всеобщее изумленіе въ народѣ. Большая часть впрочемъ рѣшила оставаться въ сторонѣ, и ожидать, чѣмъ дѣло кончится. Подполковникъ приведенъ на Верхъ. Царевна закричала, какъ онъ смѣлъ принять на себя такое порученіе; онъ отвѣчалъ, что не смѣлъ ослушаться Царя. Царевна ужасно разгнѣвалась, и велѣла отрубить ему тотчасъ же голову, что и было-бъ исполнено, если-бъ палачь случился подъ рукою. За тѣмъ призваны были прочіе посланцы, съ ними пришедшіе, равно какъ и многіе стрѣльцы, которые находились въ Кремлѣ.

Царевна вышла къ нимъ на нижнюю лѣстницу и держала длинную рѣчь. „Братъ нашъ Царь Петръ Алексѣевичъ указалъ вамъ взять Ѳедора Шакловитаго, Обросима Петрова и другихъ. Это люди добрые. Вы возмете ихъ теперь безвинно, а послѣ спросятъ и другихъ. Такимъ образомъ переберутъ всѣхъ. Безъ нашего указа не смѣйте брать никого, и сами не уѣзжайте изъ Москвы". [208]

Такъ говорила Царевна по свидѣтельству стрѣлецкаго полковника Нечаева, Гордонъ передаетъ ея рѣчь въ своемъ дневникѣ слѣдующимъ образомъ: „нашлись злые люди, сказала она, которые согласились быть орудіями; и употребили всѣ средства, что-бъ ее и старшаго брата Царя поссорить съ меньшимъ братомъ; они посѣяли смущеніе, ревность и распрю, надоумили нѣкоторыхъ людей говорить о заго-

ворѣ на жизнь младшаго Царя и другихъ людей. Изъ ревности къ полезной службѣ Ѳедора Шакловитаго и постояннымъ его попеченіямъ днемъ и ночью о безопасности и благосостояніи государства выдали они его зачинщикомъ заговора, какъ будтобъ существовалъ какой. Она (Царевна) чтобъ уладить дѣло и розыскать основу этихъ пререканій, была сама на пути къ Троицѣ, но удержана по наговору злыхъ совѣтниковъ, которыхъ ея братъ около себя имѣетъ, и ей непозволено было идти далѣе. Такимъ образомъ она, съ великимъ поруганіемъ, должна была воротиться. Всѣмъ имъ хорошо извѣстно, какъ она въ продолженіи сихъ семи лѣтъ управляла государствомъ, принявъ на себя управленіе въ самое безпокойное время, ею заключенъ славный и вѣчный миръ съ христіанскими государями, нашими сосѣдами, и враги христіанской религіи ея оружіемъ приведены въ страхъ и трепетъ; стрѣльцы за свою службу получили значительныя награды и она къ нимъ завсегда являла себя милостивою. Она не можетъ себѣ представить, чтобъ они измѣнили ей и повѣрили вымысламъ враговъ общественнаго покоя и благосостоянія. „Не Ѳедора Шакловитаго жизни ищутъ, а моей жизни и жизни моего старшаго брата“, сказала она въ заключеніе. [209]

„Она отпустила ихъ съ обѣщаніемъ наградить тѣхъ, которые останутся вѣрными и не будутъ вмѣшиваться въ это дѣло, и, напротивъ, наказать тѣхъ, которые окажутъ непослушаніе и будутъ содѣйствовать смятенію.“

„Затѣмъ были призваны именитые люди изъ гражданъ и простаго народа.“

„Царевна держала къ нимъ такую-жъ рѣчь.“

„Въ третій разъ созвала она всѣхъ вмѣстѣ и сказала имъ длинную и прекрасную рѣчь въ томъ же духѣ.“ [210]

На другой день присланные стрѣльцы приходили къ Царевнѣ и просили, чтобъ она отпустила хотя по человѣку съ полка. Царевна отказала рѣшительно. Если кто поѣдетъ, то помните, что у васъ останутся здѣсь жены и дѣти. [211]

„Разошлась молва, что Гордону прислано письмо отъ Троицы, и ему былъ предложенъ вопросъ о томъ. Онъ отвѣчалъ по правдѣ, что не получалъ никакого письма, чѣмъ и были довольны.“

„Такъ какъ Патріарха не было въ городѣ, и старшій Царь былъ не совсѣмъ здоровъ, то всѣ приготовленія для празднованія Новаго года были отмѣнены, стрѣльцы пожалованы водкою, знатному дворянству и иностранцамъ велѣно обождать, и въ 12 часовъ получили они всѣ изъ рукъ старшаго Царя также по чаркѣ водки.“

„Между тѣмъ гнѣвъ Царевны на Нечаева прошелъ, она благоволила простить его и принять милостиво, такимъ образомъ ему также поднесена была чарка водки.“

„Нѣкоторые изъ обвиненныхъ стрѣльцевъ были укрыты ихъ товарищами, другіе нѣтъ. Шакловитый нашелъ убѣжище во дворцѣ Царевны, Медвѣдевъ и другіе бѣжали.“

За ними тотчасъ изъ монастыря была отправлена погоня.

Вся партія Царевны Софіи упала духомъ не имѣвъ никакой надежды не только на побѣду, но и на спасеніе.

„Говорили, что младшій Царь, требуя выдачи Шакловитаго съ товарищами, обѣщалъ не лишать ихъ жизни“.

„Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, который распоряжался всѣмъ у Троицы, (ибо никто другой не осмѣлился бы вмѣшаться въ такое опасное дѣло, какъ оно сначала представлялось) писалъ къ своему родственнику, князю Василью Васильевичу Голицыну, чтобъ онъ ѣхалъ къ Троицѣ и искалъ милости у младшаго Царя.“ [212]

„Втораго сентября пришло повелѣніе Царя Петра Алексѣевича солдатамъ и стрѣльцамъ, чтобъ они были спокойны и не заводили никакого шума и движенія.“ [213]

„Нѣкоторыя лица изъ Нѣмецкой слободы отправились къ Троицѣ, и Гордонъ поручилъ одному довѣренному человѣку извинить его, что онъ, равно какъ и другіе не идутъ, не зная, будетъ ли пріятно ихъ прибытіе или нѣтъ.“

„Третьяго сентября князь Василій Васильевичъ Голицынъ прислалъ подъячаго къ своему двоюродному брату, князю Борису Алексѣевичу, къ Троицѣ, убѣдить его, чтобъ онъ постарался примирить враждебныя стороны. Въ отвѣтъ ему было сказано, что онъ лучше всего сдѣлаетъ, если какъ можно скорѣе явится въ монастырь и прибѣгнетъ къ милости Царя, который вѣрно приметъ его наилучшимъ образомъ.“ [214]

Тяжелое время переживалъ этотъ примѣчательный въ Русской Исторіи человѣкъ. Онъ видѣлъ ясно, что ему несдобровать, но оставить Царевну Софію, съ которой онъ столько времени дѣлилъ всѣ мысли и чувства, пользовался всѣми почестями, и могъ приводить въ исполненіе свои государственныя мысли, ко благу отечества, хоть не ободрялъ ея сильныхъ порывовъ и не соглашался ни на какія

кровавыя мѣры,—оставить ее въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ одну, покинутую и предаваемую почти всѣми, и нанести ей ударъ, можетъ быть, самый чувствительный своимъ отступничествомъ, было для него невозможно. Онъ рѣшился пожертвовать собою и раздѣлять ея участь до послѣдней крайности.

„Между стрѣльцами ропотъ со всѣхъ сторонъ усиливался, и Царевна для ихъ успокоенія велѣла имъ объявить, что она съ старшимъ Царемъ назавтра же непремѣнно отправится къ Троицѣ, о чемъ и извѣщеніе было сообщено туда.“ [215]

„Полковникъ Семенъ Рязановъ, преданный Царевнѣ, былъ вытребованъ въ Троицкій монастырь, и допрошенъ. Онъ открылъ многое; съ его сказкою присланъ къ старшему Царю окольничій Матюшкинъ, которому въ отвѣтъ повторено было, что дѣлаются приготовленія къ завтрашнему отъѣзду двора къ Троицѣ.“

„Отъ Троицы во всѣ города и уѣзды были разосланы указы, присылать туда деньги и припасы. Изъ Москвы, напротивъ, послѣдовало запрещеніе, и велѣно оставлять все, какъ было прежде. Ясно было, что вскорѣ послѣдуетъ разрывъ и все соединялось, чтобъ ускорить главную перемѣну“. [216]

(Такъ осторожно выражается Гордонъ въ своемъ дневникѣ, разумѣя подъ главною перемѣною окончательную побѣду Петра или Софіи).

„Стрѣлецкій полкъ, находившійся у Троицы, просилъ позволенія идти въ Москву, и обѣщалъ привести оттуда

всѣхъ обвиняемыхъ и подозрѣваемыхъ въ заговорѣ. Но молодой Царь и его совѣтники, опасаясь, чтобъ не произошло смятенія, въ которомъ нельзя-бъ было избѣгнуть пролитія крови, не согласился на такое предложеніе". [217]

„Нѣкоторые изъ друзей Царя подали было совѣтъ приблизиться къ Москвѣ, въ Алексѣевское или Преображенское, гдѣ можно, де, оставаться, не подвергаясь никакой опасности, но болѣе благоразумные на то не соглашались". [218]

„4 сентября было принесено въ Нѣмецкую слободу царское посланіе ко всѣмъ генераламъ, полковникамъ и прочимъ офицерамъ, не называя никого по имени. Въ посланіи, отъ имени младшаго Царя, послѣ краткаго изложенія, что въ августѣ мѣсяцѣ, въ разныя времена, нѣкоторые капитаны, урядники, пристава, въ числѣ 50 и 10 человѣкъ, и стрѣльцы, составили заговоръ противъ жизни младшаго Царя, было предъявлено, что по произведенному слѣдствію оказалось: злодѣй и измѣнникъ Ѳедька Шакловитый, монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ и десять стрѣльцовъ, которые были поименованы, сговорились съ другими убить младшаго Царя, его мать, Патріарха и нѣсколько знатнѣйшихъ бояръ. По сему его величество послалъ подполковника Нечаева съ пятью стрѣльцами изъ всякаго полка схватить означенныхъ измѣнниковъ и привести въ Троицкій монастырь. Далѣе было сказано, что какъ скоро этотъ указъ дойдетъ до рукъ иностранныхъ генераловъ и офицеровъ, то должны они тотчасъ, въ полномъ вооруженіи, на коняхъ, явиться къ его величеству въ Троицкой монастырь. Указъ былъ помѣченъ послѣднимъ числомъ августа 1689 года, и подписанъ думнымъ дьякомъ Гаврилою Деревнинымъ, съ приложеніемъ печати."

„Бумага эта получена была полковникомъ Риддеромъ, который принесъ ее къ генералу Гордону. Гордонъ созвалъ всѣхъ генераловъ и полковниковъ, и въ общемъ ихъ собраніи распечаталъ пакетъ. Рѣшено было показать ее князю Василію Васильевичу Голицыну.

„Бояринъ былъ очень пораженъ, но старался показать себя, сколько могъ, покойнымъ, и объявилъ, что доложитъ о томъ старшему Царю и Царевнѣ. Послѣ того будетъ имъ сообщено что имъ дѣлать. Гордонъ замѣтилъ, что они подвергаются опасности потерять свои головы, въ случаѣ неповиновенія. Бояринъ отвѣтилъ, что они получатъ отвѣтъ къ вечеру, и требовалъ, что-бъ Гордонъ на тотъ конецъ оставилъ своего пасынка, полковника Страсбурга. Гордонъ возвратился въ Нѣмецкую слободу, и приготовился къ отъѣзду. Полковникамъ и офицерамъ, которые приходили къ нему за совѣтами, отвѣчалъ онъ, что какой бы приказъ ни былъ, онъ рѣшился ѣхать къ Троицѣ, и вечеромъ отправится. Вслѣдъ за нимъ приготовились къ отъѣзду всѣ высшіе и низшіе.“ [219]

„Вечеромъ двинулись они изъ слободы, и стемнѣло уже, прежде нежели они доѣхали до мосту чрезъ Яузу. Проѣхавъ 15 верстъ, они кормили лошадей.

„Пятаго, на разсвѣтѣ, завтракали они въ 15 верстахъ отъ Троицы. На встрѣчу имъ попался полковникъ Сергѣй Сергѣевъ, который съ двумя стрѣльцами отъ каждаго полка посланъ привести Шакловитаго съ его сообщниками, такъ какъ отъ Нечаева не было никакого извѣстія.“

„Около 11 часовъ прибыли Нѣмцы въ монастырь, и явились, согласно съ полученнымъ приказаніемъ, къ князю Борису Алексѣевичу Голицыну, ожидая пока его величество

откушаетъ. За симъ они были допущены къ цѣлованію руки Царя, который спросилъ ихъ о здоровьѣ, поднесъ каждому по чаркѣ водки и приказалъ явиться, когда получатъ повѣстку. Такимъ образомъ они были отпущены и разошлись по назначеннымъ для нихъ жильямъ."

„Прибытіе иностранныхъ офицеровъ къ Троицѣ", замѣчаетъ съ гордостію, впрочемъ нѣсколько лишнею, Гордонъ, „положило дѣлу конецъ, ибо тогда всѣ заговорили открыто въ пользу Царя". [220]

„6 сентября поутру приведенъ къ Троицѣ стрѣлецъ Обросимъ Петровъ, которому дана была очная ставка съ полковникомъ Семеномъ Рязановымъ, на коей онъ во всемъ признался".

„Царевна, получивъ извѣстіе, что ей не позволяется ѣхать къ Троицѣ, была очень раздражена, и не хотѣла выдавать Шакловитаго. Тогда стрѣльцы пришли вечеромъ во множествѣ въ Кремль и потребовали аудіенціи. Получивъ ее, сказали, что пришли просить Царевну, выдать Шакловитаго, котораго они хотятъ отвести къ Троицѣ. Сначала Царевна отвѣчала рѣшительно, что не выдастъ, и опять повторяла, что-бъ они невмѣшивались въ ссору ея съ братомъ, и оставались спокойными."

„Стрѣльцы были тѣмъ недовольны и объявили, что если не получатъ Шакловитаго, то ударятъ въ набатъ. Царевна была ошеломлена такимъ заявленіемъ". (Она увидала, что для нея все кончено). „Окружавшіе ее убоялись насилія и возстанія, и сказали ей, что напрасно сопротивляться въ этомъ требованіи; если возстаніе произойдетъ, то многіе лишатся жизни, такъ лучше выдать его: она послушалась убѣжденій и велѣла выдать Шакловитаго". [221]

Что чувствовала Царевна Софія, принужденная дать свое согласіе, что чувствовалъ Шакловитый, узнавъ о рѣшеніи своей судьбы, легко представить себѣ можно.

Вѣрно, не обвиняя другъ-друга, въ молчаніи они сознавались внутренно, что должно покориться судьбѣ. Шакловитый, скрывавшійся до сихъ поръ на Верху въ придворной церкви, пріобщился святыхъ тайнъ, и отправился ночью, 7 сентября, съ посланными за нимъ отъ Троицы стрѣльцами.

„Въ тотъ же день бояре получили повелѣніе ѣхать къ Троицѣ, что было имъ дозволено старшимъ Царемъ и Царевною. Они приготовились къ отъѣзду.“

„Князь Василій Васильевичъ Голицынъ провелъ эту ночь съ своими приближенными повѣренными въ Медвѣдковѣ, и былъ пораженъ сильно, когда услышалъ, что Шакловитый выданъ стрѣльцамъ“. [222]

Гладкій и Стрижевъ, вѣрнѣйшіе слуги Шакловитаго, проводили его — на пытки и казнь.

Сохранилось письмо ихъ къ Сильвестру Медвѣдеву, которое показываетъ, что самые ярые изъ стрѣльцевъ, преданныхъ Царевнѣ Софіи, не были отчаянными злодѣями, и держа ея сторону, думали дѣлать доброе дѣло, а забавная просьба ихъ объ обѣдѣ служитъ доказательствомъ, что русскій человѣкъ въ самое тяжелое для него время, способенъ еще шутить въ горѣ, какъ въ радости.

Пречестный отче Сильвестре! Желая тебѣ спасенія и здравія, Алешка Стрижовъ, Никита Гладковъ, премного челомъ бьютъ. Вчерашней нощи Ѳедора Леонтьевича проводили часу въ четвертомъ, (чувствуется, какъ они вздох-

нули, пишучи эти слова), а отъ него пошли въ пятомъ, да у Андрея сидѣли, (вѣроятно Кондратьева: понятно, объ чемъ и въ какомъ расположеніи они говорили между собой), а отъ Андрея пошли за два часа до свѣта, и стояли утреню у Екатерины мученицы близь церкви. (Унынie партіи изображается живо этими простыми чертами: въ бѣдѣ они идутъ къ заутренѣ,— вотъ каковы бывали прежде наши заговорщики); и разошлись въ домишки за полчаса до свѣта, и въ домишкахъ своихъ мы спали долго и ѣли мало. Пожалуй, государь, накорми насъ, чѣмъ Богъ тебѣ по тому положитъ: меня Алешку хоть крупенею, а желаю и отъ рыбки, а меня Никитку рыбкою жъ, почему какъ, Христа ради, накорми, а не отказывай. Писалъ де Никитка Гладковъ челомъ бью. Желая противъ сего писанья Алешка Стрижовъ челомъ бьетъ. [223]

„Седьмаго сентября поутру получено у Троицы извѣстіе, что Шакловитый выданъ, и находится уже на пути въ монастырь.“ [224]

„Прибыло нѣсколько бояръ, и они были допущены къ его величеству“.

„Около часа послѣ обѣда привезенъ былъ Шакловитый,“ (неживой, ни мертвой), и тотчасъ, въ присутствіи бояръ и дьяковъ, былъ допрошенъ. Въ иномъ онъ сознался, напримѣръ въ томъ, что хотѣлъ поджечь Преображенское, и Царицу, мать младшаго Царя, вмѣстѣ съ другими лицами, согнать съ дороги, что писалъ просьбу для стрѣльцовъ, гдѣ бы они выразили свое желаніе, что-бъ Царевна Софія вѣнчалась на царство; но отпирался, что-бъ когда нибудь было у него что въ умѣ на жизнь младшаго Царя. Постав-

ленный предъ капитанами, онъ запирался во всемъ, кромѣ того, въ чемъ признался при первомъ допросѣ. Въ нѣкоторыхъ вещахъ извинялся тѣмъ, что не можетъ вспомнить объ нихъ; точно тоже говорилъ онъ, когда дана ему была очная ставка со стрѣльцами.

Его поставили наконецъ на дыбу; онъ твердилъ одно, что не знаетъ ничего больше сказаннаго. Его подняли на дыбу, и долго держали, давъ впрочемъ только 15 ударовъ кнутомъ, и потомъ отдали стрѣлецкому полковнику подъ крѣпкую стражу".

„Около 5 часовъ послѣ обѣда пришли главные совѣтники, наперсники и слуги Царевны Софіи: князь Василій Васильевичъ Голицынъ, бояринъ Леонтій Романовичъ Неплюевъ, окольничій Венедиктъ Андреевичъ Змѣевъ, думный дворянинъ Григорій Ивановичъ Косаговъ и думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ, къ воротамъ монастыря, но не были впущены, а получили приказаніе дожидаться приказу. Чрезъ полчаса было имъ сказано, что-бъ они отошли въ указанные дома, и безъ приказанія не выходили."

„Вечеромъ приходилъ Гордонъ къ князю Василью Васильевичу Голицыну.

„Онъ былъ очень задумчивъ," замѣчаетъ Гордонъ." И было объ чемъ![225]

„Осьмаго числа, въ субботу, Шакловитому пригрозили, что его опять пытать станутъ. Онъ обѣщалъ представить Царю откровенное признаніе на письмѣ, если то позволятъ ему, обо всемъ, что онъ знаетъ, и въ чемъ признаетъ себя виноватымъ".

„Въ своемъ признаніи онъ упомянулъ о князѣ Васильѣ Васильевичѣ Голицынѣ, и еще объ другой особѣ (?), вслѣдствіе чего было рѣшено не подвергать его болѣе пыткѣ. [226]

„9 сентября гетману, ѣхавшему къ Троицѣ, на дорогѣ послано было повелѣніе остановиться въ Воздвиженскомъ, пока послѣдуетъ ему повелѣніе пріѣхать.

„Вечеромъ послано было за княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ и прочими. Сперва позванъ былъ онъ съ сыномъ, княземъ Алексѣемъ, въ монастырь. Когда они прошли чрезъ толпу на лѣстницу, думный дьякъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ небольшимъ сверткомъ, и сказалъ имъ, что его царское величество въ разсужденіи того, какой вредъ причинилъ онъ, князь Василій, государству обоими великими походами противъ Крымскихъ Татаръ, ничего не промысливъ, и истощивъ казну; въ разсужденіи, что по его внушенію Царевна присвоила себѣ управленіе государствомъ и титло правительницы; и въ разсужденіи другихъ проступковъ, въ коихъ онъ и сынъ его явили себя виновными, повелѣлъ лишить его всѣхъ имѣній и помѣстій, и сослать съ сыномъ и семействомъ на островъ Колу, гдѣ и оставаться имъ впредъ до дальнѣйшаго повелѣнія его Царскаго величества“. [227]

„Выслушавъ этотъ приговоръ, князь Голицынъ хотѣлъ вручить думному дьяку объясненіе, гдѣ онъ въ 17 статьяхъ описалъ вкратцѣ услуги, оказанныя имъ впродолженіи того времени, какъ онъ стоялъ у кормила правленія, государю и отечеству. Онъ желалъ прочесть это, еслибъ ему то было позволено, предъ Царемъ или предъ Думою.

Но дьякъ не осмѣлился принять его объясненія. Послѣ однакожъ князь Голицынъ нашелъ средство представить оное Царю, но изъ этого ничего не вышло". [228]

„За княземъ Голицынымъ вызванъ былъ бояринъ Леонтій Романовичъ Неплюевъ, и ему внизу передъ лѣстницей прочтенъ былъ приговоръ: такъ какъ онъ впродолженіи долгаго своего намѣстничества въ Сѣвскѣ угнеталъ народъ, разорилъ Комарицкую волость, и жалобы на него оставались безъ послѣдствія силою тѣхъ, которые въ рукахъ своихъ имѣли Московскія дѣла, и были его друзьями, то ихъ величества повелѣли лишить его всѣхъ имѣній и помѣстій и сослать въ Пустозерской острогъ."

„Послѣ него вызванъ былъ Венедиктъ Андреевъ Змѣевъ: ему указано жить, до дальнѣйшаго повелѣнія, въ Костромскихъ деревняхъ."

„Касоговъ и Украинцевъ оставлены на своихъ мѣстахъ."

„Осужденные бояре разошлись по своимъ жилищамъ, но получили совѣтъ отъ придворныхъ своихъ друзей, — ѣхать тотчасъ въ указанныя имъ мѣста, прежде нежели придутъ стрѣльцы, назначенные для ихъ караула.

Они послѣдовали этому совѣту, сѣли на лошадей и приказали везти за собою ихъ пожитки.

„Поднялся шумъ въ монастырѣ, всѣ кричали, что они бѣжали. Послана была за ними погоня узнать, какую дорогу они приняли. Нѣкоторые догнали князя Василья Васильевича. Князь Борисъ Алексѣевичъ, провожавшій его, сказалъ имъ, чтобъ они воротились, и сказали пославшимъ, что бояре отправились на мѣста ихъ ссылки, и что онъ ихъ провожаетъ".

„Слѣдуетъ замѣтить, что хотя князь Василій Васильевичъ былъ важнѣйшею подпорою Царевниной стороны, и извѣстно было, что онъ, если и не былъ зачинщикомъ то зналъ все умышляемое противъ жизни младшаго Царя, но онъ не былъ осужденъ, какъ измѣнникъ, и не объявленъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ, хотя раздѣлялъ ее въ высшей степени даже и потому только, что скрывалъ ее“.

„Онъ обязанъ былъ тѣмъ вліянію и значенію своего двоюроднаго брата, которое тогда имѣлъ тотъ въ царскомъ Совѣтѣ.“ [229]

„Князь Борисъ Алексѣевичъ былъ до сихъ поръ главною и единственною пружиною при этихъ перемѣнахъ, и велъ все дѣло по описанному пути. Онъ стараніями своими и просьбами достигъ до того, что и двоюродному брату его дѣйствія невмѣнены были въ измѣну. Онъ заботился о томъ, чтобъ отъ такого великаго позора избавить свой родъ. Ибо въ Россіи,“ говоритъ Гордонъ, „не такъ какъ въ другихъ странахъ, гдѣ наказывается одно виновное лице,—и это не причиняетъ никакого вреда его родичамъ, непринимавшимъ въ томъ участія. Здѣсь же вѣчное пятно остается на томъ родѣ, въ коемъ окажется хотя одинъ измѣнникъ. По этой причинѣ Князь Борисъ Алексѣевичъ приложилъ все стараніе и употребилъ всѣ средства, чтобъ приговоръ былъ составленъ безъ упоминанія объ измѣнѣ, чрезъ то однакожъ онъ навлекъ на себя ненависть не только въ народѣ, но и между друзьями и родственниками младшаго Царя. Дѣло доведено было

теперь до желаннаго конца, и они старались всѣми силами избавиться отъ него.“ [230]

Къ тому же представился случай, подавшій поводъ къ большому подозрѣнію. Вотъ что произошло: „Шакловитый предъ угрозою второй пытки обѣщалъ Царю искренно во всемъ сознаться, если ему позволятъ сдѣлать это письменно. Къ нему приставленъ былъ Князь Борисъ Алексѣевичъ снабдить его перомъ и чернилами. Шакловитый исписалъ восемь или девять листовъ. Какъ прошло уже нѣсколько часовъ ночи, и Царь легъ спать, то Князь Борисъ Алексѣевичъ взялъ все писаніе къ себѣ на домъ съ намѣреніемъ передать Царю поутру. Этимъ обстоятельствомъ враги князя воспользовались, и донесли Царю, что князь взялъ съ собою писаніе Шакловитаго, можетъ быть, съ намѣреніемъ прочесть и исключить, еслибъ что нашлось тамъ относящееся къ его двоюродному брату. Тогда Царь послалъ тотчасъ къ Шакловитому спросить: написалъ ли онъ обѣщанное, и тотъ отвѣчалъ утвердительно, что отдалъ написанное Князю Борису Алексѣевичу, какъ было приказано.“

„Князь Голицынъ, предувѣдомленный однимъ изъ своихъ друзей о происшедшемъ, поспѣшилъ къ Царю, который принялъ его сначала сурово, и спросилъ, почему онъ писанія Шакловитаго не представилъ немедленно. Князь оправдался тѣмъ, что было ночью слишкомъ поздно. Это по крайней нуждѣ было принято достаточнымъ оправданіемъ, но первое подозрѣніе было однакожъ царедворцами увеличено; ревностное стараніе его о двоюродномъ своемъ братѣ должно, де, было по необходимости имѣть основаніемъ тайну, и онъ по крайней мѣрѣ долженъ былъ

знать все, что предпринималось другою партіей. Впрочемъ Царь возвратилъ ему свою милость, но мать Царева и ея друзья отвратились отъ него". [231]

„Двѣ старухи, которыя ходили за младшимъ Царемъ въ его дѣтствѣ, были обвинены, допрошены, и на пыткѣ сознались въ нѣкоторыхъ вещахъ".

„10 сентября принятъ былъ съ почестями сверхъ ожиданія Малороссійскій Гетманъ, чѣмъ и прекращены старанія и толки, которые хотѣли составить партію для избранія новаго гетмана".

„Когда вечеромъ стало извѣстно, что Шакловитый будетъ казненъ, не подвергаясь вторичной пыткѣ, то многіе дворяне, изъ низшихъ родовъ, (вѣроятно подговоренные), собрались въ монастырь, и изъ усердія хотѣли просить, чтобъ Шакловитый былъ подвергнутъ всенародно новой пыткѣ, съ цѣлію узнать отъ него имена всѣхъ сообщниковъ, но имъ было сказано, что Царь доволенъ признаніями Шакловитаго, и они въ это дѣло не должны вмѣшиваться". [232]

„Одинадцатаго числа, около 10 часовъ, Ѳедоръ Шакловитый, полковникъ Семенъ Рязановъ и нѣкоторые стрѣльцы, подъ крѣпкимъ карауломъ, были приведены на мѣсто казни. Сперва Шакловитому, потомъ полковнику и наконецъ стрѣльцамъ, были прочтены ихъ вины и приговоры. За симъ отсѣчены головы сѣкирою Шакловитому и двумъ стрѣльцамъ. Когда полковникъ положилъ голову на плаху, ему велѣно было опять встать, дано нѣсколько ударовъ кнутомъ, урѣзанъ языкъ, и потомъ уже онъ былъ обезглавленъ".

Обросимъ Петровъ, ведомый на казнь, каялся, по свидѣтельству Матвѣева, въ своихъ винахъ и просилъ прощенія. [233]

Никита Гладкой жаловался на Царевну Софію Алексѣевну: грѣхъ на ея душѣ; она дастъ отвѣтъ Богу за проливаемую кровь. [234]

„Младшій Царь далъ свое согласіе на казнь съ великимъ неудовольствіемъ,“ говоритъ Гордонъ и не прежде, какъ Патріархъ уговорилъ его дать оное“. [232]

„Вечеромъ стрѣльцамъ изустно дано было объясненіе обо всемъ прошедшемъ съ благодарностію въ милостивыхъ выраженіяхъ за оказанныя услуги, и прибавлено по рублю въ годъ жалованья, также какъ и солдатамъ; за симъ они были отпущены“.

„Назначены начальниками приказовъ:

Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій—большія казны.

Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ—разряднаго приказа.

Петръ Васильевичъ Шереметевъ—помѣстнаго.

Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ—стрѣлецкаго.

Петръ Абрамовичъ Лопухинъ—ямскаго.

Князь Михаилъ Никитичъ Львовъ земскаго.

Князь Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ—надъ иностранцами.

„Посольскій приказъ ввѣренъ на нѣкоторое время дьяку Украинцеву, съ обязанностію, о важнѣйшихъ дѣлахъ доносить Льву Кирилловичу Нарышкину.“

„Дворцовый приказъ не былъ порученъ никому, потому что его ожидалъ для себя Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, за оказанныя имъ услуги. Сильнѣйшая пар-

тія была недовольна, когда дѣйствительно ему досталось это мѣсто. [236]

„13 была отпускная аудіенція Гетмана.“

„14 иностранцы допущены и цѣловали руку и имъ обѣщано мѣсячное жалованье. Гордону велѣно было остаться.“

Такимъ образомъ мудреная борьба была кончена. Царевна Софія была отстранена отъ правленія, и Петръ не только спасся отъ смерти, но и остался побѣдителемъ, благодаря усердію, искусству, дѣятельности Князя Бориса Алексѣевича Голицына, которому судьбою было предназначено сослужить отечеству эту великую службу.

Въ первую свободную минуту Петръ бросился въ поле, на военное ученье, котораго до сихъ поръ слишкомъ два мѣсяца слыхомъ не слыхалъ, погруженный въ противныя для него дѣла.

15-го сентября послѣ обѣда весь дворъ отправился отъ Троицы въ Александровскую слободу, полную воспоминаній Грознаго, для присутствія на военныхъ упражненіяхъ. Онѣ продолжались почти недѣлю, подъ начальствомъ Гордона, и состояли въ стрѣльбѣ, конномъ и пѣшемъ ученіи.

„Гордона позвалъ Царь къ себѣ, велѣлъ ему сдѣлать предъ собою нѣсколько экзерцицій съ солдатами, имѣлъ продолжительный разговоръ съ нимъ, и одарилъ его камкою и атласомъ.

6 октября послѣдовало возвращеніе въ Москву. Царевна Софія, по настоятельному требованію Князя Ивана Борисовича Троекурова, присланнаго съ царскимъ повелѣніемъ,

волей или неволей вывести изъ дворца, заключена была въ Дѣвичьемъ монастырѣ, подъ строгимъ присмотромъ, — томиться въ бездѣйствіи, воспоминать съ тоскою прошедшее время, сочинять планы, какъ бы исправить свои обстоятельства и желать гибели своему брату, въ которомъ не ожидала найдти такого могучаго соперника.

Петръ съ матерью и всѣмъ дворомъ, проведя у Троицы два мѣсяца между страхомъ и надеждою, въ опасеніяхъ, ожиданіяхъ, разоблаченіяхъ, среди допросовъ, пытокъ и казней, возвратился въ Москву, 6 октября 1689 года, съ полной побѣдою и торжествомъ.

Старшій братъ встрѣтилъ его въ Успенскомъ соборѣ, и предоставилъ ему всю власть, то есть, остался на всю жизнь безгласнымъ предъ нимъ, какъ былъ и предъ сестрою, являясь только въ царскихъ выходахъ, и именуясь на первомъ мѣстѣ въ государственныхъ грамматахъ.

Петру исполнилось семнадцать лѣтъ. Отсюда начинается его единодержавіе, но онъ долго еще не вступалъ въ управленіе государствомъ и не принималъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ, а продолжалъ неустанно военное свое ученіе, на водѣ и на сушѣ, какъ бы предчувствуя, что оно понадобится скоро для рѣшенія ближайшихъ задачъ, ему предназначенныхъ,—разпространить предѣлы Россіи до моря, утвердить ея первенство на Сѣверѣ, и открыть сообщеніе съ Европою.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ

ДЛЯ ИСТОРІИ СТРѢЛЕЦКИХЪ БУНТОВЪ.

(Матвѣевъ, Медвѣдевъ, Разрядныя записки, Савва Романовъ, Сказатель о боринѣ Матвѣевѣ, Желябужскій, Датскій резидентъ, Невиль, Перри, Корбъ).

I.

Записка А. А. Матвѣева.

Къ важнѣйшимъ источникамъ для описанія Стрѣлецкихъ бунтовъ принадлежитъ *записка Матвѣева*.

Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ (род. 1666 г. августа 15-го) былъ сынъ боярина Артамона Сергѣевича, погибшаго въ первомъ Стрѣлецкомъ бунтѣ. Этотъ свидѣтель имѣлъ всѣ средства узнать истину, почему записка его и имѣетъ полное право на довѣріе. Воспитаніе получилъ онъ въ домѣ отца своего, необыкновенное для того времени, зналъ по латинѣ [1]), любилъ иностранцевъ. Въ дѣтствѣ числился въ числѣ робятокъ, участвовавшихъ въ военныхъ играхъ царевича Петра въ Преображенскомъ [2]); по вступленіи на престолъ Ѳедора Алексѣевича, сопровождалъ,

---

1) Переводы его лѣтописей церковныхъ Баронія (1696) хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ. *Сахарова*, Записки русскихъ людей, стр. IV.

2) Опыты *Забѣлина*, ч. I, стр. 19.

будучи десяти лѣтъ отъ роду, отца своего въ ссылку, гдѣ пробылъ съ нимъ шесть лѣтъ. Воротился въ Москву уже по 17-му году. Онъ находился въ царскихъ палатахъ во время перваго Стрѣлецкаго бунта; въ первый день скрывался, вмѣстѣ съ меньшими Нарышкиными, въ покояхъ царицы Маѳы Матвѣевны, оттуда, по прекращеніи бунта, былъ отведенъ придворнымъ карлою къ священнику церкви Сошествія Св. Духа, у Пречистенскихъ воротъ, а тотъ передалъ его знакомому конюху, у котораго Матвѣевъ и оставался подъ именемъ Кондратія, ходя въ сермяжномъ платьѣ, до прекращенія смутъ.

Въ 1683 и 1684 годахъ, молодой Матвѣевъ находился въ Преображенскомъ, въ званіи стольника при Петрѣ, которое получилъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, на 8-мъ году отъ рода [1]). Въ 1688 году Матвѣевъ, по свидѣтельству французскаго агента Невиля, состоялъ переводчикомъ при князѣ Васильѣ Васильевичѣ Голицынѣ.

По вступленіи на престолъ Петра, онъ былъ назначенъ въ 1690 году воеводою Двинскимъ; въ 1692 году возведенъ въ санъ окольничаго; въ 1693 году встрѣчалъ Петра въ Холмогорахъ, имъ возобновленныхъ, 24-го іюля, и вскорѣ потомъ былъ уволенъ, уступивъ свое мѣсто Ѳ. М. Апраксину.

Съ 1700 года, января 24-го дня, Матвѣевъ былъ употребляемъ въ разныхъ посольствахъ во Франціи, Англіи, Голландіи, Австріи [2]); въ 1715 возведенъ въ графское достоинство Римской имперіи; наконецъ, состоялъ президентомъ юстицъ-коллегіи съ 1719 до 1727 года. Графъ Матвѣевъ скончался сентября 16-го 1728 года, и похороненъ при церкви Николая Чудотворца, въ Столпахъ, гдѣ покоится и отецъ его, бояринъ А. С. Матвѣевъ. Графъ Н. П. Румянцевъ поставилъ надъ ихъ гробницами палатку.

---

1) Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, *Есипова*, ч. I, подъ вышеозначенными годами.

2) Описаніе дипломатическихъ сношеній его, 1709—1711 гг., хранится въ Императорской С.-Петербургской библіотекѣ.

Принадлежность ему записки засвидѣтельствована историкомъ В. Н. Татищевымъ, его современникомъ [1]).

Изъ содержанія записки можно привести въ подтвержденіе то, что многихъ свѣдѣній нельзя почти было имѣть никому, кромѣ очевидца и участника. Сравненіе сана отцева съ маршальскимъ саномъ во Франціи, также и названіе членовъ нашего правительства министрами, указываетъ на пребываніе сочинителя при иностранныхъ дворахъ, гдѣ А. А. Матвѣевъ дѣйствительно и находился.

Къ такимъ соображеніямъ долженъ я былъ прибѣгать, изучая записку Матвѣева по изданію Туманскаго въ его собраніи (1787, т. VI, стр. 54). Но каково было мое удивленіе, когда я, кончивъ изслѣдованіе о Стрѣлецкомъ бунтѣ, вздумалъ пересмотрѣть изданіе Сахарова, объявленное отъ Устрялова неисправнымъ, и увидѣлъ введеніе къ запискѣ, гдѣ Матвѣевъ ясно и прямо говоритъ о себѣ:

„Понеже при времени томъ сей авторъ, какъ *самовидьцъ*, былъ вѣрнымъ свидѣтелемъ той злосчастной трагедіи и въ оной отца своего лишился, о чемъ ниже будетъ подробно сказано,—того-то ради, безпокойною совѣстію принуждаемый, навычною памятію въ самомъ подлинномъ объявленіи, по сущей правдѣ, о всемъ безпристрастно предлагаетъ. И если же, по сродной всему человѣчеству немощи, слабостію или по невѣдому въ историческихъ формахъ искусству, недоумѣя, въ чемъ погрѣшилъ, въ томъ во всемъ у ученыхъ и искуснѣйшихъ читателей съ достойнымъ почтеніемъ онъ, авторъ, требуетъ себѣ человѣколюбнаго разсужденія и во всемъ извиненія.

---

[1]) См. предъизвѣщеніе къ его Исторіи, стр. XIII: «Сильвестръ Медвѣдевъ, монахъ Чудова монастыря, и графъ Матвѣевъ описали Стрѣлецкій бунтъ, токмо въ сказаніяхъ по страстямъ весьма несогласны, и болѣе противны, потому что графа отецъ во ономъ стрѣльцами убитъ, а Медвѣдевъ самъ тому бунту участникъ и тайныхъ дѣлъ съ Милославскимъ предводитель былъ, за что послѣ съ Шекловитымъ казненъ». *Сахаровъ*, стр. IV, напрасно соблазняется здѣсь ошибками Татищева: Медвѣдевъ былъ не въ Чудовѣ монастырѣ и участвовалъ не въ первомъ бунтѣ, а въ послѣдовавшемъ. Это ошибки ничтожныя, которыя Татищевъ сдѣлалъ, не прибѣгая къ справкамъ, по неважности предмета.

„Еще въ *свѣжей памяти* нашей и предъ очами незабыто явствуетъ екземпель или прикладъ не отъ многихъ лѣтъ... возсвирѣпствiйся въ самой столицѣ Москвѣ бунтъ Московскихъ же стрѣльцевъ, приснопоминаемой и зѣло ужасной трагедіи Кремлевской, бывшей въ прошломъ 7190 году, то-есть, лѣта Господня 1682“ и проч.

„И хотя жестокосерднаго онаго стрѣлецкаго бунта варварское дѣйствіе, безъ сомнѣнія, у снискательныхъ людей, по прошедшемъ томъ незастарѣломъ времени, еще въ свѣжей памяти до нынѣ содержится, какъ уже то на чужестранныхъ языкахъ при цесарскомъ и при королевскихъ европейскихъ дворахъ подробно печатными книгами изображенная гласится,—однако впредь продолженіемъ и стѣсненіемъ будущихъ лѣтъ и примѣненіемъ смертнымъ въ человѣческомъ родѣ та память... отъ забвенія можетъ обветшать.... Сего-то ради сей авторъ не за любочестіе свое, и не за праздную себѣ хвалу, но для общей всѣхъ памяти о томъ потщился сей малый трудъ принять“.

Сахаровъ не представилъ описанія своего списка, съ котораго онъ печаталъ записку, равно какъ и о другихъ спискахъ мы не знаемъ ничего основательнаго.

Записка эта драгоцѣнна по множеству живыхъ извѣстій, исключительно ей принадлежащихъ, частію слышанныхъ сочинителемъ отъ отца въ продолженіе шестилѣтней ссылки, частію испытанныхъ имъ самимъ, частію узнанныхъ отъ другихъ участниковъ и современниковъ, съ которыми тотчасъ же послѣ бунта привелось ему жить вмѣстѣ въ Преображенскомъ. Жаль только, что излишняя риторика мѣшаетъ сочинителю. Какія свѣдѣнія могъ бы сообщить Матвѣевъ, если бы захотѣлъ или умѣлъ писать просто!

Нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ, особенныхъ его извѣстій подтверждаются другими несомнѣнными источниками, чѣмъ и внушается довѣріе къ прочимъ; напримѣръ: онъ одинъ говоритъ, что „человѣкоугодницы“ придумали дать названіе бунтамъ Стрѣлецкимъ „смутнымъ временемъ“,—и мы находимъ дѣйствительно это названіе въ заглавіи оффиціальной разрядной записки (см. ниже).

Матвѣевъ говоритъ, что „при погребеніи царя Ѳедора Алексѣевича, сестра его, царевна Софья Алексѣевна, явилась не по чину, и что царица Наталья Кирилловна, сочтя ея присутствіе оскорбленіемъ небывалымъ, ушла изъ собора,—и мы находимъ въ оффиціальномъ документѣ, что дѣйствительно царевна Софія находилась при погребеніи, а царицы Натальи Кирилловны съ сыномъ не было.

Когда писана эта записка?

Она должна быть писана въ позднѣйшее время, послѣ того, какъ Матвѣевъ побывалъ во Франціи, гдѣ узналъ о маршалахъ и министрахъ, и въ Италіи, гдѣ получилъ понятіе о Махіавелѣ и политикѣ италіанской. Описывая, какъ царевна Софія подала образъ Ивану Нарышкину, шедшему на казнь по ея умыслу, Матвѣевъ замѣчаетъ: „Во всемъ томъ внутрь глубокая происходила политика италіанская, ибо они иное говорятъ, другое же думаютъ, и самимъ дѣломъ исполняютъ“ (стр. 161).

Разсказывая, какъ онъ скрывался въ первый день бунта къ комнатахъ царевны Натальи Алексѣевны, онъ прибавляетъ: „блаженныя памяти“, а она скончалась въ 1716 году (стр. 155)[1]).

Описывая заговоръ Шакловитаго, онъ говоритъ, что заговорщики собрались въ Кремлѣ у Никольскихъ воротъ, на дворѣ, тогда называемомъ Лыкова, нынѣ цейхаусъ, то-есть, пушечный каменный дворъ, а цейхаусъ начатъ постройкою въ 1701 году.

Есть выраженіе: „На поганомъ прудѣ, что *нынѣ* называется Чистый“.

О домѣ Хованскаго говорится, что онъ достался, *по его казни*, Шакловитому.

Записка упоминаетъ о кончинѣ царевны Софіи (стр. 211), а она скончалась въ 1704 году, сорока семи лѣтъ.

Упоминается о кончинѣ Мазепы, „о чемъ уже извѣстно“ (стр. 200); она послѣдовала въ 1709 году, сентября 22-го.

---

[1]) По другому списку, у Туманскаго, V, стр. 41, назначены здѣсь покои царицы Натальи Кирилловны, а потомъ въ обоихъ спискахъ Туманскаго и спискѣ Сахарова указываются покои царицы Марѳы Алексѣевны, вмѣсто Матвѣевны.

что стрѣльцы идутъ въ Кремль. Доносятъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. Посылаютъ за патріархомъ. Велѣно запереть ворота, но уже поздно. 30.

Совѣтъ показать царевича Ивана Алексѣевича. Царица Наталья Кириловна выходитъ съ нимъ и сыномъ. Стрѣльцы взлѣзаютъ на крыльцо по подставленнымъ лѣстницамъ и допрашиваютъ. 31.

Требуютъ Мѣтвѣева и Нарышкина. Матвѣевъ сходитъ внизъ и уговариваетъ. Выслушиваютъ его и просятъ защиты. Онъ спѣшитъ донесть царицѣ. 32.

Вышедшій князь М. Ю. Долгорукій укоряетъ стрѣльцевъ. Тѣ разсердились, убили его и сбросили съ крыльца на площадь. Начало кровопролитія. Коноводы подсылаютъ стрѣльцовъ на Матвѣева съ другой стороны. Царица не отдаетъ его. Князь Черкасскій заступается. Стрѣльцы отнимаютъ Матвѣева, убиваютъ и сбрасываютъ на копья внизъ. 33.

Разбѣгаются по палатамъ искать измѣнниковъ. 34.

Обыскиваютъ всѣ мѣста, убиваютъ Василія Лаврентьевича Иванова [1]), думнаго дьяка Ларіонова, Горюшкина, Салтыкова по ошибкѣ. 35.

Находятъ Аѳанасья Нарышкина подъ престоломъ, по указанію карлы, и убиваютъ. 36.

Убиваютъ Ивана Ѳомича Нарышкина за Москвою рѣкою, князя Григорія Ромодановскаго съ сыномъ, Ларіона Иванова [2]) и Аверкія Кириллова. 37.

Вины ихъ. Наругательство надъ тѣлами убитыхъ. 38.

Караулы въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣлгородѣ. 39.

16 го мая стрѣльцы пришли просить прощенія у стараго князя Долгорукаго въ смерти его сына, убитаго наканунѣ. Слова его, по уходѣ стрѣльцовъ, имъ переданныя. Возвращаются и убиваютъ его. 39.

---

[1]) У *Сахарова*, Василья Ларіонова сына Иванова, стр. 23.

[2]) См. выше, а въ оффиціальной запискѣ и у *Желябужскаго*, стр. 1, убитымъ значится только одинъ Ларіоръ Ивановъ съ сыномъ Васильемъ. У *Соловьева*, XIII, стр. 414. У *Медвѣдева* Ларіонъ Ивановъ также показанъ вдвойнѣ въ числѣ убитыхъ у *Сахарова*, 12 - 13, у *Туманскаго*, VI, 75 и 76.

Въ 9-мъ или 11-мъ часу стрѣльцы пришли къ Золотой рѣшеткѣ и пригрозили перебить завтра всѣхъ, если не будетъ выданъ Иванъ Нарышкинъ. 40.

Буйства по улицамъ въ оба дня. 41.

Какъ укрывались Нарышкины и молодой Матвѣевъ. 42.

17-го мая стрѣльцы приходятъ въ Кремль въ однихъ рубашкахъ съ бердышами и копьями, къ Золотой рѣшеткѣ, и требуютъ Ивана Нарышкина съ угрозами. 43.

Донесеніе царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. Настояніе царевны Софіи Алексѣевны. Разговоръ съ нею Ивана Нарышкина. Нарышкинъ пріобщается св. Таинъ. Надѣваютъ на него образъ, принесенный царевною Софьею Алексѣевною. Слова князя Одоевскаго. Нарышкинъ выданъ стрѣльцамъ. Пытка и казнь. 46.

Умерщвленіе Языкова. 47.

Умерщвленіе доктора Данила Гадена, Ивана Гутменша. Погребеніе Матвѣева арапомъ. 48.

Буйство стрѣльцевъ и разореніе холопьяго приказа съ цѣлію привлечь холопей, которые, однако, не пошли на ихъ обольщенья. 49.

Избираютъ, по собраніи подписей, первымъ царемъ Ивана, на что по неволѣ соглашаются и приверженцы Петровы. 50.

Вступленіе царевны Софіи въ управленіе, жалованье стрѣльцамъ. Просьба стрѣльцевъ о поставленіи памятника во славу ихъ службы. 51.

Столпъ поставленъ попеченіемъ Циклера и Озерова. Постриженіе отца царицы Натальи Кирилловны и отправленіе на Бѣло-озеро. 52.

О спасеніи меньшихъ его дѣтей и молодаго Матвѣева. 53.

(Слѣдующее изложеніе записки предлагается по списку, напечатанному Туманскимъ въ 1-й части его Собранія, стр. 106—229).

Царское вѣнчаніе Ивана и Петра Алексѣевичей, 15-го іюля.

Названіе бунта отъ человѣкоугодниковъ смутнымъ временемъ. Совѣтъ И. М. Милославскаго предоставить начальство надъ стрѣльцами князю И. А. Хованскому. 173.

Потворство Хованскихъ стрѣльцамъ и ихъ приверженность. 175.

Высокомѣріе Хованскихъ. 176.

Связь съ раскольниками, ихъ намѣренія. 177.

Преніе въ Грановитой палатѣ. 178, 179.

Казнь Никиты Пустосвята. 180.

Грамота стрѣлъцамъ, названнымъ надворною пѣхотою. 181.

Ссоры Милославскаго съ Хованскимъ. Страхъ перваго, чтобы не быть убитымъ. Укрывательство по деревнямъ.

Опасеніе, чтобы чрезъ Хованскихъ не открылось когда-нибудь участіе Милославскаго въ бунтѣ, и чтобъ они не захватили всю власть, въ свои руки. 182.

Устрашеніе царевны новымъ бунтомъ стрѣльцевъ на погибель царскаго дома и предположеннымъ бракомъ молодаго Хованскаго съ царевной Екатериной Алексѣевною. 183.

Неистовства стрѣльцевъ, взысканія денегъ съ полковника Барсукова, Кравкова. Казнь Янова. 184, 185.

Удаленіе двора въ село Коломенское. Подметное письмо объ умыслахъ Хованскаго. Путешествіе изъ Коломенскаго въ Саввинъ монастырь, и оттуда, въ Воздвиженское. Грамоты съ призывомъ, чтобы служилые люди являлись туда. 186.

Объявленіе вины Хованскихъ, вызовъ и приказаніе захватить ихъ на дорогѣ въ Воздвиженское. 187.

Хованскіе захвачены и привезены, прочтенъ указъ казнить ихъ смертію. Они хотятъ раскрыть причины бунта Стрѣлецкаго. Усилія Милославскаго покончить съ ними скорѣе. Казнь. 188, 189.

Меньшой Хованскій бѣжалъ въ Москву; возмущеніе стрѣльцевъ. Собираются идти на Троицкій монастырь, но остановились. Забрали все оружіе и сѣли въ осадѣ. Присланный отъ царей стольникъ Зиновьевъ, едва спасшись, доноситъ царямъ о положеніи Москвы. 190, 191.

Отбытіе въ Троицкій монастырь. Собраніе служилыхъ людей. Головинъ присланъ правителемъ въ Москву; стрѣльцы смирились: возвращеніе. 192, 193.

Помѣщеніе имени царевны Софіи во всѣхъ актахъ и челобитныхъ и изображеніе на монетахъ, 194.

Военное ученье въ Преображенскомъ. Потѣшные солдаты. Крѣпость Пресбургъ. Полки Преображенскій и Семеновскій. 195, 196.

Опасенія Софіи. Назначеніе Шакловитаго надъ стрѣльцами. Князь В. В. Голицынъ надъ посольскимъ приказомъ. 197.

Намѣреніе Голицына отстраниться отъ замышляемыхъ дѣлъ и предположенный походъ въ Крымъ. 198.

Неудача. Ссылка Самойловича и избраніе Мазепы. 199.

Неудовольствія Петра, явная ссора предъ ходомъ въ Казанскій соборъ. 200 и 201.

Ночныя собранія стрѣльцевъ на Лыковѣ дворѣ. Петръ извѣщается о покушеніи на жизнь его. Бѣгство его къ Троицѣ. Многіе бояре за нимъ, и Сухаревъ полкъ. 202, 203.

Софія испугалась. Посылаетъ патріарха для примиренія брата съ нею. Тотъ не возвратился. 204.

Поѣхала сама и не принята. 205.

Присланъ Шереметевъ за Шакловитымъ. Царь Иванъ велитъ его выдать. 206.

Пытка и казнь Шакловитаго, Аброски Петрова, который, идя на казнь, публично покаялся и разсказалъ свои вины. 207—208.

Назначеніе Троекурова надъ стрѣльцами и порученіе Стрѣшневу розыска. Поимки Сильвестра Медвѣдева. 209.

Судъ надъ княземъ В. В. Голицынымъ. 210.

Назначеніе царевнѣ Софіи жить въ Дѣвичьемъ монастырѣ, подъ карауломъ, гдѣ она въ послѣдствіи и скончалась. Наказаніе ея приверженцевъ. 211.

Возвращеніе Петра въ Москву. Стрѣльцы на пути просятъ прощенія, неся на себѣ топоры и плахи. Розыскъ и наказаніе, 212.

Предоставленіе царевичемъ Иваномъ правленія Петру. Намѣреніе путешествовать. Составъ посольства. 213—215.

Отправленіе молодыхъ людей изъ знатныхъ родовъ въ чужіе краи учиться. 216.

Бунтъ пограничныхъ стрѣльцевъ. Возвращеніе Петра изъ Вѣны. 217.

Между тѣмъ шедшіе на Москву полки разбиты подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Розыски и казни. 218—221.

Розыски по прибытіи царя надъ остальными стрѣльцами и казни. 222, 233.

Заговоръ Соковнина, Циклера и Пушкина. 224—227.

Казнь Милославскаго, вынутаго изъ могилы. 228, 229.

Отмѣтимъ важныя извѣстія, которыми мы обязаны Матвѣеву; таковы суть:

О прибытіи приверженцевъ Петра на избраніе въ панцыряхъ подъ одеждою, чѣмъ доказывается подозрѣніе не только о существованіи, но и о замыслахъ противной стороны. (Этого извѣстія нѣтъ болѣе нигдѣ).

Исчисленіе княжескихъ и прочихъ знатныхъ семействъ, приверженныхъ Петру. (Также нѣтъ болѣе нигдѣ).

Свидѣтельство Матвѣева о предостереженіи, сдѣланномъ его отцу, на дорогѣ, бѣжавшими изъ Москвы стрѣльцами, по поводу затѣяннаго бунта, принадлежитъ къ числу важныхъ доказательствъ участія въ немъ Софіи. Это свидѣтельство вполнѣ достовѣрно: можно ли предположить, чтобы Матвѣевъ выдумалъ это извѣстіе, а не написалъ со словъ отца, при которомъ находился, имѣя тогда уже 16 лѣтъ. (По изданію Сахарова значится, что стрѣльцы предупреждали Матвѣева и чрезъ посланнаго къ нему отъ дворостольника Алмазова).

Матвѣевъ и старый Нарышкинъ, Кириллъ Полуектовичъ, подали совѣтъ показать стрѣльцамъ царевичей Ивана и Петра.

Они поставлены были на Красномъ крыльцѣ тамъ, гдѣ ежедневно смѣнялся караулъ, VI, стр. 31; „тогожъ крыльца на стѣнахъ, гдѣ барабаны положены бываютъ, при тѣхъ же карауллахъ“. I, стр. 643.

Стрѣльцы подставляли лѣстницы, чтобы взлѣсть на Красное крыльцо и удостовѣриться въ личности царевича Ивана.

Увѣщаніе Матвѣева.

Кафтанъ былъ изорванъ на князѣ Черкасскомъ, который заступался за Матвѣева и не давалъ его стрѣльцамъ.

(Въ оффиціальной запискѣ это отнесено ко времени, когда Черкасскій выходилъ съ прочими боярами уговаривать стрѣльцевъ; но тамъ явная ошибка, ибо почему бы изорвать кафтанъ на одномъ Черкасскомъ, когда съ нимъ многіе другіе бояре выходили уговаривать стрѣльцевъ, которые тогда не обнаруживали еще совершеннаго буйства).

Извѣстіе Матвѣева о спискѣ назначенныхъ къ умерщвленію лицъ подтверждается свидѣтельствомъ датскаго резидента[1] (см. ниже) и самымъ дѣломъ: тѣхъ, кого стрѣльцы не нашли въ Кремлѣ, тѣхъ искали по домамъ ихъ въ городѣ.

Замѣтимъ подробности живыя о притворной болѣзни Милославскаго, объ умерщвленіи Аѳанасья Нарышкина, боярина Языкова, отдавшаго перстень съ руки встрѣченному холопу за князя Долгорукаго, о выдачѣ Ивана Нарышкина, о погребеніи тѣла Матвѣева домашнимъ его арапомъ, *по имени Иваномъ*.

Отмѣтимъ здѣсь важное извѣстіе о томъ, какъ царевна Софія впервые выступила на сцену: „Въ тотъ же самый часъ, не укрывся отъ вышеобъявленнаго секрета, впервые публично царевна Софія Алексѣевна на себя тогда оказала подозрѣніе, остро ея величеству, государынѣ императрицѣ, сказавъ, что никакимъ образомъ того избыть не возможно, чтобъ его вышеупомянутаго брата царицына имъ стрѣльцамъ въ тотъ день не выдать, развѣ общему всѣхъ и себя дѣйствію имъ стрѣльцамъ допустить“. (У Сахарова, стр. 29; у Туманскаго гораздо короче и слабѣе, VI, стр. 44)

Далѣе слѣдуютъ любопытныя извѣстія объ его пыткѣ, объ укрывательствѣ и спасеніи меньшихъ Нарышкиныхъ съ молодымъ Матвѣевымъ и проч. въ покояхъ царевны Натальи Алексѣевны и царицы Маѳы Матвѣевны.

Совѣтъ И. М. Милославскаго царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ о назначеніи начальникомъ стрѣльцевъ князя Ивана Андреевича Хованскаго съ сыномъ. 173.

Женитьба насильная стараго Хованскаго на вдовѣ убитаго дьяка Ларіонова.

Характеръ Милославскаго изображенъ обстоятельно, и, кажется, вѣрно: безъ свѣдѣній, доставляемыхъ Матвѣевымъ, мы не могли-бъ объяснить себѣ, почему такую страшную казнь придумалъ ему Петръ въ 1699 году.

Ссора Милославскаго съ Хованскимъ и бѣганье перваго по деревнямъ отъ стрѣльцевъ.

Приверженность стрѣльцевъ къ Хованскимъ въ благодарность за потворство (прозванья: „батюшка“, „большой“).

Описаніе, какъ стрѣльцы принимали похвальную грамоту за бунтъ.

Отсѣченіе головы Хованскому стрѣльцомъ стремяннаго полка за неимѣніемъ заплечнаго мастера.

Цѣлованіе трупа сыномъ. Погребеніе Хованскихъ въ городѣ.

Стрѣлецъ Борисъ Одинцовъ, съ товарищами, казненъ вмѣстѣ съ Хованскими, вѣроятно, какъ свидѣтель опасный, знавшій коротко происхожденіе перваго бунта.

Важны также у Матвѣева и тѣ извѣстія, которыми подтверждаются находящіяся въ другихъ источникахъ, напримѣръ: о протестѣ Самбулова, о торжественномъ пріемѣ Матвѣева въ Москвѣ по возвращеніи изъ ссылки, объ особенномъ участіи въ бунтѣ стрѣльцевъ Бориса Одинцова (казненнаго послѣ съ Хованскимъ), Козьмы Чернаго, Аброськи Петрова, которые явятся дѣйствующими и въ послѣдней распрѣ Софіи съ братомъ, подполковника Циклера и Озерова, за котораго выдана была извѣстная посредница между Софіей и стрѣльцами, постельница ея Ѳедора Семенова, съ большимъ приданымъ, о связи Хованскаго съ раскольниками.

Черты съ натуры: такая пыль поднялась у Троицы, когда былъ привезенъ Шакловитый, что ничего не стало видно.

„Того же октября мѣсяца, (при возвращеніи Петра отъ Троицы, по низверженіи Софіи), снѣгъ со вьюгами и морозы выпадши, повсевременно множіе совершенно зимній путь безъ всякой отмѣны утвердился“.

Повѣренные отъ А. Милославскаго и Петра Толстаго прискакали въ полки на сѣрыхъ и карихъ лошадяхъ съ извѣстіемъ, что Царевича Ивана задушили (и за тѣмъ онъ Петръ Толстой къ комнату къ государю Царю Ивану Алексѣевичу былъ пожалованъ).

Народныя прозвища, передаваемыя Матвѣевымъ, показываютъ, какъ ему извѣстны были всѣ тогдашніе слухи и дѣла; И. М. Милославскій имѣлъ въ народѣ прозваніе Подорваннаго, Толстые—Шарпенки, Шарпчкики (?), Хованскій—Тараруй, карло Никита—Комаръ, другой карло—Хомякъ, постельница Софіина – Родимица (?), (у Сахарова, 14), назначеная, у Тум. VI, 21, 1, 132, названная).

Иванъ Нарышкинъ, спрятавшись въ первый день бунта въ покояхъ царицы Марѳы Матвѣевны „для непознанія себя имѣвшіе у себя долгіе волосы остригъ, и былъ тутъ съ вышеобъявленными особами“ (отцемъ, братьями, родственниками, молодымъ Матвѣевымъ и проч.) (VI, стр. 42). Такъ точно значится и по списку Сахарова (стр. 27). Но по другому списку, у Туманскаго, разсказано вотъ какъ: „Онъ бояринъ Иванъ Кирилловичъ всѣмъ тѣмъ именованнымъ особамъ, ради безопасія и непознанію ихъ, долгіе бывшіе у нихъ волосы остригъ“ (I, стр. 156). Преданнаго послѣ стрѣльцамъ, Нарышкина, по одному списку Туманскаго (VI, стр. 46): „ухвативши *за руки* и *за всѣ члены* изъ многихъ руками звѣрскими тѣ злодѣи похитя“ и проч., а по другому списку (I, стр. 162): „звѣрски его г. Нарышкина *за волосы* ухватя, и за всѣ члены изъ многихъ руками тѣ злодѣи похитя“, и проч. У Сахарова, стр. 30. точно также.

Упрекаютъ Матвѣева въ пристрастіи къ отцу; оно очень естественно, и ничто не мѣшаетъ принимать его показаніе съ критикой. Обвиняютъ въ ненависти къ стрѣльцамъ,—она также очень законна, ибо стрѣльцы мучительски убили его отца. Впрочемъ въ судѣ о стрѣльцахъ Матвѣевъ мало отстаетъ отъ Медвѣдева, хотя проф. Аристовъ (въ своей книгѣ: „Московскія смуты въ правленіе Царевны Софіи Алексѣевны) и видитъ большее между ними различіе.

Касательно обвиненія Матвѣевымъ Софіи и Милославскаго должно сказать: если Софія была виновата въ первомъ стрѣлецкомъ

Связь съ раскольниками, ихъ намѣренія. 177.

Преніе въ Грановитой палатѣ. 178, 179.

Казнь Никиты Пустосвята. 180.

Грамота стрѣлъцамъ, названнымъ надворною пѣхотою. 181.

Ссоры Милославскаго съ Хованскимъ. Страхъ перваго, чтобы не быть убитымъ. Укрывательство по деревнямъ.

Опасеніе, чтобы чрезъ Хованскихъ не открылось когда-нибудь участіе Милославскаго въ бунтѣ, и чтобъ они не захватили всю власть, въ свои руки. 182.

Устрашеніе царевны новымъ бунтомъ стрѣльцевъ на погибель царскаго дома и предположеннымъ бракомъ молодаго Хованскаго съ царевной Екатериной Алексѣевною. 183.

Неистовства стрѣльцевъ, взысканія денегъ съ полковника Барсукова, Кравкова. Казнь Янова. 184, 185.

Удаленіе двора въ село Коломенское. Подметное письмо объ умыслахъ Хованскаго. Путешествіе изъ Коломенскаго въ Саввинъ монастырь, и оттуда, въ Воздвиженское. Грамоты съ призывомъ, чтобы служилые люди являлись туда. 186.

Объявленіе вины Хованскихъ, вызовъ и приказаніе захватить ихъ на дорогѣ въ Воздвиженское. 187.

Хованскіе захвачены и привезены, прочтенъ указъ казнить ихъ смертію. Они хотятъ раскрыть причины бунта Стрѣлецкаго. Усилія Милославскаго покончить съ ними скорѣе. Казнь. 188, 189.

Меньшой Хованскій бѣжалъ въ Москву; возмущеніе стрѣльцевъ. Собираются идти на Троицкій монастырь, но остановились. Забрали все оружіе и сѣли въ осадѣ. Присланный отъ царей стольникъ Зиновьевъ, едва спасшись, доноситъ царямъ о положеніи Москвы. 190, 191.

Отбытіе въ Троицкій монастырь. Собраніе служилыхъ людей. Головинъ присланъ правителемъ въ Москву; стрѣльцы смирились; возвращеніе. 192, 193.

Помѣщеніе имени царевны Софіи во всѣхъ актахъ и челобитныхъ и изображеніе на монетахъ, 194.

О первыхъ стрѣлецкихъ смятеніяхъ въ полку Пыжова, о просьбахъ на полковника Грибоѣдова, до кончины Ѳедора, Матвѣевъ не говоритъ ни слова, и начинаетъ прямо съ бунта 15-го мая, съ участія въ немъ Царевны Софіи, имѣя, разумѣется, главною цѣлію обвинить ее. О непосредственномъ участіи ея въ наказаніи раскольниковъ онъ умалчиваетъ, можетъ быть, для того, чтобы не имѣть видно повода сказать о ней что либо хорошее. О правленіи Царевны Матвѣевъ не говоритъ ничего, имѣя цѣлію описать только стрѣлецкіе бунты; изъ двухъ Крымскихъ походовъ говоритъ онъ только о первомъ.

Мелкія противорѣчія ничего не значатъ, напримѣръ: у Матвѣева, отецъ Долгорукаго убитъ 16-го мая, а у Медвѣдева—15-го, равно какъ и Языковъ. Дьякъ Кирилловъ у Матвѣева убитъ 15-го, а въ офиціальной запискѣ—16-го.

Записка Матвѣева написана ужаснымъ витіеватымъ слогомъ, хотя и прорываются у него простонародныя выраженія; приводецъ, ежевыя рукавицы, ужъ въ травѣ не утаится, молотъ скоро нашелся, когда бы желѣзо вскипѣло, имъ ковать (должно быть испорченная пословица).

Записка напечатана у Туманскаго съ крайнею небрежностію, такъ что въ иныхъ случаяхъ трудно добраться смысла, а въ другихъ получаемъ смыслъ превратный, напримѣръ: въ спискѣ (томъ VI стр. т. 33) значится: Князь Михайло Черкасской весьма великодушное и достойное памяти дѣло учинилъ, хотя отъ рукъ стрѣлецкихъ избавить.... Матвѣева. „Но тѣ неукротимыя и человѣческія крови наполненныя руки, подхватя князя Черкасскаго, разодрали на немъ платье и бросили съ Краснаго крыльца“. Сброшенъ былъ Матвѣевъ, а не Черкасскій, на которомъ стрѣльцы только изорвали платье, отнимая у него Матвѣева, какъ то и видно по другимъ спискамъ. (I, стр. 146): „Но тѣ неукротимыя ... руки... его боярина Матвѣева, ни въ чемъ имъ неповиннаго, изъ подъ него боярина князя Черкасскаго выдравъ, разодрали на немъ, помянутомъ князѣ, платье, и потомъ бросили (то-есть, Матвѣева) съ Краснаго крыльца на площадь и... разрубили“. Такъ точно и у Сахарова, стр. 22.

Между тѣмъ шедшіе на Москву полки разбиты подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Розыски и казни. 218—221.

Розыски по прибытіи царя надъ остальными стрѣльцами и казни. 222, 233.

Заговоръ Соковнина, Циклера и Пушкина. 224—227.

Казнь Милославскаго, вынутаго изъ могилы. 228, 229.

Отмѣтимъ важныя извѣстія, которыми мы обязаны Матвѣеву; таковы суть:

О прибытіи приверженцевъ Петра на избраніе въ панцыряхъ подъ одеждою, чѣмъ доказывается подозрѣніе не только о существованіи, но и о замыслахъ противной стороны. (Этого извѣстія нѣтъ болѣе нигдѣ).

Исчисленіе княжескихъ и прочихъ знатныхъ семействъ, приверженныхъ Петру. (Также нѣтъ болѣе нигдѣ).

Свидѣтельство Матвѣева о предостереженіи, сдѣланномъ его отцу, на дорогѣ, бѣжавшими изъ Москвы стрѣльцами, по поводу затѣяннаго бунта, принадлежитъ къ числу важныхъ доказательствъ участія въ немъ Софіи. Это свидѣтельство вполнѣ достовѣрно: можно ли предположить, чтобы Матвѣевъ выдумалъ это извѣстіе, а не написалъ со словъ отца, при которомъ находился, имѣя тогда уже 16 лѣтъ. (По изданію Сахарова значится, что стрѣльцы предупреждали Матвѣева и чрезъ посланнаго къ нему отъ двора стольника Алмазова).

Матвѣевъ и старый Нарышкинъ, Кириллъ Полуектовичъ, подали совѣтъ показать стрѣльцамъ царевичей Ивана и Петра.

Они поставлены были на Красномъ крыльцѣ тамъ, гдѣ ежедневно смѣнялся караулъ, VI, стр. 31; „тогожъ крыльца на стѣнахъ, гдѣ барабаны положены бываютъ, при тѣхъ же карауллахъ“. I, стр. 643.

Стрѣльцы подставляли лѣстницы, чтобы взлѣсть на Красное крыльцо и удостовѣриться въ личности царевича Ивана.

Увѣщаніе Матвѣева.

Кафтанъ былъ изорванъ на князѣ Черкасскомъ, который заступался за Матвѣева и не давалъ его стрѣльцамъ.

(Въ оффиціальной запискѣ это отнесено ко времени, когда Черкасскій выходилъ съ прочими боярами уговаривать стрѣльцевъ; но тамъ явная ошибка, ибо почему бы изорвать кафтанъ на одномъ Черкасскомъ, когда съ нимъ многіе другіе бояре выходили уговаривать стрѣльцевъ, которые тогда не обнаруживали еще совершеннаго буйства).

Извѣстіе Матвѣева о спискѣ назначенныхъ къ умерщвленію лицъ подтверждается свидѣтельствомъ датскаго резидента (см. ниже) и самымъ дѣломъ: тѣхъ, кого стрѣльцы не нашли въ Кремлѣ, тѣхъ искали по домамъ ихъ въ городѣ.

Замѣтимъ подробности живыя о притворной болѣзни Милославскаго, объ умерщвленіи Аѳанасья Нарышкина, боярина Языкова, отдавшаго перстень съ руки встрѣченному холопу за князя Долгорукаго, о выдачѣ Ивана Нарышкина, о погребеніи тѣла Матвѣева домашнимъ его арапомъ, *по имени Иваномъ*.

Отмѣтимъ здѣсь важное извѣстіе о томъ, какъ царевна Софія впервые выступила на сцену: „Въ тотъ же самый часъ, не укрывся отъ вышеобъявленнаго секрета, впервые публично царевна Софія Алексѣевна на себя тогда оказала подозрѣніе, остро ея величеству, государынѣ императрицѣ, сказавъ, что никакимъ образомъ того избыть не возможно, чтобъ его вышеупомянутаго брата царицына имъ стрѣльцамъ въ тотъ день не выдать, развѣ общему всѣхъ и себя дѣйствію имъ стрѣльцамъ допустить“. (У Сахарова, стр. 29; у Туманскаго гораздо короче и слабѣе, VI, стр. 44)

Далѣе слѣдуютъ любопытныя извѣстія объ его пыткѣ, объ укрывательствѣ и спасеніи меньшихъ Нарышкиныхъ съ молодымъ Матвѣевымъ и проч. въ покояхъ царевны Натальи Алексѣевны и царицы Марѳы Матвѣевны.

Совѣтъ И. М. Милославскаго царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ о назначеніи начальникомъ стрѣльцевъ князя Ивана Андреевича Хованскаго съ сыномъ. 173.

Женитьба насильная стараго Хованскаго на вдовѣ убитаго дьяка Ларіонова.

Характеръ Милославскаго изображенъ обстоятельно, и, кажется, вѣрно: безъ свѣдѣній, доставляемыхъ Матвѣевымъ, мы не могли-бъ объяснить себѣ, почему такую страшную казнь придумалъ ему Петръ въ 1699 году.

Ссора Милославскаго съ Хованскимъ и бѣганье перваго по деревнямъ отъ стрѣльцевъ.

Приверженность стрѣльцевъ къ Хованскимъ въ благодарность за потворство (прозванья: „батюшка“, „большой“).

Описаніе, какъ стрѣльцы принимали похвальную грамоту за бунтъ.

Отсѣченіе головы Хованскому стрѣльцомъ стремяннаго полка за неимѣніемъ заплечнаго мастера.

Цѣлованіе трупа сыномъ. Погребеніе Хованскихъ въ городѣ.

Стрѣлецъ Борисъ Одинцовъ, съ товарищами, казненъ втѣстѣ съ Хованскими, вѣроятно, какъ свидѣтель опасный, знавшій коротко происхожденіе перваго бунта.

Важны также у Матвѣева и тѣ извѣстія, которыми подтверждаются находящіяся въ другихъ источникахъ, напримѣръ: о протестѣ Самбулова, о торжественномъ пріемѣ Матвѣева въ Москвѣ по возвращеніи изъ ссылки, объ особенномъ участіи въ бунтѣ стрѣльцевъ Бориса Одинцова (казненнаго послѣ съ Хованскимъ), Козьмы Чернаго, Аброськи Петрова, которые явятся дѣйствующими и въ послѣдней распрѣ Софіи съ братомъ, подполковника Циклера и Озерова, за котораго выдана была извѣстная посредница между Софіей и стрѣльцами, постельница ея Ѳедора Семенова, съ большимъ приданымъ, о связи Хованскаго съ раскольниками.

Черты съ натуры: такая пыль поднялась у Троицы, когда былъ привезенъ Шакловитый, что ничего не стало видно.

„Того же октября мѣсяца, (при возвращеніи Петра отъ Троицы, по низверженіи Софіи), снѣгъ со вьюгами и морозы выпадши, повсевременно множіе совершенно зимній путь безъ всякой отмѣны утвердился“.

Повѣренные отъ А. Милославскаго и Петра Толстаго прискакали въ полки на сѣрыхъ и карихъ лошадяхъ съ извѣстіемъ, что Царевича Ивана задушили (и за тѣмъ онъ Петръ Толстой къ комнату къ государю Царю Ивану Алексѣевичу былъ пожалованъ).

Народныя прозвища, передаваемыя Матвѣевымъ, показываютъ, какъ ему ивѣстны были всѣ тогдашніе слухи и дѣла; И. М. Милославскій имѣлъ въ народѣ прозваніе Подорваннаго, Толстые—Шарпенки, Шарпчкики (?), Хованскій—Тараруй, карло Никита—Комаръ, другой карло—Хомякъ, постельница Софіина—Родимица (?), (у Сахарова, 14), назначеная, у Тум. VI, 21, 1, 132, названная).

Иванъ Нарышкинъ, спрятавшись въ первый день бунта въ покояхъ царицы Марѳы Матвѣевны „для непознанія себя имѣвшіе у себя долгіе волосы остригъ, и былъ тутъ съ вышеобъявленными особами“ (отцемъ, братьями, родственниками, молодымъ Матвѣевымъ и проч.) (VI, стр. 42). Такъ точно значится и по списку Сахарова (стр. 27). Но по другому списку, у Туманскаго, разсказано вотъ какъ: „Онъ бояринъ Иванъ Кирилловичъ всѣмъ тѣмъ именованнымъ особамъ, ради безопасія и непознанію ихъ, долгіе бывшіе у нихъ волосы остригъ“ (I, стр. 156). Преданнаго послѣ стрѣльцамъ, Нарышкина, по одному списку Туманскаго (VI, стр. 46): „ухвативши *за руки* и *за всѣ члены* изъ многихъ руками звѣрскими тѣ злодѣи похитя“ и проч., а по другому списку (I, стр. 162): „звѣрски его г. Нарышкина *за волосы* ухватя, и за всѣ члены изъ многихъ руками тѣ злодѣи похитя“, и проч. У Сахарова, стр. 30. точно также.

Упрекаютъ Матвѣева въ пристрастіи къ отцу; оно очень естественно, и ничто не мѣшаетъ принимать его показаніе съ критикой. Обвиняютъ въ ненависти къ стрѣльцамъ,—она также очень законна, ибо стрѣльцы мучительски убили его отца. Впрочемъ въ судѣ о стрѣльцахъ Матвѣевъ мало отстаетъ отъ Медвѣдева, хотя проф. Аристовъ (въ своей книгѣ: „Московскія смуты въ правленіе Царевны Софіи Алексѣевны) и видитъ большее между ними различіе.

Касательно обвиненія Матвѣевымъ Софіи и Милославскаго должно сказать: если Софія была виновата въ первомъ стрѣлецкомъ

бунтѣ, въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться (см. ниже, въ изслѣдованіи), то Матвѣевъ за ея обвиненіе не подлежитъ порицанію. Преувеличеніе же можетъ легко быть отстранено. Уму и способностямъ царевны Софіи Матвѣевъ отдаетъ полную справедливость: „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва“ (I, стр. 119). Замѣтимъ, что обвинять несправедливо можно бы по страсти при жизни, при силѣ, а по совершенномъ пораженіи и наказаніи, по смерти, чрезъ тридцать-сорокъ лѣтъ, выдумывать на покойниковъ, безъ всякой цѣли, никакъ не вѣроятно. Выраженія слишкомъ бранныя, могутъ объясняться еще его риторикой.

Укажемъ на ошибочныя извѣстія: объ умерщвленіи сына Ромодановскаго, который былъ пощаженъ, по извѣстію Датскаго резидента, и не значится въ числѣ убитыхъ ни у Медвѣдева, ни въ разрядной запискѣ.

Не вѣрно извѣстіе о присутствіи царей при преніи съ раскольниками въ Грановитой палатѣ, о чемъ не говоритъ ни Савва Романовъ, ни патріархъ въ своемъ увѣтѣ, ни Медвѣдевъ.

Также невѣрно извѣстіе о высылкѣ стрѣльцами раскольниковъ изъ Кремля послѣ ихъ пренія. Объ обморокѣ Никиты Пустосвята извѣстія нѣтъ нигдѣ болѣе: „и вышедши изъ воротъ Спасскихъ, какъ новый Симонъ волхвъ, всенародно діаволомъ на землю пораженъ былъ“ (стр. 40). Можетъ-быть, онъ упалъ вслѣдствіе усталости.

Страннѣе всего перестановка заговора Циклера ко времени по возвращеніи государя изъ чужихъ краевъ, послѣ пораженія стрѣльцевъ подъ Воскресенскимъ, между тѣмъ какъ этотъ заговоръ случился предъ путешествіемъ.

Пишучи на память чрезъ долгое время, Матвѣевъ могъ ошибаться неумышленно. Такъ 16-го мая сказано: стрѣльцы стали близъ самыхъ палатъ, гдѣ съѣхались многія знатныя персоны. Но какія же персоны могли съѣхаться, если въѣздъ и выѣздъ изъ Кремля былъ запертъ? Впрочемъ это, можетъ-быть, разумѣется о боярахъ, жившихъ въ Кремлѣ.

О первыхъ стрѣлецкихъ смятеніяхъ въ полку Пыжова, о просьбахъ на полковника Грибоѣдова, до кончины Ѳедора, Матвѣевъ не говоритъ ни слова, и начинаетъ прямо съ бунта 15-го мая, съ участія въ немъ Царевны Софіи, имѣя, разумѣется, главною цѣлію обвинить ее. О непосредственномъ участіи ея въ наказаніи раскольниковъ онъ умалчиваетъ, можетъ быть, для того, чтобы не имѣть видно повода сказать о ней что либо хорошее. О правленіи Царевны Матвѣевъ не говоритъ ничего, имѣя цѣлію описать только стрѣлецкіе бунты; изъ двухъ Крымскихъ походовъ говоритъ онъ только о первомъ.

Мелкія противорѣчія ничего не значатъ, напримѣръ: у Матвѣева, отецъ Долгорукаго убитъ 16-го мая, а у Медвѣдева—15-го, равно какъ и Языковъ. Дьякъ Кирилловъ у Матвѣева убитъ 15-го, а въ офиціальной запискѣ—16-го.

Записка Матвѣева написана ужаснымъ витіеватымъ слогомъ, хотя и прорываются у него простонародныя выраженія; приводецъ, ежевыя рукавицы, ужъ въ травѣ не утаится, молотъ скоро нашелся, когда бы желѣзо вскипѣло, имъ ковать (должно быть испорченная пословица).

Записка напечатана у Туманскаго съ крайнею небрежностію, такъ что въ иныхъ случаяхъ трудно добраться смысла, а въ другихъ получаемъ смыслъ превратный, напримѣръ: въ спискѣ (томъ VI стр. т. 33) значится: Князь Михайло Черкасской весьма великодушное и достойное памяти дѣло учинилъ, хотя отъ рукъ стрѣлецкихъ избавить.... Матвѣева. „Но тѣ неукротимыя и человѣческія крови наполненныя руки, подхватя князя Черкасскаго, разодрали на немъ платье и бросили съ Краснаго крыльца“. Сброшенъ былъ Матвѣевъ, а не Черкасскій, на которомъ стрѣльцы только изорвали платье, отнимая у него Матвѣева, какъ то и видно по другимъ спискамъ. (I, стр. 146): „Но тѣ неукротимыя ... руки... его боярина Матвѣева, ни въ чемъ имъ неповиннаго, изъ подъ него боярина князя Черкасскаго выдравъ, разодрали на немъ, помянутомъ князѣ, платье, и потомъ бросили (то-есть, Матвѣева) съ Краснаго крыльца на площадь и... разрубили“. Такъ точно и у Сахарова, стр. 22.

Вотъ еще примѣры небрежности Туманскаго: VI, стр. 35: „На томъ же крыльцѣ взяли они стрѣльцы... Иванова... Ларіонова... Горюшкина... Юренева, *которымъ учинили свободу*“. (Послѣднихъ безсмысленныхъ словъ у Сахарова нѣтъ). Извѣстно, что всѣ означенныя лица были убиты. Убіеніе Ларіонова у самаго Матвѣева писано ниже.

На стр. 45 и 46 представляется совершенный безпорядокъ: сперва описывается выдача Ивана Нарышкина стрѣльцамъ („*котораго взявъ они стрѣльцы вышли*“), а потомъ говорится объ образѣ, переданномъ Царевной Царицѣ, которая отдала его брату, приводится рѣчь князя Одоевскаго о выдачѣ, и наконецъ, опять описаніе, какъ Царица отворила дворъ за Золотою рѣшеткой и отдала брата стрѣльцамъ. Вся путаница происходитъ отъ безсмысленныхъ вышеприведенныхъ словъ, вмѣсто которыхъ въ другомъ спискѣ (I, стр. 160), и въ Сахаровскомъ (стр. 29) сказано: „потѣхъ словахъ вышли они“, то-есть, Царица съ братомъ, и проч.

Такъ точно на стр. 42, VI, въ описаніи, какъ на первый день бунта постельница Клушина спрятала Ивана Нарышкина съ меньшими братьями, молодымъ Матвѣевымъ и прочими въ чуланѣ, употребленіе слова „одинъ“ чуланъ, вмѣсто „оный“ чуланъ, совершенно затемняетъ смыслъ, ясный по списку Туманскаго I, стр. 157, и у Сахарова, стр. 27.

У Туманскаго въ Собраніи записка Матвѣева напечатана вдвойнѣ: въ I-й части подъ заглавіемъ: Описаніе бунта въ 1682 году съ рукописи, стр. 109—229, и въ VI-й части подъ заглавіемъ: Описаніе графа Матвѣева, стр. 8—56, и еще стр. 86—96, съ большими пропусками.

II.

Записка Медвѣдева.

Медвѣдевъ, землякъ и другъ Шакловитаго (изъ села Новоселки, въ 40 верстахъ отъ Курска), служилъ вмѣстѣ съ нимъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ подъячимъ; постригся въ монахи въ Путивлѣ, сблизился въ послѣдствіи

съ наставникомъ Царя Ѳедора Алексѣевича Семеономъ Полоцкимъ, и поступивъ въ строители Заиконоспасскаго монастыря, предался ученію и написалъ нѣсколько сочиненій. Онъ сдѣлался извѣстнымъ наконецъ Царевнѣ Софіи, и надѣялся, говорятъ, сдѣлаться при ней патріархомъ.

На чемъ основано мнѣніе, что записка принадлежитъ ему? На свидѣтельствѣ Татищева, которое подтвердилъ Устряловъ, сообщивъ слѣдующее извѣстіе:

„Изъ розыскнаго дѣла о Шакловитомъ открывается", говоритъ онъ, „что Медвѣдевъ, кромѣ сочиненій богословскихъ, политическихъ, стихотворныхъ, составилъ еще лѣтописную книгу о правленіи царевны Софіи съ 7190 года. Намъ же извѣстна рукопись подъ заглавіемъ. „Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ". Устряловъ выразился неясно: онъ хотѣлъ, кажется, сказать, что записка, приписываемая обыкновенно Медвѣдеву, имѣетъ въ рукописи, ему извѣстной, заглавіе: Созерцаніе и проч., чѣмъ и подтверждается, вмѣстѣ съ извѣстіемъ розыскнаго дѣла, ея принадлежность этому ученому монаху.

Г. Аристовъ приводитъ слѣдующее показаніе самого Медвѣдева изъ дѣла о Шакловитомъ: „Была у меня написана книга лѣтописная, начата съ 90 года о правленіи великой государыни, и что было съ того году, а писана та книга съ письма Каріонова (Истомина), а чернилъ ту книгу я, а переписывалъ дьячекъ Ивашка". Эта книга хранится въ библіотекѣ Петербургской академіи наукъ подъ заглавіемъ: Созерцаніе краткое лѣтъ *) и проч. (*Аристовъ*, „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны" примѣчаніе 3).

Спрашивается: какая-жь осталась книга? подлинная, переписанная Ивашкой, или списокъ ея? Если списокъ, то какой—современный, или нѣтъ?

Изъ словъ г. Аристова мы можемъ заключить только, что это не черновая книга, правленная Медвѣдевымъ, ибо онъ говоритъ далѣе: „Что въ этомъ сочиненіи принадлежитъ перу Истомина и

*) Устряловъ, введеніе, стр. I, L III.

Медвѣдева и что внесено въ XVIII (?) вѣкѣ—отгадать мудрено". Я нашелъ послѣ въ дѣлѣ о Шакловитомъ варіантъ этого извѣстія: была-де у него написана книга лѣтописная о правленіи великія государыни и проч.

Если записка принадлежитъ Медвѣдеву, то когда имъ написана? Вѣроятно послѣ казни Хованскаго, съ цѣлію оправдать ее, равно какъ и осужденіе стрѣльцевъ, которыхъ неистовства изображены въ ней самыми яркими красками.

Изъ содержанія записки видно, что сочинитель былъ приверженцемъ Царевны Софіи и имѣлъ въ рукахъ подлинные документы, которыхъ теперь вполнѣ не отыскивается; всѣ частныя извѣстія его вѣрны, подтверждаются другими документами и представляютъ многія драгоцѣнныя черты, имъ только сохраненныя.

Передадимъ содержаніе записки:

Начало смятеній въ зимнее время (190 года), жалобы стрѣльцевъ полку Пыжева. Несправедливое и жестокое наказаніе жалобщиковъ по распоряженію боярина Языкова. У Туманскаго, VI, стр. 54.

Здѣсь авторъ глубокомысленно замѣчаетъ: „о неразумныхъ бѣдственнаго совѣта, яко неправеднымъ народъ паче хощутъ удержати страхомъ, нежели праведною любовію".

Апрѣля 23-го. Новая жалоба на полковника Грибоѣдова, который былъ посаженъ въ тюрьму только на день. Стрѣльцы, опасаясь такого же себѣ наказанія, какъ прежде, начали волноваться и совѣщаться о мѣрахъ спасенія. Стр. 56.

Смерь Ѳедора, апрѣля 27-го, въ четвергъ въ 13 часу дня. Избраніе въ тотъ же день Петра, общимъ согласіемъ всѣхъ сословій, по вызову патріарха, присяга и проч. Стр. 57—63.

Апрѣля 28-го. Погребеніе Ѳедора. Опасенія стрѣльцевъ, 64

Апрѣля 30-го и мая 5-го. Просьбы стрѣльцевъ на полковниковъ. Приказаніе выдать ихъ головою стрѣльцамъ. Участіе Патріарха и просьба къ нимъ не требовать къ себѣ полковниковъ. 65.

Расправа съ полковниками передъ разрядомъ: биты батогами; потери и убытки стрѣльцевъ съ нихъ взысканы. Каждому изъ наказанныхъ исчислены подробно его вины. 66—70.

Стрѣльцы тѣмъ не удовольствовались, буйствовали, начиная съ полка Колобова, и злобились больше и больше на начальниковъ и придворныхъ временщиковъ. 71.

Мая 15-го. Въ полномъ вооруженіи устремились на Кремль, заперли ворота и окружили Красное крыльцо. 72.

Съ Верху послано за Патріархомъ. Стрѣльцы кричали, что нѣкоторые бояре хотятъ царскій родъ извести, и Царевича Ивана умертвили. На вопросъ присланныхъ бояръ отвѣчали также. 73.

Царица, съ Патріархомъ и боярами, вышли на Красное крыльцо, по общему совѣту, гдѣ были и Царевны, и показали имъ и Царя и Царевича. Патріархъ хотѣлъ сойдти къ нимъ внизъ. „Ненужны ничьи совѣты“, закричали они въ отвѣтъ, „пора разбирать, кого намъ надо“, бросились вверхъ и убили Матвѣева, Аѳанасія Нарышкина, Ларіона Иванова съ сыномъ, М. Ю. Долгорукаго, Петра Михайловича Салтыкова, принятаго за Ивана Нарышкина, Андрея Доктурова. 74—75.

Убіеніе Ромодановскаго, Ларіона Иванова (?). Въ тотъ же день, за два часа до вечера, Ю. А. Долгорукаго, Ивана Нарышкина, въ 1-мъ часу ночи—Языкова. 77.

Описаніе, какъ трупы убитыхъ были таскаемы на Красную площадь. 78.

Опустошеніе суднаго и холопьяго приказовъ, для привлеченія на свою сторону холопей. 78.

Мая 16-го, въ 1 часу дня, стрѣльцы пришли къ царскимъ палатамъ и убили Аверкія Кириллова, доктора Яна Гутменша, стольника Якова Данилова, сына доктора Данилы, и требовали у патріарха, чтобъ выдалъ у него якобы спрятанныхъ. 79.

Мая 17-го. Требуютъ у Царя и Царицы Натальи Кирилловны, чтобъ выдала отца, К. П. и брата И. К., доктора Данилу. Страшная казнь И. Нарышкина и доктора Данила. 80.

Постриженіе отца Царицы и отсылка на Бѣлоозеро. Запрещеніе грабить. 81.

Стрѣльцы назвали себя надворною пѣхотою. Всеобщій ужасъ. Многіе жители разбѣжались. 81.

Царевна Софія укрощаетъ бунтъ своими увѣщаніями. Жалуетъ по 10 руб. на человѣка. Начальникомъ назначенъ князь Хованскій. 83.

Возстаніе раскольниковъ-капитоновъ, которые хотѣли воспользоваться общимъ разстройствоймъ. Князь Хованскій покровительствуетъ. 135.

Проповѣдь раскольниковъ по улицамъ. 136.

Сочиняютъ челобитную о преніи на Красной площади съ намѣреніемъ „лестью всѣхъ побити“.

Іюля 3-го. Князь Хованскій зоветъ патріарха на преніе, якобы по указу царскому. 137.

Патріархъ безъ царей отказывается, служитъ молебенъ. 138.

Раскольники приходятъ на площадь. 139.

Хованскій зоветъ патріарха идти къ государямъ чрезъ Красное крыльцо, гдѣ было множество раскольниковъ, „хотя раскольники желаніе свое о убійствѣ патріарха исполнити. 140.

Навѣты князя Хованскаго и устрашенія, дознанныя царевной чрезъ выборныхъ стрѣльцевъ. 141.

Хованскій отговариваетъ царевну идти въ Грановитую палату съ патріархомъ и властями подъ страхомъ смерти, но напрасно. 142, 143.

Собраніе въ Грановитой палатѣ. Хованскій продолжаетъ настаивать на прежнемъ своемъ мнѣніи. 144—148.

Раскольники призываются. Софія спрашиваетъ о причинѣ ихъ возмущенія. 149.

Препинаніе съ Никитой. 150.

Чтеніе челобитной. Рѣчь патріарха. 151—153.

Дѣйствія раскольниковъ. Рѣчь Софіи, которая грозитъ удаленіемъ. Присутствующіе просятъ ее остаться. 154, 155.

Окончаніе пренія ко времени вечеренъ. Раскольники расходятся, торжествуя якобы свою побѣду. 156.

По приказанію Царевны выборными стрѣльцами они перехвачены, и Никита казненъ въ іюнѣ. 157, 158.

Продолженіе смутъ. Слухи о намѣреніи бояръ перевести стрѣльцевъ. Казнь царевича Одышевскаго Матвѣя, въ іюлѣ. 111, 112.

Казнь привезеннаго полковника Степана Янова по распоряженію стрѣльцевъ, Ярославца Бизяева, дворянина Московскаго Вешнякова, по оговорамъ. 113.

Отказъ о выдачѣ даточнымъ стрѣльцамъ подможныхъ денегъ съ монастырей. 114.

Возмутительныя рѣчи Хованскаго. Злоумышленія стрѣльцевъ убить Царей, 19-го августа, на ходу въ Донской монастырь, и избирать новаго Царя. 115.

Цари въ ходъ не пошли, но прибыли въ монастырь послѣ. Рѣшено оставить Москву. Отъѣздъ въ село Коломенское. 116, 117.

1-го сентября на дѣйствѣ никого не было въ Москвѣ изъ правительства, кромѣ одного окольничаго. Общій страхъ. 97.

Преданность стрѣльцевъ Хованскому. Подметное письмо, сентября 2 го, въ Коломенскомъ объ его умыслѣ. 98—100.

Отъѣздъ царскаго двора изъ Коломенскаго въ Саввинъ монастырь и призывныя грамоты оттуда, съ описаніемъ измѣны Хованскихъ. 101—111.

Отмѣтимъ извѣстія, собственно принадлежащія Медвѣдеву:

Жалоба изъ полка Пыжева и жестокое наказаніе жалобщиковъ.

Просьба изъ полка Грибоѣдова и ея слѣдствія.

Начало смущенія въ полку Колобова.

Посланіе Патріарха къ стрѣльцамъ съ просьбою не требовать къ себѣ полковниковъ.

Челобитная стрѣльцовъ 4-го мая, которая подтверждается ея удовлетвореніемъ 5-го мая, записаннымъ въ разрядной запискѣ.

Исчисленіе винъ полковниковъ предъ наказаніемъ ихъ.

Буйный отвѣтъ патріарху, который хотѣлъ уговорить стрѣльцевъ.

Описаніе, какъ стрѣльцы тащили убитыхъ на площадь, какъ пытали Ивана Нарышкина, какъ уведенъ былъ на постриженіе Кирилло Нарышкинъ и отвезенъ на Бѣлоозеро.

Извѣстіе о бѣгствѣ изъ Москвы лицъ служилаго сословія.

Многія грамоты сохранились только у Медвѣдева.

Вотъ еще примѣры небрежности Туманскаго: VI, стр. 35: „На томъ же крыльцѣ взяли они стрѣльцы... Иванова... Ларіонова... Горюшкина... Юренева, *которымъ учинили свободу*“. (Послѣднихъ безсмысленныхъ словъ у Сахарова нѣтъ). Извѣстно, что всѣ означенныя лица были убиты. Убіеніе Ларіонова у самаго Матвѣева писано ниже.

На стр. 45 и 46 представляется совершенный безпорядокъ: сперва описывается выдача Ивана Нарышкина стрѣльцамъ (*„котораго взявъ они стрѣльцы вышли“*), а потомъ говорится объ образѣ, переданномъ Царевной Царицѣ, которая отдала его брату, приводится рѣчь князя Одоевскаго о выдачѣ, и наконецъ, опять описаніе, какъ Царица отворила дворъ за Золотою рѣшеткой и отдала брата стрѣльцамъ. Вся путаница происходитъ отъ безсмысленныхъ вышеприведенныхъ словъ, вмѣсто которыхъ въ другомъ спискѣ (I, стр. 160), и въ Сахаровскомъ (стр. 29) сказано: „потѣхъ словахъ вышли они“, то-есть, Царица съ братомъ, и проч.

Такъ точно на стр. 42, VI, въ описаніи, какъ на первый день бунта постельница Клушина спрятала Ивана Нарышкина съ меньшими братьями, молодымъ Матвѣевымъ и прочими въ чуланѣ, употребленіе слова „одинъ“ чуланъ, вмѣсто „оный“ чуланъ, совершенно затемняетъ смыслъ, ясный по списку Туманскаго I, стр. 157, и у Сахарова, стр. 27.

У Туманскаго въ Собраніи записка Матвѣева напечатана вдвойнѣ: въ I-й части подъ заглавіемъ: Описаніе бунта въ 1682 году съ рукописи, стр. 109—229, и въ VI-й части подъ заглавіемъ: Описаніе графа Матвѣева, стр. 8—56, и еще стр. 86—96, съ большими пропусками.

II.

Записка Медвѣдева.

Медвѣдевъ, земякъ и другъ Шакловитаго (изъ села Новоселки, въ 40 верстахъ отъ Курска), служилъ вмѣстѣ съ нимъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ подъячимъ; постригся въ монахи въ Путивлѣ, сблизился въ послѣдствіи

съ наставникомъ Царя Ѳедора Алексѣевича Семеономъ Полоцкимъ, и поступивъ въ строители Заиконоспасскаго монастыря, предался ученію и написалъ нѣсколько сочиненій. Онъ сдѣлался извѣстнымъ наконецъ Царевнѣ Софіи, и надѣялся, говорятъ, сдѣлаться при ней патріархомъ.

На чемъ основано мнѣніе, что записка принадлежитъ ему? На свидѣтельствѣ Татищева, которое подтвердилъ Устряловъ, сообщивъ слѣдующее извѣстіе:

„Изъ розыскнаго дѣла о Шакловитомъ открывается", говоритъ онъ, „что Медвѣдевъ, кромѣ сочиненій богословскихъ, политическихъ, стихотворныхъ, составилъ еще лѣтописную книгу о правленіи царевны Софіи съ 7190 года. Намъ же извѣстна рукопись подъ заглавіемъ. „Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ". Устряловъ выразился неясно: онъ хотѣлъ, кажется, сказать, что записка, приписываемая обыкновенно Медвѣдеву, имѣетъ въ рукописи, ему извѣстной, заглавіе: Созерцаніе и проч., чѣмъ и подтверждается, вмѣстѣ съ извѣстіемъ розыскнаго дѣла, ея принадлежность этому ученому монаху.

Г. Аристовъ приводитъ слѣдующее показаніе самого Медвѣдева изъ дѣла о Шакловитомъ: „Была у меня написана книга лѣтописная, начата съ 90 года о правленіи великой государыни, и что было съ того году, а писана та книга съ письма Каріонова (Истомина), а чернилъ ту книгу я, а переписывалъ дьячекъ Ивашка". Эта книга хранится въ библіотекѣ Петербургской академіи наукъ подъ заглавіемъ: Созерцаніе краткое лѣтъ *) и проч. (*Аристовъ*, „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны" примѣчаніе 3).

Спрашивается: какая-жь осталась книга? подлинная, переписанная Ивашкой, или списокъ ея? Если списокъ, то какой—современный, или нѣтъ?

Изъ словъ г. Аристова мы можемъ заключить только, что это не черновая книга, правленная Медвѣдевымъ, ибо онъ говоритъ далѣе: „Что въ этомъ сочиненіи принадлежитъ перу Истомина и

*) Устряловъ, введеніе, стр. I, L III.

Медвѣдева и что внесено въ XVIII (?) вѣкѣ—отгадать мудрено". Я нашелъ послѣ въ дѣлѣ о Шакловитомъ варіантъ этого извѣстія: была-де у него написана книга лѣтописная о правленіи великія государыни и проч.

Если записка принадлежитъ Медвѣдеву, то когда имъ написана? Вѣроятно послѣ казни Хованскаго, съ цѣлію оправдать ее, равно какъ и осужденіе стрѣльцевъ, которыхъ неистовства изображены въ ней самыми яркими красками.

Изъ содержанія записки видно, что сочинитель былъ приверженцемъ Царевны Софіи и имѣлъ въ рукахъ подлинные документы, которыхъ теперь вполнѣ не отыскивается; всѣ частныя извѣстія его вѣрны, подтверждаются другими документами и представляютъ многія драгоцѣнныя черты, имъ только сохраненныя.

Передадимъ содержаніе записки:

Начало смятеній въ зимнее время (190 года), жалобы стрѣльцевъ полку Пыжева. Несправедливое и жестокое наказаніе жалобщиковъ по распоряженію боярина Языкова. У Туманскаго, VI, стр. 54.

Здѣсь авторъ глубокомысленно замѣчаетъ: „о неразумныхъ бѣдственнаго совѣта, яко неправеднымъ народъ паче хощутъ удержати страхомъ, нежели праведною любовію".

Апрѣля 23-го. Новая жалоба на полковника Грибоѣдова, который былъ посаженъ въ тюрьму только на день. Стрѣльцы, опасаясь такого же себѣ наказанія, какъ прежде, начали волноваться и совѣщаться о мѣрахъ спасенія. Стр. 56.

Смерь Ѳедора, апрѣля 27-го, въ четвергъ въ 13 часу дня. Избраніе въ тотъ же день Петра, общимъ согласіемъ всѣхъ сословій, по вызову патріарха, присяга и проч. Стр. 57—63.

Апрѣля 28-го. Погребеніе Ѳедора. Опасенія стрѣльцевъ, 64

Апрѣля 30-го и мая 5-го. Просьбы стрѣльцевъ на полковниковъ. Приказаніе выдать ихъ головою стрѣльцамъ. Участіе Патріарха и просьба къ нимъ не требовать къ себѣ полковниковъ. 65.

Расправа съ полковниками передъ разрядомъ: биты батогами; потери и убытки стрѣльцевъ съ нихъ взысканы. Каждому изъ наказанныхъ исчислены подробно его вины. 66—70.

Стрѣльцы тѣмъ не удовольствовались, буйствовали, начиная съ полка Колобова, и злобились больше и больше на начальниковъ и придворныхъ временщиковъ. 71.

Мая 15-го. Въ полномъ вооруженіи устремились на Кремль, заперли ворота и окружили Красное крыльцо. 72.

Съ Верху послано за Патріархомъ. Стрѣльцы кричали, что нѣкоторые бояре хотятъ царскій родъ извести, и Царевича Ивана умертвили. На вопросъ присланныхъ бояръ отвѣчали также. 73.

Царица, съ Патріархомъ и боярами, вышли на Красное крыльцо, по общему совѣту, гдѣ были и Царевны, и показали имъ и Царя и Царевича. Патріархъ хотѣлъ сойдти къ нимъ внизъ. „Ненужны ничьи совѣты", закричали они въ отвѣтъ, „пора разбирать, кого намъ надо", бросились вверхъ и убили Матвѣева, Аѳанасія Нарышкина, Ларіона Иванова съ сыномъ, М. Ю. Долгорукаго, Петра Михайловича Салтыкова, принятаго за Ивана Нарышкина, Андрея Доктурова. 74—75.

Убіеніе Ромодановскаго, Ларіона Иванова (?). Въ тотъ же день, за два часа до вечера, Ю. А. Долгорукаго, Ивана Нарышкина, въ 1-мъ часу ночи—Языкова. 77.

Описаніе, какъ трупы убитыхъ были таскаемы на Красную площадь. 78.

Опустошеніе суднаго и холопьяго приказовъ, для привлеченія на свою сторону холопей. 78.

Мая 16-го, въ 1 часу дня, стрѣльцы пришли къ царскимъ палатамъ и убили Аверкія Кириллова, доктора Яна Гутменша, стольника Якова Данилова, сына доктора Данилы, и требовали у патріарха, чтобъ выдалъ у него якобы спрятанныхъ. 79.

Мая 17-го. Требуютъ у Царя и Царицы Натальи Кирилловны, чтобъ выдала отца, К. П. и брата И. К., доктора Данилу. Страшная казнь И. Нарышкина и доктора Данила. 80.

Постриженіе отца Царицы и отсылка на Бѣлоозеро. Запрещеніе грабить. 81.

Стрѣльцы назвали себя надворною пѣхотою. Всеобщій ужасъ. Многіе жители разбѣжались. 81.

Царевна Софія укрощаетъ бунтъ своими увѣщаніями. Жалуетъ по 10 руб. на человѣка. Начальникомъ назначенъ князь Хованскій. 83.

Возстаніе раскольниковъ-капитоновъ, которые хотѣли воспользоваться общимъ разстройствоймъ. Князь Хованскій покровительствуетъ. 135.

Проповѣдь раскольниковъ по улицамъ. 136.

Сочиняютъ челобитную о преніи на Красной площади съ намѣреніемъ „лестью всѣхъ побити“.

Іюля 3-го. Князь Хованскій зоветъ патріарха на преніе, якобы по указу царскому. 137.

Патріархъ безъ царей отказывается, служитъ молебенъ. 138.

Раскольники приходятъ на площадь. 139.

Хованскій зоветъ патріарха идти къ государямъ чрезъ Красное крыльцо, гдѣ было множество раскольниковъ, „хотя раскольники желаніе свое о убійствѣ патріарха исполнити. 140.

Навѣты князя Хованскаго и устрашенія, дознанныя царевной чрезъ выборныхъ стрѣльцевъ. 141.

Хованскій отговариваетъ царевну идти въ Грановитую палату съ патріархомъ и властями подъ страхомъ смерти, но напрасно. 142, 143.

Собраніе въ Грановитой палатѣ. Хованскій продолжаетъ настаивать на прежнемъ своемъ мнѣніи. 144—148.

Раскольники призываются. Софія спрашиваетъ о причинѣ ихъ возмущенія. 149.

Препинаніе съ Никитой. 150.

Чтеніе челобитной. Рѣчь патріарха. 151—153.

Дѣйствія раскольниковъ. Рѣчь Софіи, которая грозитъ удаленіемъ. Присутствующіе просятъ ее остаться. 154, 155.

Окончаніе пренія ко времени вечеренъ. Раскольники расходятся, торжествуя якобы свою побѣду. 156.

По приказанію Царевны выборными стрѣльцами они перехватаны, и Никита казненъ въ іюнѣ. 157, 158.

Продолженіе смутъ. Слухи о намѣреніи бояръ перевести стрѣльцевъ. Казнь царевича Одышевскаго Матвѣя, въ іюлѣ. 111, 112.

Казнь привезеннаго полковника Степана Янова по распоряженію стрѣльцевъ, Ярославца Бизяева, дворянина Московскаго Вешнякова, по оговорамъ. 113.

Отказъ о выдачѣ даточнымъ стрѣльцамъ подможныхъ денегъ съ монастырей. 114.

Возмутительныя рѣчи Хованскаго. Злоумышленія стрѣльцевъ убить Царей, 19-го августа, на ходу въ Донской монастырь, и избирать новаго Царя. 115.

Цари въ ходъ не пошли, но прибыли въ монастырь послѣ. Рѣшено оставить Москву. Отъѣздъ въ село Коломенское. 116, 117.

1-го сентября на дѣйствѣ никого не было въ Москвѣ изъ правительства, кромѣ одного окольничаго. Общій страхъ. 97.

Преданность стрѣльцевъ Хованскому. Подметное письмо, сентября 2 го, въ Коломенскомъ объ его умыслѣ. 98—100.

Отъѣздъ царскаго двора изъ Коломенскаго въ Саввинъ монастырь и призывныя грамоты оттуда, съ описаніемъ измѣны Хованскихъ. 101—111.

Отмѣтимъ извѣстія, собственно принадлежащія Медвѣдеву:

Жалоба изъ полка Пыжева и жестокое наказаніе жалобщиковъ.

Просьба изъ полка Грибоѣдова и ея слѣдствія.

Начало смущенія въ полку Колобова.

Посланіе Патріарха къ стрѣльцамъ съ просьбою не требовать къ себѣ полковниковъ.

Челобитная стрѣльцовъ 4-го мая, которая подтверждается ея удовлетвореніемъ 5-го мая, записаннымъ въ разрядной запискѣ.

Исчисленіе винъ полковниковъ предъ наказаніемъ ихъ.

Буйный отвѣтъ патріарху, который хотѣлъ уговорить стрѣльцевъ.

Описаніе, какъ стрѣльцы тащили убитыхъ на площадь, какъ пытали Ивана Нарышкина, какъ уведенъ былъ на постриженіе Кирилло Нарышкинъ и отвезенъ на Бѣлоозеро.

Извѣстіе о бѣгствѣ изъ Москвы лицъ служилаго сословія.

Многія грамоты сохранились только у Медвѣдева.

Прочія извѣстія согласуются съ другими свидѣтелями, напримѣръ: о смерти Ѳедора въ 13-мъ часу, о приготовленіяхъ всѣхъ полковъ 15-го мая, о началѣ бунта въ 9-мъ часу, объ убійствѣ молодаго Салтыкова по ошибкѣ, и проч.

Буйства и свирѣпость стрѣльцевъ описаны безпристрастно. Избраніе Петрово обстоятельнѣе, нежели въ другихъ источникахъ.

Медвѣдеву противорѣчій нѣтъ нигдѣ никакихъ, а развѣ подтвержденія, напримѣръ, о первыхъ жалобахъ на полковника Грибоѣдова, о распускавшихся слухахъ, о казни царевича Матвѣя, Ярославца Бизяева, Вешняковыхъ.

Нѣкоторыя разнорѣчія не важны, напримѣръ: по Медвѣдеву, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій убитъ въ первый день, за два часа до вечера, а Языковъ — въ 1-му часу ночи. У Матвѣева же: Долгорукій убитъ на другой день, а Языковъ—на третій, какъ и въ оффиціальной запискѣ.

При такихъ достоинствахъ историческаго памятника, что же можно сказать противъ него?

Нельзя сказать ничего противъ того, что есть, но можно сказать много о немъ по тому, чего нѣтъ, что имъ умолчано, съ очевидными задними мыслями. Это умолчаніе свидѣтельствуетъ всего убѣдительнѣе противъ Медвѣдева, и служитъ вмѣстѣ къ подтвержденію другихъ извѣстій о началѣ стрѣлецкаго бунта.

Какимъ образомъ историкъ, который хочетъ представить „созерцаніе, что содѣяся во гражданствѣ“, который описываетъ избраніе Петрово на трехъ страницахъ и передаетъ со всѣми подробностями вины полковниковъ стрѣлецкихъ, не находитъ нужнымъ описать, даже упомянуть, о возвращеніи *Матвѣева*, не сказать ни слова о томъ, что весь бунтъ былъ устремленъ противъ *Нарышкиныхъ* и ихъ друзей, что прочіе сановники, *другая партія*, остались неприкосновенными, что среди бунта смѣнено было правительство прежнее и установлено новое изъ друзей Софіиныхъ, и что бунтъ кончился избраніемъ на царство Ивана и правленіемъ Царевны Софіи? Медвѣдевъ всѣ эти главныя послѣдствія бунта проходитъ молчаніемъ, какъ-бы оправдывая простую пословицу: „знаетъ кошка, чье мясо съѣла“.

Видно, было нужно умолчать ихъ? Да, для того, чтобъ отстранить всякую тѣнь подозрѣнія отъ Царевны Софіи, которой Медвѣдевъ былъ преданъ душею. Съ этою цѣлію онъ приписываетъ начало бунта однимъ стрѣльцамъ, вслѣдствіе притѣсненій, которымъ они подвергались отъ своихъ полковниковъ, и несправедливости правительства, наказывавшаго ихъ за жалобы. 15-го, 16-го, 17-го мая, они раздѣлались, съ кѣмъ имъ было надо, и были наконецъ укрощены Царевною Софіей.

Одно показаніе Датскаго резидента, который былъ охраняемъ *во второй* день бунта именемъ Царевны Софіи,—и вопросъ князя Хованскаго, тогда же при ней обращенный къ стрѣльцамъ: удалять ли Царицу Наталью Кирилловну изъ дворца, доказываетъ участіе и значеніе Царевны Софіи въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, несправедливо отрицаемое профессоромъ Аристовымъ, который принимаетъ показаніе Медвѣдева безусловно.

Излагая по своему событія, Медвѣдевъ не замѣчаетъ, въ какое противорѣчіе онъ впадаетъ даже съ грамотою, имъ же сохраненною, гдѣ, при произнесеніи приговора Хованскому, приписывается уже ему, Хованскому, а не стрѣльцамъ, начало бунта. Медвѣдевъ извѣстіями своими о Хованскомъ опровергнулъ самъ прежнія свои показанія и доказалъ, что въ нихъ столь же мало правды, какъ и въ послѣднихъ, и что записка его написана съ задними мыслями. О Хованскомъ нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека во всѣхъ источникахъ, на что ему нужно-бъ было первое возбужденіе стрѣльцевъ. По оффиціальной запискѣ Князь Хованской посланъ былъ съ Верху прежде всѣхъ спросить стрѣльцевъ, о причинѣ ихъ буйнаго появленія въ Кремлѣ 15-го мая.

Почему Матвѣевъ, напримѣръ, отнесся бы съ большимъ пристрастіемъ къ Милославскому, чѣмъ къ Хованскому, котораго онъ и по имени не называетъ до случившейся съ нимъ катастрофы, а приписываетъ всю бѣду Милославскому, даже и не упомянутому Медвѣдевымъ? Хованскій былъ участникомъ въ бунтѣ съ Софіей, но не зачинщикомъ. Онъ сдѣлался опаснымъ для правительства своими замыслами, и во всякомъ случаѣ былъ страшенъ для нея, какъ человѣкъ безпокойный и нескромный свидѣтель, тараруй.

Отъ него надо было избавиться, вмѣстѣ съ другими повѣренными изъ стрѣльцевъ—Борисомъ Одинцевымъ и проч. Чтобъ оправдать его казнь и вмѣстѣ отвести отъ себя подозрѣніе, которое, разумѣется, распространялось въ народѣ, кстати было приписать ему и начало всѣхъ смятеній и свалить всю вину на него,—а вина, видно, была. Чья же?

III.

Книга записная царя и великаго князя Петра Алексѣевича, въ 190 году *).

Эта записка краткая, но очень важная, представляетъ слѣдующія данныя, коими подтверждаются показанія прочихъ источниковъ, имѣвшія въ томъ нужду, и другія, какихъ нѣтъ нигдѣ.

Нареченіе на царство Петра апрѣля 27-го въ 13 часу, въ четвергъ Ѳоминой недѣли.

Отказъ стрѣльцевъ присягать въ приказѣ Александра Карандѣева.

Уговорены присланными княземъ Щербатымъ и дьякомъ Украинцовымъ.

Пожалованы въ спальники: братья царицы Нарышкины: Иванъ, Аѳанасій, Левъ, Мартемьянъ, другіе Нарышкины, Юшковъ, Стрѣшневъ.

Возвращено боярство Матвѣеву. Нѣсколько Нарышкиныхъ вызвано изъ опалы.

Приказъ большой казны и проч. порученъ боярину князю Я. Н. Одоевскому, Д. М Башмакову, да дьяку Полянскому.

28-го апрѣля. Погребеніе царя Ѳедора Алексѣевича. За гробомъ изъ дворца шли царь Петръ, Царица Наталья Кирилловна и Царевна Софія Алексѣевна.

Царица Наталья Кирилловна съ молодымъ сыномъ своимъ на отпѣваніи у обѣдни не присутствовала.

29-го числа. Просьба стрѣльцевъ на полковниковъ и на пятидесятскихъ въ насильствахъ, налогахъ и разоренiяхъ.

---

*) Напечатана въ приложеніи къ Исторіи Россіи Соловьева, т. XIII, стр. 400.

Велѣно просьбы принять и обсудить Патріарху съ боярами, а полковниковъ допросить.

Посланъ дьякъ Ларіоновъ уговаривать — били челомъ противъ прежняго челобитья.

30-го апрѣля. Велѣно посадить въ тюрьму полковниковъ, вотчины у нихъ отобрать, отъ приказовъ отставить и взыскать требуемое.

Назначены новые полковники.

Мая того жъ числа (мая 1-го). Сказалъ великій государь наказаніе учинить—бити кнутомъ А. Карандѣева и С. Грибоѣдова, прочихъ батогами.

3-го мая. Стояли на правежѣ полковники противъ стрѣлецкихъ челобитенъ.

7-го мая. Большой выходъ въ соборы.

Иванъ Нарышкинъ пожалованъ бояриномъ и оружничимъ.

12-го мая. Возвращеніе Матвѣеву вотчинъ и людей.

Мая въ 13-й день учинилось смутное время, и то писано въ особной книгѣ.

Мая 16-го. Перемѣна управленія.

Смутное время

(такъ озаглавлена особая записка разрядная) *).

Мая 16-го. Была въ Москвѣ смута: приходили въ Кремль солдаты полка Матвѣя Кравкова, да стрѣльцы всѣхъ приказовъ... Стрѣляли и побили боярскихъ людей и лошадей многихъ, а иныхъ переранили.

Высланъ боярнъ князь Хованскій спросить о причинѣ. (Извѣстія объ этомъ порученіи Хованскаго нѣтъ болѣе нигдѣ).

Стрѣльцы говорили объ измѣнѣ бояръ, требовали, чтобъ имъ былъ показанъ Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ.

Царь, Царица и Патріархъ выходили на крыльцо.

Посланы внизъ уговаривать стрѣльцевъ бояре: князь Черкасскій, князь Хованскій, Шереметевъ, князь Вас. Вас. Голицынъ и проч.

---

*) Тамъ же, стр. 413.

Стрѣльцы потребовали бояръ: князя Юрія Долгорукова, князя Григорія Ромодановскаго, князя Михаила Долгорукова, Кирилла Нарышкина, А. С. Матвѣева, Ивана Максимовича Языкова, да боярина и оружничаго Ивана Кириловича Нарышкина, постельничаго Алексѣя Т. Лихачева, казначея Михаила Т. Лихачева, чашника Семена Ивановича Языкова, думныхъ дьяковъ: Ларіона Иванова, Данилу Полянскаго, Григорья Богданова, Алексѣя Аверкія Кириллова, спальниковъ: Аѳанасья, Льва, Марьтемьяна, Ѳедора, Василья, Петра Нарышкиныхъ *).

Данъ отвѣтъ, что ихъ на Верху нѣтъ. Стрѣльцы пошли искать ихъ по всѣмъ покоямъ, и убили Матвѣева, князя Гр. Гр. Ромодановскаго, Мих. Юр. Долгорукаго, И. М. Языкова—на Никитской, Ю. А. Долгорукаго, Ларіона Иванова и сына его Василья, Дохтурова, Горюшкина, Аѳанасья Нарышкина, Ѳедора Салтыкова, по ошибкѣ вмѣсто Ивана Нарышкина, Петра Ѳомина Нарышкина —*за Москвой рѣкою*.

Мая 16-го. Стрѣльцы приходили на постельное крыльцо. Царевны выходили ихъ уговаривать. Они требовали прежде названныхъ лицъ и еще докторовъ Степана да Яна. (Извѣстія о Царевнахъ нѣтъ болѣе нигдѣ).

Велѣно выдать дьяка Аверкія Кириллова Яна и Степанова сына. (Подтверждаются сказанія Датскаго резидента и Матвѣева). Стрѣльцы убили ихъ, а прочихъ простили (?). Рѣшеніе судьбы Ивана Нарышкина и Степана Царевны упросили отложить до утра (?). (Этого извѣстія нѣтъ болѣе нигдѣ).

Два приказа пошли въ Нѣмецкую слободу и привели Степана въ нищенскомъ платьѣ и отдали подъ стражу. (Подтверждаетъ и Датскій резидентъ).

Мая 17-го. Стрѣльцы пришли опять на постельное крыльцо. Царевны просили о Кириллѣ Полуектовичѣ Нарышкинѣ и Степанѣ. Стрѣльцы согласились постричь отца Царицы, а прочихъ вытребовали. Ивана Нарышкина и Степана, послѣ ужасной пытки, убили въ застѣнкѣ.

---

*) Стр. 414.

Мая 18-го. Стрѣльцы приходили безъ ружей требовать постриженія дѣда царскаго, Кириллы Полуектовича Нарышкина, который и былъ постриженъ и отправленъ въ Кирилловъ монастырь.

Опредѣлено стрѣльцами ни чьихъ домовъ не грабить, и грабившіе были казнены ими же.

Мая 19-го. Стрѣльцы требовали жалованья съ 154 года, — 240 тысячъ.

Царь пожаловалъ имъ по 10 руб. на человѣка.

Стрѣльцы просили отдать имъ имѣніе убитыхъ ими бояръ и думныхъ людей.

Мая 20-го. Стрѣльцы требовали ссылки Лихачевыхъ и другихъ служилыхъ людей.

Мая 26-го. Нареченъ на царство Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ.

Просьба боярскихъ дворовыхъ людей о свободѣ. Пытки.

Іюля 5-го (ошибкою напечатано іюня). Тревога по поводу слуховъ о намѣреніи боярскихъ людей идти на стрѣльцевъ.

Іюля 13-го. Пытанъ царевичъ Матвѣй и Ярославецъ въ распущеніи слуховъ.

Іюля 15-го. Казнены также стольникъ Степанъ (Яновъ), Яковъ и Матвѣй Вешняковы.

Просьба стрѣльцевъ о памятникѣ, который столбъ и поставленъ. Велѣно называть стрѣльцевъ надворною пѣхотою.

Съ тѣхъ поръ немногіе дни были безъ стрѣльбы.

Августа 20-го. Въ походѣ, въ Коломенскомъ, подметное письмо объ измѣнѣ князя Хованскаго съ сыномъ, которые хотѣли быть на Московскомъ государствѣ и избить бояръ: Князя Якова Одоевскаго съ сыномъ, Черкаскаго, В. В. и Б. А. Голицыныхъ, В. В. и Б. П. Шереметевыхъ, Ив. Мих. Михайловскаго.

Сентября 1-го. Цари въ дѣйство (Новаго лѣта) не ходили, а велѣли быть князю Ивану Хованскому, и онъ ослушался и на дѣйство не ходилъ.

Сентября 3-го. Походъ въ Звенигородъ и оттуда къ Троицѣ.

Сентября 16-го. Измѣна черезъ переметныя письма объявилася, и посылана по Хованскихъ грамота. (Извѣстія о вызовѣ нѣтъ нигдѣ болѣе).

Сентября 17-го. Князь Хованскій схваченъ на пути подъ Пушкинымъ, а сынъ его—въ деревнѣ противъ Братовщины, и привезены въ Воздвиженское. На площади противъ церкви предъ боярами и думными людьми прочтена имъ грамота думнымъ дьякомъ Ѳ. Шакловитымъ, и отсѣчены имъ головы, до вечера за часъ.

Меньшой сынъ Хованскаго Иванъ и племянникъ Ѳедоръ бѣжали. Послѣдній пойманъ, а Иванъ въ часъ ночи добрался до стрѣльцевъ, и возвѣстилъ имъ казнь отца и брата и намѣреніе правительства истребить надворную пѣхоту.

Стрѣльцы захватили все казенное оружіе въ Москвѣ и собирались идти въ походъ къ Троицѣ.

Посланъ къ нимъ стольникъ Зиновьевъ съ грамотою, но напрасно. Цари отправились къ Троицѣ и разослали грамоты въ города по ратныхъ людей.

Сентября 20 дня. Посланъ къ нимъ уговаривать думный дворянинъ Голосовъ.

Сентября дня. Пріѣзжалъ къ Троицѣ митрополитъ Суздальскій Иларіонъ съ повинною стрѣльцевъ.

Прощены. Велѣно привезть князя Ивана Хованскаго, который и привезенъ вмѣстѣ съ Павломъ Языковымъ. Хованскій сосланъ въ Сибирь.

Октября дня. Возвращеніе въ Москву.

Эта драгоцѣнная записная книга принадлежитъ къ числу такъ. называемыхъ оффиціальныхъ. Она писана въ правленіе Софіи, слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть ничего въ предосужденіе Царевны; но истина вездѣ зараниваетъ искры, какъ сказалъ Карамзинъ, и мы находимъ здѣсь важныя указанія, которыя проливаютъ свѣтъ на другія, безъ нихъ не совсѣмъ понятныя или сомнительныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуютъ къ изображенію времени.

Объясненіе благопридуманнаго названія бунтовъ смутнымъ временемъ находимъ мы у Матвѣева, (что служитъ, между прочимъ, къ подтвержденію *вѣрности* его извѣстій): „въ 15-й день іюня оба братья государи Царя Иванъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ..

рукою.. Патріарха... были вѣнчаны; бунтовое жь то время человѣкоугодницы придворные скрывая, называли *смутнымъ временемъ*" (У Туманскаго, т. I, стр. 173).

Въ записной книгѣ мы читаемъ: „а за нимъ (за тѣломъ Царя Ѳеодора) шелъ великій государь, да государыня Царица и великая княгиня Наталья Кирилловна, да государыня Царевна и великая княжна Софія Алексѣевна" (стр. 402). Этими извѣстіями— о присутствіи Царевны Софіи и отсутствіи Царицы Натальи Кирилловны—подтверждается записка Матвѣева съ ея объясненіями и свѣдѣнія Невиля, (о которыхъ см. ниже).

Далѣе записка доставляетъ положительныя свѣдѣнія, изо дня въ день, о первыхъ движеніяхъ стрѣльцевъ и расправѣ съ полковниками, въ подтвержденіе извѣстій Медвѣдева. Замѣтимъ въ особенности одно изъ нихъ: 5-го мая, о стояніи полковниковъ на правежѣ, а 4-го, по Медвѣдеву, было подано о томъ челобитье стрѣльцевъ. Одно извѣстіе подтверждается и дополняется другимъ.

Извѣстіе о большомъ выходѣ Царей въ соборы 7-го мая и пожалованіе И. Нарышкина въ тотъ день бояриномъ, равно какъ и другія милости придворныя, проливаютъ свѣтъ на взаимныя отношенія дѣйствовавшихъ лицъ.

Въ описаніи бунта на первый день, 15-го мая, извѣстіемъ о побояхъ боярскихъ людей и лошадей въ Кремлѣ подтверждается извѣстіе Матвѣева, какъ и Медвѣдева.

Извѣтіе объ умерщвленіи Языкова на Никитской и Петра Ѳедоровича Нарышкина за Москвою рѣкою подтверждаетъ Матвѣева.

Прочими извѣстіями подтверждаются показанія Матвѣева, Медвѣдева и Датскаго резидента, что служитъ къ доказательству вообще ихъ достовѣрности. Такія подтвержденія значатъ много въ глазахъ критика.

Замѣтимъ извѣстіе невѣрное: князь Юрій Долгорукій и Языковъ были убиты не въ первый день. Это доказываетъ, что и въ оффиціальныхъ документахъ могутъ извѣстія иногда смѣшиваться, почему и нельзя требовать слишкомъ строгой точности въ частныхъ.

Записка писана уже въ правленіе Софіи: потому, можетъ-быть, и выставлено ея ходатайство, на другой день бунта, о лицахъ, требованныхъ стрѣльцами, котораго по другимъ документамъ не видно.

IV.

Неизвѣстный (спутникъ Матвѣева).

Странно, что этотъ современный свидѣтель, очевидецъ, представляющій любопытныя свѣдѣнія и о событіяхъ, и о лицахъ, не удостоивается у насъ даже чести быть помѣщеннымъ въ числѣ источниковъ. „Сей всѣхъ... челобитенъ и писемъ многотрудившійся и прежде бывый въ Пустоозерскомъ острогѣ, и собственною рукою своею достовѣрный списатель, при бывшемъ томъ, какъ долголѣтномъ заточеніи его боярскомъ и сына его, и неоднократномъ уже въ 185 и потомъ въ 190 годѣхъ отъ воровскаго бунта Московскихъ стрѣльцевъ дому его всеконечномъ разореніи, такъ и по страдальческомъ отъ нихъ же стрѣльцовъ... убіеніи, съ великимъ любопытствомъ и трудомъ, всѣ тѣ собравъ оныя спискатель тщательно, и яко при всемъ томъ его боярскомъ и сына его невинномъ злостраданіи, и при седмилѣтномъ заточеніи съ начала самаго .. до Казани... до Пустоозерскаго острога... до Мезенска... до г. Луха... и во время вышеупомянутаго стрѣлецкаго бунта *свидѣтель сей очевидный*, всѣмъ онымъ бѣдствамъ *самовидѣцъ* и присутственный сострадалецъ... сіе самое... обстоятельнѣйшее и вѣры достойное изъясненіе... разумному свѣту сообщилъ и предложилъ на безсмертную память... да заградитъ уста тѣмъ глаголющимъ на праведное беззаконіе“ *).

Выписываемъ ему собственно принадлежащія извѣстія: ими, какъ нитями, скрѣпляются многія дѣла (факты), которыя казались отрывочными.

Анна Петровна Хитрова, святоша, жила въ домѣ боярина Бориса Ивановича Морозова, дядьки и друга Царя Алексѣя Михайловича. Морозовъ приставилъ ее къ сыну Царя Алексѣя Михайловича Ѳедору, (авторъ называетъ ее лютою враждебницею и тяжкою озлобительницею), вмѣстѣ съ ея сыномъ Богданомъ Матвѣе-

*) Исторія о невинномъ: заточеніи боярина Матвѣева, изд. *Новиковымъ* 1785, с. 368.

вичемъ, который изъ городовыхъ Алексинцевъ достигъ до боярскаго чина. Хитровы возненавидѣли молодую Царицу Наталью Кирилловну и ея семейство, ставшее имъ поперегъ дороги, и по смерти Царя Алексѣя Михайловича начали вымещать на нихъ свою злобу. Богданъ Матвѣевичъ принялъ къ себѣ племянника Александра Севастьяновича, съ которымъ управлялъ вмѣстѣ дворцовымъ приказомъ. Они пользовались своими мѣстами, что будто бы донесено было Матвѣевымъ Царю Алексѣю Михайловичу.

Другое лицо, ненавидѣвшее Матвѣева, былъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, котораго Матвѣевъ удалилъ будто на воеводство въ Астрахань. „Боярин И. М. Милославскій, который сверхъ вышеписанной, учиненной невинно единыя ради токмо зависти наглой и злобы напрасной ему боярину А. С. Матвѣеву, и смертной обиды...

...„Усмотря прибытіе изъ заточенія въ Москву господъ Нарышкиныхъ, и его, боярина Артемона Сергѣевича, и видя по премногу ихъ сильныхъ при томъ дворѣ царскомъ во всемъ дѣйствительныхъ членовъ, всемѣрно опасаяся за свои неистовыя и беззаконныя дѣла отъ онаго царскому дому достойнаго себѣ воздаянія, началъ тайно ковъ чрезъ тонкія свои коварства промышлять, къ будущей своей и надежной безопасности, тогда бывшаго и старшаго, но всѣми скорбьми естественными отъ самыхъ младыхъ ногтей весьма отягченнаго, государя Царевича Іоанна Алексѣевича всея Россіи, и сестеръ его Царевенъ, снискательницъ склонныхъ и желательницъ горячихъ къ дѣйствительному изслѣдствію искомаго себѣ благополучія, того и всякими коварными и зѣло скрытными пронырствы своими, за долго до прибытія въ Москву его, боярина Артемона Сергѣевича, купно съ своими клевреты, а именно: съ племянникомъ своимъ, съ Александромъ Ивановымъ сыномъ Милославскимъ и съ Петромъ Андреевымъ, сыномъ Толстымъ, и съ Иваномъ Циклеромъ, всякими лукавства своего прелестьми и самыми составными весьма ложными клеветами, аки Ахитофеловымъ совѣтомъ, наговаривать Московскихъ стрѣльцовъ и возмутить къ бунту, якобы по законной причинѣ первенства его вышеименованнаго Царевича, что онъ государь

Царевичъ обойденъ къ возвышенію той короны царской, и произшелъ къ ней меньшій государь Царевичъ Петръ Алексѣевичъ, и за то представлялъ имъ стрѣльцамъ много прибыльные чины и великія передъ прежнимъ въ годовомъ денежномъ жалованьѣ впредь прибавки, токмо чтобы безотложно и неукоснительно причиною того бунта его государя Царевича Іоанна Алексѣевича на царство Россійское они стрѣльцы возвели. И то къ подвигу онаго бунта учрежденное орудіе и ихъ стрѣлецкое оружіе въ совершенной уже готовности висѣло, но за однимъ обожданіемъ, паче всѣхъ усердно желаемымъ обожданіемъ прибытія въ Москву его, боярина Артемона Сергѣевича, зная высокой его разумъ и остроумное во всѣхъ дѣлѣхъ благоискусство, и за многія древнія и вѣрныя службы, а по сильному при царскомъ дворѣ кредиту, отъ мнимаго ему Милославскому его боярскаго впредь жестокаго себѣ отмщенія, больше иныхъ особъ надобенъ былъ ко всемѣрному его искорененію“ *).

Возвращеніе Матвѣева и встрѣча его въ Москвѣ описаны подробно и согласно съ извѣстіями Датскаго резидента.

„Изъ тѣхъ старшихъ бояръ древній и крайній ему, боярину Артемону Сергѣевичу, и въ самое то злополучное его несчастіе неотмѣнный благодѣтель, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой, отъ своей погорбленной и весьма потружденной старости того времени уже параличною болѣзнію отягченъ былъ: того ради не умедля, съ первыхъ же дней, онъ, бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ, въ домѣ его, и съ сыномъ своимъ пріятельское свое почтеніе ему боярину учинилъ, и при томъ зѣло радостно и слезно съ великимъ сожалѣніемъ и благопріятствомъ отъ него, боярина князя Юрія Алексѣевича, были они приняты, и на долговременныхъ разговорахъ одинъ на одинъ они бояре оба съ собою были **).

„Изъ тѣхъ же бояръ Иванъ Михайловичъ Милославской, прикинувся, яко бы случаемъ болѣзни своей, по дѣйству же самой притворной и злохитрой, и у него, боярина Артемона Сергѣевича,

*) Тамъ же, с. 419. **) с. 416.

съ прочими бояры въ домѣ не былъ, и посѣщенія ему не учинилъ, ниже по обыкновенному человѣколюбію спросить о прибытіи его въ Москву никого отъ себя къ нему боярину не присылывалъ" *).

Сообщникомъ его былъ окольничій Василій Семеновичъ Волынскій, заклятый врагъ Матвѣева, который ходатайствовалъ за него когда-то предъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. У его жены было заведено золотошвейное искусство, и были собраны знаменитыя швеи золотомъ и серебромъ, чрезъ что она сдѣлалась необходимою благодѣтельницею для Московскихъ боярынь **).

Этимъ лицамъ авторъ приписываетъ сплетеніе всѣхъ клеветъ, по которымъ бояринъ Матвѣевъ подвергся ссылкѣ. Для изслѣдованія посланъ былъ врагами въ Казань дьякъ Иванъ Гороховъ, который, во время управленія посольскимъ приказомъ Матвѣева, былъ уличенъ въ тайной перепискѣ съ Донскими казаками, а потому и сосланъ въ ссылку. Его взяли изъ ссылки и дали это порученіе. Можно представить себѣ, какъ онъ его исполнилъ, и что Матвѣевъ долженъ былъ вытерпѣть.

Молодая Царица, вторая супруга Ѳедорова, Марѳа Матвѣевна Апраксина, обнаружила клеветы и умыслы Хитрова, Милославскаго, Хитровой, примирила своего мужа съ Царицей Натальей Кирилловной и сыномъ ея и всѣми Нарышкиными. Разумѣется, молодая Царица, 14-ти лѣтъ, была только орудіемъ и дѣйствовала по наученію избравшихъ ее приближенныхъ Ѳедоровыхъ, Языкова и Лихачевыхъ.

Всѣ послѣдующія обстоятельства, то-есть, происхожденіе стрѣлецкаго бунта, описаны въ этой запискѣ очень вѣрно.

„Ибо въ тѣ времена при ихъ величествахъ, при великомъ государѣ Царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и при великой его государынѣ Царицѣ, братіе ея Царицыны, Петръ и Ѳедоръ Матвѣевичи Апраксины, особливо же причиною свойства бояринъ и оружейничій Иванъ Максимовичъ Языковъ, глубокой Московскихъ прежде

*) Тамъ же, с. 417. **) с. 338.

площадныхъ, потомъ же при томъ времени своемъ дворскихъ обхожденій проникатель, и постельничій Алексѣй Тимоѳѣевичъ, и стряпчій съ ключемъ братъ его Михаилъ Тимоѳѣевичъ Лихачевы, особы великаго разума и самаго благочестиваго состоянія исполненныя, въ крайней близости и милости у ихъ высокоименованныхъ величествъ обрѣталися, и сильнымъ орудіемъ ко оправданію совершенной невинности тѣхъ оклеветанныхъ господъ Нарышкиныхъ и его боярина Артемона Сергѣевича и сына его... способствовали, и весьма въ томъ желаніи своемъ благосклонномъ счастливо такъ предуспѣли, и тѣмъ человѣконенавистнымъ бояромъ вышепоименованнымъ Милославскому, Хитрому и сродницѣ его, оклеветающимъ тай искреннихъ своихъ, онъ бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ такую жестокую бразду или удило въ зубы ихъ положилъ, что уже и при жизни ихъ мало пріѣздомъ своимъ дворъ царскій знали, и при животѣ жъ его жъ Хитрова и чинъ его оружейничества ему боярину Ивану Максимовичу Языкову былъ отданъ *).

Б. М. Хитровъ... въ послѣднее время при дворѣ его царскомъ уже мало бывалъ **).

Боярыня А. П. Хитрова... по кончинѣ его же... Ѳедора за свои неописанныя злобы... отъ всѣхъ уничиженна ***).

Александръ Хитрый... вмѣсто ссылки посланъ онъ былъ воеводою на Пермь ****) вѣроятно, при воцареніи Петра? „И по своемъ оттуда поворотѣ“... вѣроятно, по вступленіи въ управленіе Царевны Софіи Алексѣевны

V.

Записка датскаго резидента.

Вѣрное объявленіе скорбной и страшной трагедіи, которая здѣсь въ Москвѣ приключилась въ понедѣльникъ, вторникъ и среду, 15-го, 16-го и 17-го, мая нынѣшняго 1682 года.

Эта кровавая трагедія произошла большею частію вслѣдствіе великаго неудовольствія, заявлявшагося часто стрѣльцами, на ве-

*) Тамъ же с. 408. **) с. 398. ***) с. 400. ****) с. 399.

ликую тягость и жестокое обремененіе ихъ работою, отъ которой не освобождались они по воскресеньямъ и по праздникамъ, и которую они должны были нести для своихъ полковниковъ, понуждаемые побоями. Въ особенности вынуждены были жаловаться стрѣльцы полка Семена Грибоѣдова, который на прошедшей Святой недѣлѣ заставлялъ ихъ возить на дворъ къ себѣ камень, известь и другіе матеріалы, на стройку новаго его загороднаго дома, въ нѣсколькихъ миляхъ за городомъ. Стрѣльцы рѣшились подать на него за это и за уменьшеніе ихъ жалованья, (изъ котораго всегда должны они были уступать часть упомянутому полковнику), просьбу, апрѣля 25-го, Царю Ѳедору Алексѣевичу, (который былъ тогда еще живъ, хотя и очень слабъ), для чего и избрали способнаго человѣка изъ своего общества, чтобы передать эту просьбу въ стрѣлецкомъ приказѣ, которая и была передана думному дворянину Павлу Петровичу Языкову, управлявшему вмѣстѣ съ княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ стрѣлецкимъ приказомъ. Этотъ Павелъ Петровичъ принялъ отъ нихъ просьбу и сказалъ, что передастъ ее князю Долгорукому, и на другой день сообщитъ имъ рѣшеніе. Названный думный отправляется за симъ къ князю Долгорукому, представляетъ ему поданную не надлежащимъ образомъ просьбу, донося, что принесъ ее пьяный стрѣлецъ, и говорилъ притомъ многія бездѣльныя слова о князѣ Долгорукомъ и другихъ, на что тотъ отвѣчалъ: „Какъ это пьяный стрѣлецъ, то вели привести его завтра предъ ихъ съѣзжую избу и высѣчь хорошенько кнутомъ, чтобы другіе видѣли себѣ примѣръ“.

На другой день приходитъ стрѣлецъ, представлявшій просьбу, въ приказъ, и спрашиваетъ у думнаго, что послѣдовало по ихъ домогательству, который ему отвѣчаетъ, что его царское величество повелѣлъ наказать его за буйство и высѣчь для примѣра другимъ предъ ихъ съѣзжею избою кнутомъ, и даетъ тутъ же приказъ тамошнему дьяку для исполненія. Стрѣлецъ, въ сопровожденіи двухъ служителей, былъ отведенъ туда, и когда былъ раздѣтъ, то дьякъ прочелъ ему его приговоръ. Стрѣлецъ закричалъ тогда своимъ товарищамъ: „Я съ вашего согласія и по вашему желанію подавалъ просьбу: что жъ вы выдаете меня на

такой позоръ?“ Нѣсколько стрѣльцевъ бросились къ нему, они повалили пристава и двухъ служителей, приколотили ихъ ужасно и освободили своего товарища. Дьякъ, (который отъ страха не сходилъ съ лошади), увидя это, удалился тотчасъ и передалъ думному о происшедшемъ.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Стрѣльцы вознегодовали на такое рѣшеніе, собрались на слѣдующую ночь, какъ и на другой день по утру, пригласили къ себѣ нѣсколько товарищей изъ другихъ полковъ и освѣдомились у нихъ, какіе полковники обходятся съ ними такимъ же образомъ, и оказалось, что изъ 20 полковниковъ, начальствовавшихъ надъ 22 тысячами стрѣльцевъ, было девять, которые могли быть обвинены въ наложеніи такихъ же тягостей.

Стрѣльцы соединились тогда между собою и рѣшились искать на нихъ суда, иначе переломать имъ шеи, какъ вдругъ, апрѣля 27-го, въ четвергъ, скончался царь Ѳедоръ, въ 4 часа пополудни.

Стрѣльцы призваны были во дворецъ присягать вновь избранному Царю Петру Алексѣевичу, ибо Иванъ слѣпъ и косноязыченъ (blind von Gesichte und schwer von Sprache), что стрѣльцы *исполнили охотно* (willig) *и разошлись потомъ по домамъ*. Въ пятницу, 28-го апрѣля, совершено погребеніе почившаго Царя; стрѣльцы держали себя совершенно спокойно (ganz still).

Въ субботу, 29-го апрѣля, пришли они во множествѣ во дворецъ и потребовали отъ новаго Царя наказанія девяти полковниковъ и взысканія съ нихъ всѣхъ проторей и убытковъ по точному реэстру,—иначе найдутъ себѣ судъ сами, перебьютъ полковниковъ, оберутъ ихъ дома на уплату своихъ долговъ, да и не остановятся на этомъ, а раздѣлаются и съ другими измѣнниками, (разумѣя подъ ними нѣкоторыхъ вельможъ), и назвали имена нѣкоторыхъ лицъ, участвовавшихъ преимущественно въ правленіи, ибо терпѣть жестокость своихъ полковниковъ и дурное правленіе измѣнниковъ, обманывавшихъ Царя, они болѣе не могутъ.

При дворѣ произошло великое смущеніе, и дано приказаніе посадить девять полковниковъ подъ стражу. На это употреблено два дня. Стрѣльцы требовали ихъ себѣ, но получили отказъ, чѣмъ были недовольны и уступили только, благодаря

Патріарха и нѣкоторыхъ бояръ, съ обѣщаніемъ, что полковники будутъ отставлены и замѣщены другими, а имъ заплатятъ всѣ убытки. Кромѣ того, стрѣльцы требовали, чтобы полковники были высѣчены кнутомъ, и помирились наконецъ на батогахъ, что и было исполнено въ понедѣльникъ и во вторникъ, 1-го и 2-го мая. Полковники передъ приказомъ были раздѣты, положены на брюхо и сѣчены до тѣхъ поръ, пока стрѣльцы закричатъ „довольно“. Нѣкоторыхъ ненавистныхъ клали по два, по три раза, и ломали объ нихъ по двѣ и по три пары палокъ (wurden wohl 2 und 3 Paar Stöcke auf ihren Rücken gebrochen); другихъ, не столько виноватыхъ, сѣкли меньше, по усмотрѣнію стрѣльцевъ, которымъ никто поперечить не смѣлъ. Потомъ благодарили они его царское величество за правый судъ. Полковники приносили наложенную на нихъ пеню по двѣ тысячи рублей, иные меньше; принесшихъ отпускали, замѣшкавшихся ставили на правежъ всякій день по два часа, пока они не выплачивали долга. Такъ продолжалось восемь дней. Полковники, расплатась, разъѣхались по своимъ деревнямъ.

Умные люди говорили, что стрѣльцамъ дано слишкомъ много воли, и отъ нихъ произойдетъ еще больше зла, ибо стрѣльцы безпрестанно толковали, что избраніе новаго Царя произошло незаконно, что не можетъ быть, чтобы старшій Царевичъ Иванъ отказался по болѣзни, что это сдѣлано партіей измѣнниковъ, преимущественно Нарышкиными, отцемъ и братомъ старшей Царицы, матери избраннаго (которому прошедшаго 1-го мая исполнилось 10 лѣтъ). Они кричали открыто, что не хотятъ управляться какимъ-нибудь Нарышкинымъ или Матвѣевымъ, который послѣ шестилѣтной ссылки ожидался со дня на день. Лучше имъ сломить шею. Впрочемъ, это было только говорено, а все оставалось тихо, въ прежнемъ положеніи. Только бояринъ Языковъ, Иванъ Максимовичъ, самый большой любимецъ покойнаго Царя, которому ввѣрена была и артиллерія, и Лихачевы, Алексѣй и Михайло, такіе же большіе любимцы, первый оберъ-камергеръ, а другой казначей, получили запрещеніе являться предъ очи царскіе, кромѣ Царицы Натальи Кирилловны.

Артиллерія поручена старшему сыну Нарышкина, который 23 лѣтъ возведенъ на степень боярина, что произвело неудовольствіе между многими: какъ такой молодой человѣкъ, въ такое короткое время, могъ удостоиться такихъ высокихъ почестей. Другой братъ, Аѳанасій Кирилловичъ, около 20 лѣтъ, назначенъ форшнейдеромъ. Стрѣльцы, какъ и прочіе люди, выражали часто свое неудовольствіе о такомъ быстромъ возвышеніи Нарышкиныхъ.

Матвѣеву, медлившему возвратиться въ городъ, пока все не успокоится, послана была на встрѣчу карета.... Въ четвергъ вечеромъ, 11-го мая, онъ пріѣхалъ въ свой домъ, для него исправленный; на другой день явился ко двору, былъ принятъ Царемъ, Царицей и всѣми боярами съ великими почестями. Всѣ званія и имѣнія, холопы, ему возвращены. 12-го, 13-го, 14-го, являлись къ нему всѣ великіе и малые, навезли всякихъ припасовъ, такъ что класть было некуда. Стрѣльцы принесли ему хлѣбъ-соль по русскому обычаю. Всѣхъ принималъ онъ съ кротостію и плакалъ. Всѣ были рады, даже недовольные, и надѣялись, что онъ положитъ конецъ всѣмъ безпорядкамъ стрѣльцевъ и предотвратитъ грозящія безпокойства. Онъ выразилъ свое неодобреніе быстраго возвышенія Нарышкиныхъ и потворства стрѣльцамъ, на которыхъ-де чѣмъ посвободнѣе оставлять узду, то тѣмъ склоннѣе они дѣлаются ко всякимъ неистовствамъ, что вскорѣ и послѣдовало.

Между тѣмъ у стрѣльцевъ шли рѣчи, что при дворѣ рѣшено казнить смертію зачинщиковъ добраго дѣла, (такъ называли они свое дѣло), а большую часть прочихъ разослать по гарнизонамъ въ дальные города. Къ тому присоединилось, что Иванъ Нарышкинъ, бывшій всегда дерзкимъ молодымъ человѣкомъ, не уважалъ старыхъ бояръ и дралъ иныхъ за бороду, (самое большое безчестье въ здѣшней сторонѣ), и они жаловались будто объ этомъ стрѣльцамъ. Стрѣльцы разсказывали также публично на улицахъ, въ воскресенье послѣ обѣда и въ понедѣльникъ по утру, 14-го и 15-го мая, что упомянутый Иванъ Нарышкинъ надѣвалъ на себя царскую одежду и садился на царскій престолъ, говоря, что ни къ кому не пристала вѣнецъ такъ, какъ къ нему, за что младшая Царица-вдова и Царевна Софія Алексѣевна, въ присут-

Когда 15-го мая, около полудня, начался бунтъ, стрѣльцы пошли въ Кремль въ полномъ порядкѣ, съ барабаннымъ боемъ и развѣвающимися знаменами, везя за собою двѣ порядочныя пушки; они заставили полковника вести ихъ, что тотъ долженъ былъ исполнить изъ страха лишиться жизни.

Главнѣйшею причиною этого бунта была наглость и дерзость сыновей Нарышкина, и въ особенности старшаго—Ивана Кирилловича.

Въ среду, 17-го мая, было объявлено, что желающіе могутъ погребать своихъ мертвецовъ, что и было исполнено. Оставались только тѣла Ивана Кирилловича, доктора Данила и его сына, также Ивана Гутменша. Видно, что раздраженныя ихъ чувства укротились, ибо до полудня еще они кричали, что всѣ трупы должны быть отвезены за городъ и брошены въ яму — собакамъ на съѣденіе.

Во время бунта никто не могъ сказать ни одного непріятнаго слова стрѣльцамъ, если хотѣлъ сберечь свою жизнь. Если они хотѣли войдти въ какой домъ, должно было тотчасъ ихъ пускать, угощать пивомъ и водкой, нѣкоторые спрашивали денегъ. Имущество умерщвленныхъ лицъ было зачислено за Царя; стрѣльцы хотѣли, чтобъ оно было отдано имъ на разграбленіе, но имъ заплачено за него деньгами.

Ночью по всѣмъ улицамъ содержалась хорошая и крѣпкая стража, и все утихло, какъ будто ничего не случилось; кое-гдѣ лишь попадется пьяный стрѣлецъ, который хвалится своими храбрыми подвигами.

Изъ умерщвленныхъ никто не погибъ отъ руки палача, потому что всякій стрѣлецъ былъ готовъ и радъ совершить казнь.

Убиты были слѣдующія лица (списокъ совершенно согласный съ прочими источниками):

Шесть бояръ, по имени, какъ слѣдуетъ: князь Ю. А. Долгорукій, князь М. Ю. Долгорукій, князь Г. Г. Ромодановскій, А. С. Матвѣевъ, И. М. Языковъ и И. К. Нарышкинъ.

Ларіоновича. Между тѣмъ они крачали: „Да здравствуетъ нашъ Царь Иванъ Алексѣевичъ и Царевичъ Петръ Алексѣевичъ, измѣнники же должны умереть!“ Убили Ѳедора Петровича Салтыкова (котораго отецъ Петръ Михайловичъ былъ очень любимъ ими), принявъ его за Ивана Кирилловича. Онъ шелъ въ церковь, а они сзади увидѣли его и закричали: „Вотъ Иванъ Кирилловичъ!“ Салтыковъ такъ испугался, что не могъ выговорить ни слова. Стрѣльцы убили его. Узнавъ, что ошиблись, послали его тѣло къ отцу, прося прощенія. Отецъ отвѣчалъ: „Божья воля“, и долженъ былъ угостить посланныхъ. Убили князя Ромодановскаго, а сына пощадили, можетъ быть, потому, что имени его не стояло, (въ спискѣ) а они говорили за то, что двадцать лѣтъ находился въ плѣну. Между тѣмъ наступалъ вечеръ. Князь Юрій Алексѣевичъ хотѣлъ уѣхать домой; стрѣльцы окружили карету и предлагали провожать его, извиняясь, что они не хотя убили его сына, за то, что онъ слишкомъ грубо отзывался объ ихъ правомъ дѣлѣ, и былъ за одно съ Матвѣевымъ, что случилось въ запальчивости, и они просятъ прощенія. Князь не могъ отвѣчать ничего болѣе, какъ что на то была Божья воля. Стрѣльцы проводили его съ почтеніемъ, были угощены у него дома водкой и пивомъ и съ поклонами отошли. Тогда пришла къ нему вдова убитаго, стеня и жалуясь, и онъ сказалъ ей: „Не плачь, дочь моя, хотя сынъ мой убитъ, да зубы его остались“. Это услышалъ одинъ изъ оставшихся стрѣльцевъ, воротилъ своихъ товарищей, они всѣ бросились на старика, схватили его за руки и за ноги, убили и кинули на улицу. Это было уже ночью. Половина стрѣльцевъ осталась въ Кремлѣ, другіе вышли стеречь ворота, иные продолжали искать назначенныхъ въ спискѣ нападали на ихъ домы и сосѣдніе, и вездѣ тщательно обыскивая, но не трогали никакого имущества и не брали ничего съ собою.

Въ особенности искали они доктора Даніила фонъ-Гадена, родомъ Жида, который будто бы извелъ царя Ѳедора. Досталось много его сосѣдямъ, однакожь нигдѣ не могли они найдти его. Сосѣдъ Даніиловъ, докторъ Иванъ Гутменшъ, былъ строго обысканъ, но при этомъ случаѣ не потерпѣлъ никакого вреда; когда же стрѣльцы

около полуночи пришли къ нему опять, добрый человѣкъ очень испугался, подумалъ, что стрѣльцы пришли за нимъ, и спрятался на чердакѣ. Стрѣльцы нашли его тамъ и взяли съ собою, говоря, что онъ былъ большой другъ Даніиловъ, и вѣрно спряталъ или куда нибудь спровадилъ его: „Мы-де будемъ держать его, пока найдется“. Жену Данилову они также взяли съ собою. Ивана Гутменша отдали они подъ стражу стрѣльцамъ на лѣстницѣ, откуда скидывали убитыхъ, а жену Данилову, такъ какъ она была беременна, перевели изъ дурнаго мѣста въ хорошее, съ угрозой обоимъ, что они будутъ убиты, если докторъ Данило не найдется.

16-го мая, во вторникъ, лишь разсвѣло, стрѣльцы явились опять въ Кремлѣ: часть осталась для охраненія воротъ, самые буйные проникли силою въ тайные покои, искали Нарышкиныхъ, но не нашли ни одного и наверстали себя убійствомъ боярина Ивана Максимовича Языкова и думнаго Аверкія Степановича Кирилова, и бывшаго полковника стрѣлецкаго, Григорія Горюшкина, которыхъ спрятавшихся нашли наканунѣ въ ихъ домахъ и привезли въ Кремль. Когда всѣ стрѣльцы собрались, этими тремя начались убійства безъ всякаго испытанія, какъ то было и вчера, съ лѣстницы бросали ихъ на копья и внизу разсѣкали на части бердышами, раздѣвали до нага и вытаскивали за ноги изъ Кремля. Въ два часа дня пришло извѣстіе, что сынъ Даниловъ Михайло, молодой человѣкъ 22 лѣтъ, найденъ переодѣтый на улицѣ (никто не смѣлъ оставаться у себя). Стрѣльцы спросили его, гдѣ отецъ. Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Они убили его и бросили внизъ. Послѣ приступили они къ Гутменшу, говоря, что если Данило не найденъ, то онъ долженъ быть казненъ за то, что помогалъ изготовлять лѣкарства, и не слушая никакихъ объясненій, убили его также. Хотѣли убить жену Данилову, но младшая Царица, которой стрѣльцы еще нѣсколько совѣстились, стала просить. Между тѣмъ стрѣльцы были отвлечены отъ нея крикомъ, что найденъ еще одинъ Нарышкинъ,—это былъ двоюродный братъ вышеупомянутыхъ Нарышкиныхъ, по имени Василій Филимоновъ, юноша лѣтъ 20, который тутъ же и былъ умерщвленъ. Былъ убитъ еще полковникъ Андрей Дохтуровъ, найденный въ церкви подъ алтаремъ...

Данилы, то увидѣлъ тамъ Царевну Софію Алексѣевну съ молодою вдовствующею Царицей. При немъ пришелъ князь Хованскій и спрашивалъ стрѣльцевъ: любо ли имъ удалить изъ дворца Царицу Наталію Кирилловну, и онѣ отвѣчали: любо. Потомъ Хованскій что-то говорилъ о немъ съ Царевной и Царицей, и Царевна дала знакъ ему рукою, что онъ можетъ идти.

На вопросъ встрѣчавшихся стрѣльцевъ, зачѣмъ резидентъ былъ отпущенъ, провожатые отвѣчали, что это посланникъ, говорившій съ Царевною (mit der Prinzessin). (У Берха царствованіе Царя Ѳеодора Алексѣевича, II, 61, неправильно: съ Царемъ).

Изъ этихъ извѣстій мы видимъ, что Царевна Софія, одна, во время самого бунта, была на сценѣ и распоряжалась, что тамъ же былъ съ нею князь Хованскій, и что былъ вопросъ объ удаленіи изъ дворца Царицы Наталіи Кирилловны; 15-лѣтная Царица Марѳа была, разумѣется, только куклою.

Извѣстія, которыми крѣпко, кромѣ соображеній, подтверждается участіе Царевны Софіи въ событіяхъ 15-го, 16-го и 17-го мая.

Вѣрное показаніе несчастной Resconter (?), *въ коей Всевысочайшій Господь отъ очевидной опасности спасъ жизнь мою, случившейся въ прошедшій вторникъ, 16 го мая, 1682 года.* (По переводу *Берха*, приложенному къ его исторіи царя Ѳедора Алексѣевича, 1835, съ нужными исправленіями).

Ночью съ 15-го на 16-е мая искали весьма старательно доктора Гадена въ собственномъ его домѣ и у сосѣдей. Съ разсвѣтомъ прибылъ ко мнѣ окольничій Кирилло Осиповичъ Хлоповъ съ сотнею стрѣльцевъ. Онъ сказалъ мнѣ, что ему извѣстно, что докторъ и сынъ его спрятаны у меня, а потому и совѣтуетъ мнѣ ихъ выдать, присовокупя, что если по обыскѣ найдутъ ихъ, то меня и всѣхъ моихъ домашнихъ лишатъ жизни, а имѣніе возьмутъ въ казну.

Я отвѣчалъ, по чистой совѣсти, что мнѣ объ нихъ ничего не извѣстно, и что я уже давно ихъ не видалъ. Окольничій возразилъ мнѣ на это: я имѣю повелѣніе обыскать весь домъ вашъ.

стрѣлецъ бросился къ нимъ, выхватилъ изъ средины ихъ Ивана Нарышкина за длинные его волосы, — товарищи подхватили и столкнули его съ докторомъ Даниломъ внизъ, потащили въ застѣнокъ, къ общему удивленію, ибо со всѣми расправа была короткая, а это произошло отъ того, что они хотѣли пытать его, но онъ не сказалъ ни слова, стиснулъ зубы и былъ зарубленъ. Голову, руки и ноги его подняли на копья и отнесли на Красную площадь.

Докторъ Данило въ пыткѣ бормоталъ разныя вещи и просилъ три дня сроку, чтобъ указать тѣхъ, кто больше его заслуживаетъ смерти. Стрѣльцы записывали его слова, но другіе разорвали записку, сказавъ: „Это будетъ долго продолжаться„. Потащили на площадь и убили съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ другихъ, и внутренность его разметали по улицамъ. Докторомъ заключилась на этотъ разъ трагедія.

О прочихъ измѣнникахъ, Алексѣѣ и Михаилѣ Лихачевыхъ, сынѣ Ивана Языкова, сынѣ Аверкія Степанова, полковникѣ Семенѣ Грибоѣдовѣ, съ семью другими бѣжавшими полковниками, Ѳедорѣ Яновѣ, который также былъ ихъ полковникомъ и возбудилъ много ихъ жалобъ, и за которымъ послано было нѣсколько стрѣльцевъ съ думнымъ дворяниномъ, и о двухъ дьякахъ стрѣлецкаго приказа, которые ихъ очень притѣсняли, стрѣльцы требовали письменнаго царскаго обѣщанія, что они будутъ казнены руками палача. Иначе, когда бы то ни было, стрѣльцы исполнятъ это сами. На все было изъявлено согласіе, лишь бы только укротить бѣшеныхъ!

Во все время кровопролитія воровство и грабежъ тотчасъ наказывались смертію, хотя бы украденная вещь не стоила алтына... Такъ погибло бѣдныхъ мѣщанъ и самихъ стрѣльцевъ до 40 человѣкъ... Ни о какихъ грабежахъ, ни о поджогахъ не было слышно. Какъ приводился кто къ казни, тотчасъ начинали бить въ барабанъ, (а ихъ было 200), звонить въ набатный колоколъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока умерщвленный былъ выброшенъ изъ дворца и притащенъ на базаръ или большую площадь. Вынеся умерщвленнаго на крыльцо, стрѣльцы поднимали его къ верху, такъ чтобы можно было видѣть его снизу, и спрашивали

тамъ стоявшихъ: „Братцы, любо ли?“ Тѣ отвѣчали: „любо“, и подставляли копья, готовыя принять его; тогда верхніе брали его за руки и за ноги и бросали внизъ, гдѣ онъ былъ добиваемъ. На площади стояло также много стрѣльцевъ и всякой сволочи, которые ругались надъ мертвыми тѣлами, кололи, рѣзали, рубили. Въ особенности тѣла думныхъ дьяковъ, Ларіона Иванова и Аверкія Кириллова, были изрублены на мелкія части.

Докторъ Данило былъ умерщвленъ немного спустя послѣ полудня, и стрѣльцы всѣ оборотились въ Кремль. Они сказали: „Мы довольны теперь, а съ остальными измѣнниками пусть Царь—дай Богъ ему здоровья—поступитъ по своему усмотрѣнію; мы готовы жить и умереть за его царское величество, обѣихъ Царицъ, Царевича и Царевенъ“.

Старшій Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ просилъ, чтобъ его уволили отъ престола по причинѣ его болѣзни; не надѣясь жить долго, онъ передаетъ правленіе меньшому своему брату Петру Алексѣевичу. Стрѣльцы закричали: „Да сохранитъ Богъ Царя нашего Петра Алексѣевича (!) и Царевича Ивана Алексѣевича“. (Gott spare Gesund unsern Zaare P. A. und den Prinz J. A.). По ихъ просьбѣ стрѣльцы согласились, чтобы старшая Царица Наталья Кирилловна осталась при своемъ сынѣ, нынѣшнемъ Царѣ, а не была пострижена въ монахини, какъ они требовали прежде.

Всѣ три дня, пока продолжался этотъ бунтъ, стрѣльцы дѣйствовали отъ имени Царя Ивана Алексѣевича, хотя никого ни о чемъ не спрашивали, и дѣлали все, что хотѣли.

Стрѣльцы ставили на видъ, что еслибъ они промедлили, то были бы всѣ погублены, потому что рѣшено было вооружить всѣхъ боярскихъ холопей, (которыхъ число было гораздо больше стрѣльцевъ), и наступить на нихъ, что произвело бы больше кровопролитія, и весь городъ подвергся бы огню и мечу. Стрѣльцы нѣкоторымъ образомъ боялись холопей, но когда увидѣли въ понедѣльникъ, что холопи держатъ себя смирно, то напали на холопій приказъ, изорвали всѣ бумаги и записи, коими холопи письменно закрѣплялись за боярами, чѣмъ и снискали ихъ дружбу.

Когда 15-го мая, около полудня, начался бунтъ, стрѣльцы пошли въ Кремль въ полномъ порядкѣ, съ барабаннымъ боемъ и развѣвающимися знаменами, везя за собою двѣ порядочныя пушки; они заставили полковника вести ихъ, что тотъ долженъ былъ исполнить изъ страха лишиться жизни.

Главнѣйшею причиною этого бунта была наглость и дерзость сыновей Нарышкина, и въ особенности старшаго—Ивана Кирилловича.

Въ среду, 17-го мая, было объявлено, что желающіе могутъ погребать своихъ мертвецовъ, что и было исполнено. Оставались только тѣла Ивана Кирилловича, доктора Даніила и его сына, также Ивана Гутменша. Видно, что раздраженныя ихъ чувства укротились, ибо до полудня еще они кричали, что всѣ трупы должны быть отвезены за городъ и брошены въ яму — собакамъ на съѣденіе.

Во время бунта никто не могъ сказать ни одного непріятнаго слова стрѣльцамъ, если хотѣлъ сберечь свою жизнь. Если они хотѣли войдти въ какой домъ, должно было тотчасъ ихъ пускать, угощать пивомъ и водкой, нѣкоторые спрашивали денегъ. Имущество умерщвленныхъ лицъ было зачислено за Царя; стрѣльцы хотѣли, чтобъ оно было отдано имъ на разграбленіе, но имъ заплачено за него деньгами.

Ночью по всѣмъ улицамъ содержалась хорошая и крѣпкая стража, и все утихло, какъ будто ничего не случилось; кое-гдѣ лишь попадется пьяный стрѣлецъ, который хвалится своими храбрыми подвигами.

Изъ умерщвленныхъ никто не погибъ отъ руки палача, потому что всякій стрѣлецъ былъ готовъ и радъ совершить казнь.

Убиты были слѣдующія лица (списокъ совершенно согласный съ прочими источниками):

Шесть бояръ, по имени, какъ слѣдуетъ: князь Ю. А. Долгорукій, князь М. Ю. Долгорукій, князь Г. Г. Ромодановскій, А. С. Матвѣевъ, И. М. Языковъ и И. К. Нарышкинъ.

Когда объ этомъ узнали стоявшіе на дворѣ стрѣльцы, они начали требовать по рублю и на силу согласились на половину. Послѣ того приказалъ я отсчитать деньги и каждому завернуть ихъ особо въ бумажку. Они, получа деньги, сѣли на земь и вновь пересчитали ихъ. Стрѣльцевъ было болѣе 270 человѣкъ. Провѣря свои деньги, выпили они еще по чаркѣ, и сказавъ спасибо, пошли домой. Я палъ на колѣни и благодарилъ Бога за спасеніе. Если бы стрѣльцы повели меня пѣшкомъ не одѣтаго, не быть бы мнѣ живымъ. Въ этотъ же день приходила ко мнѣ другая партія стрѣльцевъ искать доктора; но она обошлась гораздо учтивѣе первой. Въ среду передъ утромъ окружило домъ мой еще нѣсколько стрѣльцевъ безъ всякаго послѣдствія, кромѣ страха. Если бы доктора не нашли, то поискамъ симъ не было бы конца, ибо стрѣльцы были на него весьма злы. Когда получено было извѣстіе, что докторъ найденъ, то сосѣди его весьма тому обрадовались. Смерти нельзя было ему избѣгнуть, хотя онъ былъ совершенно правъ, но насъ спасла она отъ страха, а можетъ быть, и погибели.

Въ этотъ день бояринъ Василій Васильевичъ, которому порученъ былъ приказъ, далъ мнѣ, по просьбѣ моей, для защиты нѣсколько стрѣльцевъ. Я и прежде просилъ объ этомъ дьяка Ларіона Иванова и онъ обѣщалъ, но, не получивъ отъ меня подарковъ, не сдержалъ своего слова".

VI.

Записка Саввы Романова.

Савва Романовъ, бывшій келейникъ у архимандрита Макарьевскаго на Желтыхъ пескахъ, оставившій обстоятельную записку объ этомъ событіи, былъ очевидецъ и участникъ въ дѣйствіяхъ раскольниковъ въ началѣ правленія царевны Софіи.

Укажемъ на мѣста, служащія тому доказательствомъ: Стрѣльцы на третій день послѣ кровопролитія (—бысть чудо преславно (!!): попущеніемъ святаго Бога возсташа служилые люди на бояръ и убиша князя Юрія Долгорукова (!) съ товарищи) начали совѣтоваться „старую православную христіанскую вѣру возобновити", и рѣ-

шились написать къ Царямъ челобитную; не найдя у себя человѣка способнаго обратились къ чернослободцу Симеону Калашникову, который передалъ ихъ желаніе своимъ знакомымъ.... Никитѣ Борисову и *Саввѣ Романову*. Они подумали.... „и *обрѣтохомъ* новаго Илію... отца Сергія.... и возвѣстиша ему о всемъ.... и *поидохомъ* въ домъ Никиты Борисова и *положихомъ* начало.... и благословихомся.... и *начахомъ* писати.... *совершихомъ*.... *совѣщахомся* и *пріидохомъ* къ Симеону Иванову“ (первому посреднику). Тотъ сообщилъ стрѣльцамъ.... собрался.... „Сергій.... повеля *Саввѣ* челобитную прочесть предъ ними“. Челобитная передана въ приказъ. „Пятисотенный же Иванъ и сотенный Михайло Артемьевъ и иніи, подумавше, послаша деньщиковъ по слободамъ, и созваша всѣхъ стрѣльцевъ на съѣзжу избу. Они же скоростію сшедшеся, и посадскихъ тутъ много пришло, и заставиша сотеннаго ихъ полку чести вслухъ всѣхъ. Сотенный же неискусенъ Божественному Писанію, чтетъ и рѣчь съ рѣчью не раздѣляетъ, и тупо гораздо, невнятно отъ него глаголемое. Они же перестать ему велѣли; много поискавше, и нѣсть такова человѣка, и принудиша ту *Савву* чести. *Онъ же* исперва отрицался, они же съ моленіемъ понудиша его; онъ же начатъ чести и толкомъ ереси разказывати. Они же прилѣжно слушавше, мнози же и плакаху. Егда же прочелъ челобитную, тогда вси единогласно возопиша: „Надобно, братіе, лучше всего постоять за старую православную христіанскую вѣру и кровь свою проліяти за Христа Свѣта, всѣмъ намъ нужно сіе дѣло: за тлѣнное было головы своя положили, кабы Владыка не помогъ, а за Христа Свѣта для чего не умереть?“ И челобитную у *насъ* взяли къ себѣ въ приказъ и списали, а подлинную опять *намъ* отдали“.

Это мѣсто выписано мною съ цѣлію показать наглядно, что вся записка Саввы Романова написана съ натуры, вслѣдствіе чего извѣстія его получаютъ особую цѣну. Въ первомъ собраніи „выборные на отвѣтъ поставили предъ патріархомъ Павла Даниловца, да Павла Захарьева и Савву Романова“. Хованскій, довольный рѣчами Павла, спросилъ у Саввы, стрѣлецъ ли онъ (то-есть, Павелъ), или посадскій. „*И я ему сказалъ*: „Съ посаду-де, государь,

съ Овчинныя слободы". Далѣе Савва передаетъ свои рѣчи: „И тутъ Патріархъ отвѣту ничего не далъ, и *азъ*, отступивъ отъ него, и сталъ близь митрополита Нижегородскаго. И митрополитъ *ко мнѣ* рекъ... И *Савва* противу ему рекъ.... Митрополитъ возрази и я противу ему рекъ".... И Патріархъ на митрополита закричалъ и велѣлъ молчать: видитъ онъ, что неладно говорить; и митрополитъ за властей схоронился въ кутъ, да искусненько изъ-за властей и выглядываетъ и Савву опознаваетъ; и велѣлъ Новгородскому митрополиту спросить его имени, и онъ спросилъ: „Какъ, де тебя зовутъ?" *И я ему сказался Васильемъ*.

При описаніи втораго собранія въ Грановитой палатѣ встрѣчаются также подобныя выраженія.... „И *мы* ему (Холмогорскому епископу) рекли".... „И тутъ (противъ рѣчей Царевны) ко отвѣту *Савву* поставили".

Касательно потаенныхъ пружинъ Романовъ можетъ быть самъ ихъ незналъ, или скрылъ, описывая только ихъ наружныя дѣйствія. См. ниже въ изслѣдованіяхъ.

Записка оканчивается словами: „И что видѣли своими очима и что слышахомъ отъ своея о Христѣ братіи—сія написахомъ".

Кромѣ живыхъ подробностей о ходѣ дѣла, всего важнѣе для исторіи этого времени свидѣтельство о горячемъ участіи князя Хованскаго предпріятіи раскольниковъ, въ неудавшемся только благодаря твердости, съ какою Царевна Софія поступила съ ними, чѣмъ и искупаетъ она много своихъ грѣховъ.

VII.

Польское донесеніе.

Неизвѣстному Польскому писателю принадлежитъ Diariusz zaboystwa tyranskiego senatorow Moskiewskich v stoliky, roku 1683. Къ сожалѣнію, этотъ важный, какъ кажется, источникъ до сихъ поръ не напечатанъ. Рукопись хранится въ Петербургской публичной библіотекѣ. Профессоръ Аристовъ пользовался Нѣмецкимъ переводомъ, неизвѣстно гдѣ изданнымъ: Kurze und gründliche Relation, wie vornehmste Moskowitischen Herren in der Stadt Moskow anno

1682 jammerlich seyn niedergehauen und die beyden Petrus zu Zaren erwählet worden 1686, и въ своемъ сочиненіи о „Московскихъ смутахъ въ правленіе Царевны Софіи Алексѣевны“ (Варшава, 1872), излагаетъ содержаніе этого донесенія.

Извлечемъ изъ него слѣдующія извѣстія:

„По смерти Ѳеодора, Софія, противъ обычая страны, по которому должна была оставаться въ теремѣ, участвовала при погребеніи Царя. Петръ съ матерью удалился изъ церкви прежде окончанія обряда, и этимъ возбудилъ неудовольствіе народа и духовенства. Царевна Софія и ея сестры жаловались на Петра и его родственниковъ за неуваженіе къ своему брату. Мать Петра отвѣчала, что Петръ еще мальчикъ, что онъ не могъ вынести столь продолжительнаго обряда, утомился и потому долженъ былъ выйдти изъ церкви.

„Между тѣмъ Софія, идя домой съ погребенія, сильно жаловалась народу на оскорбленіе, сдѣланное Царемъ Петромъ и Артамономъ; она говорила къ народу: „Ужели вы не видите, что нашъ братъ отравленъ злыми людьми? Сжальтесь надъ нами, у насъ похитили родителей и братьевъ. Вы видите, какъ обошли другаго брата нашего Іоанна и не выбрали его въ Цари. Если мы вредны для васъ и бояръ, то пошлите насъ въ страны иныхъ государей, въ страны христіанскія“. Этою рѣчью Софіи народъ былъ сильно смущенъ, а между Софіей и Наталіей разгорѣлась жестокая вражда; Царевна совѣтуется съ Милославскими и Хованскимъ, послѣдній дѣйствуетъ на стрѣльцовъ“. Стр. 9.

Извѣстіе вѣрное, что касается до его сущности, ибо оно подтверждается оффиціальною разрядною запискою, гдѣ именно замѣчено присутствіе Царевны Софіи Алексѣевны на выносѣ и удаленіе Царицы Наталіи Кирилловны изъ церкви. Эта вѣрность внушаетъ довѣріе и къ причитанію Царевны Софіи Алексѣевны, котораго Поляку выдумать не возможно, и которое указываетъ на возникшій уже замыселъ.

Невиль разсказываетъ тоже объ ухаживаньи Царевны Софіи за больнымъ Ѳеодоромъ, слышавъ о томъ, вѣроятно, также на Польскомъ подворьѣ.

Ходатайство второй жены Ѳеодора за Матвѣева вѣрно.

Укажемъ на одно извѣстіе, частное, личное, которое у Польскаго свидѣтеля представляется одинаково съ Матвѣевымъ, и котораго никто не могъ замѣтить или записать, кромѣ современника. Оно внушаетъ также довѣренность, по крайней мѣрѣ, вообще и къ прочимъ: „Хованскій силою принудилъ вдову канцлера Ларіона, убитаго стрѣльцами jasce (?) выйдти за себя замужъ, и чрезъ двѣ недѣли родился у нея сынъ". У Матвѣева: Въ туже пору старый князь Хованскій и за жестокими угрозами, по убіеніи думнаго дьяка Ларіона Иванова, въ самомъ краткомъ времени принудилъ жену его вдову за себя замужъ идти". Туманскаго Магазинъ, т. I, стр. 175.

Извѣстіе о желаніи Матвѣева возвести Петра на престолъ послѣ кончины Царя Алексѣя Михайловича не представляетъ ничего невѣроятнаго, а подробности о противодѣйствіи Долгорукаго, объ избраніи Петра, о намѣреніи Хованскаго женить своего сына на Царевнѣ Софіи—обязаны своимъ происхожденіемъ, вѣроятно, городскимъ слухамъ. Обвиненіе Матвѣева въ чародѣйствѣ засвидѣтельствовано актами.

На нѣкоторыхъ невѣрностяхъ, замѣтимъ вообще, нельзя основывать отверженіе источника, если даже и въ подлинныхъ документахъ напримѣръ, въ упомянутой оффиціальной запискѣ, встрѣчаются подобныя ошибки. Вездѣ нужна, разумѣется, критика.

VIII.

Повѣствованіе о Московскихъ происшествіяхъ по кончинѣ Алексѣя Михайловича.

Посланное изъ Москвы къ архіепископу Франциску Мартелли, Флорентину, нунцію апостольскому при Іоаннѣ III, королѣ Польскомъ, найденное, переписанное съ подлинника и изданное Севастіаномъ Чіампи).*

Это донесеніе современное заключаетъ въ себѣ много извѣстій, не находящихся въ другихъ источникахъ. Писано оно во второй

*) Оно было переведено, по моему порученію, студентомъ *Лавдовскимъ* и сообщено въ *Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія*, 1835 г., т. V, стр. 69.

половинѣ мая 1682 года, когда не вставлены еще были жестяныя доски въ подножіе столба, сооруженнаго на Красной площади въ память стрѣлецкой „службы“, 15-го 16-го и 17-го мая: „Въ самой столицѣ вотъ что тогда происходитъ: на площади поставленъ четвероугольный столбъ; на немъ выдѣланы два отверстія на подобіе оконъ; въ отверстіяхъ будутъ вставлены черныя доски съ надписями, начертанными бѣлыми буквами. Теперь пока не извѣстно, какое будетъ содержаніе этихъ надписей“.

Другое указаніе о времени этого донесенія можно видѣть въ описаніи удаленія двора въ Коломенское. По этому указанію, должно заключать, что оно писано до казни Хованскаго, то-есть до 17-го сентября.

Въ „Повѣствованіи“ свидѣтельствуются заслуги и государственныя способности Матвѣева, благоволеніе къ нему Царя Алексѣя Михайловича, бракосочетаніе съ Натальей Кириловною Нарышкиной при его посредничествѣ, старанія его о предоставленіи престола меньшему сыну Петру, ненависть и зависть къ нему бояръ. Много извѣстій здѣсь очень любопытныхъ, подтверждаемыхъ, такъ или иначе, изъ другихъ источниковъ; напримѣръ: авторъ влагаетъ въ уста Матвѣева рѣчь къ царю Алексѣю Михайловичу: „Помнишь, государь, какъ Ѳеодоръ, будучи по тринадцатому году, однажды сбирался въ подгороды прогуливаться съ своими тетками и сестрами въ саняхъ. Имъ подведена была ретивая лошадь: Ѳеодоръ сѣлъ на нее, желая быть возницей у своихъ тетокъ и сестеръ. На сани насѣло ихъ такъ много, что лошадь не могла тронуться съ мѣста, но вскочила въ дыбы, сшибла съ себя сѣдока и била его подъ сани. Тутъ сани всею своею тяжестію проѣхали по спинѣ лежавшаго на землѣ Ѳеодора и измяли у него грудь, отъ чего онъ теперь чувствуетъ безпрерывную боль въ груди и спинѣ; вѣроятно, онъ проживетъ не долго, а потому не можетъ быть и государемъ нашимъ“. Положимъ, что рѣчи такой и не было, но ея содержаніе любопытно, ибо мы знаемъ, по свидѣтельству самого Петра въ его „объявленіи сыну моему“, что братъ его былъ страстный охотникъ до лошадей: „Спроси всѣхъ, которые помнятъ брата

моего (Царя Ѳеодора), который тебя несравненно болѣзненнѣе былъ и не могъ ѣздить самъ на досужихъ лошадяхъ. Но имѣя великую къ нимъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и передъ очми имѣлъ, чего для никогда бывала, ниже нынѣ есть, такая здѣсь конюшня *).

„Итакъ, Артемонъ совѣтовалъ вручить скипетръ правленія Петру, не смотря на его малолѣтство; онъ говорилъ, что Петръ по одному своему виду достоинъ быть царемъ, что онъ по взгляду Марсъ, величественъ по наружности, и цвѣтетъ свѣжестію юности“.

Красоту Петра въ дѣтскихъ годахъ, замѣтимъ здѣсь кстати, засвидѣтельствовалъ Кемпферъ, Нѣмецкій посланецъ, описывая царскую аудіенцію: Старшій братъ, надвинувъ шапку, опустивъ глаза въ землю, сидѣлъ почти недвижно и не смотрѣлъ ни на кого; младшій смотрѣлъ на всѣхъ, лице у него открытое, красивое, молодая кровь играла въ немъ безпрестанно, какъ только обращались къ нему съ рѣчью. Удивительная красота его поражала всѣхъ предстоявшихъ, а живость его приводила въ замѣшательство степенныхъ сановниковъ Московскихъ; когда посланникъ подалъ вѣрющую грамоту, и оба Царя должны были встать въ одно время, чтобы спросить о королевскомъ здоровьѣ, младшій не далъ времени дьякамъ приподнять себя и брата, какъ требовалось этикетомъ, стремительно вскочилъ съ своего мѣста, самъ приподнялъ царскую шапку и заговорилъ скороговоркой обычный привѣтъ: его королевское величество, братъ нашъ Каролусъ Свейскій, поздорову ль?

„Лишь только дошелъ объ этомъ слухъ до принцевъ крови, особенно до ихъ тетокъ и сестеръ, бывшихъ тогда во дворцѣ, — слухъ о томъ, что Артемонъ старается возвести на престолъ свой родъ и фамилію Нарышкиныхъ, тотчасъ они посылаютъ за Одоевскимъ, Милославскимъ и другими, прося, чтобъ они поспѣшили къ нимъ, какъ можно скорѣе. Софія встрѣчаетъ явившихся на зовъ бояръ съ воплемъ и слезами; а бояре уже пылавшіе ненавистію

*) Московск. Вѣстникъ 1829, ч. V, с. 13. Тоже свидѣтельствуетъ Татищевъ у Замысловскаго, въ Царствованіи Ѳ. А., с. 05.

къ Артемону, входятъ въ спальню государя, уже умирающаго, и умоляютъ его немедленно предъ ихъ глазами вручить правленіе государства старшему сыну Ѳеодору и благословить его. Умирающій отецъ, побужденный ихъ мольбой исполнилъ ихъ желаніе, отдалъ свою верховную власть своему сыну Ѳеодору".

Извѣстіе въ сущности это вѣроятно. Вѣрно описана и ссылка, а извѣстіе о просительныхъ письмахъ и просьбахъ Матвѣева изъ ссылки показываетъ, что авторъ имѣлъ хорошіе источники: откуда могъ бы онъ знать объ этихъ письмахъ, если бы не былъ знакомъ съ ихъ получателями или ихъ близкими?

Разсказъ о возвращеніи, можетъ-быть и не безъ баснословныхъ подробностей, все-таки любопытенъ, какъ свидѣтельство о славѣ Матвѣева: „Проведши тамъ нѣсколько времени, онъ въ оборотливомъ умѣ своемъ ищетъ средствъ, какъ бы избавиться отъ заточенія. Онъ отправляетъ письма къ прежнимъ друзьямъ, а особенно къ родственникамъ своимъ Нарышкинымъ, умоляя мать Петра умилостивить государя, инымъ посылаетъ подарки, а сребролюбивыхъ подкупаетъ. Тогда бояре начинаютъ хлопотать, какъ бы испросить у государя возвращеніе Артемона, какъ мужа необходимаго въ совѣтѣ. Надобно было въ то время отправить посла къ Оттоманской Портѣ для заключенія мирнаго договора: Московитяне совѣтуются, какъ написать пункты и дать инструкцію послу, въ чемъ согласиться, или нѣтъ съ Портою. Долго толковали объ этомъ дѣлѣ и ничѣмъ не рѣшили: тогда одинъ изъ бояръ осмѣлился предложить государю вызвать изъ ссылки разумнаго въ совѣтѣ Артемона, который одинъ могъ рѣшить затруднительныя совѣщанія настоящихъ собраній. То же самое подтвердилъ и другой бояринъ, говоря, что это необходимо, такъ какъ одинъ Артемонъ лучше всѣхъ зналъ состояніе сосѣдственныхъ монархій и царствъ, неоднократно тамъ будучи самъ съ препорученіями и посольствами. Государь мало по малу соглашался на это предложеніе; но между тѣмъ какъ бояре еще спорили и рѣшали это дѣло, посолъ отправленъ былъ въ Турцію. Артемонъ въ ссылкѣ, не покинувъ замысла возвратить себѣ

прежній санъ, усильнѣе прежняго просить друзей стараться о немъ, ибо рѣшеніе его дѣла казалось слишкомъ затруднительнымъ. Посолъ, возвратившійся отъ Порты, привезъ съ собою договоръ мира, не столько истиннаго, сколько мнимаго: бояре, собравшись въ совѣтъ, толкуютъ смыслъ договора и ничего не находятъ въ немъ, кромѣ пустыхъ и ничего незначащихъ словъ. Государь сердился на ихъ оплошность, на то, какъ они допустили басурманъ пододвинуть свои границы въ его государство до Дона, не исключивъ даже крѣпостей Василькова и Кіева. Недоумѣваютъ, узнаютъ свою погрѣшность, что объ этомъ не посовѣтовались съ жителями Брестскими (incolis Brescensibus), а между тѣмъ дикари, учинивъ набѣгъ до Бѣлгорода (?) (usque ad Brithrodum) увели нѣсколько тысячъ человѣкъ въ плѣнъ, не смотря на недавній миръ. Москвитяне испугались, видя, что миръ съ этимъ врагомъ не надеженъ; да и государь царства Московскаго никакъ не хотѣлъ согласиться на этотъ договоръ, предвидя изъ того самое близкое бѣдствіе для своего государства. При такомъ положеніи дѣлъ настаиваютъ о возвращеніи Артемона изъ ссылки и хотятъ, чтобы такой человѣкъ непремѣнно былъ въ совѣтѣ: тѣ самые изъ бояръ, которые нѣкогда были его смертельными врагами, просили о его возвращеніи. Согласившійся на ихъ просьбу государь велѣлъ послать къ нему повелѣніе“.

Далѣе слѣдуетъ невѣрное извѣстіе о томъ, будто Матвѣевъ засталъ Ѳедора еще живаго. Въ тревожныхъ обстоятельствахъ ошибку эту легко понять можно. Матвѣевъ былъ прощенъ еще Ѳедоромъ, ожидался въ Москвѣ съ часу на часъ, и возвратился въ Москву чрезъ двѣ недѣли, за три дня до возникшаго бунта.

Избраніе Петра описано съ полною довѣренностію и служитъ наилучшимъ толкованіемъ къ повѣсти Матвѣева: „Бояре, по тайному между собою согласію, ожидали, что царство наслѣдуетъ Петръ. Мать его, изъ фамиліи Нарышкиныхъ, съ братьями своими, уговаривала къ этому бояръ, недовольныхъ Ѳеодоромъ, только что погребеннымъ, еще и тѣмъ, что Ѳеодору, возненавидѣвшему

отеческіе обычаи, нравилась и одежда *), и украшенія польскія, а особенно тѣмъ, что онъ Приказалъ сжечь книгу государства Московскаго, содержавшую въ себѣ означеніе степени и достоинства древнихъ и знатныхъ фамилій, то, чѣмъ кто заслужилъ право на именитость. Такъ какъ въ эту книгу многіе вносили свои имена не за какой-нибудь доблестный подвигъ воинскій, а за то, что богаты и успѣли подкупить, то государь приказалъ сжечь ее, выставляя причиною то, что это несправедливое предпочтеніе однихъ другимъ, послѣ внесенія имени въ книгу, причиняетъ часто большой безпорядокъ и непослушаніе ему, государю, и что за этимъ необходимо должно послѣдовать паденіе государства. Нерѣдко случалось, что въ военное время мужи, крѣпкіе и рукою, и умомъ, но бѣднѣйшіе и не такъ значительные, предпочитались другимъ по должности, бывъ назначены въ военноначальники или полководцы; но не бывъ означены въ книгѣ вышеписанной, бывали презираемы другими, которые, бывъ почтены не за заслуги, а за пролазничество и деньги или за что-нибудь другое, внесены въ книгу, хвастались именитостію, доставшеюся имъ отъ предковъ. Изъ этого происходили съ той и другой стороны споры, не смотря на права должностныхъ людей, и угрожали царству гибелью. Сожженіе этихъ книгъ, учиненное подъ таковымъ предлогомъ, поселило въ сердцахъ многихъ людей отвращеніе къ Ѳеодору. Притомъ же Ѳеодоръ намѣревался построить римскую церковь съ училищами въ Смоленскѣ, и на это далъ привиллегію съ извѣстными доходами".

Точно также описано почти совершенно вѣрно происхожденіе стрѣлецкаго бунта, но подробности всѣ перепутаны, съ прибавленіемъ разныхъ, тогда безпрерывно смѣнявшихся слуховъ: „Узнавъ о смерти Ѳеодора, Софія, сестра его, женщина дѣятельная, не медля возмущаетъ своихъ сродниковъ, обвиняя Артемона Сергѣевича въ томъ, что своими происками и хитростію, (такъ какъ и прежде, еще при

*) Петръ въ «Объявленіи» см. выше, говоритъ о пристрастіи Ѳеодора къ нарядамъ. «Во дни владѣнія брата моего не всѣ ли паче прочаго любили *платье* и лошадей». Вотъ еще черта къ доказательствамъ о достовѣрности «Повѣствованія».

жизни Алексѣя Михаиловича, это было такъ за нимъ замѣчено), онъ предоставилъ Петру вѣнецъ царскій, обошедъ старшаго брата. Іоанна; она заклинала ихъ всѣми святыми сжалиться надъ ея кровными, возводя на Артемона, что будто бы онъ отравилъ отца ихъ, Алексѣя, а по выходѣ изъ ссылки убилъ своимъ злодѣйствомъ и Ѳеодора, еще до толѣ жившаго; что Петра, какъ своего родственника, возвелъ на престолъ, вовлекъ въ заговоръ бояръ, всю царскую Думу, и конечно-де, этотъ человѣкъ, пронырливый и злобный, хочетъ совершенно властвовать нами, какъ это испытали мы при Алексѣѣ. Не только простой народъ, но и бояре почитали его тогда болѣе, чѣмъ самого государя. Она увѣряла даже, что онъ подкупилъ врачей и влилъ яду въ заздравную чашу. Возмутивъ этими жалобами всѣхъ родственниковъ своей фамиліи, она изъ окна призываетъ стрѣльцовъ подать помощь, а стрѣльцы, готовые на что угодно, начали вопить, требуя смерти Артемона, Долгорукаго, Laricujum Cancelarium, (думнаго дьяка Ларіона Иванова), Нарышкина. Это возмущеніе охватило всю Москву. Народъ и бунтующіе стрѣльцы въ безпорядкѣ бѣгутъ въ Кремль, ругаются надъ боярами, совершенно не зная, въ чемъ состоитъ дѣло, и хотятъ видѣть государемъ—одни Петра, другіе—Іоанна. Когда между тѣмъ Петръ, хотя и юнѣйшій, но по правой рукѣ сидя выше всѣхъ, смотрѣлъ на возмутившихся изъ окна, тогда всѣ бояре заперлись въ одну комнату, въ которой начальники стрѣльцовъ и другіе должностные бунтующіе люди выбили окна, крича безъ умолку: покажите намъ государя! Видя, что трудно утишить бунтъ, бояре немедленно присягаютъ Іоанну. Также и сестры, прибѣжавъ къ Іоанну, заставляютъ его немедленно показаться стрѣльцамъ, чтобъ они видѣли государя, постановленнаго боярами и способнаго къ правленію государствомъ, какъ это прилично мужу лѣтъ и ума зрѣлыхъ. Тѣ же тетки назначаютъ ему супругу, предрекаютъ ему будущее потомство, имѣющее поддержать его домъ и фамилію. Іоаннъ объявленъ государемъ, и бунтъ воиновъ и народа нѣсколько утихаетъ. Между тѣмъ Нарышкинъ, младшій братъ матери Петра, взялъ царскій вѣнецъ, и всходя на престолъ, сказалъ съ шуткою: признайте пока меня государемъ,

ибо я съумѣю править благоразумно: только дайте мнѣ присягу какъ законному намѣстнику Петра. Іоаннъ отвѣчаетъ ему на это: Черепахѣ не летать съ орлами. Одоевскій, именитый мужъ изъ всей знати, тутъ же закричалъ Нарышкину: Что ты брешешь, собака, и тотчасъ далъ ему пощечину: все собраніе бояръ и знати ужаснулось. Закипѣлъ бунтъ; бей, кричатъ по всему дворцу, неизвѣстно кого; бѣжать некуда; стрѣльцы врываются туда съ яростію. Требуютъ смерти Артемона; окна выбиты; Нарышкинъ выброшенъ въ окно, Артемона волокутъ за шею; Ларіонову отрѣзываютъ языкъ; убиваютъ сына Долгорукаго и многихъ другихъ; безпрестанно раздается: бей враговъ государя! Ни силой, ни увѣщаніями не могутъ остановить этого мятежа: каждый простолюдинъ прячется въ свой домъ. Стрѣльцы не перестаютъ бунтовать, требуютъ врача, (потому что онъ ввелъ нѣкоторыя перемѣны), угрожая перебить всѣхъ, сколько есть въ городѣ, Нѣмцевъ, если его не выдадутъ: наконецъ, нашедши его, допрашиваютъ, приготовлялъ ли онъ ядъ для отравленія ихъ государей. Онъ со страху не могъ вымолвить ни одного слова; его сбили съ ногъ, вытянули языкъ, распороли животъ, перерѣзали жилы подъ колѣнами; убили двухъ малолѣтныхъ сыновей его и прибили жену. Старика Долгорукаго, ненавистнѣйшаго для Поляковъ, человѣка дѣловаго, убили и расхитили все его имущество. Этотъ бунтъ продолжался цѣлую недѣлю. Всѣ бояре удаляются бѣгствомъ изъ столицы на тридцать или болѣе миль: имущества и сокровища ихъ перешли въ руки бунтовщиковъ. Они злоумышляли и на должностныхъ людей, казначеевъ и экономовъ, кои также не остались въ покоѣ. Бунтовщики, отыскавъ ихъ, ругались надъ ними, мучили ихъ, будто бы за то, что они имѣютъ много денегъ, а ихъ не кормятъ. Всѣ думали, что насталъ страшный судъ и преставленіе свѣта".

Замѣтимъ вѣрное изображеніе стрѣльцовъ, бѣжавшихъ въ Кремль, изъ которыхъ многіе не знали, за чѣмъ бѣгутъ, вѣрное свидѣтельство о сильнѣйшемъ возбужденіи ихъ противъ Нѣмецкаго доктора и казни его, о неистовствахъ стрѣльцовъ и объ общемъ страхѣ въ городѣ.

Точно также изображено вѣрно, согласно съ нашими документами, ближайшее время, въ продолженіе котораго усилился Князь Хованскій.

„Хованскій избранъ главою бунтовщиковъ; онъ ходитъ, окруженный ими отовсюду, охраняемый многочисленною вооруженною стражей: они называютъ его отцомъ, а онъ называетъ ихъ дѣтьми и повелѣваетъ имъ молиться Богу, дабы онъ далъ имъ хорошій успѣхъ въ ихъ замыслахъ, почитать государей и проч. Но вѣроятно, скоро они оставятъ его. Онъ взялъ себѣ въ супругу (срав. выше, с. 60) жену недавно имъ убитаго дьяка Ларіона Иванова (Laricuii Cancellrii) и обвѣнчался тайно и безъ ея согласія; онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ томъ, что, женившись на женѣ мятежника противъ государя, самъ хочетъ передаться на ту сторону. Только дѣятельностію своею и ласками онъ обезоруживаетъ недовольныхъ, *но долго ли его будутъ терпѣть и кто за это поручится? Князь Василій Васильевичъ правитъ всѣми государственными дѣлами.* Стрѣльцы, еще не усмиренные, толпами ходятъ по городу, врываются въ домы, выпиваютъ все, какое тамъ есть, вино, съ согласія хозяина, не столько произвольнаго, сколько вынужденнаго. Оба Царевича, какъ бы бѣжавшіе изъ Троянскаго пожара, съ тетками, сестрами и Софіей (Sophia Rzedziocha) выбыли изъ столицы въ Коломну (Коломенское), отстоящую оттуда на семь миль, не возвращаются въ столицу, не смѣя ввѣриться буйнымъ стрѣльцамъ, и почитая униженіемъ для своего сана—допустить въ общественный совѣтъ простой народъ, того требующій".

XI.

Шлейзингъ и Бове.

Сочиненій Саксонца Шлейзинга: „Anatomia Russiae deformatae, 1688" и Англичанина Бове (Bouvet): The present condition of the Moscovite Empire till the year, 1699", я не имѣлъ въ рукахъ, и предлагаю сужденіе о нихъ по изложенію профессора Аристова, котораго вышеупомянутое сочиненіе имѣетъ большія достоинства,

ли имѣло бы ихъ больше, если бы не было помрачено предвзятою мыслію оправдывать, во что бы то ни стало, Царевну Софію Алексѣевну. Г. Аристовъ не уважаетъ ни Шлейзинга, ни Бове. Онъ говоритъ о нихъ: „Саксонецъ Шлейзингъ, какъ пишетъ самъ, жилъ въ Москвѣ около двухъ лѣтъ (съ 22 апрѣля 1684 года), хотя вовсе не видалъ Россіи; о Царевнѣ Софіи говорилъ мало, прибавивъ, что она tanzet nach dem Closter. Дальновидные писатели чуть не считаютъ этого выраженія пророчественнымъ; но дѣло объясняется просто: Шлейзингъ издалъ свою компиляцію уже въ 1688 году, когда шаткое положеніе Софіи обнаружилось. Такого же свойства и компиляція Креля, изданная въ 1699 году подъ именемъ Англичанина Бове; онъ никогда не бывалъ въ Россіи и высказывалъ нахватанныя чужія мнѣнія“ *).

Были ли Шлейзингъ и Бове или Крель въ Россіи и Москвѣ— это не слишкомъ важно. Важно то, что книга Шлейзинга напечатана въ 1688 году, а книга Креля или Бове въ 1699 году. Пусть они предлагаютъ намъ чужія мнѣнія, нахватанныя ими гдѣ бы то ни было, но важно то, что эти мнѣнія, слухи, извѣстія были въ общемъ оборотѣ за границею въ показанные годы. Большая часть ихъ у Бове или Креля вѣрна, (невѣрныя мы отмѣтили звѣздочками), и подтверждая наши извѣстія о происках Софіи, о распущенныхъ слухахъ касательно смерти Ѳеодора, о назначеніи извѣстныхъ лицъ къ умерщвленію, подкрѣпляютъ догадку о связи Софіи съ Шакловитымъ послѣ Голицына. Слѣдующія извѣстія, относящіяся къ заговору Цыклера, нѣсколько перепутаны, но въ сущности вѣрны. Замѣтимъ имя доносителя Ларіона Елизарьева, и анекдотъ, нѣсколько переиначенный противъ сохраненнаго Голиковымъ, о томъ, какъ Петръ узналъ о послѣднемъ заговорѣ. Наконецъ, весьма важно для насъ подтвердительное извѣстіе: при томъ послѣднемъ розыскѣ узнано было, что зачинщикомъ или руководителемъ перваго стрѣлецкаго бунта былъ бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, подвергшійся за то страшной казни въ своемъ трупѣ.

*) Московскія Смуты с. 10.

жизни Алексѣя Михаиловича, это было такъ за нимъ замѣчено), онъ предоставилъ Петру вѣнецъ царскій, обошедъ старшаго брата, Іоанна; она заклинала ихъ всѣми святыми сжалиться надъ ея кровными, возводя на Артемона, что будто бы онъ отравилъ отца ихъ, Алексѣя, а по выходѣ изъ ссылки убилъ своимъ злодѣйствомъ и Ѳеодора, еще до толѣ жившаго; что Петра, какъ своего родственника, возвелъ на престолъ, вовлекъ въ заговоръ бояръ, всю царскую Думу, и конечно-де, этотъ человѣкъ, пронырливый и злобный, хочетъ совершенно властвовать нами, какъ это испытали мы при Алексѣѣ. Не только простой народъ, но и бояре почитали его тогда болѣе, чѣмъ самого государя. Она увѣряла даже, что онъ подкупилъ врачей и влилъ яду въ заздравную чашу. Возмутивъ этими жалобами всѣхъ родственниковъ своей фамиліи, она изъ окна призываетъ стрѣльцовъ подать помощь, а стрѣльцы, готовые на что угодно, начали вопить, требуя смерти Артемона, Долгорукаго, Laricujum Cancelarium, (думнаго дьяка Ларіона Иванова), Нарышкина. Это возмущеніе охватило всю Москву. Народъ и бунтующіе стрѣльцы въ безпорядкѣ бѣгутъ въ Кремль, ругаются надъ боярами, совершенно не зная, въ чемъ состоитъ дѣло, и хотятъ видѣть государемъ—одни Петра, другіе—Іоанна. Когда между тѣмъ Петръ, хотя и юнѣйшій, но по правой рукѣ сидя выше всѣхъ, смотрѣлъ на возмутившихся изъ окна, тогда всѣ бояре заперлись въ одну комнату, въ которой начальники стрѣльцовъ и другіе должностные бунтующіе люди выбили окна, крича безъ умолку: покажите намъ государя! Видя, что трудно утишить бунтъ, бояре немедленно присягаютъ Іоанну. Также и сестры, прибѣжавъ къ Іоанну, заставляютъ его немедленно показаться стрѣльцамъ, чтобъ они видѣли государя, постановленнаго боярами и способнаго къ правленію государствомъ, какъ это прилично мужу лѣтъ и ума зрѣлыхъ. Тѣ жѣ тетки назначаютъ ему супругу, предрекаютъ ему будущее потомство, имѣющее поддержать его домъ и фамилію. Іоаннъ объявленъ государемъ, и бунтъ воиновъ и народа нѣсколько утихаетъ. Между тѣмъ Нарышкинъ, младшій братъ матери Петра, взялъ царскій вѣнецъ, и всходя на престолъ, сказалъ съ шуткою: признайте пока меня государемъ,

ибо я съумѣю править благоразумно: только дайте мнѣ присягу какъ законному намѣстнику Петра. Іоаннъ отвѣчаетъ ему на это: Черепахѣ не летать съ орлами. Одоевскій, именитый мужъ изъ всей знати, тутъ же закричалъ Нарышкину: Что ты брешешь, собака, и тотчасъ далъ ему пощечину: все собраніе бояръ и знати ужаснулось. Закипѣлъ бунтъ; бей, кричатъ по всему дворцу, неизвѣстно кого; бѣжать некуда; стрѣльцы врываются туда съ яростію. Требуютъ смерти Артемона; окна выбиты; Нарышкинъ выброшенъ въ окно, Артемона волокутъ за шею; Ларіонову отрѣзываютъ языкъ; убиваютъ сына Долгорукаго и многихъ другихъ; безпрестанно раздается: бей враговъ государя! Ни силой, ни увѣщаніями не могутъ остановить этого мятежа: каждый простолюдинъ прячется въ свой домъ. Стрѣльцы не перестаютъ бунтовать, требуютъ врача, (потому что онъ ввелъ нѣкоторыя перемѣны), угрожая перебить всѣхъ, сколько есть въ городѣ, Нѣмцевъ, если его не выдадутъ: наконецъ, нашедши его, допрашиваютъ, приготовлялъ ли онъ ядъ для отравленія ихъ государей. Онъ со страху не могъ вымолвить ни одного слова; его сбили съ ногъ, вытянули языкъ, распороли животъ, перерѣзали жилы подъ колѣнами; убили двухъ малолѣтныхъ сыновей его и прибили жену. Старика Долгорукаго, ненавистнѣйшаго для Поляковъ, человѣка дѣловаго, убили и расхитили все его имущество. Этотъ бунтъ продолжался цѣлую недѣлю. Всѣ бояре удаляются бѣгствомъ изъ столицы на тридцать или болѣе миль: имущества и сокровища ихъ перешли въ руки бунтовщиковъ. Они злоумышляли и на должностныхъ людей, казначеевъ и экономовъ, кои также не остались въ покоѣ. Бунтовщики, отыскавъ ихъ, ругались надъ ними, мучили ихъ, будто бы за то, что они имѣютъ много денегъ, а ихъ не кормятъ. Всѣ думали, что насталъ страшный судъ и преставленіе свѣта“.

Замѣтимъ вѣрное изображеніе стрѣльцовъ, бѣжавшихъ въ Кремль, изъ которыхъ многіе не знали, за чѣмъ бѣгутъ, вѣрное свидѣтельство о сильнѣйшемъ возбужденіи ихъ противъ Нѣмецкаго доктора и казни его, о неистовствахъ стрѣльцовъ и объ общемъ страхѣ въ городѣ.

Точно также изображено вѣрно, согласно съ нашими документами, ближайшее время, въ продолженіе котораго усилился Князь Хованскій.

„Хованскій избранъ главою бунтовщиковъ; онъ ходитъ, окруженный ими отовсюду, охраняемый многочисленною вооруженною стражей: они называютъ его отцомъ, а онъ называетъ ихъ дѣтьми и повелѣваетъ имъ молиться Богу, дабы онъ далъ имъ хорошій успѣхъ въ ихъ замыслахъ, почитать государей и проч. Но вѣроятно, скоро они оставятъ его. Онъ взялъ себѣ въ супругу (срав. выше, с. 60) жену недавно имъ убитаго дьяка Ларіона Иванова (Laricnii Cancellrii) и обвѣнчался тайно и безъ ея согласія; онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ томъ, что, женившись на женѣ мятежника противъ государя, самъ хочетъ передаться на ту сторону. Только дѣятельностію своею и ласками онъ обезоруживаетъ недовольныхъ, *но долго ли его будутъ терпѣть и кто за это поручится? Князь Василій Васильевичъ правитъ всѣми государственными дѣлами.* Стрѣльцы, еще не усмиренные, толпами ходятъ по городу, врываются въ домы, выпиваютъ все, какое тамъ есть, вино, съ согласія хозяина, не столько произвольнаго, сколько вынужденнаго. Оба Царевича, какъ бы бѣжавшіе изъ Троянскаго пожара, съ тетками, сестрами и Софіей (Sophia Rzedziocha) выбыли изъ столицы въ Коломну (Коломенское), отстоящую оттуда на семь миль, не возвращаются въ столицу, не смѣя ввѣриться буйнымъ стрѣльцамъ, и почитая униженіемъ для своего сана—допустить въ общественный совѣтъ простой народъ, того требующій".

XI.

Шлейзингъ и Бове.

Сочиненій Саксонца Шлейзинга: „Anatomia Russiae deformatae, 1688" и Англичанина Бове (Bouvet): The present condition of the Moscovite Empire till the year, 1699", я не имѣлъ въ рукахъ, и предлагаю сужденіе о нихъ по изложенію профессора Аристова, котораго вышеупомянутое сочиненіе имѣетъ большія достоинства,

и имѣло бы ихъ больше, если бы не было помрачено предвзятою мыслію оправдывать, во что бы то ни стало, Царевну Софію Алексѣевну. Г. Аристовъ не уважаетъ ни Шлейзинга, ни Бове. Онъ говоритъ о нихъ: „Саксонецъ Шлейзингъ, какъ пишетъ самъ, жилъ въ Москвѣ около двухъ лѣтъ (съ 22 апрѣля 1684 года), хотя вовсе не видалъ Россіи; о Царевнѣ Софіи говорилъ мало, прибавивъ, что она tanzet nach dem Closter. Дальновидные писатели чуть не считаютъ этого выраженія пророчественнымъ; но дѣло объясняется просто: Шлейзингъ издалъ свою компиляцію уже въ 1688 году, когда шаткое положеніе Софіи обнаружилось. Такого же свойства и компиляція Креля, изданная въ 1699 году подъ именемъ Англичанина Бове; онъ никогда не бывалъ въ Россіи и высказывалъ нахватанныя чужія мнѣнія“ *).

Были ли Шлейзингъ и Бове или Крель въ Россіи и Москвѣ— это не слишкомъ важно. Важно то, что книга Шлейзинга напечатана въ 1688 году, а книга Креля или Бове въ 1699 году. Пусть они предлагаютъ намъ чужія мнѣнія, нахватанныя ими гдѣ бы то ни было, но важно то, что эти мнѣнія, слухи, извѣстія были въ общемъ оборотѣ за границею въ показанные годы. Большая часть ихъ у Бове или Креля вѣрна, (невѣрныя мы отмѣтили звѣздочками), и подтверждая наши извѣстія о происках Софіи, о распущенныхъ слухахъ касательно смерти Ѳеодора, о назначеніи извѣстныхъ лицъ къ умерщвленію, подкрѣпляютъ догадку о связи Софіи съ Шакловитымъ послѣ Голицына. Слѣдующія извѣстія, относящіяся къ заговору Цыклера, нѣсколько перепутаны, но въ сущности вѣрны. Замѣтимъ имя доносителя Ларіона Елизарьева, и анекдотъ, нѣсколько переиначенный противъ сохраненнаго Голиковымъ, о томъ, какъ Петръ узналъ о послѣднемъ заговорѣ. Наконецъ, весьма важно для насъ подтвердительное извѣстіе: при томъ послѣднемъ розыскѣ узнано было, что зачинщикомъ или руководителемъ перваго стрѣлецкаго бунта былъ бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, подвергшійся за то страшной казни въ своемъ трупѣ.

*) Московскія Смуты с. 10.

Помѣщаемъ извѣстія Бове или Креля по изложенію профессора Аристова:

Онъ пишетъ, „что Царь Ѳеодоръ назначилъ наслѣдникомъ, предъ смертью, младшаго своего брата Петра, почитая Іоанна неспособнымъ къ правленію. Но Софія, будучи честолюбива, употребила всѣ свои происки для возложенія короны на своего брата Іоанна, или, паче сказать, на себя". Къ лучшему достиженію сего намѣренія, она старалась распространить слухи, будто покойный Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, братъ ея, былъ опоенъ ядомъ отъ своихъ лѣкарей, по наущенію знатныхъ бояръ, имена коихъ нарочно были объявлены, яко виновниковъ и споспѣшествователей толь ужаснаго преступленія. Зная, что болѣе всего она можетъ утвердить свои пользы привлеченіемъ на свою сторону стрѣльцовъ, велѣла также разгласить, будто при дворѣ принято было намѣреніе намѣшать яду въ ту водку, которую хотѣли имъ подносить на царскихъ похоронахъ". Стрѣльцы пришли въ бѣшенство, перерубили лѣкарей царскихъ и бояръ, которые означены были царевной, яко противные ея пользамъ, и возвели на престолъ Іоанна. „Царевна, честолюбіе которой не удовольствовалось восшествіемъ на престолъ брата ея Іоанна, вступила въ заговоръ со стрѣлецкимъ начальникомъ Щегловитымъ, объявивъ ему, что братъ ея служилъ токмо предлогомъ къ возложенію короны на ея главу, что она желаетъ выйдти за него замужъ и царствовать съ нимъ вмѣстѣ, если онъ соединитъ съ нею свои силы и старанія, что не трудно успѣть въ семъ намѣреніи, потому что Россійская имперія есть несносное бремя для двухъ малолѣтныхъ отроковъ. Онъ не въ состояніи былъ противиться сильнымъ ея обольщеніямъ; и они употребляли всѣ мѣры къ произведенію въ дѣйство сего предпріятія, которое долженствовало начаться смертію обоихъ Царей, и кое бы непремѣнно удалось по ихъ желанію, если бы заговоръ ихъ не былъ заблаговременно открытъ Царемъ. Цари удалились въ Троицкій монастырь, Лефортъ оказалъ отмѣнные знаки храбрости и вѣрности". Стрѣлецкій голова заманенъ былъ въ засаду подъ Троицкій монастырь, гдѣ онъ и другіе начальники бунта захвачены и наказаны были смертію. Царевна

ушла въ монастырь. Оставалась одна недовольная партія между-боярами, которые, побуждаемы будучи происками Царевны Софіи, нашли средство, не смотря на ея заключеніе, имѣть съ нею переписку объ исполненіи своихъ умысловъ противъ особы государя. Потеря любимыхъ стрѣльцовъ произвела непримиримую ненависть къ Царю, и они вступили въ заговоръ противъ его жизни. Они склонили четырехъ капитановъ 1-го стрѣлецкаго полка и рѣшились зажечь ночью домы и на пожарѣ убить Царя во время замѣшательства". Затѣмъ намѣрены были, какъ послѣ сами признались, присоединить къ своей партіи Донскихъ казаковъ, освободить изъ заключенія Царевну Софію, возвратить изъ Сибири князя В В. Голицына и вручить имъ правленіе, а они должны были привести ихъ стрѣльцовъ въ прежнее ихъ состояніе. „Но небу угодно было тронуть сердца двухъ изъ четырехъ капитановъ, которые были сообщниками въ семъ заговорѣ. Одинъ именовался Ларіономъ Елизарьевымъ, а другой Григоріемъ Валеріе. Грызомые совѣстію о такомъ ужасномъ дѣлѣ чистосердечно признались царю. „О заговорѣ Цыклера Царь узналъ 1-го февраля 1697 года, обѣдая въ домѣ Лефорта. „Онъ, казалось, мало былъ тронутъ симъ ужаснымъ извѣстіемъ, и, безъ всякой перемѣны въ лицѣ, всталъ изъ-за стола, и, провожаемъ будучи малымъ числомъ надежнѣйшихъ людей, поѣхалъ прямо въ домъ главнаго злоумышленника, который назывался Иванъ Сиглеръ и возведенъ былъ Царемъ на степень статскаго совѣтника. Его величество, пришедъ въ домъ сего злодѣя, приказалъ прочимъ остаться за воротами; самъ же взошелъ токмо съ тремя особами, и подъ тѣмъ предлогомъ, что имѣетъ нужду въ его совѣтахъ по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, приказалъ за собою слѣдовать. Лишь только онъ вышелъ на улицу, взятъ былъ подъ караулъ и отведенъ въ темницу". То же было и съ пятью его сообщниками. „Какъ изъ признанія нѣкоторыхъ злоумышленниковъ оказалось, что Иванъ Милославскій былъ главнымъ зачинщикомъ бунта, случившагося въ 1682 году, то тѣло его вырыто изъ могилы и найдено цѣло и, невредимо (хотя оно лежало въ землѣ около 12-ти лѣтъ); поставлены висѣлицы, и на нихъ повѣшены разныя части его трупа, растерзанныя въ одну минуту разъяреннымъ народомъ".

Происхожденіе бунта въ этихъ словахъ описано вѣрно, а непосредственное участіе Хованскаго — это есть отголосокъ пущенныхъ послѣ слуховъ и дѣйствій правительства, со времени его казни *).

Главнымъ предлогомъ къ бунту представляется мнимая отрава Царя Ѳеодора, и это дѣйствительно было такъ, судя потому, что стрѣльцы искали, вмѣстѣ съ Нарышкиными, больше всего доктора Данилу, и что кровопролитіе кончилось, когда онъ былъ найденъ и умерщвленъ.

Здѣсь слѣдуетъ у Невиля замѣшательство. Онъ говоритъ, что послѣ бунта избранъ былъ Петръ къ неудовольствію Софіи, которая возбудила вновь стрѣльцовъ помощію Хованскаго, и они провозгласили первымъ царемъ Ивана; также, что докторъ Ѳедоровъ и князья Долгорукіе убиты были въ продолженіе новаго бунта, что Софія изъ Троицкаго монастыря благодарила Хованскаго за его усердіе при отмщеніи за смерть ея брата, и проч.

Невиль перепуталъ, вѣроятно, въ этомъ случаѣ свои записки, которыя впрочемъ могутъ легко быть исправлены простою перестановкою извѣстій. Или виновато здѣсь только авторское неумѣнье разсказывать все по порядку, запамятованье, сбивчивость слуховъ.

Обратимъ вниманіе на изображеніе ребенка Петра: „Царевичъ Петръ, вѣнчанный къ удовольствію всей Россіи, былъ очень красивъ и строенъ собою, и живость его ума подавала надежду на великія дѣла отъ его правленія, еслибъ онъ получилъ хорошее руководство“. (Le czarevich Pierre Al. fut couronné czar au contentement de toute la Russie; ce prince est agréable et bien fait, et la vivacité de son esprit ferait espèrer des grandes choses de son gouvernement, s'il était bien conduit. Тамъ же (40).

напримѣръ: переводъ говоритъ, что Софіи «противостали гвардейскіе офицеры и знатные люди». Совсѣмъ нѣтъ. Невиль говоритъ: qu'elle n'avait à craindre que les officiers de la couronne et les grands.... fit sous main... susciter les estrelcs и проч., то-есть, Софія возбужденнымъ бунтомъ предупреждала сопротивленіе, а не отстраняла происшедшее.

*) Тамъ же с. 55.

Хованскій потворствовалъ стрѣльцамъ, которые продолжали буйствовать, возмечталъ о своей силѣ и хотѣлъ захватить верховную власть, женивъ сына на меньшей царевнѣ Екатеринѣ. Софія увидѣла, что Хованскіе опаснѣе для нея тѣхъ, отъ кого она избавилась.

Дворъ отправился къ Троицѣ подъ предлогомъ празднованія имянинъ царевны Екатерины *) 24-го ноября. Хованскій былъ приглашенъ вмѣстѣ съ прочими боярами, по совѣту князя В. В. Голицына, и по дорогѣ былъ захваченъ и казненъ.

Вмѣсто князя В. В. Голицына Матвѣевъ выставляетъ здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Ивана Михайловича Милославскаго.

Стрѣльцы возмутились, овладѣли казеннымъ оружіемъ, готовы были истребить (ils étaient ce semble d'humeur à tout exterminer).

Правительство созвало къ Троицѣ ратныхъ людей и Нѣмецкихъ офицеровъ, состоявшихъ на царской службѣ.

Стрѣльцы хотѣли было напасть на Кукуй, Нѣмецкую слободу (leur quartier dans un faubourg de Moscou appllee Kakouvi), но наконецъ, вразумленные, смирились и получили прощеніе, вышли на встрѣчу къ царямъ и упали въ ноги предъ ними.

Въ тотъ же день князь В. В. Голицынъ былъ назначенъ великимъ канцлеромъ (это было гораздо прежде, то есть, на второй день перваго бунта).

„Этотъ князь Голицынъ былъ безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ людей, когда-либо бывшихъ въ этой странѣ, которую онъ хотѣлъ поставить на ряду съ другими". (Ce prince Galischin est sans contredit un des plus spirituels, des plus polis et des plus magnifiques, qu'il y ait jamais eu en ce pays-là, qu'il avait dessein de mettre sur le même pièd que les autres **).

---

*) Не къ имянинамъ царевны Екатерины 24 ноября, а къ имянинамъ Царевны Софіи 17 сентября, могъ быть приглашенъ князь Хованскій, какъ дѣйствительно и было.

**) См. въ изслѣдованіи, слѣдующемъ за разсужденіемъ объ источникахъ.

„Онъ хорошо говорилъ по латыни и весьма любилъ бесѣду съ иностранцами, не заставляя ихъ пить, да и самъ онъ не пьетъ водки, а находитъ удовольствіе только въ бесѣдѣ. Презирая знатныхъ людей, по причинѣ ихъ неспособности, онъ склонялся только къ достоинствамъ и употребляетъ только тѣхъ, кого почиталъ достойными и въ комъ я надѣялся найдти преданность къ себѣ“ *).

Голицынъ произвелъ слѣдствіе надъ виновными стрѣльцами, казнилъ главныхъ, а другихъ осудилъ на ссылку и изъ нихъ составлены были четыре полка: надъ оставшимися онъ назначилъ начальникомъ Шакловитаго. Всѣ почти важныя должности онъ поручилъ людямъ незнатнымъ, желая имѣть слугъ, а не товарищей.

По нашимъ извѣстіямъ со стрѣльцами раздѣлывался не Голицынъ, а Шакловитый.

Такой образъ дѣйствій навлекъ на Голицына ненависть знатныхъ фамилій, которыя увидѣли себя лишенными своихъ преимуществъ и принужденными предъ нимъ раболѣпствовать, чего не бывало при его предмѣстникахъ (obligés de lui faire la cour, qu'elles n'avaient coutume de faire à ses prédecesseurs).

Онъ заключилъ договоръ съ Швеціей и потомъ съ Польшею. Поляки отказывались отъ Украины и Смоленска, а Русскіе обязывались воевать Крымъ и мѣшать Туркамъ нападать на Польшу.

Къ европейскимъ дворамъ отправлены были посольства звать на Турокъ: Б. П. Шереметевъ—въ Польшу и оттуда въ Вѣну; князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій—въ Испанію и Францію.

Князю Голицыну не хотѣлось принять начальство въ Крымской войнѣ, гдѣ не могъ выиграть ничего, а потерять много; но враги, желая спровадить его изъ Москвы, чтобы въ отсутствіе его уменьшить его вліяніе, настояли на своемъ мнѣніи, что долженъ идти онъ, какъ заключившій договоръ съ Поляками и считавшій покореніе Перекопа легкимъ.

---

*) Тамъ же с. 56.

Первый походъ не удался вслѣдствіе выжженныхъ степей и недостатка въ продовольствіи. Однакожь, всѣ начальники получили значительныя награды. На рѣкѣ Самарѣ поставленъ городъ Ново-Богородицкъ.

Описаніе втораго похода Невиль начинаетъ словами: „Князь Голицынъ, видя, что партія Петра со всякимъ днемъ поднимается“ (s'apercevant tous les jours que le parti de Pierre se reveillait), рѣшился возобновить походъ на слѣдующій годъ.

Замѣтимъ здѣсь важное свѣдѣніе, представляемое Невилемъ объ усиленіи партіи Петровой, о чемъ у насъ не было положительныхъ извѣстій. Недавно полученъ намекъ въ письмахъ Голицына къ Шакловитому. Профессору Аристову принадлежитъ заслуга собранія многихъ любопытныхъ свѣдѣній, сюда относящихся.

Второй походъ также кончился ничѣмъ и Голицынъ принужденъ былъ отступить отъ Перекопа. Невиль заключаетъ главу о Крымскихъ походахъ словами, внушающими полную къ нему довѣренность: „Все сказанное мною я слышалъ отъ министровъ короля Польскаго, которые находились при царскомъ дворѣ и сопровождали войска, отъ кончины царя Ѳеодора до нынѣшняго времени“.

„Теперь я долженъ“, говоритъ Невиль, „приступая къ описанію смятеній (récit des révolutions), разсказать подробно вещи, которыхъ былъ свидѣтелемъ, ибо имѣлъ смѣлость ходить часто переряженнымъ по городу и даже въ Троицкій монастырь“.

Представимъ главныя его показанія. „Князь Голицынъ, по возвращеніи въ Москву, нашелъ дѣла, вопреки ожиданію, въ другомъ положеніи. Враги его узнали правду объ его походѣ и произвели въ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ невыгодное мнѣніе (le desservirent). Онъ отказалъ князю Голицыну въ аудіенціи, и только по просьбѣ Царевны, Царь допустилъ его къ цѣлованію руки. Но осыпалъ его жестокими укоризнами и не хотѣлъ слышать его оправданій. Нѣсколько дней прошло въ покоѣ, но щедрость Царевны въ наградахъ подала поводъ къ новому слѣдствію. Она хотѣла раздать боярамъ значительныя имѣнія и признать

тѣмъ ихъ заслуги государству. Царь тому воспротивился и прежде хотѣлъ изслѣдовать заслуги каждаго, и сообразно имъ назначить награды. Царевна не хотѣла отказаться отъ своего назначенія, и упросила Царя на исполненіе ея желаній. Она пожаловала Голицыну 1.500 крестьянскихъ дворовъ въ разныхъ мѣстахъ; другимъ боярамъ дано было по 300 дворовъ, прочимъ начальникамъ—соразмѣрно ихъ обязанностямъ и даже всѣмъ дворянамъ, съ цѣлію привлечь всѣхъ на свою сторону.

„Голицынъ, подъ предлогомъ доставить гетману (Мазепѣ) честь аудіенціи царской въ Москвѣ, чего прежде не бывало, а въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ съ другимъ намѣреніемъ (?), устроилъ такъ, что гетманъ прибылъ въ Москву въ сопровожденіи 500 главныхъ своихъ офицеровъ. Не могши исходатайствовать позволенія его видѣть, я пытался (je hasardais) ходить къ нему переодѣтый ночью съ нѣмецкимъ докторомъ царя, чтобъ увѣрить его въ покровительствѣ Польскаго короля“ *).

Какую цѣль имѣлъ Голицынъ, приглашая гетмана Мазепу въ Москву,—ни у Невиля, ни въ нашихъ источникахъ ничего не видать.

„Царь Петръ находился въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ своихъ, называемомъ Преображенское (Obrogensko), на берегу рѣки Яузы, менѣе мили отъ Москвы, между тѣмъ какъ Царевна Софія и Голицынъ составляли *заговоръ*, о которомъ мы здѣсь подробно разскажемъ. Царевна предвидѣла, что со временемъ Царь Петръ сдѣлается камнемъ преткновенія для ея власти и опаснымъ препятствіемъ, если она заблаговременно не предупредитъ опасности. Она весьма раскаявалась, что послушалась прежде благоразумныхъ и умѣренныхъ совѣтовъ Голицына. Размышляя о трудности, съ какою испросила она аудіенцію любимцу своему, столь притомъ непріятную, Царевна была тѣмъ оскорблена, равно какъ и упреками, которые слышалъ Голицынъ отъ Царя. И хотя

*) Послѣднихъ словъ въ переводѣ *Русскаго Вѣстника* нѣтъ. Онѣ важны, какъ свидѣтельство объ отношеніяхъ къ намъ Польскаго правительства.

она успѣла потомъ уговорить Царя возвратить ея любимцу благосклонность по ея желанію, но не могла она забыть, какъ дорого все это ей стоило, и какое сопротивленіе надлежало ей притомъ преодолѣть. Все это было чувствительно для нея болѣе, чѣмъ для кого другаго, ибо дотолѣ управляла она государствомъ безотчетно, не встрѣчая никакого противорѣчія, и весьма вѣрно предвидѣла она, что въ будущемъ времени нельзя уже надѣяться ей такого самовластія; лучшее, чего она могла ожидать—это было лишаться власти по немногу, по мѣрѣ того, какъ власть брата будетъ увеличиваться; она судила съ правдоподобіемъ, что по этой причинѣ не получила она совершеннаго отказа, но что, впослѣдствіи, вмѣсто угожденій, будутъ съ удовольствіемъ дѣлать ей непріятности; партія братняя приложитъ къ тому старанія, а также къ тому, чтобы погубить, раззорить ея приверженцевъ, и наконецъ, принудить ее, послѣ всѣхъ оскорбленій, къ тому, чтобъ она оставила отечество и шла въ ея прежній монастырь.

„Всѣ сіи соображенія побудили Царевну, честолюбивую, мужественную, болѣе, нежели можно было ожидать отъ женщины, рѣшиться на все для поддержанія себя на степени величія, на которой стояла, и о которой всегда думала. Во время правленія своего дѣлала она что только могла, дабы пріобрѣсти себѣ преданныхъ слугъ; съ такимъ намѣреніемъ раздала она награды и оказала милости (войску) подъ видомъ возмездія за заслуги, ибо она понимала, что такіе дары окажутъ болѣе дѣйствія на пожалованныхъ, нежели кафтаны, которыми награждали дотолѣ Цари, ея предшественники. Она увѣряла князя Голицына, что общіе враги ихъ не будутъ довольны постепеннымъ уменьшеніемъ ея значенія, но пойдутъ, можетъ-быть, далѣе; что они захотятъ заключить ее въ монастырь, что она въ своемъ паденіи увлечетъ, разумѣется, его съ семействомъ и друзьями. Голицынъ долженъ былъ уступить ея доказательствамъ, и хотя онъ былъ благоразуменъ и умѣренъ, и по природѣ не терпѣлъ никакихъ насильствъ, но не могъ противиться намѣреніямъ Царевны. Онъ желалъ только, прежде нежели приступятъ къ дѣлу, послать старшаго сына своего въ качествѣ посла въ Польшу съ большею

частью своихъ сокровищъ, укрываясь отъ бури, которая должна разразиться скоро, ибо нельзя было знать, разсуждалъ онъ, какъ человѣкъ здравомыслящій, какой будетъ ея конецъ. Но нетерпѣніе Царевны взяло верхъ. Она представила Голицыну, что нельзя терять времени ни одной минуты, а его предосторожности не нужны, ибо въ успѣхѣ сомнѣваться невозможно. Послѣ всѣхъ съ давняго времени принятыхъ мѣръ, она рѣшилась на послѣднее средство (de s'en défendre) и поручить исполненіе (et charger de cette commission ?) Ѳедору Шакловитому, начальнику стрѣлецкаго приказа, который Царевной изъ ничтожныхъ писцовъ произведенъ въ окольничіе, или меченосцы (?), достоинство близкое къ званію боярина, сенатора. Шакловитый обѣщалъ въ точности исполнить волю Царевны и собралъ въ замокъ Кремль, гдѣ обыкновенно живутъ Царь и Патріархъ, и гдѣ находятся всѣ государственные приказы, шестьсотъ вѣрныхъ стрѣльцовъ съ полковникомъ *Рязановымъ*. Самъ онъ принялъ главное начальство и приказалъ имъ слѣдовать за нимъ въ Преображенское. Но пока онъ отдавалъ сей приказъ, двое изъ бывшихъ въ Кремлѣ стрѣльцовъ, тронутые угрызеніемъ совѣсти, рѣшились не обагрять рукъ кровью своего государя, и, ускользнувши, побѣжали впередъ и дали знать обо всемъ Царю Петру. Удивленный до крайности, онъ встаетъ съ своей постели, велитъ увѣдомить своихъ дядьевъ, братьевъ его матери, и наскоро совѣтуется съ ними, что ему дѣлать. Положено было послать въ городъ и удостовѣриться въ справедливости извѣстія. Одинъ изъ царскихъ дядьевъ, и князь Борисъ Голицынъ отправились съ симъ порученіемъ; на дорогѣ встрѣтили они Шакловитаго, во главѣ стрѣльцовъ, отъѣхали въ сторону, и поспѣшили впередъ, чтобы спасать Царя. Бѣдный Петръ едва имѣлъ время сѣсть въ коляску съ матерью, женою, сестрой, и, сопровождаемый немногими вѣрными служителями, поскакалъ въ Троицкій монастырь. Заговорщики, прійдя, искали вездѣ Царя, но стрѣльцы, бывшіе на караулѣ у Царя, ничего не зная объ дѣлѣ и только удивляясь бѣгству Царя, объявили своему начальнику или судьѣ, что Его Величество бѣжалъ съ великою поспѣшностію.

„Промахнувшись (ayant manqué son coup), Шакловитый возвратился по утру къ Царевнѣ, которую нашелъ онъ столь же огорченною, какъ и онъ, неудачей предпріятія. Всѣ въ Москвѣ удивились извѣстію о бѣгствѣ Царя, и никто не могъ угадать причины его. Но къ вечеру стало извѣстно, что Царь Петръ прислалъ къ Царевнѣ упрекнуть ее въ вѣроломствѣ (perfidie), а она совершенно отъ всего отреклась, увѣряя, что почли заговорщиками и убійцами людей, которые пріѣзжали смѣнять караулы, и что ее жестоко оскорбляютъ, почитая способною къ такому отвратительному дѣлу, какъ убійство роднаго брата. Предлогъ сбора для смѣны карауловъ показался всѣмъ слишкомъ недостаточнымъ, ибо смѣна всегда производилась днемъ, а Шакловитый пріѣзжалъ въ Преображенское ночью.

„Но какъ бы то ни было, Царь Петръ, достигнувъ благополучно Троицкаго монастыря, писалъ ко всѣмъ боярамъ, чтобъ они явились туда безъ замедленія. Онъ писалъ также ко всему дворянству и послалъ приказы во всѣ города держать на готовѣ милицію, объявляя по всему государству о заговорѣ Шакловитаго. Изъ всѣхъ мѣстъ шли къ нему, и менѣе, нежели въ недѣлю, собралось въ Троицкій монастырь множество дворянства. Немедленно послалъ Царь указъ Голицыну явиться къ нему, но Голицынъ извинился подъ предлогомъ, что его не отпускаетъ Царь Іоаннъ.

„Царевна дѣлала, между тѣмъ, все, что только было можно, склоняя стрѣльцевъ, que Pierre se menagoit, на свою сторону. Она созвала къ себѣ ихъ *пятидесятниковъ* и *десятниковъ*, которые въ настоящемъ случаѣ могли имѣть на солдатъ болѣе вліянія, нежели полковники и другіе начальники. Приказавъ разставить ихъ у лѣстницы, она остановилась по выходѣ отъ обѣдни съ Царемъ Іоанномъ, и стоя на верхней ступени, царь сказалъ: „Братъ мой удалился въ Троицкій монастырь по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ хочетъ нарушить спокойствіе государства, и, какъ мнѣ сказывали, приказалъ вамъ явиться къ нему, но мы запрещаемъ вамъ подъ смертною казнью повиноваться его приказаніямъ, чтобъ отстранить худыя послѣдствія, которыя могутъ случиться.

„Царевна подтвердила это запрещеніе. Стрѣльцы худо послушались. Они отправились въ Троицкій монастырь и увѣрили Царя Петра въ своей вѣрности. Видя ихъ поступокъ, когда притомъ большая часть бояръ присоединилась къ Петру, Царевна рѣшилась примириться съ нимъ, для чего и отправила къ нему двухъ своихъ тетокъ, сестеръ отца, Царевну Анну Михайловну и сестру свою Марѳу Алексѣевну“.

Весь этотъ разсказъ и продолженіе его до возвращенія Петрова отъ Троицы въ Москву совершенно согласенъ съ извѣстными обстоятельствами и со всѣми источниками; нѣкоторыя извѣстія подтверждаются другими свидѣтельствами, напримѣръ: объ отправленіи тетокъ и потомъ Патріарха къ Царю устроивать примиреніе, о безуспѣшной поѣздкѣ Софіи, о предупрежденіи князя Троекурова, объ извѣщеніи раскаявшихся стрѣльцовъ, о сборѣ стрѣльцовъ въ Кремлѣ, о предпринятомъ убійствѣ Петра, о полученіи имъ извѣстія на постели. Невѣрно только то, что Шалковитый ходилъ съ стрѣльцами на Кремль 1-го августа, и что князь Б. А. Голицынъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ Нарышкиныхъ, были посланы развѣдать, что дѣлается въ Кремлѣ, и на дорогѣ встрѣтили Шакловитаго, воротились и успѣли предупредить Петра. Эти извѣстія принадлежатъ къ числу слуховъ, ходившихъ по Москвѣ, и указываютъ, что мнѣніе о покушеніи Шакловитаго, такъ или иначе, было общимъ.

Главу эту Невиль заключаетъ слѣдующими словами: „Такъ кончилось правленіе Царевны Софіи, нѣсколько лѣтъ бывшей повелительницею обширнаго государства Русскаго. Увлекаемая необузданнымъ честолюбіемъ, она хотѣла *захватить въ свои руки власть*, которую имѣла отъ имени братьевъ, и остаться навсегда независимою, но кончила ссылкою и заточеніемъ на всю жизнь въ монастырѣ“....

Главу о причинахъ смятенія (causes des révolutions) Невиль начинаетъ словами:

„Послѣ подробнаго изложенія заговора противъ Царя Петра кстати будетъ показать, что смятенія, случившіяся въ этомъ

государствѣ, и тѣ, которыя впредь могутъ случиться, происходили и будутъ происходить *отъ козней* (des intrigues) Царевны Софіи, коей умъ и достоинство не соотвѣтствуютъ безобразію ея тѣла. Она необыкновенно толста, съ головою огромною, какъ подушка (boisseau); на лицѣ у нея волосы, на ногахъ наросты (des loups aux jambes), и ей теперь, по крайней мѣрѣ, сорокъ лѣтъ; но сколько талія ея широка, столько тонокъ, ясенъ и искусенъ (politique) умъ ея, и хотя никогда не читала она Макіавеля и не училась у него, но по природѣ знаетъ его правила, и особенно то, что можно все предпринять и рѣшиться на всякое преступленіе, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы царствовать. Еслибъ она удовольствовалась управленіемъ и не намѣревалась бы отдѣлаться отъ своего брата Петра, никто не осмѣлился бы составить партіи противъ нея въ пользу этого молодаго государя“ *).

За симъ Невиль представляетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ Софія начала свое политическое поприще, совершенно согласно съ другими извѣстіями.

„Подъ конецъ жизни Ѳеодора, предвидя, что Ѳеодоръ, удрученный болѣзнію, не долго проживетъ, Софія рѣшилась оставить монастырь (то-есть, теремъ) вопреки принятому обычаю, по коему всѣ члены царскаго семейства женскаго пола обязаны провождать жизнь тамъ, въ невозможности выйдти замужъ. Съ этою цѣлію Царевна оказывала великую любовь и необыкновенную нѣжность къ этому брату.... и жаловалась на несчастіе, что не можетъ видѣть брата, столь нѣжно ею любимаго, и служить ему въ его болѣзни; безпрестанно посылала спрашивать о его здоровьѣ, при случившихся припадкахъ (dans les accés de son mal), не оставляя никакого случая изъявлять свою къ нему привязанность и печаль о томъ, что не можетъ окружить его своими попеченіями. Такими средствами приготовила она постепенно путь своимъ дальнѣйшимъ намѣреніямъ, оставила теремъ подъ предлогомъ, что хочетъ ходить за своимъ больнымъ братомъ и сдѣлать все возможное для его облегченія, и никого другаго къ нему не допускала, находясь

*) Ibid c. 151.

безпрестанно при немъ и давая ему сама всѣ лекарства. Она предвидѣла, что чѣмъ болѣе сдѣлаетъ для него, тѣмъ болѣе пріобрѣтетъ любви отъ него и уваженія отъ другихъ. Она внушила, такимъ образомъ, благопріятное о себѣ мнѣніе вельможамъ, которыхъ старалась обласкать, и пріобрѣла расположеніе народа, такъ что тѣ и другіе были довольны ея образомъ дѣйствій, привыкли видѣть безъ неудовольствія то, чего прежде и не видали. Она рада была успѣху своего намѣренія выйдти изъ терема, но такъ какъ она рѣшилась уже никогда не возвращаться, то, чтобы не быть къ тому принужденною когда-нибудь, она задумала захватить власть въ свои руки. Такой великой цѣли нельзя было ей достигнуть безъ значительной партіи. Она рѣшилась составить такую. Выборъ ея палъ на князя Голицына, какъ человѣка самаго способнаго стать во главѣ такой партіи“ *).

Возмущеніе стрѣльцовъ, подъ предлогомъ мести за отраву Ѳеодора, Невиль приписываетъ, какъ прежде, Хованскому, желавшему избавиться отъ вельможъ для него опасныхъ, при чемъ основывается на общихъ слухахъ, произведенныхъ, какъ мы замѣтили выше, манифестами Софіи и казнію Хованскаго.

„Смерть сего бунтовщика произвела дѣйствіе, ожиданное Царевною, такъ какъ ею она пріобрѣла званіе правительницы, вслѣдствіе чего ея любимцу предоставлено было званіе канцлера, которому онъ умѣлъ придать такое значеніе, какого никто не имѣлъ прежде **).

Чувствуя себя въ силахъ рѣшиться на все, Царевна Софія пожелала, для успокоенія совѣсти, соблазнительную связь свою съ этимъ любимцемъ—замѣнить таинствомъ брака. Вся трудность состояла въ томъ, какъ избавиться отъ жены Голицына, на что князь, по закону чести, не могъ согласиться; притомъ онъ получилъ за нею большія имѣнія и имѣлъ дѣтей, которыя были ему милѣе рожденныхъ отъ Царевны (?), которую онъ любилъ только по отношенію къ ея случайности (par rapport á sa fortune).

---

*) Ibid c. 156. **) Ibid. c. 58

„Такъ какъ женщины изобрѣтательны, то она повела дѣло такъ искусно, что убѣдила его уговорить жену, что-бъ она шла въ монахини.... тогда онъ могъ бы получить отъ Патріарха разрѣшеніе вступить во второй бракъ. Добрая женщина согласилась, и Царевна не сомнѣвалась болѣе въ успѣхѣ своихъ намѣреній.

„Трудно было получить согласіе Голицына на умерщвленіе обоихъ Царей, на которое она рѣшилась, видя въ томъ утвержденіе своей власти для себя, для предполагаемаго мужа и своихъ дѣтей. Князь болѣе искусный (plus habile) и менѣе влюбленный, представилъ ей ужасъ такого намѣренія, давая ей понять, что исполненіе навлечетъ имъ общую ненависть и негодованіе, кои хоть и скрыты, могутъ когда-нибудь вспыхнуть и доставить поводъ или случай къ возмущенію (et donner lieu et occasion) какому-нибудь недовольному, подъ предлогомъ мести за покойниковъ. Примѣръ видѣла она на злоумышленіи Хованскаго, который употребилъ его, чтобъ овладѣть престоломъ, и, можетъ быть, достигъ бы своей цѣли, если бъ она не предупредила *).

Князь Голицынъ предложилъ другой планъ, болѣе благоразумный—женить царя Ивана, и по его болѣзни, дать его женѣ любовника, котораго она должна принять для блага государства, чтобы дать ему наслѣдниковъ. Когда у этого государя будутъ дѣти, то царь Петръ лишится своихъ друзей и слугъ. Въ такомъ случаѣ они вступятъ въ бракъ, чтобы бракъ ихъ былъ тверже (plus agréable à tout le monde), они устроятъ избраніе Патріархомъ отца Сильвестра, польскаго монаха (?!) греческой вѣры, человѣка очень умнаго, который предложитъ тотчасъ посольство въ Римъ для соединенія (церквей). Если это удастся, то доставитъ имъ уваженіе и общее одобреніе; потомъ принудятъ они Петра по-

*) Весь этотъ параграфъ у Невиля очень запутанъ, даже часто безъ грамматическаго смысла: »Ce prince plus habile et moins amoureux, lui représenta l'horreur de ce dessein, lui faisant comprendre, que l'éxécution ne manquerait pas infailliblement de leur attirer la haine et l'indignation de tout le monde, laquelle bien que cachée, pouvait un jour éclater et donner lieu et occasion à quelque mécontent d'entreprendre, sous prétexte de venger leurs morts, comme elle avait vu par la sédition de Couvanski, lequel s'en était servi pour s'elever sur le throne, dont il serait peut-être venu à bout, si elle n'y avait donné ordre etc. Стр. 160.

стричься (à se faire prêtre). Если это окажется возможнымъ, они найдутъ средства отдѣлаться отъ него путями вѣрными и не столько ненавистными, какіе она ему предлагаетъ. Ивана заставятъ они громогласно жаловаться на распутство своей жены и говорить, что ея дѣти не отъ него (et à faire voir, que les enfants, qu'elle avait, n'étaient point de lui). Это будетъ легко доказать имъ, какъ принимавшимъ мѣры для того, чтобъ онъ имѣлъ дѣтей. По разводѣ они доставятъ ему разрѣшеніе взять другую жену, отъ которой вѣрно не будетъ у него дѣтей. Такимъ образомъ, безъ преступленій и безъ привлеченій каръ Господнихъ, они сдѣлаются властелинами государства въ продолженіе жизни этого несчастнаго, а по его смерти наслѣдниками, при отсутствіи членовъ мужескаго пола въ царскомъ семействѣ. Царевна, находя равномѣрно свою выгоду въ этомъ планѣ, предоставила Голицыну привести его въ исполненіе. Она не предвидѣла, что князь имѣлъ другіе виды, чѣмъ она, то-есть, соединяя Московію съ Римскою церковію, онъ не сомнѣвался получить отъ папы опредѣленіе, чтобъ его законный сынъ сдѣлался наслѣдникомъ царства, предпочтительно предъ тѣми, которыхъ имѣлъ онъ отъ Царевны при живой своей женѣ *).

„Онъ началъ женитьбою Ивана.... не трудно было найдти дѣвицу, пригодную для его намѣреній. Докторомъ приставленъ былъ къ ней Италіанецъ. Она забеременила, и къ несчастью, родила дочь.... Друзья Петра, освѣдомленные о козняхъ (de la fripponnerie), рѣшились принять свои мѣры. Они склонили на свою сторону другаго Голицына, котораго тотъ презиралъ за пьянство, и такъ приблизили его къ молодому Царю, что онъ сдѣлался его любимцемъ. Подъ предлогомъ почета побудили великаго Голицына принять въ другой разъ начальство надъ войскомъ и въ отсутствіе его женили Петра, противъ воли Царевны. Такое смѣлое дѣйствіе увеличило партію этого государя. Всѣ молодые люди, которыхъ отцы слѣдовали за Царевной, объявили себя за Петра.

*) Никакихъ слѣдовъ въ нашихъ источникахъ нѣтъ, чтобъ у Царевны Софіи были дѣти отъ Голицына.

„Голицынъ, по возвращеніи увидя, что всѣ его намѣренія уничтожены женитьбою молодаго Царя и беременностію его жены, согласился наконецъ избавиться отъ него, но умыселъ не удался, и онъ думалъ только о бѣгствѣ (la retraite), что и исполнилъ бы безъ сопротивленія Царевны, которая не переставала его увѣрять, что никто не посмѣетъ покушаться на ея власть. Онъ все-таки хотѣлъ послать своего старшаго сына въ посольствѣ въ Польшу (en ambassade) съ меньшимъ сыномъ, внукомъ и всѣми богатствами, потомъ отправиться самому, если заговоръ не будетъ имѣть ожидаемаго успѣха, въ надеждѣ снискать покровительство Польскаго короля обѣщаніемъ набрать войско въ его королевствѣ, соединиться съ казаками и Татарами, и всѣмъ вмѣстѣ устремиться сдѣлать силою то, что ускользнуло отъ его хитрости. Но Царевна не могла рѣшиться на то, чтобы потерять его изъ вида, и противилась его удаленію до послѣдняго дня. Онъ могъ еще спастись, имѣя всѣ печати въ своихъ рукахъ и бывъ отъ перваго посольскаго города только въ 40 нѣмецкихъ миляхъ. Неистовство и стремительность (la violence et la precipitation) Царевны Софіи помѣшали ему, и онъ заблагоразсудилъ ожидать съ твердостію послѣдняго удара ея опалы и претерпѣть лучше смерть съ твердостію (constance), чѣмъ подвергнуть бѣгствомъ свое семейство всѣмъ оскорбленіямъ, какія могла выдумать злость его враговъ, и увидѣть себя послѣ такого высокаго положенія несчастнымъ бѣглецомъ безъ денегъ и имѣнія на чужой сторонѣ“ *).

Драгоцѣнныя извѣстія Невиля объ управленіи князя Василья Васильевича Голицына, проливающія новый свѣтъ не только на его лицо, но и на все время, читатели могутъ найдти въ статьѣ моей объ этомъ великомъ государственномъ дѣятелѣ XVII вѣка, помѣщенной въ *Складчинѣ* **).

У Невиля находится еще много любопытныхъ подробностей о князѣ Борисѣ Алексѣевичѣ Голицынѣ, объ отношеніяхъ его къ Петру, къ Нарышкинымъ, и къ своему двоюродному брату, князю Василью Васильевичу, о молодомъ Матвѣевѣ и его женѣ, о пере-

*) Тамъ же с. 168. **) СС. с. 143—156.

водчикѣ, приставленномъ къ нему, Спафаріѣ, о генералѣ Менезіусѣ, съ которымъ встрѣтился онъ въ Смоленскѣ, и вообще о нравахъ и обычаяхъ Москвитянъ, хотя въ послѣднихъ извѣстіяхъ у Невиля, какъ и у всѣхъ иностранцевъ, много невѣрнаго, что должно разсматривать критически.

Просѣявъ сквозь рѣшето извѣстія Невилевы объ отношеніяхъ царевны Софіи и Петра между собою, мы получимъ слѣдующее:

Софія добралась до спальни умиравшаго брата и ходила за нимъ до смерти. Она возбудила стрѣльцовъ къ бунту, чтобъ избавиться отъ противныхъ и опасныхъ для нея людей. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Хованскій являются ея сообщниками и помощниками. Хованскій обнаруживаетъ свои замыслы и предается казни. Софія думаетъ заодно раздѣлаться и съ братьями, но Голицынъ подаетъ совѣтъ поступить тише и скромнѣе: женить Ивана и получить для него сына, подъ именемъ котораго Царевна можетъ управлять, совокупясь бракомъ съ Голицынымъ. Жена князя должна идти въ монастырь. Петра, имѣя въ рукахъ силу и средства, можно будетъ какъ-нибудь удалить, напримѣръ, постричь; послѣ объявить сына Иванова незаконнорожденнымъ и воцариться самимъ. На бѣду родилась у Ивана дочь, а не сынъ. Голицынъ предоставилъ управленіе худороднымъ, чѣмъ возбудилъ негодованіе знати. Оказалось нужнымъ, по замиреніи съ Поляками, предпринять походы въ Крымъ. Ему не хотѣлось, но враги подъ благовидными предлогами спровадили. Походы, къ несчастію, не удались. А Петра противная партія женила, и жена забеременила. Петръ началъ оказывать свою волю. Надобно было рѣшиться, и Софія готова была на убійство Петра, порученное Шакловитому. Намѣреніе не удалось, Софія проиграла, и Петръ воцарился.

Многія извѣстія Невиля, изъ самыхъ важныхъ, какъ мы уже по мѣстамъ замѣчали, подтверждаются другими источниками, даже недавно открытыми въ секретныхъ архивахъ, напримѣръ: о любовной связи Софіи съ Голицынымъ мы не имѣли никакого понятія, но извѣстіе Невилево подтверждается письмами Софіи къ Голицыну, обнародованными Устряловымъ. Признаюсь, когда я читалъ ихъ

у Устрялова, на меня находило сомнѣніе, не выдуманы ли они были клевретами Петра, ему въ угоду; но извѣстіе Невилево не оставляетъ никакого сомнѣнія въ ихъ подлинности. (Вмѣстѣ съ письмами Софіи я сомнѣвался и въ письмахъ Евдокіи къ Глѣбову, которыя по аналогіи теперь также получаютъ болѣе достовѣрности).

Планъ женить Ивана и управлять подъ его именемъ и именемъ предположенныхъ дѣтей встрѣчается совершенно въ томъ же видѣ у Матвѣева, нѣсколько поскромнѣе, съ опущеніемъ соблазнительныхъ подробностей: „подъ тѣмъ ея чаяніемъ, чтобы возвыся брата своего Государя Царевича Іоанна Алексѣевича на царство, потомъ вскорѣ совокупить бракомъ, и по будущему отъ него мужескаго пола наслѣдію, яко по линіи того первенства, всемѣрно впредь державою своею предъ высокопомянутымъ его царскимъ величествомъ при той всероссійской коронѣ незыблимо утвердитися".

Есть мелкія черты, которыя подтверждаютъ подлинность сказанія, и на которыя изслѣдователь долженъ въ этомъ отношеніи обращать вниманіе, напримѣръ: Невиль, описывая обѣдъ свой у молодаго Матвѣева, говоритъ, что совѣтовалъ ему учиться по французски, ибо онъ еще былъ молодъ, имѣя только 22 года. Таковъ именно былъ тогда возрастъ Матвѣева: какъ можно бы подложному сочинителю (о которомъ пустословилъ Полевой *) вставить такую черту!

Извѣстія вѣрныя, засвидѣтельствованныя, внушаютъ довѣренность и къ прочимъ,— уваженіе къ ихъ источникамъ, кромѣ, разумѣется, нѣкоторыхъ слуховъ, ходившихъ въ растревоженномъ городѣ, и носящихъ признаки своего происхожденія изъ среды той или другой враждовавшей стороны.

Невиль представляется въ своей книжкѣ вообще наблюдателемъ безпристрастнымъ, и, отдавая полную справедливость князю Голицыну, главному дѣйствовавшему лицу въ правленіе царевны Софіи, осуждаетъ безусловно властолюбіе сей послѣдней и злые умыслы противъ меньшаго брата своего Петра.

---

*) См. *Русскій Вѣстникъ* 1841 г., № 9, стр. 598.

Замѣтимъ смѣшныя коверканья Русскихъ именъ и словъ:

Czar Alexis Samuel Errich, въ другомъ мѣстѣ Sancuelimich—Царь Алексѣй Михайловичъ.

Thekelavitau—Шакловитый.

Levanti Romanorrik ne Pleuvan—Леонтій Романовичъ Неплюевъ.

Lalkalnik Talacorou - окольничій Троекуровъ.

Dominiak Emilian Everekunau—думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ.

Kenas Jakob Sedrevick Dolgokouka — князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій.

Cheremitau—Шереметевъ. Rojanau—Рязановъ. Esmejan—Зміевъ.

Harthemonerrich—Артамоновичъ (Андрей).

Samuelerrich—Самойловичъ. Estrelles—стрѣльцы.

Espalenik—спальникъ. Pretache—приказъ.

Obrogensko—Преображенское.

Uarus—Яуза. Krim—Кремль, и проч.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ

ПЕРВАГО СТРѢЛЕЦКАГО БУНТА.

Выберемъ прежде всего, изъ всѣхъ извѣстныхъ источниковъ, *несомнѣнныя* положительныя данныя, событія, дѣла, которыя согласно передаются ими всѣми.

1676 года, января 22-го Царь Алексѣй Михайловичъ скончался.

Наслѣдовалъ ему старшій больной сынъ *Ѳедоръ*, 14 лѣтъ.

(Ивану было 10 лѣтъ, Петру около 4).

Усланъ бояринъ *Матвѣевъ* воеводою въ Верхотурье, а съ дороги изъ Лаишова въ ссылку въ Пустозерскъ.

Нарышкины отстранены и разосланы по городамъ.

Милославскіе приняли главное участіе въ правленіи.

1680 года, іюля 18, Ѳедоръ на 17 году, по мысли *И. М. Языкова*, опредѣленнаго къ нему Хитровымъ и Долгорукимъ, *женился вопреки И. М. Милославскаго*, на А. С. Грушецкой.

И. М. Милославскій попалъ подъ *опалу*.

1681 года, іюля 14, чрезъ годъ, скончалась молодая Царица, и вслѣдъ за нею новорожденный сынъ.

— Ноября 24, Указъ о мѣрахъ противъ злоупотребленій мѣстничества, при посредствѣ Князя В. В. Голицына.

1682 года, въ январѣ. Сговоръ Царя съ М. М. Апраксиной, 14 лѣтъ, *крестницею Матвѣева*, также по мысли Языкова.

Матвѣевъ, вслѣдъ за сговоромъ, *прощенъ*, пожалованъ помѣстьемъ, и получилъ указъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій въ городѣ Лухѣ, Костромской нынѣ губерніи.

1682 года, января 12. *Уничтоженіе мѣстничества* и сожженіе разрядныхъ книгъ, при посредствѣ *князя В. В. Голицына.*

— Въ февралѣ, первая *жалоба стрѣльцовъ* полка Пыжева. *Наказанія* жалобщиковъ.

— Февраля 14. *Второе бракосочетаніе.*

— Апрѣля 16. На Пасху, Ѳедоръ былъ у заутрени.

— Апрѣля 23. *Просьба стрѣльцовъ* на полковника Грибоѣдова. Наказаніе выборнаго просителя.

— Апрѣля 24. Грибоѣдовъ взятъ подъ стражу и выпущенъ на другой день.

— Апрѣля 27. Кончина Ѳедора и *избраніе* Петра. Вызванъ *Матвѣевъ*. Пережалованы Нарышкины

— Апрѣля 28. Похороны. Присутствіе Царевны Софіи въ соборѣ, и удаленіе Царицы Наталіи Кирилловны.

— Апрѣля 29. *Просьба стрѣльцовъ съ угрозами.* Удовлетворенія.

— 30. 8 мая. Истязанія Полковниковъ. Буйства стрѣльцовъ.

— Мая 11. *Матвѣевъ возвратился.*

— Мая 15. Бунтъ стрѣльцовъ подъ предлогомъ насилія Царевичу Ивану. Убитъ *Матвѣевъ*, два брата *Нарышкины*, Долгорукіе, отецъ съ сыномъ, *Языковъ*, и другіе ихъ приверженцы. Доктора, изведшіе якобы Ц. Ѳедора, Данило Фонъ-Гаденъ и Иванъ Гутменшъ. На другой день, мая 16, Софія въ Грановитой палатѣ. Хованскій спрашиваетъ при ней стрѣльцовъ, оставить ли тамъ Царицу Наталію Кирилловну.

Датскій резидентъ охраняется именемъ Царевны.

Назначеніе новыхъ начальниковъ по всѣмъ приказамъ. Князь Голицынъ надъ посольскимъ приказомъ. Князь Хованскій надъ стрѣльцами.

Мая 25. Провозглашается первымъ Царемъ *Иванъ*, 16 лѣтъ, а вторымъ остается Петръ, 10 лѣтъ.

Мая 29. *Софія объявлена правительницею.*

Постараемся вывести изъ этихъ несомнѣнныхъ данныхъ математическія заключенія, и разставимъ ихъ фонарями для освѣщенія

окружающей насъ тьмы при изслѣдованіи о періодѣ Русской исторіи отъ кончины Царя Алексѣя Михаиловича до единодержавія Петрова въ 1689 году.

Матвѣевъ, самый близкій и самый сильный человѣкъ при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, особенно въ послѣднее время, когда онъ женился на его воспитанницѣ Н. К. Нарышкиной, былъ сославъ въ заточеніе, вскорѣ по вступленіи на престолъ болѣзненнаго Ѳедора. Ясно, что все управленіе приняли въ свои руки его родственники по матери, Милославскіе, съ своими приверженцами, а Нарышкины отстранены, чѣмъ и должна была естественно усилиться до крайности ихъ взаимная ненависть.

Черезъ шесть лѣтъ Ѳедоръ женился, чрезъ годъ овдовѣлъ, и вскорѣ вступилъ во второй бракъ; Матвѣевъ былъ прощенъ и награжденъ. Нарышкины возвращены. Ясно, что партія Милославскихъ утратила свою силу, и что Ѳедоромъ овладѣли ихъ противники, при посредствѣ его приближенныхъ. Ненависть между Милославскими и Нарышкинными должна была усиливаться еще болѣе. Первые должны были изыскивать средства для возвращенія власти, вторые для ея сохраненія.

По смерти Ѳедора избранъ меньшій Петръ. Значитъ—партія Нарышкиныхъ успѣла подготовить это избраніе, а партія Милославскихъ была еще не въ силахъ помѣшать ей.

На погребеніи Ѳедора мы видимъ, только одну изъ сестеръ его Софію. Спрашивается — почему не было прочихъ Царевенъ, сестеръ и тетокъ? Это было не въ обычаѣ, какъ то извѣстно по документамъ.

Ясно, что Царевна Софія Алексѣевна приняла участіе въ обрядѣ самовольно, съ особою, видно, цѣлію.

„А великій государь и государыня Царица у обѣдни и на отпѣваньѣ не были“.

Значитъ—Царица Наталья Кирилловна съ ея приверженцами сочла присутствіе Царевны Софіи Алексѣевны оскорбительнымъ для себя нарушеніемъ своихъ правъ, и выразила твердо свое неудовольстіе небывалымъ образомъ: она ушла изъ церкви съ

сыномъ, что должно было произвесть сильное впечатлѣніе; какъ новоизбранному Царю и матери не присутствовать при погребеніи только что скончавшагося брата!

Мы получаемъ здѣсь твердое доказательство, что раздоръ существовалъ въ царскомъ семействѣ въ высокой степени, и что царевна Софія имѣла свои виды, выступала уже на поприще дѣйствій, не въ примѣръ своимъ сестрамъ и теткамъ.

Въ первый день бунта убиты всѣ главные сторонники Петра, начиная съ Матвѣева, только что возвратившагося изъ ссылки, старшій братъ Царицы Наталіи Кирилловны,—Иванъ, главный предметъ поисковъ, и другіе Нарышкины, Языковъ, Долгорукіе, Ромадоновскій и проч.

На другой уже день, среди бунта, перемѣнены всѣ лица, составлявшія правленіе. Орестъ Миллеръ.

Ясно, что былъ кто нибудь руководителемъ бунта, и некому было быть, кромѣ Милославскихъ, которые однакожъ не могли дѣйствовать сами собой, одни, а непремѣнно изъ за членовъ царскаго дома. Провозглашенъ неспособный, больной Иванъ, Царемъ, а правительницею сестра Царевна Софія, чѣмъ и обнаружилось ея участіе, доказанное и присутствіемъ ея на сценѣ дѣйствія при самомъ его началѣ.

Десятилѣтный Петръ остался въ живыхъ: избавиться отъ него, или, по крайней, мѣрѣ отстранить его, должно было сдѣлаться задачею новаго правленія.

Вотъ соображенія и математическія заключенія, изъ несомнѣнныхъ дѣлъ (фактовъ), которыя могутъ служить съ достовѣрностію для объясненія всѣхъ послѣдующихъ событій, для подтвержденія или отрицанія того или другаго показанія свидѣтелей, для выбора извѣстій вѣрныхъ изъ массы противорѣчій и для окончательной оцѣнки источниковъ: согласные имѣютъ болѣе права на довѣріе; несогласные имѣютъ нужду въ большемъ подтвержденіи, въ сильнѣйшихъ доказательствахъ.

Изслѣдуемъ событія въ подробностяхъ

Какъ вступилъ Ѳедоръ на престолъ: по праву старшинства, по назначенію отца, или вслѣдствіе усилій своихъ родственниковъ, съ затрудненіемъ или безъ затрудненія?

Обращаемся къ источникамъ: Подробная лѣтопись... до Полтавской баталіи, [1]) Дворцовые разряды [2]) говорятъ, что отецъ, умирая, благословилъ Ѳедора.

Такъ записано и въ Разрядѣ по свидѣтельству Миллера [3]).

Такъ ли это было? Положительно отвѣчать нельзя, и самъ Миллеръ косвенно это опровергаетъ [4]).

Замѣтимъ: всѣ оффиціальныя записки, равно какъ и всѣ послѣдующія повѣствованія, основанныя на нихъ, писаны были уже при Ѳедорѣ, когда господствовала партія Милославскихъ, ему родныхъ: для нихъ выгодно было это утвержденіе, вопреки притязаніямъ другой партіи Петровой съ Нарышкиными.

(Подъ партіей Нарышкиныхъ мы будемъ разумѣть Царицу Наталію Кирилловну съ Матвѣевымъ и ея родными, а подъ партіей Милославскихъ—Царевну Софію съ ея сестрами и приверженцами).

Миллеръ думаетъ, что никакого особеннаго назначенія со стороны умиравшаго Царя не было, такъ какъ кончина послѣдовала неожиданно,—и мы соглашаемся съ нимъ вполнѣ.

Но почему возникаетъ вопросъ о наслѣдствѣ Ѳедора? Онъ былъ старшій сынъ, и ему принадлежалъ престолъ безъ всякаго сомнѣнія?

Да, онъ былъ старшій, но больной и неспособный по общему мнѣнію, такъ какъ и слѣдовавшій за нимъ братъ Иванъ, а меньшій Петръ, которому не было впрочемъ еще четырехъ лѣтъ, отличался здоровьемъ и показывалъ способности.

Вопросъ о болѣзненномъ состояніи Ѳедора и Ивана очень важенъ во всѣхъ отношеніяхъ. На ихъ болѣзняхъ обѣ партіи основывали всѣ свои разсужденія и дѣйствія. Онъ долженъ быть изслѣдованъ самымъ тщательнымъ образомъ.

---

[1]) Т. IV, с. 29. [2]) Т. III, с. 16, 35. [3]) Записки Тумanскаго, Т. V, с. 144.
[4]) Тамъ же, с. 225.

Соберемъ всѣ показанія. Вотъ свидѣтельства о болѣзни Ѳедора.

Записка Матвѣева: „По седмилѣтнемъ *многобользненномъ* государствованіи, учинилася... отъ бывшей при дѣтскихъ его лѣтахъ болѣзни скорбутной или цынготной [1]).

Біографія Матвѣева: отъ своей тогда *бывшей естественной* скорби (болѣзни) скорбутной, т. е., цынготной [2]).

Польскій резидентъ разсказываетъ, что, по кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича, Ѳедора принесли на рукахъ, чтобъ посадить на престолъ, потому что у него ноги опухли [3]).

Второе его вѣнчаніе происходило по болѣзни не въ соборѣ, а въ придворной церкви [4]).

Крекшинъ говоритъ: по бракѣ въ великомъ государѣ скорбь въ тѣлеси часъ отъ часу умножашеся, и крѣпость тѣлеси его ослабѣваше [5]).

Самъ Петръ свидѣтельствуетъ объ его болѣзни [6]).

Невиль говоритъ, что сестра Софія добралась, вопреки обычая, до постели больнаго, и ходила за нимъ неутомимо; и что онъ умеръ отъ падучей болѣзни.

Наконецъ въ бумагахъ Аптекарскаго приказа есть свидѣтельство самое вѣрное объ болѣзни Ѳедоровой: „а смотря докторъ Яганъ Корнеліусъ, Февраля 14, 1676, сказалъ, что его государская болѣзнь не отъ внѣшняго случая, и ни отъ какой порчи, но отъ его Царя великаго природы, а именно та болѣзнь цынга, а та де цынга была отца его Государева.... а ножки де его государскія надо мазать мазью....“—Докторъ Степанъ сказалъ тѣ же рѣчи.... въ составѣхъ его и жилахъ есть безсиліе, и то отъ того, что

---

[1]) Матвѣевъ у Туманскаго, Т. VI, с. 2.

[2]) Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева, с. 372.

[3]) Аристовъ, с. 9. Соловьевъ, исторія Россіи, XIII, с. 225.

[4]) Разрядная записка, приложенная къ исторіи Россіи г. Соловьева, XIV, с. 395: А вѣнчаться изволилъ великій государъ въ соборѣ у Живоноснаго Воскресенія Христова.

[5]) Туманскій, Т. I. с. 260.

[6]) Въ Объявленіи сыну (Алексѣю): Московскій Вѣстникъ, 1829, т. V, с. 13.

цынжная кровь съ соляною мокротою, отъ той соли летитъ въ составы и сушитъ жилы, и та соль чинитъ воскишеніе крове и до зубовъ восходитъ [1]).

Объ Иванѣ свидѣтельствуетъ Матвѣевъ, что онъ былъ отъ младенчества одержимъ болѣзнію „очей и языка и прочими многими скорбьми, (т. е. болѣзнями) [2]).

Софія въ 1686 году выписывала изъ Польши какого то знахаря Митьку Силина лечить больные глаза Царя Ивана Алексѣевича [3]).

Невиль говоритъ, что онъ страдалъ падучею болѣзнію, и всякій мѣсяцъ имѣлъ всѣ ея припадки (bien qu' il fut deja attaqué du mal caduque et dans chaque lune il en a tous les accidents. Son frére Theodore en est mort [4]). Un prince infirme, aveugle et perclus de la moitié de son corp [5]).

Le Czar Jean tout paralitique qu il est.... il est affreux à voir et si laid qu' il fait de la peine à ceux qui le regardent, bien qu' il n'ait encore que 28 ans [6]).

Датскій резидентъ говоритъ объ немъ: meist blindt von Gesichte und auch Schwer von Sprache, слѣпой и заика [7]).

Желябужскій полагаетъ, что Іоаннъ сперва и на царство не выбранъ для того, что очами былъ зѣло недуженъ [8]).

Корбъ. Этотъ князь былъ весьма кроткаго свойства, но слабой зрѣніемъ, имѣя много другихъ, весьма значительныхъ, физическихъ недостатковъ, былъ мало способенъ къ трудамъ и занятіямъ государственнымъ [9]).

---

1) Замысловскій, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, 1871. Въ приложеніяхъ, с. 11.
2) Туманскій Т. VI, с. 11.
3) Устряловъ, Т. II, с. 48.
4) Невиль Relation curieuse de Moskowie, с. 38.
5) Тамъ же, с. 41.
6) Тамъ же, с. 199. Еще на с. 47.
7) Устряловъ, Т. I. с. 331.
8) Записка Желябужскаго, с. 4.
9) Чтенія Общества И. и Д. 1867. Книга III, с. 233.

Фокеродъ, секретарь прусскаго посольства, говоритъ объ немъ, какъ о человѣкѣ von so blödem Verstand, als Gesicht [1]).

Примѣчательно, что и старшіе сыновья Царя Алексѣя Михайловича отъ М. И. Милославской были также болѣзненные, и умерли: Алексѣй 16-ти, Симеонъ 4 лѣтъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ въ послѣдніе четыре года своей жизни, во второмъ бракѣ, былъ, разумѣется, преданъ совершенно молодой женѣ своей, и, вѣроятно, думалъ, желалъ, надѣялся, вмѣстѣ съ нею, ея родными и Матвѣевымъ, что наслѣдникомъ его, по естественному ходу вещей, будетъ младшій сынъ Петръ, переживущій больныхъ братьевъ. Но кончина Царя Алексѣя Михайловича послѣдовала такъ неожиданно, что онъ не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій т. е. не назначилъ ни Ѳедора, ни Петра, какъ думалъ и Миллеръ [2]).

Еслибъ Царь Алексѣй Михайловичъ назначалъ Петра, то вѣрно объ этомъ назначеніи было бы указано въ послѣднее время, когда партія Петрова, и самъ Петръ, возымѣли силу, но нигдѣ никакихъ слѣдовъ о такомъ назначеніи нѣтъ. Въ кратко-временную болѣзнь Царя особенно при ея усиленіи, находились у него, безъ сомнѣнія, его сестры и дочери, при которыхъ неудобно было заводить рѣчь о завѣщаніи или наслѣдствѣ ни его 20-ти лѣтной женѣ, ни Матвѣеву, ни даже Патріарху.

Сестрамъ и Царевнамъ, напротивъ, не только выгодно но и необходимо было, вмѣстѣ съ Милославскими, объявить по кончинѣ отца Ѳедора наслѣдникомъ, тѣмъ болѣе, что Ѳедоръ, какъ старшій, имѣлъ право, и былъ по обычаю объявленъ уже торжественно совершеннолѣтнымъ, еще при жизни отца, въ 1674 году.

Дѣло не могло обойтись безъ совѣщанія между Царевнами, ихъ родственниками, Милославскими и приверженцами. Бояринъ Хитровъ, бывшій дядькой при Ѳедорѣ, держалъ ихъ сторону. Можетъ

---

[1]) Германа, Russland unter Peter, dem Grossen. Лейпцигъ, 1872, с. 24.

[2]) Миллеръ у Туманскаго, Т. V, с. 144.

быть всѣ дѣти были подведены подъ благословеніе умиравшаго отца, начиная, разумѣется, съ старшаго сына. Никто спорить съ ними не могъ, не имѣя никакихъ основательныхъ возраженій, или не смѣя произнести ихъ. Еслибъ даже отецъ упоминалъ о Петрѣ, то и такія слова могли быть замяты. Царицы Наталіи Кирилловны въ самую минуту кончины при умиравшемъ не было [1]).

Заключаемъ: Алексѣй не назначалъ, вѣроятно, ни кого на царство, но Матвѣевъ, Нарышкины, не предпринимали-ль чего въ пользу Петра при его кончинѣ, мимо Ѳедора и Ивана?

Матвѣевъ и Нарышкины сначала не ожидали, и потому не могли принять никакихъ положительныхъ мѣръ, а послѣ не могли помѣшать объявленію Ѳедора наслѣдникомъ по причинамъ выше объясненнымъ. Но безъ всякаго сомнѣнія это объявленіе, это событіе имъ было противно, и они вѣрно не только думали и желали, но и обнаруживали свои мысли, можетъ быть что нибудь даже дѣлали, напримѣръ, подговаривали кого нибудь изъ близкихъ къ себѣ бояръ, разсуждали явно о положеніи дѣлъ, выражали опасенія о болѣзненномъ состояніи Ѳедора, и вообще поступали неосторожно, заявляя себя противъ братьевъ въ пользу меньшаго Петра [2]). Польскій референтъ приписываетъ Матвѣеву болѣе явныя дѣйствія.

Это и дало поводъ къ слухамъ, переданнымъ иностранцами, [3]) и вмѣстѣ дало причину, предлогъ, партіи Милославскихъ къ осужденію и наказанію Матвѣева и Нарышкиныхъ, которые сдѣлались ненавистны для нихъ еще со втораго брака Алексѣева.

Новые наши писатели говорятъ, что никакихъ замысловъ со стороны Матвѣева не было, потому, де, что и въ обвиненіи не приводится ихъ въ числѣ его преступленій, а говорится только о колдовствѣ, но Берхъ еще, при всей ограниченности критическаго своего образованія, замѣтилъ, [4]) что это отнюдь ничего

---

[1]) Такъ свидѣтельствуетъ Миллеръ въ своихъ замѣчаніяхъ, напечатанныхъ у Туманскаго, Т. V, с. 146. Не знаю, впрочемъ, на чемъ основывается это показаніе.

[2]) См. у Аристова, с. 9.

[3]) Таннеръ, Залусскій, Theatrum Europaeum, у Берха, въ царствованіе Царя Ѳедора Алексѣевича, ч. I, с. 12.

[4]) Берхъ, с. 13.

не доказываетъ: основательнѣе будетъ, говоритъ онъ „допустить то, что слѣдователи искали извѣстныхъ имъ актовъ, (записи въ пользу Петрову), и не желая объявить прямаго ихъ значенія, прикрывали намѣреніе свое отравой и кабалистикою". Да, торжествующая партія сочла неприличнымъ, или вреднымъ для себя, наводить мысль о возможности быть Петру на престолѣ, и накликать такого рода дѣйствія. Такъ точно послѣ въ осужденіяхъ Князя В. В. Голицына и Л. В. Неплюева другою партіей не выставлены были настоящія ихъ вины, т. е. сообщничество съ Царицей Софіей *). Вотъ почему новое правительство заблаго-разсудило употребить лучше нелѣпость для обвиненія, чѣмъ настоящую правду, или подозрѣніе.

Еслибъ, на оборотъ, было сочтено полезнымъ обвинить Матвѣева въ преступныхъ покушеніяхъ, то оно не остановило бы ихъ выдумать, какъ это часто въ подобныхъ обстоятельствахъ случалось и случается вездѣ. Главное — Матвѣевъ, по мнѣнію партіи, захватившей власть, былъ сосланъ, какъ человѣкъ всѣхъ болѣе для нея опасный. Сочинить приговоръ, подобрать вины,— дѣло дьяковъ.

Матвѣевъ былъ сосланъ подъ нелѣпымъ предлогомъ, а Нарышкины наказаны были безъ всякихъ окольничностей, сочтенныхъ ненужными.

Однимъ словомъ, извѣстны ль были ихъ покушенія или нѣтъ, имъ все таки не миновать бы гоненія отъ Милославскихъ.

Еслибъ даже всѣ они, Нарышкины, Матвѣевъ и проч. соблюдали величайшую осторожность, довольно было естественной ревности и мстительности со стороны Милославскихъ за претерпѣнное униженіе, довольно было желанія обезпечить себя на будущее время, чтобъ объяснить образъ ихъ дѣйствія.

Замѣтимъ, что въ тоже время стѣсненъ былъ въ заточеніи Патріархъ Никонъ, и сосланъ духовникъ Царя Алексѣя Михайловича, Савеловъ, вѣроятно, въ угоду Патріарха Іоакима, котораго

*) Устряловъ, Т. II, с. 82.

Милославскимъ нужно было имѣть для всякаго случая на своей сторонѣ. А можетъ быть, эти лица и показывали расположеніе къ Петру, и тѣмъ заслужили негодованіе Милославскихъ.

Если всѣ родственники Царицы Наталіи Кирилловны подверглись опалѣ, то разумѣется, и ей самой съ сыномъ жить въ совершенномъ одиночествѣ стало не совсѣмъ пріятно. Сынъ Матвѣева и его біографъ свидѣтельствуетъ, какія грубости должна была переносить вдовствующая Царица отъ Хитрова и его родственницы, боярыни Хитровой, преданной Царевнамъ и Милославскимъ [1]).

Всѣ эти мѣры и дѣйствія никакъ не могутъ быть приписаны 14-ти лѣтному Ѳедору, который былъ здѣсь не при чемъ. Хитровъ, другъ Милославскихъ, Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, и бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, немедленно вызванный изъ Казани, были ближайшими лицами къ Царю.

Послѣдній получилъ въ свое завѣдываніе всѣ почти приказы, и сдѣлался настоящимъ правителемъ государства, вмѣсто сосланнаго Матвѣева [2]).

Вражда между партіями, Милославскими и Нарышкиными, начавшаяся особенно со временъ втораго брака Ц. А. М., усилилась. Если сначала первые должны были, съ потаенною злобою въ сердцѣ, уступить вторымъ, то теперь вторые были низвержены совершенно, и, разумѣется, возненавидѣли своихъ противниковъ по соразмѣрности.

Такъ протекли четыре года, но не безъ внутреннихъ коловратностей: временщики перессорились между собою — Хитровъ и

---

[1] Записки Матвѣева, Т. I, с. 135. Исторія о невинномъ заточеніи, и проч. с. 387.

[2]) О службѣ Ивана Михайловича Милославскаго, главнаго вскорѣ дѣйствующаго лица, предлагаемъ выписку изъ Забѣлина «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи т. I, 412. При Морозовѣ онъ былъ стольникомъ и пожалованъ прямо въ окольничіе въ 1660 году, слѣдственно, только за годъ до смерти Морозова. Въ 1668 году, то есть, шесть лѣтъ спустя послѣ смерти Морозова, и въ годъ смерти Ильи Милославскаго, онъ сталъ управлять только аптекарскимъ приказомъ. Въ 1678 году, чрезъ три года по вступленіи на престолъ Ѳедора, онъ пожалованъ въ бояре, и съ этого года управлялъ приказами Большой казны, Большаго прихода, Володимерской, Галицкой, Новгородской и Новой Четвертей, Иноземскимъ и Рейтарскимъ, до смерти своей въ 1685 году.

Долгорукій позавидовали Ивану Михайловичу Милославскому, и чтобъ ослабить его вліяніе, приставили къ Ѳедору въ его покои, довѣренныхъ къ себѣ людей: Языкова и Лихачевыхъ, которые вскорѣ и произвели оборотъ въ дѣлахъ. *)

Между тѣмъ какъ Милославскій работалъ въ приказахъ, эти господа потѣшали больнаго юношу въ его покояхъ, овладѣли имъ, и пожелавъ укрѣпить свою власть, вздумали женить Ѳедора, достигшаго 18-ти лѣтнаго возраста, на своей свойственницѣ, Грушецкой. Онъ увидѣлъ ее въ какомъ-то крестномъ ходу. Безъ сомнѣнія, эта встрѣча была подготовлена, ибо иначе мудренобъ было замѣтить дѣвушку въ народной толпѣ,—а прежде было, разумѣется, наговорено объ ея прелестяхъ и распалено воображеніе.

Почему Милославскіе не предупредили ихъ, то есть, почему не нашли невѣсты Царю между своими приверженцами? Мудрено предполагать, чтобъ они считали Ѳедора неспособнымъ къ брачной жизни, ибо еще болѣзненнѣе былъ, кажется, Иванъ, который получилъ въ свое время не только жену, но и дѣтей. Во всякомъ случаѣ они сплоховали, оправдывая пословицу, которая во все это время оправдывалась часто обѣими партіями: Русакъ задомъ уменъ! Милославскій, глава партіи, увидѣлъ однакожъ бѣду, и старался ей противодѣйствовать охаяніемъ избранной невѣсты, но испортилъ свое дѣло еще хуже: противники умѣли уничтожить всѣ его показанія, и онъ подвергся бы самъ опалѣ, еслибъ нѣвѣста, разумѣется, по совѣту своихъ покровителей, неумилостивила своего жениха; по крайней мѣрѣ И. М. Милославскій потерялъ свое значеніе, разумѣется, не безъ озлобленія.

Наступило время Языкова и Лихачевыхъ, получившихъ себѣ новую поддержку въ царской супругѣ. Языковъ возведенъ въ санъ оружничаго, Лихачевы повышены въ своихъ чинахъ.

Но, увы, время ихъ продолжалось только годъ: Царица скончалась вслѣдствіе несчастныхъ родовъ, и за нею новорожденный сынъ, Илья, такъ названный въ честь покойнаго дѣдушки.

---

*) Біографія Матвѣева, с. 407, 408. Татищевъ, въ примѣчаніяхъ къ Судебнику. Изд. 2, 1786, с. 67. Замысловскій, царствованіе Ѳедора Алексѣевича, 1871, с. 65. Исторія Россіи, Соловьева, т. XIII, с. 239.

либъ возвести Ивана и тотчасъ по кончинѣ Ѳедора, и тотчасъ послѣ 17 мая,—нѣтъ, они этого не дѣлали: ясно, что былъ здѣсь чужой планъ. Чей же?

Они ждали Матвѣева, чтобъ порѣшить за одно съ нимъ, тѣмъ болѣе, что Матвѣевъ по своему уму, характеру, способностямъ, опытамъ, связямъ, считался главнымъ врагомъ Милославскихъ, и главной подпорой Нарышкиныхъ. Свидѣтельству сына Матвѣева, который говоритъ, что его отца, ѣхавшаго въ Москву, на дорогѣ, предупреждали о готовящейся грозѣ съ смертію для него, нѣтъ никакой причины не вѣрить: молодому человѣку было 15 лѣтъ, онъ ѣхалъ съ своимъ отцемъ, и былъ, разумѣется, свидѣтелемъ предупрежденія, или тотчасъ слышалъ о немъ. Можно ли предполагать, чтобъ онъ выдумалъ такое извѣстіе?

Но, кажется, можнобъ было расправиться съ Матвѣевымъ на дорогѣ, подославъ какихъ нибудь убійцъ?

Можетъ быть, заговорщики боялись скандала, не хотѣли возбудить противъ себя негодованія явнымъ преступленіемъ. Можетъ быть, хотѣли заразъ порѣшить и съ другими лицами, отъ которыхъ иначе нельзя было избавиться.

Въ тайну дѣйствія были посвящены немногія лица: кромѣ названныхъ выше двухъ подполковниковъ и нѣсколькихъ стрѣльцевъ, можетъ быть, во всякомъ полку было по два по три запѣвала, зачинщика, которымъ поручено было подливать масла въ огонь, подогрѣвать застывавшихъ, или прохлаждавшихся, дразнить, подстрекать колебавшихся. Прочіе,—толпа, большинство,—вѣрили, безъ сомнѣнія, отъ души, что царскому роду угрожаетъ опасность, что Нарышкины точно хотятъ извести его и овладѣть престоломъ.

---

15 мая, въ часъ утра сообщники Ивана Михайловича, Александръ Милославскій, Иванъ и Петръ Толстые, прискакали въ полки (по другимъ спискамъ, вѣрнѣе: ихъ посланцы), на бѣлыхъ и карихъ лошадяхъ *) съ крикомъ: Царевича Ивана задушили Нарышкины. Въ Кремль! казнить измѣнниковъ! Къ оружію!

---

*) Матвѣевъ у Туманскаго, т. I, с. 141, извѣстіе съ натуры обличаетъ очевидцевъ.

Всѣ полки въ своихъ приказахъ, расположенные въ противоположныхъ частяхъ города, за Москвою рѣкою, за Яузою около Серпуховскихъ воротъ, около нынѣшнихъ Мѣщанскихъ улицъ, были уже въ сборѣ, вооруженные копьями, бердышами, ружьями.

Они ждали только какъ будто сигнала, и съ барабаннымъ боемъ бросились въ Кремль со всѣхъ сторонъ. Значитъ, что все это было заранѣе распоряжено и устроено, а не было слѣдствіемъ какой нибудь нечаянной, минутной вспышки.

Если во всѣхъ описанныхъ явленіяхъ можно было примѣчать дѣйствія невидимой руки, которая управляла ходомъ событій, то въ слѣдующихъ оно доходитъ до очевидности.

Стрѣльцы пришли въ Кремль защищать царское семейство, потому что, слышали они, Царевичъ Иванъ былъ удушенъ Нарышкиными.

Имъ показали Царевича Ивана живаго и здраваго; должны ли они были образумиться и убѣдиться, что были обмануты, особенно послѣ увѣщанія Матвѣева? Нѣтъ—давай намъ измѣнниковъ Нарышкиныхъ!

Кто пострадалъ впродолженіи бунта? Нарышкины и ихъ партія. Убиты были Матвѣевъ, глава, руководитель, подпора партіи,— тотъ, котораго ссылка была первымъ дѣломъ Милославскихъ при вступленіи на престолъ Ѳедора.

За что стрѣльцамъ убить бы Матвѣева, который шесть лѣтъ былъ въ ссылкѣ, и ни душей, ни тѣломъ, не виноватъ былъ ни въ какихъ злоупотребленіяхъ, и пользовался всегда особеннымъ расположеніемъ стрѣльцевъ? Одна погибель Матвѣева служитъ твердымъ доказательствомъ, что бунтъ былъ не вспышкою, а дѣломъ заговора, обдуманнаго и опредѣленнаго заранѣе во всѣхъ подробностяхъ, въ которыхъ стрѣльцы были только слѣпыми орудіями.

На что стрѣльцы хотѣли постричь старика Нарышкина, отца Царицы Наталіи Кирилловны? Почему не хотѣли, чтобъ она жила во дворцѣ?

Лихачевы и приверженцы Петровы, имѣя власть со всѣми ея средствами въ своихъ рукахъ, умѣли видно привлечь на свою сторону Патріарха и устроить дѣло.

„По смерти Ѳеодора“, разсказываетъ польскій референтъ, „Софія, противъ обычая страны, по которому должна оставаться въ теремѣ, учавствовала при погребеніи царя. Петръ съ матерью удалился изъ церкви прежде окончанія обряда, и этимъ возбудилъ неудовольствіе народа и духовенства. Царевна Софія и ея сестры жаловались на Петра и его родственниковъ за неуваженіе къ своему брату. Мать Петра отвѣчала, что Петръ еще мальчикъ, что онъ не могъ вынести столь продолжительный обрядъ, утомился и по этому долженъ былъ выйдти изъ церкви. Между тѣмъ Софія, идя домой съ погребенія, сильно жаловалась народу на оскорбленіе, сдѣланное Царемъ Петромъ и Артамономъ; она говорила къ народу: „Ужели вы не видите, что нашъ братъ Царь отравленъ злыми людьми? Сжальтесь надъ нами, у насъ похитили родителей и братьевъ. Вы видите, какъ обошли другаго брата нашего Іоанна и не выбрали его въ Цари. Если мы вредны для васъ и для бояръ, то пошлите насъ въ страны иныхъ государей, въ страны христіанскія.“ *)

Бояре присягнули. Стрѣльцы, призванные въ Кремль, также, и разошлись по домамъ спокойно. Матвѣеву возвращено боярство, и посланъ знатный чиновникъ приглашать его немедленно въ Москву. Нарышкины вызваны изъ своихъ заточеній.

Что-же—они восторжествовали окончательно? Нѣтъ, не восторжествовали.

Партія Милославскихъ не сознавала въ себѣ достаточной силы, чтобъ воспрепятствовать избранію, но уступать не думала.

Подземная работа продолжалась непрестанно, и свѣдѣнія о ней выходили наружу, несмотря на осторожность, и возбуждали подозрѣнія. Это доказывается тѣмъ, что многія лица изъ Петровой партіи: Голицыны, Долгорукіе и прочіе, явились для избранія на

---

*) Тамъ же, с. 9.

всякой случай въ военныхъ доспѣхахъ подъ кафтанами [1]). Значитъ— они опасались, что приготовленное ими избраніе не обойдется безъ сопротивленія.

И дѣйствительно: на площади послышалось имя старшаго Царевича Ивана, которому, де, принадлежитъ престолъ по праву; стрѣльцы Карандѣева полка отказались присягать Петру, [2]) но были уговорены присланными боярами, какъ видно еще не достаточно подготовленные.

На второй день по кончинѣ Ѳедора оказались новые признаки замысла: Царевна Софія Алексѣевна, вопреки обычаю, является при погребеніи брата, Царица Наталія Кирилловна съ вновь избраннымъ Царемъ Петромъ удаляются изъ Собора.

Что присутствіе Царевны Софіи на выносѣ и погребеніи было явленіемъ необыкновеннымъ, не по чину, доказывается отсутствіемъ всѣхъ прочихъ Царевенъ, не только сестеръ, но и тетокъ, которыя не имѣли права присутствовать: это важное дѣло засвидѣтельствовано оффиціальною запискою.

Царевна Софія явилась одна въ Соборъ, слѣдовательно имѣла какую то цѣль, и была главнымъ дѣйствующимъ лицемъ. Царица Наталія ушла изъ собора, слѣдовательно находилась въ распрѣ съ нею.

За симъ выступаютъ на сцену стрѣльцы. Спрашивается — въ какой степени Милославскіе принимали участіе въ ихъ наступающихъ дѣйствіяхъ?

Смятенія стрѣлецкія начались еще при Ѳедорѣ: по просьбѣ полка Пыжева, [3]) которую должно полагать (?) въ Январѣ 1681 года („въ зимнее время“) около втораго Ѳедорова сговора. Эта просьба осталась, по распоряженію боярина Языкова, безъ удовлетворенія, и главные просители были наказаны, что и посѣяло первыя сѣмена неудовольствія между стрѣльцами.

---

[1]) Матвѣевъ, у Туманскаго, т. VI, с. 9.

[2]) Книга записная, въ приложеніяхъ къ исторіи Россіи, с. 401.

[3]) Медвѣдевъ, у Туманскаго, тамъ же, т. VI, с. 54.

Притѣсненія полковниковъ между тѣмъ продолжались, и 23 апрѣля, слѣдовательно за четыре дня до кончины Ѳедоровой, стрѣльцы полка Грибоѣдова подали новую просьбу. Можетъ быть, они не знали о болѣзни, скрываемой на Верху, можетъ быть, хотѣли воспользоваться придворнымъ смущеніемъ. Вѣроятнѣе, что они не знали. Еслибъ знали о болѣзни, то не рѣшились бы безпокоить умиравшаго, да это было бы и безъ цѣли, ибо нельзя бы было ожидать суда, который при новомъ правительствѣ могъ быть поведенъ иначе, смотря потому, чья сторона возьметъ верхъ.

Просьба осталась также безъ достаточнаго удовлетворенія, просителя велѣно было высѣчь кнутомъ передъ разрядомъ, но онъ былъ освобожденъ своими товарищами. Полковникъ Грибоѣдовъ былъ посаженъ на одинъ день въ тюрьму и потомъ выпущенъ, что раздражило болѣе стрѣльцевъ, и они начали волноваться по всѣмъ полкамъ, буянили, раздѣлывались по своему съ пятидесятниками и сотскими, которые унимали ихъ, и хотѣли возстановить порядокъ.

Просьба стрѣльцевъ на Грибоѣдова за три дня предъ кончиною Ѳедора (чуть ли не въ Свѣтлое воскресенье) не составляла ли уже части заговора Милославскихъ, не приготовляла ли поводовъ къ замѣшательствамъ?

Едвали, потому что стрѣльцы, не получивъ удовлетворенія, не предприняли ничего рѣшительнаго, присягнули Петру на его избраніе, и разошлись спокойно, по свидѣтельству Датскаго резидента [1]), значитъ, плана у нихъ еще не было.

Если Софія и Милославскіе не участвовали до сихъ поръ въ ихъ дѣйствіяхъ, если стрѣльцы до сихъ поръ находились внѣ круга ихъ дѣятельности, то извѣстіе о теперешнемъ положеніи, настроеніи стрѣльцевъ, должно было придти къ нимъ дѣйствительно „масличною радостною вѣстію,“ какъ выразился о томъ и молодой Матвѣевъ въ своемъ разсказѣ [2]).

---

[1]) См. выше Ж. М. Н. П. Сентябрь, с. 225.

[2]) Варіанты у Туманскаго, т. VI, с. 17. У Сахарова въ Запискахъ русскихъ людей, с. 11.

Партія Милославскихъ увидѣла возможность воспользоваться этими смятеніями для своихъ цѣлей, и нашла въ нихъ средства, которыхъ ей, при извѣстномъ образѣ мыслей большинства между боярами, не доставало, чтобъ отстранить Петра, избрать Ивана и предоставить правленіе Софіи.

Кажется—усмотрѣлъ эту новую силу прежде всѣхъ, понялъ, что можно сдѣлать съ ея помощію, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій. Онъ начерталъ планъ дѣйствій, и сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, если судить по той страшной и безпримѣрной казни, которую, спустя 12 лѣтъ послѣ его кончины, придумалъ для него Петръ, узнавшій, вѣроятно, изъ розыска надъ Цыклеромъ и Соковнинымъ, по открытіи ихъ покушенія въ 1697 г., что корень зла лежалъ подъ его черепомъ: Петръ велѣлъ вырыть трупъ его изъ могилы, привесть на свиньяхъ въ Преображенское и положить подъ плахами,—чтобъ кровь казненныхъ стрѣльцевъ на него капала.

Такъ свидѣтельствуетъ и сынъ Матвѣева, который имѣлъ средство узнать дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Онъ называетъ Ивана Михайловича Милославскаго „всего бунта воровскаго сочинителемъ“ [1]).

Память о немъ сохранялась долго между приверженцами Петра. Ромодановскій писалъ къ нему, извѣщая 17 Іюня 1698 года о стрѣлецкомъ возмущеніи: сѣмя Ивана Михайловича ростетъ [2]).

Милославскій, по народному прозвищу подорванный, прибралъ себѣ помощниковъ: родственника своего Александра Ивановича Милославскаго, двухъ племянниковъ, Ивана и Петра Андреевичей Толстыхъ, изъ стрѣлецкихъ начальниковъ: Ивана Елисѣева Цыклера, кормоваго иноземца, и Ивана Григорьева Озерова, изъ низшаго Новогородскаго дворянства. Изъ стрѣльцевъ довѣренными сообщниками называются: Борисъ Одинцевъ, Обросимъ Петровъ, Козьма Чермный.

---

[1]) У Тумапскаго, т. I, с. 227, т. VI, с. 31, 49.

[2]) Устряловъ, т. III, с. 443.

Посредницею, переносившею вѣсти изъ одного мѣста въ другое, была избрана Украинская казачка, Ѳедора Семенова, постельница Царевны Софіи Алексѣевны.

Самъ Милославскій притворился больнымъ, не выѣзжалъ со двора, и, осыпанный горячими отрубями и кирпичами, никого не принималъ къ себѣ, кромѣ сообщниковъ, которые приходили къ нему тайно, доносили, что происходитъ въ слободахъ, и получали отъ него приказанія и распоряженія, наставленія, что дѣлать и какъ поступать. Милославскій имѣлъ сношенія, безъ сомнѣнія, только съ немногими избранными стрѣльцами, которые дѣйствовали въ полкахъ отъ своего имени.

Что большинство не имѣло понятія объ его продѣлкахъ и не знало его, видно и изъ того, что послѣ, въ угоду Хованскихъ, стрѣльцы готовы были убить его.

Заговоръ велся въ глубочайшей тайнѣ, по строго опредѣленному плану. Это видно изъ того, что Матвѣевъ, пріѣхавъ въ Москву, не поспѣшилъ принять нужныхъ мѣръ, что, въ минуту нападенія стрѣльцевъ на Кремль, бояре спокойно засѣдали въ Думѣ, и Датскій резидентъ, зорко слѣдившій за ходомъ дѣлъ и донесшій своему двору тотчасъ по событіи, ничего не зналъ объ немъ прежде.

Къ этому, съ великимъ искусствомъ начертанному, плану относилось, вѣроятно, присутствіе Софіи на погребеніи, отказъ полка Карандѣева, возгласъ Сунбулова объ Иванѣ, при избраніи Петра, новыя просьбы и угрозы стрѣльцевъ.

29-го апрѣля, т. е. на другой день послѣ царскаго погребенія, стрѣльцы подаютъ челобитныя на своихъ полковниковъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, и требуютъ ихъ выдачи, грозя раздѣлаться и съ другими измѣнниками.

Испуганное Правительство (Языковъ и Лихачевы, Нарышкины?) исполняетъ всѣ ихъ требованія. Полковники смѣнены и жестоко наказаны кнутомъ и батогами на площади, передъ стрѣльцами, которые опредѣляли и мѣру наказанія восклицаніями: любо, довольно, еще!

4-го мая подали стрѣльцы другую жалобу, и по этой жалобѣ всѣ взысканія сдѣланы за недоплаченное жалованье, за даровую работу, за несправедливые вычеты; сверхъ того положена значительная пеня съ каждаго полковника въ пользу стрѣльцевъ. Полковники впередъ до расплаты поставлены на правежъ, и были биты до тѣхъ поръ, пока требуемыя съ нихъ суммы не были сполна внесены.

Чего-же болѣе стрѣльцамъ? Никогда не получали они подобнаго полнаго удовлетворенія, а они продолжали мятися.

Ясно, что новыя смятенія не имѣли причинъ въ ихъ собственныхъ дѣлахъ, а происходили отъ внушеній постороннихъ; эти внушенія начались, вѣроятно, тотчасъ послѣ Грибоѣдовской исторіи, чему признакомъ служитъ отказъ присягать въ полку Карандѣева, но внушенія не были еще тогда достаточно распространены и Карандѣевцы уговоренные присягнули.

Это ясно и по лицамъ, противъ которыхъ стрѣльцы были возбуждены: Нарышкины—вотъ кто были главными или даже единственными предметами ихъ раздраженія, вотъ кто не сходилъ у нихъ съ языка!

Но чѣмъ провинились Нарышкины передъ стрѣльцами? За что стрѣльцамъ было негодовать на нихъ? Нарышкины никакого участія въ правленіи не принимали, да и правители бояре, кто бы ни были, никакихъ постановленій еще не дѣлали, а исполнили только требованія стрѣльцевъ.

Ясно, что дѣйствовала и возбуждала стрѣльцевъ особая партія, имѣвшая свои цѣли, партія, враждебная Нарышкинымъ, и слѣдовательно вдовствующей Царицѣ Наталіи Кирилловнѣ съ ея сыномъ, нареченнымъ Царемъ Петромъ Алексѣевичемъ

Изъ кого же могла состоять эта партія? Кто были врагами Нарышкиныхъ, Царицы Наталіи Кирилловны и ея сына?

Милославскіе съ Софіей.

Для нихъ Нарышкины были вредны, опасны, ненавистны, для Милославскихъ, а не для стрѣльцевъ. Милославскіе и замыслили употребить стрѣльцевъ орудіями для достиженія извѣстныхъ цѣлей.

Какіе слухи распускались о Нарышкиныхъ, чѣмъ возбуждалась злоба стрѣльцевъ противъ нихъ?

„Ивана хотятъ извести Нарышкины, какъ извели Ѳедора. Иванъ Нарышкинъ хочетъ сдѣлаться Царемъ, онъ надѣвалъ уже вѣнецъ себѣ на голову; онъ дѣлаетъ грубости Царицѣ Марѳѣ и Царевнамъ. Ѳедоръ умеръ не своею смертію, а отравленъ Нарышкиными“ *).

Остервѣненіе, съ коимъ стрѣльцы искали послѣ доктора Данила, который былъ для нихъ также ненавистенъ, какъ Иванъ Нарышкинъ, доказываетъ, что они искренно были убѣждены въ отравленіи Ѳедора; и что это было первымъ основаніемъ ихъ бунта, которое присоединилось къ ихъ частнымъ неудовольствіямъ.

„Нарышкины сбираются сдѣлать тоже и съ меньшимъ его братомъ Иваномъ, который, по ихъ кознямъ, обойденъ при избраніи на царство; что отъ ихъ правленія добра ожидать никому не возможно“.

Нелѣпость этихъ обвиненій была очевидна. Нарышкиныхъ при смерти Ѳедора не было въ Москвѣ. Они только теперь что пріѣхали изъ своихъ ссылокъ. Ѳедора окружали другіе люди; сестра Софія не отходила отъ него; это было извѣстно всѣмъ, но въ запальчивости, при возбужденныхъ страстяхъ, бываетъ не до логики.

Притомъ, почему стрѣльцамъ было сожалѣть слишкомъ о Ѳедорѣ, при которомъ они ничего не испытали, кромѣ несправедливостей, даже почти на канунѣ его смерти, по поводу жалобы на Грибоѣдова, какъ и прежде за два мѣсяца по поводу жалобы на Пыжова?

„Стрѣльцы боялись, что при Петрѣ имъ будетъ еще хуже, чѣмъ было при Ѳедорѣ“. Но почему же они надѣялись на Ивана, который былъ не много старше Петра, и по болѣзни не могъ бы принимать участія въ правленіи, которое должно было быть предоставлено тѣмъ же боярамъ, лицамъ, что были и при Ѳедорѣ въ послѣднее (Языковъ, Лихачевы), или предпослѣднее его время (Милославскіе, Долгорукіе, Хитровы).

---

*) Мы отмѣчаемъ вводными знаками обвиненія.

„Царевича Ивана хотятъ извести Нарышкины, какъ Ѳедора!“ Кому мѣшалъ Царевичъ Иванъ? До избранія Петрова можно было понять какое нибудь покушеніе на жизнь его, а послѣ то кому была нужна его смерть? Нарышкины могли отъ Петра надѣяться на все лучшее. И при жизни Ивана, который не могъ имъ мѣшать, они тотчасъ получили разныя награды, послужившія подтвержденіемъ ихъ обвиненій предъ стрѣльцами.

„Иванъ Нарышкинъ хочетъ сдѣлаться Царемъ, онъ надѣвалъ вѣнецъ себѣ на голову, онъ дѣлаетъ грубости Царевнамъ и Царицамъ“.

Это придворныя и вмѣстѣ нелѣпыя сплетни, которыхъ никто не могъ перенести къ стрѣльцамъ съ Верху кромѣ Милославскихъ и ихъ повѣренныхъ.

Это предлоги, а предлоговъ самимъ стрѣльцамъ выдумать нельзя, да и не для чего.

Слѣдовательно стрѣльцы были настроены, подучены. Кѣмъ же? Тѣми, кто воспользовался ихъ дѣйствіями: Царевной Софіей съ Милославскими.

И почему стрѣльцы тотчасъ послѣ смерти Ѳедора не думали о наказаніи его отравителей? Значитъ—тогда не была еще распространена между ними эта басня.

Почему медлили стрѣльцы, и, управясь съ своими полковниками 1—8 мая, почему не принялись тотчасъ за свое дѣло? почему—пропущена недѣля отъ 8 до 15 мая?

Можетъ быть, стрѣльцы не были еще достаточно подготовлены къ такому рѣшительному дѣйствію, какъ нападеніе на Кремль; можетъ быть, большинство присягнуло Петру еще искренно; можетъ быть, партія дѣлала, такъ сказать, опыты, и принимала свои мѣры для обезпеченія успѣха.

Промедленіе, по моему мнѣнію, доказываетъ также существованіе на досугѣ обдуманнаго плана, котораго нельзя приписать стрѣльцамъ. Еслибъ дѣйствовали одни стрѣльцы, то, убѣдясь в своей силѣ 29 апрѣля и 4-го мая, они, разгоряченные, не стали останавливаться и сдѣлалибъ все, чего хотѣли. Они одни мо

либъ возвести Ивана и тотчасъ по кончинѣ Ѳедора, и тотчасъ послѣ 17 мая,—нѣтъ, они этого не дѣлали: ясно, что былъ здѣсь чужой планъ. Чей же?

Они ждали Матвѣева, чтобъ порѣшить за одно съ нимъ, тѣмъ болѣе, что Матвѣевъ по своему уму, характеру, способностямъ, опытамъ, связямъ, считался главнымъ врагомъ Милославскихъ, и главной подпорой Нарышкиныхъ. Свидѣтельству сына Матвѣева, который говоритъ, что его отца, ѣхавшаго въ Москву, на дорогѣ, предупреждали о готовящейся грозѣ съ смертію для него, нѣтъ никакой причины не вѣрить: молодому человѣку было 15 лѣтъ, онъ ѣхалъ съ своимъ отцемъ, и былъ, разумѣется, свидѣтелемъ предупрежденія, или тотчасъ слышалъ о немъ. Можно ли предполагать, чтобъ онъ выдумалъ такое извѣстіе?

Но, кажется, можнобъ было расправиться съ Матвѣевымъ на дорогѣ, подославъ какихъ нибудь убійцъ?

Можетъ быть, заговорщики боялись скандала, не хотѣли возбудить противъ себя негодованія явнымъ преступленіемъ. Можетъ быть, хотѣли заразъ порѣшить и съ другими лицами, отъ которыхъ иначе нельзя было избавиться.

Въ тайну дѣйствія были посвящены немногія лица: кромѣ названныхъ выше двухъ подполковниковъ и нѣсколькихъ стрѣльцевъ, можетъ быть, во всякомъ полку было по два по три запѣвала, зачинщика, которымъ поручено было подливать масла въ огонь, подогрѣвать застывавшихъ, или прохлаждавшихся, дразнить, подстрекать колебавшихся. Прочіе,—толпа, большинство,—вѣрили, безъ сомнѣнія, отъ души, что царскому роду угрожаетъ опасность, что Нарышкины точно хотятъ извести его и овладѣть престоломъ.

---

15 мая, въ часъ утра сообщники Ивана Михайловича, Александръ Милославскій, Иванъ и Петръ Толстые, прискакали въ полки (по другимъ спискамъ, вѣрнѣе: ихъ посланцы), на бѣлыхъ и карихъ лошадяхъ *) съ крикомъ: Царевича Ивана задушили Нарышкины. Въ Кремль! казнить измѣнниковъ! Къ оружію!

---

*) Матвѣевъ у Туманскаго, т. I, с. 141, извѣстіе съ натуры обличаетъ очевидцевъ.

Всѣ полки въ своихъ приказахъ, расположенные въ противоположныхъ частяхъ города, за Москвою рѣкою, за Яузою около Серпуховскихъ воротъ, около нынѣшнихъ Мѣщанскихъ улицъ, были уже въ сборѣ, вооруженные копьями, бердышами, ружьями.

Они ждали только какъ будто сигнала, и съ барабаннымъ боемъ бросились въ Кремль со всѣхъ сторонъ. Значитъ, что все это было заранѣе распоряжено и устроено, а не было слѣдствіемъ какой нибудь нечаянной, минутной вспышки.

Если во всѣхъ описанныхъ явленіяхъ можно было примѣчать дѣйствія невидимой руки, которая управляла ходомъ событій, то въ слѣдующихъ оно доходитъ до очевидности.

Стрѣльцы пришли въ Кремль защищать царское семейство, потому что, слышали они, Царевичъ Иванъ былъ удушенъ Нарышкиными.

Имъ показали Царевича Ивана живаго и здраваго; должны ли они были образумиться и убѣдиться, что были обмануты, особенно послѣ увѣщанія Матвѣева? Нѣтъ—давай намъ измѣнниковъ Нарышкиныхъ!

Кто пострадалъ впродолженіи бунта? Нарышкины и ихъ партія. Убиты были Матвѣевъ, глава, руководитель, подпора партіи,— тотъ, котораго ссылка была первымъ дѣломъ Милославскихъ при вступленіи на престолъ Ѳедора.

За что стрѣльцамъ убить бы Матвѣева, который шесть лѣтъ былъ въ ссылкѣ, и ни душей, ни тѣломъ, не виноватъ былъ ни въ какихъ злоупотребленіяхъ, и пользовался всегда особеннымъ расположеніемъ стрѣльцевъ? Одна погибель Матвѣева служитъ твердымъ доказательствомъ, что бунтъ былъ не вспышкою, а дѣломъ заговора, обдуманнаго и опредѣленнаго заранѣе во всѣхъ подробностяхъ, въ которыхъ стрѣльцы были только слѣпыми орудіями.

На что стрѣльцы хотѣли постричь старика Нарышкина, отца Царицы Наталіи Кирилловны? Почему не хотѣли, чтобъ она жила во дворцѣ?

Кромѣ Матвѣева впродолженіи бунта погибли: старшій братъ Царицы, Иванъ, который считался, видно, самымъ способнымъ и дѣятельнымъ, и потому отыскивался съ особенными усиліями,— и Аѳанасій, нѣсколько ихъ родственниковъ, бояринъ Языковъ, принимавшій сторону Матвѣева и устроившій его прощеніе и возвращеніе, князья Долгорукіе, отецъ съ сыномъ, начальствовавшіе стрѣлецкимъ приказомъ, Князь Ромодановскій и проч.

Кого убить было надо, тѣмъ составленъ былъ списокъ. — Что былъ списокъ, явно изъ того, что никто изъ посторонних, не только изъ партіи Милославскихъ, но и вообще изъ чиновниковъ, не былъ даже угрожаемъ.

Датскій резидентъ говоритъ утвердительно о спискѣ, *) также и Матвѣевъ **).

А кто былъ убитъ изъ неназначенныхъ, за того стрѣльцы просили прощенія у родныхъ: мы де ошиблись. Князь Юрій Долгорукій вѣроятно не былъ записанъ, а убитъ былъ сгоряча, за его брань и угрозы, такъ замѣчаетъ и Датскій резидентъ: потому стрѣльцы и просили прощенія у его отца.

Князь Черкасскій защищалъ Матвѣева и отнималъ его у стрѣльцевъ; въ схваткѣ кафтанъ на немъ изорванъ, но стрѣльцы, отнявъ у него Матвѣева, самого его оставили въ покоѣ. Слѣдовательно въ самомъ пылу кровопролитія стрѣльцы разбирали, кого имъ надо. Всѣ бояре были въ собраніи, и всѣ остались цѣлыми и невредимыми.

Далѣе—не найдя во дворцѣ нужныхъ имъ лицъ, они разсыпались по улицамъ отыскивать; нашли такимъ образомъ боярина Языкова, и убили его.

Сдѣлавши свое дѣло, стрѣльцы утихли: Нарышкины и ихъ приверженцы одни убиты, другіе сосланы въ ссылку, третьи удалены отъ дѣлъ.

---

*) См. выше Ж. М. Н. П. Сентябрь, с. 228. также какъ и Матвѣевъ.

**) У Туманскаго, т. VI, с. 27, 29.

Что было первымъ слѣдствіемъ бунта? Избраніе старшаго Царевича Ивана Царемъ, при которомъ прежде избранный Петръ оставленъ во вторыхъ, безъ всякаго участія въ управленіи.

Кто воспользовался плодами стрѣлецкаго бунта?

Царевна Софія.

Что главнымъ дѣйствующимъ лицемъ была Царевна Софія, всего яснѣе видно изъ того, что Датскій резидентъ могъ только подъ ея именемъ пройдти безопасно въ Грановитую Палату во второй день бунта и воротиться домой. „Онъ говорилъ съ Царевной“—вотъ чѣмъ были останавливаемы нападавшіе стрѣльцы.

При немъ стрѣльцы спрашивали Хованскаго въ Грановитой Палатѣ, что дѣлать съ Царицей Натальей Кирилловной: оставлять ли ее во дворцѣ?

Какъ бы иначе явилась здѣсь Софія, еслибъ все это было не ея дѣло? Прочія Царевны сидѣли у себя дома.

Софія была если не зачинщицей, то участницей, руководительницей, средоточіемъ, впослѣдствіи, перваго Стрѣлецкаго бунта;— это утверждаютъ всѣ свидѣтели, свои и иностранные, кромѣ одного Медвѣдева, который, пишучи ей похвальное слово, въ своемъ сказаніи, еже содѣяся, имѣлъ задачею отстранить ея участіе въ этомъ страшномъ дѣлѣ.

Въ этомъ согласны всѣ наши историческіе писатели, кромѣ новаго изслѣдователя, профессора Аристова, котораго мы разберемъ на своемъ мѣстѣ.

На ея совѣсти лежитъ, слѣдовательно, погибель всѣхъ избіенныхъ, которая и была собственно ея цѣлію.

Что же? Неужели Софія, молодая женщина 25 лѣтъ, жившая до сихъ поръ въ уединеніи терема, могла дать свое согласіе на избіеніе, которому вѣдь и конца не могло предвидѣться, пьянымъ стрѣльцамъ разсвирѣпѣвшимъ?

Не махнула ли она рукою, сказавъ: „дѣлайте, что хотите“— и думая только о томъ, чтобъ отстранить ненавистную мачиху съ ея братьями, и сѣсть на ея мѣсто?

Нѣтъ, во-первыхъ, мудрено ей было ожидать, чтобы такое дѣло обошлось безъ крови; во-вторыхъ, увидѣвъ, сколько жертвъ пало на первый день, она не заступилась на вторый и третій за прочихъ, не спасла, напримѣръ, Ивана Нарышкина, а напротивъ настаивала на его выдачѣ, какъ будто бы видѣла невозможность прекратить иначе бунтъ? Она, говорятъ, надѣла еще образъ на шею несчастнаго, шедшаго на смерть, по принятіи Святыхъ Тайнъ, и побуждала его сестру, царицу Наталью Кирилловну, выдать его скорѣе стрѣльцамъ. Если только ея именемъ оградился отъ всѣхъ опасностей Датскій резидентъ на второй день, то видно ея значеніе въ глазахъ стрѣльцевъ было велико, и она могла остановить убійство.

Что она не отличалась особенною чувствительностію, или робостію, мы видимъ изъ того, какъ скоро она рѣшила казнь своихъ друзей, оказавшихъ ей значительныя услуги: князя Ивана Андреевича Хованскаго и сына его.

Послѣднія ея дѣйствія при окончательномъ разрывѣ съ братомъ доказываютъ достаточно ея расположеніе духа, напримѣръ, приказаніе убить полковника Нечаева, присланнаго съ приказаніями Петра отъ Троицы. Она жалѣла даже, (по свидѣтельству впрочемъ пытокъ), что въ первомъ бунтѣ оставлена была въ живыхъ ненавистная мачиха, Царица Наталья Кирилловна.

Иностранные современные писатели: Невиль, Корбъ, Парри, отдавая справедливость способностямъ Царевны Софіи, свидѣтельствуютъ единогласно объ ея кровавыхъ дѣйствіяхъ и умыслахъ, въ подтвержденіе нашихъ историческихъ источниковъ.

Впрочемъ надо сознаться, что и вообще нравы того времени не отличались мягкостію: стоитъ вспомнить только о страшныхъ истязаніяхъ, дѣланныхъ Царицею Прасковьею Матвѣевною надъ подъячимъ Деревнинымъ, который имѣлъ несчастіе найдти ея любовное письмо къ исправлявшему при ней должность Гофъ-Маршала Юшкова *).

*) См. Очеркъ Г. Семевскаго, помѣщенный въ журналѣ «Время», с. 86 и проч.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія поведемъ доказательство еще отъ противнаго.

Допустимъ съ Медвѣдевымъ, и его послѣдователями, что Софія не принимала участія въ стрѣлецкомъ бунтѣ, и посмотримъ можно ли съ такимъ предположеніемъ объяснить всѣ явленія, его сопровождавшія. Здѣсь не обойдется разсужденіе безъ повтореній, но онѣ неизбѣжны и не безполезны.

Итакъ: защитники Царевны Софіи говорятъ, что „стрѣльцы начали бунтъ 15 мая сами собою".

Съ чего же имъ было начать его? Всѣ желанія ихъ были удовлетворены съ избыткомъ, они получили отъ правительства Петрова то, чего никакъ не могли добиться при Ѳедорѣ.

„Они боялись наказанія за свои буйства".

Отъ кого?

„Отъ Петра, когда онъ выростетъ".

За буйства съ смягчающими обстоятельствами, (они были выведены изъ терпѣнія притѣсненіями и не находили себѣ суда, не смотря ни на какія жалобы, а получали еще наказаніе) они боялись наказанія, а за убійства и какія убійства—близкихъ родственниковъ Цезарскихъ, знаменитѣйшихъ заслуженныхъ бояръ—Матвѣева, Ромодановскаго, Долгорукаго, они не боялись наказанія? Съ чѣмъ это сообразно?

„Не боялись, потому что сажали на престолъ Ивана".

Но Петра они вѣдь не трогали, слѣдовательно, все равно, возмужавъ, онъ оказался бы съ тѣми же чувствами при Иванѣ, какимъ они боялись его безъ Ивана. Притомъ съ Петромъ во всякомъ случаѣ оставалась мать, лишенная братьевъ и родственниковъ, благодѣтеля и отчасти отца. Она всегда могла питать въ немъ враждебныя чувства къ стрѣльцамъ, виновникамъ всѣхъ ея несчастій. Иванъ былъ боленъ по всѣмъ свидѣтельствамъ, и никто не могъ считать его долговѣчнымъ. Немного выигрывали съ нимъ стрѣльцы. Во всякомъ случаѣ предстоялъ предъ ними годомъ позднѣе, годомъ раньше, Петръ съ тѣми чувствами, которыхъ теперь они боялись.

*) Предполагаемыя возраженія мы будемъ отмѣчать для ясности опять двумя запятыми.

Далѣе, какую надежду могли они имѣть на Ивана, когда и при Ѳедорѣ было имъ плохо? Бояръ Петровыхъ они перебили-бъ—кто же занялъ бы ихъ мѣсто? Опять Ѳедоровы, имъ уже ненавистные.

При предположеніи, что Царевна Софія не участвовала въ дѣлѣ, какъ объяснить, что они предоставили ей власть? Почему именно ее выбрали они изъ десяти царевенъ? Не говоримъ о томъ, что примѣра такого никогда не бывало. Допустить дѣвицу, сестру, къ управленію, когда здравствовали двѣ вдовствовавшія Царицы Алексѣева и Ѳедорова. Алексѣеву, положимъ, они думали отвергнуть, а Ѳедорова? Да и Алексѣеву не съ чего имъ было отвергать, потому что она ничего худаго имъ не дѣлала, и имѣла противъ себя только слухи (кѣмъ распущенные?).

Итакъ, мнимыя опасенія стрѣльцевъ ни съ чѣмъ не сообразны и совершенно нелѣпы; стрѣльцамъ и въ голову придти онѣ не могли, развѣ внушенныя со стороны; ихъ нельзя понять, допустить безъ предположенія какой нибудь придворной партіи, которая придумала для своихъ особыхъ цѣлей.

Пойдемъ далѣе. Стрѣльцы поднялись 15 мая. Что же они медлили такъ долго, давали время ненавистному правительству опознаваться, укрѣпляться, принимать мѣры?

И здѣсь видно дѣйствіе не произвольное, а напускное, котораго объяснить нельзя безъ предположенія о планѣ партіи. Стрѣльцы присягнули, держали себя смирно, потомъ предъявили свои требованія, были удовлетворены и утихли. Послѣ расправы съ полковниками дѣла пошли обыкновеннымъ своимъ порядкомъ. Прошла недѣля совершенно покойная, впродолженіи которой пріѣхалъ Матвѣевъ.

Какой предлогъ они избрали?

„Царевичъ Иванъ удушенъ Нарышкинымъ“.

Спрошу еще мимоходомъ: кто могъ довести до ихъ свѣдѣнія, что Царевичъ Иванъ удушенъ?

Имъ показали Царевича Ивана, который былъ живехонекъ, и самъ свидѣтельствовалъ, что никто его не трогалъ.

Увидѣвъ и услышавъ его, стрѣльцы должны бъ, кажется, утихнуть. Еще болѣе должны бъ убѣдиться, что они были обмануты. Нѣтъ, они потребовали другихъ измѣнниковъ и въ особенности Нарышкиныхъ. Какъ объяснить это новое требованіе?

Всѣ шесть лѣтъ Ѳедорова царствованія Нарышкины были въ опалѣ, въ ссылкѣ, и только что пріѣхали въ Москву. Никакого совѣта противъ стрѣльцевъ они не подавали, и напротивъ всѣ требованія стрѣльцевъ были удовлетворены. За что-жъ имъ было такъ злобиться на Нарышкиныхъ, хотѣть смерти старшаго изъ братьевъ Ивана, постриженія отца и даже удаленія сестры, Царицы?

И здѣсь ясно, что стрѣлецкая злоба была чужая, напускная. А кому мѣшали Нарышкины?

Отвѣтъ тотъ же, что и прежде, на вопросъ, кто могъ сообщить стрѣльцамъ разныя придворныя новости, какъ Иванъ Нарышкинъ надѣвалъ царскій кафтанъ, садился на престолъ, грубилъ Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Всѣ эти слухи могли идти только съ Верху, и понятно отъ кого.

У стрѣльцевъ былъ списокъ, кого убить было нужно: изъ какихъ лицъ состоялъ этотъ списокъ? Изъ лицъ партіи Петровой, то есть Нарышкиныхъ, между которыми первое мѣсто занималъ Матвѣевъ. Что сдѣлалъ имъ Матвѣевъ? При Алексѣѣ они привезли ему надгробные камни съ родительскихъ могилъ, при Ѳеодорѣ онъ былъ шесть лѣтъ въ изгнаніи, а теперь только что воротился и три дня сряду получалъ отъ всего города со стрѣльцами включительно знаки глубокаго почтенія и пріязни. Черкасскаго, напримѣръ, который даже боролся съ ними, не давая имъ Матвѣева, они не тронули.

Значитъ—они убивали тѣхъ, кого имъ велѣно убивать, а не личныхъ своихъ враговъ; съ личными врагами своими они давно уже расправились, и высѣкли ихъ, кого батогами, кого кнутомъ. Выборъ лицъ для убіенія, исканіе ихъ по улицамъ, нельзя объяснить безъ дѣйствій противной партіи. Съ особеннымъ остервенѣніемъ еще убили стрѣльцы доктора Данилу фонъ-Гадена, якобы

виновнаго въ смерти Ѳедора, вмѣстѣ съ боярами, которые рѣшились погубить весь царскій родъ, не исключая самого Петра. Обвиненіе его могло идти только съ Верху.

На второй день, 16 мая, устроилось новое управленіе: во всѣхъ приказахъ смѣнены прежніе начальники и поставлены новые: въ Посольскій приказъ—князь Василій Васильевичъ Голицынъ, въ Стрѣлецкій—князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, и въ Судный —сынъ его князь Андрей Ивановичъ; въ иноземскій, рейтарскій и пушкарскій—бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій....

Смятеніе еще не кончилось, а явились вездѣ по приказамъ новые начальники. Кто же опредѣлялъ ихъ? Стрѣльцы не принимали въ томъ никакого участія!

Этого событія, точно какъ и вышеупомянутыхъ, нельзя объяснить безъ непосредственнаго участія Царевны Софіи, которая и является въ тотъ же день въ Грановитой палатѣ, распоряжается, какъ засвидѣтельствовалъ Датскій резидентъ, одолженный спасеніемъ ея покровительству. Расправясь съ Иваномъ Нарышкинымъ и докторомъ Гаденомъ, стрѣльцы остановились, какъ будто сдѣлали свое дѣло.

Замѣтимъ мимоходомъ, что дьякъ Ларіоновъ убитъ—а на его вдовѣ женился тотчасъ старый Хованскій: не попалъ ли несчастный въ списокъ на общемъ совѣтѣ по кознямъ Хованскаго, который хотѣлъ получить себѣ его жену?

Чрезъ недѣлю послѣ убійства стрѣльцы потребовали, чтобъ Царевичъ Иванъ былъ вѣнчанъ на царство, и царствовалъ вмѣстѣ съ Петромъ, а еще чрезъ недѣлю они подали просьбу, чтобъ Царевна Софія за малолѣтныхъ братьевъ приняла правленіе въ свои руки.

Этими избраніями и объяснилось окончательно происхожденіе стрѣлецкаго бунта, средства и цѣль.

Послѣдовавшая вскорѣ казнь князя Хованскаго съ сыномъ, которые при удобномъ случаѣ, кстати, обвинены были въ первоначальномъ возмущеніи стрѣльцевъ, съ больной головы на здоровую,

представляетъ новое сильное доказательство, что стрѣльцы дѣйствовали не по собственнымъ побужденіямъ, и что необходимо было сложить *на кого нибудь* вину кровопролитія, дабы отклонить подозрѣніе отъ новой правительницы. Мы будемъ говорить объ этомъ дѣлѣ въ слѣдующемъ изслѣдованіи.

Наши историческіе диллетанты жалуются на недостатокъ западныхъ страстей въ лицахъ Русской Исторіи. Ну, вотъ вамъ въ утѣшеніе Софія, соглашающаяся на поднятіе стрѣльцевъ и на убійство поголовное ненавистныхъ ей Нарышкиныхъ съ Матвѣевымъ во главѣ, вѣшающая образъ Божіей Матери на шею Ивана Нарышкина, котораго выдать заставляетъ его родную сестру, Царицу Наталью Кирилловну, рѣшившая безъ суда казнь Хованскаго, умышлявшая такъ долго и разнообразно противъ Петра. Чѣмъ въ эти моменты уступитъ она Лукреціи Боржіа? А Иванъ Михайловичъ Милославскій? Это характеръ Шекспировскій! Мы встрѣтимся съ нимъ еще нѣсколько разъ въ продолженіи нашихъ изслѣдованій.

Первый стрѣлецкій бунтъ, кромѣ временнаго кровопролитія, имѣетъ то пагубное значеніе въ исторіи Русскаго народа, что произвелъ страшное впечатлѣніе въ воспріимчивой душѣ десятилѣтнаго Петра, — впечатлѣніе, которое отозвалось на всей его жизни, и было посредственною причиною безпримѣрной казни всего стрѣлецкаго войска послѣ его послѣдней попытки въ 1697 году.

ОБЪ УЧАСТІИ СТРѢЛЬЦЕВЪ ВЪ УМЫСЛѢ РАСКОЛЬНИКОВЪ ПРОТИВЪ ЦЕРКВИ.

Замыселъ, при общемъ разстройствѣ вслѣдствіе стрѣлецкаго бунта, уничтожить всѣ Никоновы исправленія и привести всѣ церковныя дѣла въ первобытное положеніе, какъ онѣ были до Царя Алексѣя Михайловича, принадлежалъ къ отважнымъ дѣйствіямъ, и грозилъ великимъ смущеніемъ не только въ церкви, но и въ государствѣ.

Кому же принадлежитъ этотъ замыселъ? Кто былъ начинщикомъ? Выслушаемъ сперва свидѣтелей.

Матвѣевъ: „Тогда же (послѣ перваго бунта) объявилися въ стрѣльцахъ многіе раскольники, получа своему зломыслію угодное время, начали совѣтовать, какъ бы имъ расколъ свой паки вновь утвердить, и православную церковь, ихъ еретичеству противную, разорить и правовѣрныхъ побить: того ради изобрали они себѣ предводителемъ князя Хованскаго, и въ туже злополучную пору явившагося Никиту распопа, прозваніемъ Пустосвята, и чернцовъ неучевъ, бродягъ и пьяницъ *).

Въ извѣстительныхъ и призывныхъ *грамотахъ* изъ Троицкаго монастыря было писано: „а послѣ того (послѣ Московскихъ смятеній) онъ же князь Иванъ Хованскій ратовалъ на Святую Соборную церковь, соединяся съ проклятыми раскольниками, съ Никитою Пустосвятомъ и единомышленниками его, приходили для возмущенія народовъ въ Кремль **) и проч.

---

*) Матвѣевъ у Сахарова, с. 38. Въ спискахъ Туманскаго этого эпизода нѣтъ.

**) Тамъ же, с. 46.

Въ *Приговорѣ*: Ты же, князь Иванъ, со единомышленниками твоими, присовокупя къ себѣ проклятыхъ раскольниковъ, Никиту Пустосвята съ товарищи, ратовали на святую церковь, и тѣ раскольники по твоему согласію, надѣясь на тебя, приходили для возмущенія народовъ въ Кремль большимъ собраніемъ.... для задору къ кровопролитію.... и ты тѣхъ воровъ и мятежниковъ церкви святыя и всего государства отъ казни оберегалъ и проч. *).

Медвѣдевъ: 7190 года видяще стрѣлецкую дерзость во всемъ и смущеніе въ государствѣ, врази святыя церкви и раскольники, нарицаемые капитоны, начаша на святую церковь ратовати, народъ простой возмущать.... Помогаше же въ то время тѣмъ раскольникамъ бывшій въ стрѣлецкомъ приказѣ бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій **).

Итакъ—Медвѣдевъ представляетъ починъ раскольникамъ, Матвѣевъ—стрѣльцамъ, оффиціальные документы—князю Хованскому.

Есть еще свидѣтель, со стороны раскольниковъ, Савва Романовъ, который принималъ, какъ мы видѣли, самъ дѣятельное участіе въ ихъ дѣйствіяхъ, и описалъ ихъ. Онъ приписываетъ начало стрѣльцамъ: „А послѣ того смятенія (бунта 15—17 мая) въ 3 день бысть промежъ ими (стрѣльцами) дума и совѣтъ заедино что въ... Москвѣ старую православную вѣру возобновити и проч. ***).

Разсмотримъ эти три показанія.

Прежде замѣтимъ вообще, что современнымъ свидѣтелямъ недостаетъ въ этомъ случаѣ необходимой точности: начало и продолженіе смѣшивается въ ихъ понятіяхъ; стрѣльцы, раскольники, князь Хованскій, участвовали ровно въ путешествіи, и имена ихъ употребляются безъ строгаго различенія, кому что и когда принадлежитъ.

Будемъ говорить прежде о стрѣльцахъ.

Стрѣльцы въ попыткѣ раскольниковъ принимали кажется участіе, болѣе страдательное, чѣмъ дѣйствительное, и были слѣпыми орудіями посторонняго внушенія.

---

*) Тамъ же, с. 67. **) Тамъ же, с. 18. ***) Тамъ же, с. 36.

Намѣреваясь якобы возстановить „древнюю православную вѣру“, они не могли найдти у себя человѣка, который былъ бы въ состояніи написать челобитную, а потомъ держать отвѣтъ патріарху и властямъ; они не знали даже къ кому обратиться, и должны были просить одного чернослободца выручить ихъ изъ затруднительнаго положенія.

Большинство стрѣльцевъ не отличалось грамотностію.

Когда сочинена была челобитная Царямъ о возвращеніи къ старому благочестію, то въ собраніи стрѣльцевъ не нашлось даже, кому прочесть ее для прочихъ. „Сотенный (Михайло Артемьевъ) неискусенъ божественному писанію, чтетъ и рѣчь съ рѣчью не раздѣляетъ, и тупо гораздо, невнятно отъ него глаголемое. Они же (стрѣльцы) перестать ему велѣли, и у него поискавше, и нѣсть такова человѣка, и принудиша ту Савву чести“ *).

Услышавъ чтеніе, „удивишася; мы, де, въ духовныхъ не слыхали таковаго слогу и толика описанія ересей въ новыхъ книгахъ“. Спрашивается, объ чемъ же стрѣльцы сами-то хотѣли писать челобитную, если въ написанной другими для нихъ оказались новости, совершенно имъ неизвѣстныя, и приведшія ихъ въ удивленіе?

Мысль о челобитной, изъ этого видно, принадлежала слѣдовательно не имъ, а кому нибудь другому.

Точно такъ и послѣ, когда челобитная была отослана въ приказы, требовался тотъ же Савва, „понеже по приказамъ некому челобитныя честь“.

Когда стрѣльцамъ предложена была челобитная для подписи, половина ихъ отказывалась: „Намъ де за что прикладывать? Мы де отвѣчать противъ челобитной неумѣемъ! И какъ руки приложить, такъ и отвѣтъ давать противу патріарха и властей. А старцамъ умѣть ли противу такова собора отвѣтъ дать? А они, *смутивъ*, да уйдутъ. А все-то дѣло не наше, сіе дѣло патріаршее“ **).

Замѣтимъ слово *смутивъ*, которое также показываетъ, что стрѣльцы не слишкомъ понимали сущность дѣла. „Мы и безъ рукъ рады тутъ быть, да стоять за православную вѣру и смотрить правду, а по старому де не дадимъ жечь, да мутить“.

*) Исторія о вѣрѣ Саввы Романова въ лѣтописяхъ Тиховравова, т. V, с. 113.

**) Тамъ же, с. 120.

Царевнѣ Софіи не стоило большаго труда, послѣ прѣнія, уговорить выборныхъ, а потомъ и рядовыхъ стрѣльцевъ, деньгами, угощеніями и ласками, чтобъ они отказались отъ участія въ церковныхъ распряхъ. „Они же служивые злѣ соединившеся, да и повинныя принесли за руками, что де того дѣла намъ нѣтъ, и впредь не вчинять“ *).

Мало того—стрѣльцы, посланные сто человѣкъ, перехватали старцевъ и привели на патріаршій дворъ и разсажали порознь. Никитѣ Пустосвяту отсѣчена была голова, а прочіе разосланы по монастырямъ въ заточеніе.

Матвѣевъ свидѣтельствуетъ, что, по отшествіи Царевны и Царицы изъ Грановитой палаты, „прочіе стрѣльцы, не имѣвшіе раскола, познавъ самую неправду раскольниковъ“, выслали ихъ изъ Кремля тотчасъ.... И съ той поры они стрѣльцы свою братью почали отъ раскола того по малу усмирять... Прочіе же стрѣльцы подъ совѣстію своею и не хотя умолкнули, безпомощне остася“ **).

Всѣ эти свидѣтельства достаточно показываютъ, что стрѣльцы, то есть большинство, не имѣли понятія о церковныхъ дѣлахъ, не принимали слишкомъ къ сердцу происшедшихъ измѣненій въ Богослужебныхъ книгахъ, а просто повѣрили постороннимъ внушеніямъ, что церковь подвергается опасности, и вызвались защищать ее, какъ защищали Царскій домъ 15 мая.

Савва Романовъ, свидѣтель вполнѣ достовѣрный во всемъ, что касается до самаго событія, какъ оно обнаружилось, очень подозрителенъ въ описаніи начала его между стрѣльцами.

„Въ 190 г. мая въ 15 день, по смерти... Царя Ѳеодора Алексѣевича бысть чудо преславно, возсташа служилые люди на бояръ и убиша... На 3 день бысть промежъ ими (?) дума и совѣтъ за едино... старую православную вѣру возобновити,... и поискавши у себя таковыхъ людей, чтобъ кто умѣлъ челобитную сложить и отвѣтъ дать патріарху и властямъ... и не обрѣташеся въ нихъ такова человѣка... и призваша единаго отъ чернослободцевъ...

*) Тамъ же, с. 148. **) Матвѣевъ у Сахарова, с. 40.

Калашниковъ повѣдалъ своимъ знакомымъ, Н. Баркову, И. Курбатову и Саввѣ Романову. На общемъ совѣщаніи они рѣшились поручить сочиненіе челобитной иноку своему Сергію. Всѣ вмѣстѣ потомъ они сочинили челобитную и извѣстили Калашникова, а тотъ пятисотнаго Ивана. „Онъ же, Иванъ, слышавъ, радъ бысть о семъ: взявъ съ собою двоихъ стрѣльцевъ Никиту Юрьева Колчу да Авдѣя Артемьева пятидесятника“ пошли къ сочинителямъ и прослушали челобитную.

„Пятисотный же Иванъ и сотенный Михайло Артемьевъ ... послаша деньщиковъ по слободамъ“ и проч.

Вотъ только пять собственныхъ стрѣлецкихъ именъ, которыя упомянуты въ началѣ описанія, да и тѣ впродолженіи позабылись и пропали.

Спрашивается, есть ли какое вѣроятіе полагать, чтобъ пять человѣкъ, вскользь поименованныхъ, не увѣренныхъ въ дѣятельномъ участіи большинства, могли рѣшиться на такое трудное и важное дѣло, о которомъ ничего сами ни написать (а послѣ и прочесть написаннаго) не могли. Они не могли ничего сдѣлать, какъ только посовѣтоваться съ какимъ-то чернослободцемъ, а тотъ съ своими знакомыми, которые уже отыскали наконецъ отца Сергія. Какая длинная процедура, исполненная случайностей!

„И возвѣстиша о семъ боярину князю И. А. Хованскому. Онъ же радостенъ бысть о семъ зѣло“.

Какъ могли они идти къ князю Хованскому съ извѣстіемъ о своемъ необщемъ намѣреніи, не бывъ увѣрены заблаговременно въ его согласіи и содѣйствіи?

Какимъ образомъ Сергій, только что написавшій челобитную, по неожиданной якобы просьбѣ стрѣльцевъ, дѣлается вдругъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, и требуетъ торжественнаго прѣнія безъ совѣщанія съ своими единомышленниками, изъ которыхъ никого еще и невидать?

И все это происходило между стрѣльцами на третій день ихъ бунта, когда городъ былъ въ совершенной тревогѣ, когда стрѣльцы, равно какъ и правительство новое, ни о чемъ думать не могли кромѣ текущихъ своихъ дѣлъ.

Все это такія странныя явленія, которыхъ никакимъ образомъ объяснить и допустить нельзя, вслѣдствіе чего начало въ описаніи у Саввы Романова должно счесть невѣрнымъ, съ умысломъ или безъ умысла.

Обращаемся къ князю Хованскому.

Князь Хованскій былъ преданъ ученію первыхъ ревнителей: знаменитый Аввакумъ живалъ у него, равно какъ и другіе изъ его единомышленниковъ. „Содержалъ же онъ", говоритъ Матвѣевъ, „старый князь Хованскій тайно у себя капитонскаго еретическаго раскола старыхъ раскольниковъ, Аввакума, бывшаго протопопа Казанскаго собора Пресвятыя Богородицы, что въ Китаѣ городѣ въ Москвѣ; и сообщниковъ его распопъ, такихъ же раскольниковъ, которые уже за тотъ свой расколъ и ересь давно прокляты отъ Восточныя святыя церкви, и въ Пусто-озерскій острогъ въ земляныя тюрьмы заточены, и потомъ за великія на царскій домъ хулы сожжены были *).

Савва Романовъ свидѣтельствуетъ, что Хованскій принимая о. Сергія, сказалъ: „Азъ и самъ грѣшный вельми желаю, чтобъ по старому было во святыхъ церквахъ единогласно и немятежно. Аще, рече, и грѣшенъ, но неизмѣнно держу старое благочестіе, и чту по старымъ святымъ книгамъ, и воображаю себѣ на лицѣ своемъ крестное знаменіе двѣма персты". И нача чести символъ православныя вѣры: „и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго". И рече: „Тако вѣрую, тако проповѣдую и молю въ Троицѣ славимаго Бога о семъ, дабы умилосердился о народѣ христіанскомъ и не далъ бы въ конецъ погибнути душамъ христіанскимъ отъ нынѣшнія новыя Никоновы нѣкія вѣры... И многое изрекъ отъ божественныхъ писаній **)

Живое дѣятельное участіе князя Хованскаго во всѣхъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ раскольниковъ, очевидно, какъ по извѣстіямъ Романова, такъ и по свидѣтельствамъ Матвѣева и Медвѣдева: онъ является главнымъ посредникомъ между раскольниками и

---

*) Тамъ же, 38. **) СР. с 115.

правительствомъ; онъ старался, сколько отъ него зависѣло, помогать имъ; онъ желалъ доставить имъ побѣду,— и только!

Но въ описаніи Саввы Романова онъ представляется какъ бы впервые освѣдомленнымъ о принятомъ намѣреніи подать Царямъ челобитную, только тогда, какъ ему донесено было о томъ стрѣльцами, такъ точно и изъ послѣдующаго разсказа показывается, что онъ по указанію только стрѣльцевъ теперь познакомился съ О. Сергіемъ, и также услышалъ отъ нихъ имя Никиты, какъ бойца способнаго состязаться *).

Положимъ, что этимъ показаніямъ довѣряться нельзя, что онѣ сочинены для закрытія дѣйствительныхъ подступовъ къ дѣлу, но и вообще мудрено предположить, чтобъ Хованскій, не утвердившись еще на своемъ мѣстѣ, могъ затѣять новое столь важное дѣло, исходъ котораго былъ не вѣренъ, и когда же? Лишь только былъ назначенъ начальникомъ стрѣлецкаго приказа, и среди приготовленій къ царскому вѣнчанію.

Самая организація дѣла указываетъ не на лице, а на общество, и общество книжное, то есть раскольниковъ, къ которымъ теперь и обращаемся.

Дѣло принадлежитъ имъ съ самаго начала, и мы должны принять буквально свидѣтельство Медвѣдева, хотя мимоходомъ, безъ особеннаго ударенія, имъ представленное **).

Никому, кромѣ раскольниковъ, не могла придти въ голову мысль, о представленіи Царямъ челобитной: стрѣльцы не знали и объ чемъ просить, какъ мы видѣли выше, и удивились, когда услышали, какія ереси попали въ богослужебныя книги.

Никто, кромѣ общества раскольниковъ, не могъ предложить всенароднаго разсужденія о вѣрѣ.

Видя разстройство и замѣшательство въ правительствѣ, и силу въ рукахъ стрѣльцевъ, они рѣшились воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами для исполненія пламенныхъ своихъ желаній, и приступили немедленно къ дѣйствію:

---

*) СР. с 114 и 115. **) Медвѣдевъ, у Сахарова, с. 17.

Придумали сочинить челобитную и вытребовать торжественное всенародное прѣніе о церковныхъ вопросахъ, въ которыхъ увѣрены были одержать побѣду, при слабости патріарха.

Въ покровительствѣ князя Хованскаго они были увѣрены, ибо онъ былъ съ ними издавна въ тѣсной связи, и раздѣлялъ ихъ убѣжденія, какъ Соковнинъ и его сестры, Урусова и Морозова, и многіе другіе.

Требованіе свое предъявили они среди придворныхъ приготовленій къ царскому вѣнчанію, чтобъ напасть на правительство въ расплохъ.

Между тѣмъ они начали ходить по улицамъ, какъ свидѣтельствуетъ Матвѣевъ, и проповѣдывать своеученіе *).

Ударъ былъ, вѣроятно, задуманъ и подготовленъ передовыми людьми изъ раскольниковъ.

„Начальствующій же бѣ въ нихъ за той же расколъ прежде изверженный, и потомъ обѣщавшійся того не творити бывшій попъ Никита Пустосвятъ-Суздалецъ.

Его и видимъ мы на сценѣ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ какъ на совѣщаніяхъ, такъ и на словопреніи.

Ему одному и голова отсѣчена, а прочіе пятеро его товарищей подверглись только заточенію.

Хованскій оставался въ сторонѣ, какъ будто ничего не зналъ, и все происходило мимо его, а между тѣмъ онъ могъ дѣйствовать подъ рукою чрезъ своихъ агентовъ, изъ которыхъ главнымъ былъ Алексѣй Юдинъ, выборный Воробина приказа.

Изъ сказанія Романова видно, что Юдинъ на первомъ частномъ совѣщаніи у Патріарха былъ какъ бы представителемъ стрѣльцевъ и начиналъ бесѣду съ Патріархомъ **).

Въ приговорѣ сказано: По злохитростному умышленію князя Ивана, и сына его... и единомышленниковъ ихъ воровъ и раскольниковъ святыя церкви и ругателей, Алешки Юдина съ товарищами... учинили великое смятеніе... ***).

---

*) СР. с. 122. **) У Туманскаго, VI, с. 206. ***) СТП. Т. VI, с. 208.

И въ нынѣшнемъ въ 191 году, сентемврія въ 17 число... князь Иванъ, и сынъ его... и Алешка Юдинъ съ товарищи за то ихъ многое воровство казнены смертію *).

Юдинъ можетъ быть, и затѣялъ первое совѣщаніе между стрѣльцами на третій день послѣ бунта, какъ возобновить древнюю православную вѣру, въ Титовѣ приказѣ, въ которомъ видно назначено было быть началу, чтобъ отстранить подозрѣніе отъ раскольниковъ.

Дѣйствіе подъ рукою было впрочемъ и съ другой стороны, такъ что изъ нѣкоторыхъ выраженій Романова можно замѣчать, что и Патріархъ, а слѣдовательно и правительство знали о приготовленіяхъ и принимали свои мѣры.

„Видѣвъ въ Титовомъ полку благоразумніи людіе", говоритъ Савва Романовъ, „яко по улещеніи патріарха не бысть въ иныхъ полкахъ согласія о правовѣріи, совѣтъ сотвориша въ своемъ полку съ челобитною ходити по приказамъ, руки прикладывать" **).

Среди этого обхода „бысть между ими пря великая и брань: иніи хотятъ прикладывать, а иніи не хотятъ, *обольстившеся Патріархомъ*.

Планъ содержался въ глубокой тайнѣ—такъ, какъ прежде планъ Ивана Михайловича Милославскаго поднять стрѣльцевъ для доставленія Царевнѣ Софіи въ руки управленія, и послѣ планъ князя Бориса Алексѣевича Голицына для доставленія его Петру.

Савва Романовъ, можетъ быть, не зналъ о приготовленіяхъ, не зналъ, что происходило за кулисами, и началъ описывать только то, что произошло на сценѣ.

Заключаемъ: замыселъ былъ искусно обдуманъ, съ большими надеждами на успѣхъ, а что онъ не удался, отечество тѣмъ обязано твердости, находчивости и рѣшительности Царевны Софіи, которой принадлежитъ честь и слава за оборону православной Церкви.

---

*) Тамъ же, с. 206. **) СР. с. 120.

IV

О КАЗНИ КНЯЗЕЙ ХОВАНСКИХЪ.

За что были казнены князья Хованскіе, отецъ съ сыномъ?

Въ смертномъ приговорѣ отецъ былъ обвиненъ прежде всего въ возбужденіи стрѣлецкаго бунта.

Имѣя предъ глазами всѣ документы, относящіеся къ тому времени, удивляешься, какъ могло состояться такое явно нелѣпое обвиненіе! Съ какою наглостію могло оно быть произнесено предъ глазами современниковъ, которые ясно видѣли весь ходъ дѣла, и знали, кѣмъ и для чего было оно ведено!

Имени князя Хованскаго не встрѣчается ни одного раза ни въ какомъ изъ современныхъ документовъ, относящихся къ первому бунту, а была ли у него какая связь съ стрѣльцами до бунта, нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека.

Для чего нуженъ ему былъ бунтъ? Никакой цѣли предположить у него нельзя.

Если бы онъ хотѣлъ захватить въ свои руки власть, то зачѣмъ же не захватилъ онъ ее тотчасъ, а предоставилъ Царевнѣ Софіи, при которой были князь Голицынъ, И. М. Милославскій и цѣлая сильная партія?

На что ему смерть Матвѣева, Нарышкиныхъ, Долгорукихъ, съ которыми никакихъ враждебныхъ отношеній у него неизвѣстно, точно какъ не было дружескихъ съ прочими дѣйствовавшими лицами того времени? Если скажутъ, что онъ хотѣлъ избавиться отъ противниковъ, то такими противниками должны бы въ этомъ случаѣ сдѣлаться ему не одни Нарышкины съ Матвѣевымъ, но

и Милославскіе, Голицыны, Долгорукіе и проч. Онъ не могъ надѣяться ни на чье согласіе, а напротивъ долженъ былъ опасаться соперниковъ въ обѣихъ партіяхъ и во всемъ обществѣ.

Матвѣевъ приписываетъ веденіе дѣла въ стрѣлецкомъ бунтѣ И. М. Милославскому, не произнося ни единаго слова о Хованскомъ. Чрезъ 50 лѣтъ, когда и Хованскій и Милославскій истлѣли въ своихъ гробахъ, почему-бъ ему было вину Хованскаго перенести свѣдома на Милославскаго? Не могъ выдумать Матвѣевъ ссоры Милославскаго съ Хованскимъ, на что ему такое показаніе?

Еслибъ Хованскій устроивалъ бунтъ, т. е. еслибъ онъ былъ его зачинщикомъ для своихъ цѣлей, то какъ бы никто изъ бояръ, принадлежащихъ къ той или другой партіи, этого не замѣтилъ на Верху, впродолженіи бунта, и не принято тамъ было мѣръ?

Какъ бы могъ онъ, во время бунта, оставаться одинъ одинехонекъ на Верху, въ рукахъ противниковъ изъ обѣихъ партій, которые тотчасъ, увидѣвъ, въ чемъ дѣло, могли бы съ нимъ раздѣлаться?

Еслибъ Хованскій устроилъ бунтъ, то какъ бы явилась на сценѣ Софія, и получила отъ стрѣльцевъ просьбу быть правительницею?

Мы видимъ Хованскаго впродолженіи бунта за одно съ Софіей, какъ бы въ зависимости отъ нея; онъ относился, напримѣръ, къ Царевнѣ Софіи съ объясненіями о Датскомъ резидентѣ.

Сама Царевна Софія назначила Хованскаго начальникомъ стрѣльцевъ послѣ ихъ бунта.

Еслибъ Софія знала его зачинщикомъ бунта, для себя, то какъ бы она могла сдѣлать такой выборъ?

Хованскій, получивъ стрѣльцевъ подъ свое начальство, является прежде всего покровителемъ такъ называемыхъ старообрядцевъ, и принимаетъ участіе въ ихъ дѣйствіяхъ для возстановленія старыхъ церковныхъ порядковъ: еслибъ у него были въ мысли какія важнѣйшія намѣренія, то съ чего сталъ бы даже вмѣшиваться съ самаго начала въ такое опасное дѣло?

Все это такія нелѣпости, которыя не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

Царевна Софія, обвиняя Хованскаго о произведенномъ будто бы имъ бунтѣ, обвинила тѣмъ саму себя.

Обвиненіе изложено сначала въ грамотахъ, разосланныхъ изъ Саввинскаго монастыря по городамъ съ призывомъ ратныхъ людей на помощь Царскому дому, такимъ образомъ:

„По кончинѣ Царя Ѳеодора, Московскіе стрѣльцы всѣхъ приказовъ и Бутырскіе солдаты, по тайному согласію съ бояриномъ нашимъ, княземъ Иваномъ Хованскимъ, намъ Государемъ измѣнили, и весь народъ Московскаго государства возмутили.... а послѣ того, мая въ 15 числѣ, они же воры и измѣнники стрѣльцы и солдаты собрався.... приходили въ Кремль.... при насъ бояръ нашихъ и думныхъ и близкихъ людей, поймавъ, ругательно побили и изъ палатъ пометали.... *) А послѣ того онъ же князь Хованскій ратовали на святую соборную церковь, соединяся съ проклятыми раскольниками съ Никитою Пустосвятомъ и со единомышленниками его.... а послѣ того тѣже воры и измѣнники по своему воровскому совѣту съ бояриномъ кн. И. Хованскимъ и сыномъ его мыслили на насъ, Великихъ Государей, всякое зло и бояръ нашихъ хотѣли побить....“ **).

Тоже обвиненіе изложено и въ прочихъ грамотахъ.

Въ подметномъ письмѣ, на которое грамоты ссылаются, было сказано, что Хованскіе подговаривали доносчиковъ, вмѣстѣ съ другими, извести царской корень и побить бояръ: Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, И. М. Милославскаго, Шереметевыхъ двоихъ и проч. „А какъ государство замутится, и на Московское царство избрали бъ Царемъ его князя Ивана, а Патріарха и властей поставить, кого изберутъ народомъ, которые бы старыя книги любили“ и проч. ***).

*) У Туманскаго т. VI, с. 101.

**) Припомнимъ, что за 4 мѣсяца также Царевна Софія за всѣ эти дѣла, мая въ 24 день, «выборныхъ стрѣльцовъ призвала и службу ихъ похвалила, а впредь де за ихъ службу имъ ихъ Государская милость будетъ. Медвѣдевъ у Аристова, XXI.

***) Тамъ же, с. 99.

Въ приговорѣ, прочитанномъ князю Хованскому въ Воздвиженскомъ предъ казнію, преступленія его начинаются съ его управленія стрѣлецкимъ приказомъ. Видно, совѣстно было лгать такъ нагло ему въ глаза, что онъ началъ стрѣлецкій бунтъ. Старикъ понялъ, изъ-за чего началось дѣло, и хотѣлъ объясниться „о совершенныхъ заводчикахъ съ начала онаго бунта стрѣлецкаго, отъ кого онъ вымышленъ и учиненъ былъ *). Что касается до обвиненій сына, то онъ готовъ проклясть его, если обвиненія окажутся справедливыми.

Но съ Верху, по наущенію Милославскаго, послѣдовало приказаніе отрубить скорѣе головы Хованскимъ, что долженъ былъ исполнить стрѣлецъ, потому что палача не оказалось.

Разсмотримъ теперь эти обвиненія, предупреждая, что казнь Хованскихъ представляетъ до сихъ поръ много страннаго и непонятнаго.

Онъ хотѣлъ, говорятъ, извести царское семейство и захватить въ свои руки верховную власть.

Какія же доказательства?

Никакихъ, кромѣ голословнаго обвиненія отъ правительства.

Въ обвинительной грамотѣ и у Медвѣдева говорится, что въ Коломенскомъ найдено было подметное письмо съ описаніемъ преступныхъ намѣреній Хованскихъ.

Это подметное письмо (средство самое обыкновенное въ то время) свидѣтельствуетъ гораздо болѣе противъ Царевны Софіи, чѣмъ противъ Хованскихъ, а именно:

Оно не было оглашено въ Коломенскомъ, ибо еслибъ сколько нибудь было оглашено, то должно бъ было дойдти до свѣдѣнія Хованскихъ, и они, разумѣется, приняли бъ свои мѣры.

Въ мнимомъ письмѣ показаны примѣты писавшихъ, по которымъ можно было ихъ найдти и допросить, получить доказательства, узнать подробности, сдѣлать очныя ставки. Ничего этого

---

*) Тамъ же стр. 94.

Все это такія странныя явленія, которыхъ никакимъ образомъ объяснить и допустить нельзя, вслѣдствіе чего начало въ описаніи у Саввы Романова должно счесть невѣрнымъ, съ умысломъ или безъ умысла.

Обращаемся къ князю Хованскому.

Князь Хованскій былъ преданъ ученію первыхъ ревнителей: знаменитый Аввакумъ живалъ у него, равно какъ и другіе изъ его единомышленниковъ. „Содержалъ же онъ", говоритъ Матвѣевъ, „старый князь Хованскій тайно у себя капитонскаго еретическаго раскола старыхъ раскольниковъ, Аввакума, бывшаго протопопа Казанскаго собора Пресвятыя Богородицы, что въ Китаѣ городѣ въ Москвѣ; и сообщниковъ его распопъ, такихъ же раскольниковъ, которые уже за тотъ свой расколъ и ересь давно прокляты отъ Восточныя святыя церкви, и въ Пусто-озерскій острогъ въ земляныя тюрьмы заточены, и потомъ за великія на царскій домъ хулы сожжены были *).

Савва Романовъ свидѣтельствуетъ, что Хованскій принимая о. Сергія, сказалъ: „Азъ и самъ грѣшный вельми желаю, чтобъ по старому было во святыхъ церквахъ единогласно и немятежно. Аще, рече, и грѣшенъ, но неизмѣнно держу старое благочестіе, и чту по старымъ святымъ книгамъ, и воображаю себѣ на лицѣ своемъ крестное знаменіе двѣма персты". И нача чести символъ православныя вѣры: „и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго". И рече: „Тако вѣрую, тако проповѣдую и молю въ Троицѣ славимаго Бога о семъ, дабы умилосердился о народѣ христіанскомъ и не далъ бы въ конецъ погибнути душамъ христіанскимъ отъ нынѣшнія новыя Никоновы нѣкія вѣры... И многое изрекъ отъ божественныхъ писаній **)

Живое дѣятельное участіе князя Хованскаго во всѣхъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ раскольниковъ, очевидно, какъ по извѣстіямъ Романова, такъ и по свидѣтельствамъ Матвѣева и Медвѣдева: онъ является главнымъ посредникомъ между раскольниками и

---

*) Тамъ же, 38. **) СР. с 115.

правительствомъ; онъ старался, сколько отъ него зависѣло, помогать имъ; онъ желалъ доставить имъ побѣду,— и только!

Но въ описаніи Саввы Романова онъ представляется какъ бы впервые освѣдомленнымъ о принятомъ намѣреніи подать Царямъ челобитную, только тогда, какъ ему донесено было о томъ стрѣльцами, такъ точно и изъ послѣдующаго разсказа показывается, что онъ по указанію только стрѣльцевъ теперь познакомился съ О. Сергіемъ, и также услышалъ отъ нихъ имя Никиты, какъ бойца способнаго состязаться *).

Положимъ, что этимъ показаніямъ довѣряться нельзя, что онѣ сочинены для закрытія дѣйствительныхъ подступовъ къ дѣлу, но и вообще мудрено предположить, чтобъ Хованскій, не утвердившись еще на своемъ мѣстѣ, могъ затѣять новое столь важное дѣло, исходъ котораго былъ не вѣренъ, и когда же? Лишь только былъ назначенъ начальникомъ стрѣлецкаго приказа, и среди приготовленій къ царскому вѣнчанію.

Самая организація дѣла указываетъ не на лице, а на общество, и общество книжное, то есть раскольниковъ, къ которымъ теперь и обращаемся.

Дѣло принадлежитъ имъ съ самаго начала, и мы должны принять буквально свидѣтельство Медвѣдева, хотя мимоходомъ, безъ особеннаго ударенія, имъ представленное **).

Никому, кромѣ раскольниковъ, не могла придти въ голову мысль, о представленіи Царямъ челобитной: стрѣльцы не знали и объ чемъ просить, какъ мы видѣли выше, и удивились, когда услышали, какія ереси попали въ богослужебныя книги.

Никто, кромѣ общества раскольниковъ, не могъ предложить всенароднаго разсужденія о вѣрѣ.

Видя разстройство и замѣшательство въ правительствѣ, и силу въ рукахъ стрѣльцевъ, они рѣшились воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами для исполненія пламенныхъ своихъ желаній, и приступили немедленно къ дѣйствію:

---

*) СР. с 114 и 115. **) Медвѣдевъ, у Сахарова, с. 17.

Придумали сочинить челобитную и вытребовать торжественное всенародное прѣніе о церковныхъ вопросахъ, въ которыхъ увѣрены были одержать побѣду, при слабости патріарха.

Въ покровительствѣ князя Хованскаго они были увѣрены, ибо онъ былъ съ ними издавна въ тѣсной связи, и раздѣлялъ ихъ убѣжденія, какъ Соковнинъ и его сестры, Урусова и Морозова, и многіе другіе.

Требованіе свое предъявили они среди придворныхъ приготовленій къ царскому вѣнчанію, чтобъ напасть на правительство въ расплохъ.

Между тѣмъ они начали ходить по улицамъ, какъ свидѣтельствуетъ Матвѣевъ, и проповѣдывать своеученіе *).

Ударъ былъ, вѣроятно, задуманъ и подготовленъ передовыми людьми изъ раскольниковъ.

„Начальствующій же бѣ въ нихъ за той же расколъ прежде изверженный, и потомъ обѣщавшійся того не творити бывшій попъ Никита Пустосвятъ-Суздалецъ.

Его и видимъ мы на сценѣ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ какъ на совѣщаніяхъ, такъ и на словопреніи.

Ему одному и голова отсѣчена, а прочіе пятеро его товарищей подверглись только заточенію.

Хованскій оставался въ сторонѣ, какъ будто ничего не зналъ, и все происходило мимо его, а между тѣмъ онъ могъ дѣйствовать подъ рукою чрезъ своихъ агентовъ, изъ которыхъ главнымъ былъ Алексѣй Юдинъ, выборный Воробина приказа.

Изъ сказанія Романова видно, что Юдинъ на первомъ частномъ совѣщаніи у Патріарха былъ какъ бы представителемъ стрѣльцевъ и начиналъ бесѣду съ Патріархомъ **).

Въ приговорѣ сказано: По злохитростному умышленію князя Ивана, и сына его... и единомышленниковъ ихъ воровъ и раскольниковъ святыя церкви и ругателей, Алешки Юдина съ товарищами... учинили великое смятеніе... ***).

---

*) СР. с. 122. **) У Туманскаго, VI, с. 206. ***) СТП. Т. VI, с. 208.

И въ нынѣшнемъ въ 191 году, сентемврія въ 17 часло... князь Иванъ, и сынъ его... и Алешка Юдинъ съ товарищи за то ихъ многое воровство казнены смертію *).

Юдинъ можетъ быть, и затѣялъ первое совѣщаніе между стрѣльцами на третій день послѣ бунта, какъ возобновить древнюю православную вѣру, въ Титовѣ приказѣ, въ которомъ видно назначено было быть началу, чтобъ отстранить подозрѣніе отъ раскольниковъ.

Дѣйствіе подъ рукою было впрочемъ и съ другой стороны, такъ что изъ нѣкоторыхъ выраженій Романова можно замѣчать, что и Патріархъ, а слѣдовательно и правительство знали о приготовленіяхъ и принимали свои мѣры.

„Видѣвъ въ Титовомъ полку благоразумніи людіе", говоритъ Савва Романовъ, „яко по улещеніи патріарха не бысть въ иныхъ полкахъ согласія о правовѣріи, совѣтъ сотвориша въ своемъ полку съ челобитною ходити по приказамъ, руки прикладывать" **).

Среди этого обхода „бысть между ими пря великая и брань: иніи хотятъ прикладывать, а иніи не хотятъ, *обольстившеся Патріархомъ*.

Планъ содержался въ глубокой тайнѣ—такъ, какъ прежде планъ Ивана Михайловича Милославскаго поднять стрѣльцевъ для доставленія Царевнѣ Софіи въ руки управленія, и послѣ планъ князя Бориса Алексѣевича Голицына для доставленія его Петру.

Савва Романовъ, можетъ быть, не зналъ о приготовленіяхъ, не зналъ, что происходило за кулисами, и началъ описывать только то, что произошло на сценѣ.

Заключаемъ: замыселъ былъ искусно обдуманъ, съ большими надеждами на успѣхъ, а что онъ не удался, отечество тѣмъ обязано твердости, находчивости и рѣшительности Царевны Софіи, которой принадлежитъ честь и слава за оборону православной Церкви.

---

*) Тамъ же, с. 206. **) СР. с. 120.

IV

О КАЗНИ КНЯЗЕЙ ХОВАНСКИХЪ.

За что были казнены князья Хованскіе, отецъ съ сыномъ?

Въ смертномъ приговорѣ отецъ былъ обвиненъ прежде всего въ возбужденіи стрѣлецкаго бунта.

Имѣя предъ глазами всѣ документы, относящіеся къ тому времени, удивляешься, какъ могло состояться такое явно нелѣпое обвиненіе! Съ какою наглостію могло оно быть произнесено предъ глазами современниковъ, которые ясно видѣли весь ходъ дѣла, и знали, кѣмъ и для чего было оно ведено!

Имени князя Хованскаго не встрѣчается ни одного раза ни въ какомъ изъ современныхъ документовъ, относящихся къ первому бунту, а была ли у него какая связь съ стрѣльцами до бунта, нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека.

Для чего нуженъ ему былъ бунтъ? Никакой цѣли предположить у него нельзя.

Если бы онъ хотѣлъ захватить въ свои руки власть, то зачѣмъ же не захватилъ онъ ее тотчасъ, а предоставилъ Царевнѣ Софіи, при которой были князь Голицынъ, И. М. Милославскій и цѣлая сильная партія?

На что ему смерть Матвѣева, Нарышкиныхъ, Долгорукихъ, съ которыми никакихъ враждебныхъ отношеній у него неизвѣстно, точно какъ не было дружескихъ съ прочими дѣйствовавшими лицами того времени? Если скажутъ, что онъ хотѣлъ избавиться отъ противниковъ, то такими противниками должны бы въ этомъ случаѣ сдѣлаться ему не одни Нарышкины съ Матвѣевымъ, но

и Милославскіе, Голицыны, Долгорукіе и проч. Онъ не могъ надѣяться ни на чье согласіе, а напротивъ долженъ былъ опасаться соперниковъ въ обѣихъ партіяхъ и во всемъ обществѣ.

Матвѣевъ приписываетъ веденіе дѣла въ стрѣлецкомъ бунтѣ И. М. Милославскому, не произнося ни единаго слова о Хованскомъ. Чрезъ 50 лѣтъ, когда и Хованскій и Милославскій истлѣли въ своихъ гробахъ, почему-бъ ему было вину Хованскаго перенести свѣдома на Милославскаго? Не могъ выдумать Матвѣевъ ссоры Милославскаго съ Хованскимъ, на что ему такое показаніе?

Еслибъ Хованскій устроивалъ бунтъ, т. е. еслибъ онъ былъ его зачинщикомъ для своихъ цѣлей, то какъ бы никто изъ бояръ, принадлежащихъ къ той или другой партіи, этого не замѣтилъ на Верху, впродолженіи бунта, и не принято тамъ было мѣръ?

Какъ бы могъ онъ, во время бунта, оставаться одинъ одинехонекъ на Верху, въ рукахъ противниковъ изъ обѣихъ партій, которые тотчасъ, увидѣвъ, въ чемъ дѣло, могли бы съ нимъ раздѣлаться?

Еслибъ Хованскій устроилъ бунтъ, то какъ бы явилась на сценѣ Софія, и получила отъ стрѣльцевъ просьбу быть правительницею?

Мы видимъ Хованскаго впродолженіи бунта за одно съ Софіей, какъ бы въ зависимости отъ нея; онъ относился, напримѣръ, къ Царевнѣ Софіи съ объясненіями о Датскомъ резидентѣ.

Сама Царевна Софія назначила Хованскаго начальникомъ стрѣльцевъ послѣ ихъ бунта.

Еслибъ Софія знала его зачинщикомъ бунта, для себя, то какъ бы она могла сдѣлать такой выборъ?

Хованскій, получивъ стрѣльцевъ подъ свое начальство, является прежде всего покровителемъ такъ называемыхъ старообрядцевъ, и принимаетъ участіе въ ихъ дѣйствіяхъ для возстановленія старыхъ церковныхъ порядковъ: еслибъ у него были въ мысли какія важнѣйшія намѣренія, то съ чего сталъ бы даже вмѣшиваться съ самаго начала въ такое опасное дѣло?

Все это такія нелѣпости, которыя не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

Царевна Софія, обвиняя Хованскаго о произведенномъ будто бы имъ бунтѣ, обвинила тѣмъ саму себя.

Обвиненіе изложено сначала въ грамотахъ, разосланныхъ изъ Саввинскаго монастыря по городамъ съ призывомъ ратныхъ людей на помощь Царскому дому, такимъ образомъ:

„По кончинѣ Царя Ѳеодора, Московскіе стрѣльцы всѣхъ приказовъ и Бутырскіе солдаты, по тайному согласію съ бояриномъ нашимъ, княземъ Иваномъ Хованскимъ, намъ Государемъ измѣнили, и весь народъ Московскаго государства возмутили.... а послѣ того, мая въ 15 числѣ, они же воры и измѣнники стрѣльцы и солдаты собрався.... приходили въ Кремль.... при насъ бояръ нашихъ и думныхъ и близкихъ людей, поймавъ, ругательно побили и изъ палатъ пометали.... *) А послѣ того онъ же князь Хованскій ратовали на святую соборную церковь, соединяся съ проклятыми раскольниками съ Никитою Пустосвятомъ и со единомышленниками его.... а послѣ того тѣже воры и измѣнники по своему воровскому совѣту съ бояриномъ кн. И. Хованскимъ и сыномъ его мыслили на насъ, Великихъ Государей, всякое зло и бояръ нашихъ хотѣли побить....“ **).

Тоже обвиненіе изложено и въ прочихъ грамотахъ.

Въ подметномъ письмѣ, на которое грамоты ссылаются, было сказано, что Хованскіе подговаривали доносчиковъ, вмѣстѣ съ другими, извести царской корень и побить бояръ: Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, И. М. Милославскаго, Шереметевыхъ двоихъ и проч. „А какъ государство замутится, и на Московское царство избрали бъ Царемъ его князя Ивана, а Патріарха и властей поставить, кого изберутъ народомъ, которые бы старыя книги любили“ и проч. ***).

*) У Туманскаго т. VI, с. 101.

**) Припомнимъ, что за 4 мѣсяца таже Царевна Софія за всѣ эти дѣла, мая въ 24 день, «выборныхъ стрѣльцовъ призвала и службу ихъ похвалила, а впредь де за ихъ службу имъ ихъ Государская милость будетъ. Медвѣдевъ у Аристова, XXI.

***) Тамъ же, с. 99.

Въ приговорѣ, прочитанномъ князю Хованскому въ Воздвиженскомъ предъ казнію, преступленія его начинаются съ его управленія стрѣлецкимъ приказомъ. Видно, совѣстно было лгать такъ нагло ему въ глаза, что онъ началъ стрѣлецкій бунтъ. Старикъ понялъ, изъ-за чего началось дѣло, и хотѣлъ объясниться „о совершенныхъ заводчикахъ съ начала онаго бунта стрѣлецкаго, отъ кого онъ вымышленъ и учиненъ былъ *). Что касается до обвиненій сына, то онъ готовъ проклясть его, если обвиненія окажутся справедливыми.

Но съ Верху, по наущенію Милославскаго, послѣдовало приказаніе отрубить скорѣе головы Хованскимъ, что долженъ былъ исполнить стрѣлецъ, потому что палача не оказалось.

Разсмотримъ теперь эти обвиненія, предупреждая, что казнь Хованскихъ представляетъ до сихъ поръ много страннаго и непонятнаго.

Онъ хотѣлъ, говорятъ, извести царское семейство и захватить въ свои руки верховную власть.

Какія же доказательства?

Никакихъ, кромѣ голословнаго обвиненія отъ правительства.

Въ обвинительной грамотѣ и у Медвѣдева говорится, что въ Коломенскомъ найдено было подметное письмо съ описаніемъ преступныхъ намѣреній Хованскихъ.

Это подметное письмо (средство самое обыкновенное въ то время) свидѣтельствуетъ гораздо болѣе противъ Царевны Софіи, чѣмъ противъ Хованскихъ, а именно:

Оно не было оглашено въ Коломенскомъ, ибо еслибъ сколько нибудь было оглашено, то должно бъ было дойдти до свѣдѣнія Хованскихъ, и они, разумѣется, приняли бъ свои мѣры.

Въ мнимомъ письмѣ показаны примѣты писавшихъ, по которымъ можно было ихъ найдти и допросить, получить доказательства, узнать подробности, сдѣлать очныя ставки. Ничего этого

---

*) Тамъ же стр. 94.

Софію не зазрила совѣсть взвести небывалыя преступленія на старика, ей нѣкогда преданнаго, вмѣстѣ съ его молодымъ сыномъ, а ея историкъ Медвѣдевъ имѣлъ безстыдство думать объ ихъ увѣковѣченіи, чтобъ обмануть потомство.

Медвѣдевъ позабылъ, что, при описаніи раскольничья смятенья, чрезъ нѣсколько дней послѣ стрѣлецкаго бунта, онъ самъ вложилъ въ уста Хованскаго слѣдующія слова, обращенныя къ боярамъ: „вамъ буди извѣстно, что при нихъ и намъ быти всѣмъ побитымъ, *такъ же какъ и недавними часы нашу братью побили*, и домы наши разграбятъ *).

Медвѣдевъ все это обходитъ, и, не говоривъ ни слова о Хованскомъ, въ описаніи бунта, что было бы необходимо и неизбѣжно, еслибъ было дѣйствительно, повторяетъ свои обвиненія въ грамотахъ, и не прибавляетъ ни слова въ объясненіе.

И о такомъ-то историкѣ Профес. Аристовъ даетъ слѣдующій отзывъ: „какъ человѣкъ образованный по своему времени, и какъ очевидецъ происшествій, С. Медвѣдевъ изложилъ разсказъ объ нихъ въ высшей степени добросовѣстно и безпристрастно". (!!) **).

За что же былъ казненъ Хованскій съ сыномъ?

Онъ зналъ тайны Софіины; онъ былъ нескроменъ, за что получилъ и прозваніе народное—тараруй; онъ былъ хвастунъ и хвастался предъ всѣми боярами своими заслугами, своею силою,—спасеніемъ Москвы отъ кровопролитія; онъ поставилъ противъ себя всѣхъ бояръ образомъ своихъ дѣйствій; наконецъ онъ имѣлъ на своей сторонѣ стрѣльцевъ, которые такъ своевольничали, что возбуждали опасеніе прежнихъ выходокъ,—можетъ быть даже онъ пробалтывался о какихъ нибудь намѣреніяхъ, и Софія могла опасаться, что Хованскій вздумаетъ воспользоваться стрѣльцами, которые готовы были, по его приказанію, дѣлать все ему угодное; наконецъ онъ имѣлъ на своей сторонѣ многихъ раскольниковъ между всѣми сословіями, которые не оставляли своихъ намѣреній.

---

*) Медвѣдевъ у Сахарова, с. 22. **) Аристова Московскія Смуты, с. 2.

Слѣдовательно во всѣхъ отношеніяхъ былъ это человѣкъ опасный, отъ котораго необходимо было избавиться. Всеобщая ненависть, которую онъ внушалъ своимъ высокомѣріемъ, уменьшала опасенія возбудить казнію его противъ себя общее мнѣніе. Мечтанія молодаго Хованскаго давали поводъ къ опасеніямъ другаго рода. Присоединимъ такого убѣдительнаго обвинителя, какъ И. М. Милославскій. Это былъ личный врагъ Князя Хованскаго, который, по его милости, угрожаемый стрѣльцами, бѣгалъ и скрывался, какъ кротъ, по своимъ подмосковнымъ деревнямъ *). Наконецъ, казня Хованскаго, Софіи кстати можно было взвалить на него вину стрѣлецкаго бунта со всѣми его убійствами, вину, которая, въ глазахъ народа, или общества, или значительнаго числа гражданъ, лежала на Царевнѣ Софіи, и помрачала ея славу, возбуждала противъ нея общее, хотя и тайное, осужденіе. Сколько несчастныхъ для Хованскаго обстоятельствъ, которыми искусно умѣлъ воспользоваться Милославскій и убѣдить Царевну покончить съ нимъ разомъ!

Вотъ вѣроятное объясненіе, хотя, повторяю сказанное въ началѣ этого разсужденія, многое все-таки остается здѣсь темнымъ и необъясненнымъ по понятіямъ нашего времени. Какимъ образомъ, напримѣръ, Софія рѣшилась ѣхать въ Коломенское послѣ того, какъ, противъ обыкновенія, не принимала участія въ Донскомъ ходу? Не должна ли она была бояться нападенія, если оно было задумано? Какъ не возвратилась къ дѣйству Новаго года? Вѣдь подозрѣніе должно было непремѣнно возбудиться въ Хованскомъ, если даже многіе бояре оставили Москву, опасаясь возмущенія? Ей надо было быть увѣренной, что она обманетъ Хованскаго? Какимъ образомъ Хованскій далъ себя обмануть, если имѣлъ намѣренія, да и безъ намѣреній онъ долженъ былъ принять свои мѣры, а онъ не принялъ никакихъ и полезъ прямо въ петлю?

Въ объясненіе можно сказать развѣ то, что, по теперешнему нашему прогрессу въ хитростяхъ, тонкостяхъ, предусмотритель-

*) Матвѣевъ, с. 86.

3. Подпись къ портрету его, выгравированному знакомцемъ его, академическимъ мастеромъ Махаевымъ, бывшемъ при его кончинѣ *).

4. Свидѣтельство надзирателя кунсткамеры Бѣляева, преемника Бухвостову, вѣроятно родственнику С. Л. Бухвостова, служившему при академіи 50 лѣтъ **).

---

*) «Первый Россійскій солдатъ Сергѣй Леонтьевъ сынъ Бухвостовъ».

«Изъ придворныхъ служителей, 1683 года, ноября 30-го дня, при началѣ военно-потѣшной службы первѣйшимъ въ оную самохотно предсталъ, потому Государь Петръ Великій тогда же симъ первенствомъ почтить его соизволилъ. Служа потомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку въ бомбардерской ротѣ до оберъ-офицера, былъ въ разныхъ баталіяхъ и многократно раненъ. По кончину служилъ артиллеріи майоромъ. Хотя Его Величество во многихъ случаяхъ изволилъ оказывать къ дальному его повышенію свое монаршее благоволеніе, но онъ по своей набожной кротости всячески убѣгалъ излишняго славолюбія. Родился 1642, скончался 1728 года, ноября 30-го дня. Жилъ больше 86 лѣтъ, былъ росту средняго, силенъ, твердъ, скроменъ и весьма воздерженъ. А по конецъ жизни и самой его кончины свидѣтелемъ былъ Акад. Наукъ ландкарт. грав. и въ перспективѣ М. Михайла Махаевъ».

**) Кабинетъ Петра Великаго, изд. Осипомъ Бѣляевымъ, въ Петербургѣ, 1800, отд. I, с. 48 и отд. III, с. 241.

«Сергѣй Леонтьевъ, сынъ Бухвостовъ, родился въ 1659 году, вступивъ въ службу въ 1674 году, опредѣленъ былъ на мѣсто отца своего Леонтья Бухвостова въ конюшенной чинъ, и служилъ въ томъ чинѣ по 1683 годъ. Потомъ въ томъ же году по имянному Его Императорскаго Величества указу опредѣленъ былъ въ Преображенской полкъ въ число потѣшныхъ. Въ 1695 году опредѣленъ того жъ полку въ бомбардирскую роту. Въ 1698 году пожалованъ въ ту роту капраломъ; въ 1700 сержантомъ, а въ 1706 году въ подпоручики, и служилъ въ помянутомъ полку въ той же ротѣ по 1715 годъ; а послѣ въ томъ же году пожалованъ въ артиллерію въ С.-Петербургской гарнизонъ майоромъ».

«По вступленіи въ службу, былъ онъ, Бухвостовъ, въ разныхъ походахъ, а именно: въ походахъ Троицкихъ, Переславскихъ, Семеновскихъ и Кожуховскихъ. Въ дѣйствительныхъ же походахъ находился онъ въ 1695, 1696 и 1697 годахъ подъ Азовомъ на баталіяхъ, приступахъ и осадахъ; въ 1700 подъ Нарвою при осадѣ и на баталіи; въ 1701 былъ въ походахъ въ Новѣ-городѣ; въ 1702 былъ въ походѣ у города Архангельска, и въ томъ же году при осадѣ и взятьѣ Шлиссельбурга; въ 1703 году при осадѣ и взятьѣ Канецъ, при взятьѣ на морѣ шкутовъ, на баталіи съ Кариньотомъ на Сестрѣ рѣкѣ, и въ походѣ на Ладейномъ полѣ; въ 1704 году былъ при осадѣ и взятьѣ Нарвы; въ 1705 въ походахъ въ Польшѣ и въ Курляндіи, при осадѣ и взятьѣ Митавы; въ 1706, 1707 и 1708 годахъ находился въ походахъ въ Польшѣ

Къ вопросу объ учрежденіи Преображенскаго полка относятся слѣдующіе документы:

5. Просьба императору Петру Великому квартермистра Преображенскаго полка Луки Хабарова, 1724 года, мая 6-го, о наградѣ, съ прописаніемъ разныхъ обстоятельствъ его службы, с. 329.

6. Просьба Данила Новицкаго императрицѣ Екатеринѣ I, въ іюнѣ 1726 года о возвращеніи ему чина съ описаніемъ прежней службы въ Преображенскомъ полку, с. 329.

7. Показаніе Ѳедора Шакловитаго при допросѣ 1689 года, с. 330.

8. Оффиціальный современный (?) списокъ Преображенскаго полка (с. 330).

9. Подлинная вѣдомость за подписью генерала Ивана Бутурлина, 19-го октября, 1721 года, объ офицерскихъ производствахъ въ Преображенскомъ полку, с. 330.

10. Отзывъ князя М. М. Голицына, 1724 года, Кабинетъ-секретарю Макарову на требованіе имъ свѣдѣнія о службѣ, для сочиненія исторіи Свейской войны, с. 331.

11. Вѣдомости и списки Преображенскаго полка *) около 1693 г.

Выберемъ показанія этихъ документовъ и поговоримъ объ ихъ достовѣрности.

№ 1. Бомбардиръ-поручикъ Сергѣй Бухвостовъ переведенъ 23-го октября, 1714 года, въ Петербургскую артиллерію; онъ

и на баталіяхъ подъ Добрымъ и подъ Лѣснымъ; въ 1709 году въ походѣ въ Малороссіи, и въ томъ же году на баталіи Полтавской; въ 1710 году былъ при осадѣ и взятьѣ Выборга и въ походахъ; въ 1711 въ походѣ и на баталіи при Прутской акціи; въ 1712 и 1713 годахъ былъ въ походахъ и атакахъ въ Голстиніи и въ Помераніи, при осадѣ и взятьѣ Штетина, и, находясь при тѣхъ баталіяхъ и осадахъ, былъ раненъ. Во время же всѣхъ оныхъ вышеупомянутыхъ походовъ, баталій, приступовъ, осадъ и атакъ, былъ онъ, Бухвостовъ, всегда при Его Императорскомъ Величествѣ Государѣ Петрѣ Великомъ.

На с. 48 въ I отд. Бѣляевъ, сообщая одно преданіе, касающееся до императора Петра, говоритъ, что «слышалъ его отъ предмѣстника своего надзирателя Кунсткамеры г. Бухвостова, бывшаго еще при жизни Петра Великаго 16-ти лѣтъ, и служившаго при Академіи 50 лѣтъ».

*) Устряловъ, II, с. 557—562.

былъ первый солдатъ Преображенскаго полка, и началъ службу съ 1682 года. Такъ свидѣтельствуетъ ясно оффиціальный документъ, и сомнѣваться въ достовѣрности нѣтъ основанія.

1682 годъ можетъ относиться и вообще къ службѣ Бухвостова, гдѣ бы то ни было, и къ поступленію его въ число солдатъ будущаго Преображенскаго полка, о чемъ будемъ говорить ниже.

№ 2. По извѣстію Минихову Бухвостовъ поступилъ въ бомбардирскую роту при ея учрежденіи въ 1695 году. Это показаніе не вѣрно, ибо есть списки бомбардирской роты, приводимые Устряловымъ, 1693 года.

Какъ могла произойдти ошибка? Ошибка могла принадлежать полковому писарю, которому велѣно было сдѣлать справку. Онъ увидѣлъ имя Бухвостова въ какомъ-нибудь попавшемся на его глаза спискѣ 1695 года въ бомбардирской ротѣ, и между тѣмъ зналъ, слышалъ, что это былъ первый солдатъ, и безъ дальнѣйшихъ справокъ смѣшалъ эти два свѣдѣнія, какъ это случалось и случается часто. Невѣрность заключается впрочемъ только въ лишнихъ словахъ: „при ея учрежденіи“; а поступленіе въ бомбардирскую роту Бухвостова въ 1695 году значится и по другимъ документамъ; въ спискахъ же до этого года имени Бухвостова нѣтъ въ числѣ бомбардировъ.

Изъ Минихова извѣстія все-таки видно, что Бухвостовъ записался первый,—куда? По первому документу—въ Преображенскій полкъ!

Наконецъ Минихъ представляетъ наисильнѣйшее подтвержденіе этому показанію, въ драгоцѣнномъ извѣстіи, что императоръ Петръ велѣлъ вылить статую Бухвостова, какъ перваго русскаго солдата. Родился Бухвостовъ, сказано въ томъ же извѣстіи, въ 1659 году.

№ 3. Надпись подъ портретомъ представляетъ обстоятельное извѣстіе, сообщенное, вѣроятно, самимъ Бухвостовымъ своему знакомцу, граверу Махаеву, или заимствовано имъ изъ какихъ-нибудь документовъ, оставшихся послѣ Бухвостова. Здѣсь сообщается: кто былъ Бухвостовъ? Первый Россійскій солдатъ.

Изъ какого онъ былъ званія? Изъ придворныхъ служителей. Когда онъ поступилъ на военную службу? 1683 года, ноября 30-го. Какая это была служба? Военно-потѣшная. Какъ поступилъ онъ на эту службу? „Первѣйшимъ самохотно предсталъ, — потому Государь Петръ Великій тогда же симъ первенствомъ почтить его изволилъ". Бухвостовъ родился въ 1642 году и умеръ 89 лѣтъ.

Всего важнѣе въ этомъ извѣстіи точное опредѣленіе времени, когда Бухвостовъ поступилъ на военную службу, сдѣлался первымъ солдатомъ; нѣтъ никакого повода усомниться, чтобъ Махаевъ выдумалъ это годовое указаніе, столь точно опредѣленное, съ мѣсяцемъ и числомъ. На что ему это было бы нужно? Притомъ Махаевъ, предъ лицомъ многихъ современниковъ, не могъ сказать что-нибудь о Бухвостовѣ на обумъ, съ опасностію подвергнуться немедленнымъ нареканіямъ и быть уличену во лжи. Ошибку въ годахъ возраста (если она есть, см. ниже), которыхъ не зналъ навѣрное, можетъ-быть, самъ Бухвостовъ, допустить можно, хоть и здѣсь не безъ затрудненія.

№ 4. Бѣляевъ поясняетъ показаніе подписи, въ числѣ какихъ „придворныхъ служителей" состоялъ прежде Бухвостовъ: въ конюшенномъ приказѣ. Онъ подверждаетъ поступленіе его на военную службу въ 1683 году въ потѣшные, т. е. солдаты будущаго Преображенскаго полка. Подробности, представляемыя Бѣляевымъ вообще о всей службѣ С. Л. Бухвостова, заставляютъ предполагать, что въ его рукахъ были какіе-нибудь подлинные документы, какъ и у Махаева.

Годъ рожденія Бухвостова, полагаетъ Бѣляевъ и Минихъ, 1659, а подпись 1642. Г. Устряловъ говоритъ: „кому тутъ вѣрить"? Я думаю Бѣляеву, ибо странно представить себѣ поступленіе на службу въ конюха, на мѣсто отца, человѣку сорокалѣтному; пятнадцати- лѣтному же очень возможно и вѣроятно.

Изъ документовъ, относящихся вообще къ Преображенскому полку, особеннаго вниманія заслуживаетъ оффиціальная подлинная вѣдомость за подписью генерала Бутурлина, 19-го октября 1721 г. (№ 9), по которой можемъ мы судить объ образѣ тогдашняго производства въ чины, напримѣръ: „Г. полковникъ Михайловъ

(самъ государь) объявленъ былъ оберъ-офицеромъ съ 1700 года; былъ въ оберъ-офицерахъ по 1706 годъ, шесть лѣтъ, а съ 1706 г. пожалованъ въ гвардію въ штабъ-офицеры, тому нынѣ въ 1721 г., 16 й годъ. Иванъ Бутурлинъ въ гвардію пожалованъ въ штабъ-офицеры въ 195 году (1687), тому нынѣ 34-й годъ".

Это показаніе очень важно: если Бутурлинъ пожалованъ въ штабъ-офицеры Преображенскаго полка въ 1687 году, то изъ этого слѣдуетъ, вопервыхъ, что онъ служилъ въ полку до 1687, т. е., что полкъ существовалъ уже до 1687 года. Еслибы не существовалъ прежде, то нельзя было бы говорить о пожалованіи, а просто объ учрежденіи, объ опредѣленіи; во вторыхъ, судя по производствамъ послѣ 1700 года, должно заключить, что и предъидущія производства происходили также по истеченіи извѣстныхъ сроковъ, а это указываетъ на то, что полкъ существовалъ много времени, говоря относительно, до 1687 года; наконецъ, въ третьихъ самое различіе оберъ-офицерскихъ и штабъ-офицерскихъ чиновъ, какое видимъ въ 1687 году, могло образоваться не вдругъ.

Оффиціальный списокъ № 8 Преображенскаго полка служитъ новымъ подтвержденіемъ, что полкъ до 1687 года существовалъ довольно долго, ибо въ этомъ году (?) было уже старшинство, и старшими считались: премьеръ-майоръ Иванъ Бутурлинъ, отъ бомбардиръ-поручикъ Степанъ Буженіновъ, подпоручикъ Иванъ Оглоблинъ и прапорщикъ Лазарь Сомовъ. Ясно, что если эти лица были старшими, то другія были младшими, т. е., что прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ образовалось это старшинство.

(Впрочемъ это разсужденіе, можетъ быть, не должно имѣть мѣста, если я не такъ понялъ двусмысленныя слова г. Устрялова, см. ниже).

№ 10. Изъ отзыва князя М. М. Голицына оказывается, что въ 1687 году существовалъ уже и Семеновскій полкъ, ибо онъ въ этомъ году (195) изъ комнатныхъ стольниковъ взятъ въ Семеновскій полкъ въ солдаты и за малолѣтствомъ былъ въ наукѣ барабанной.

Челобитная Луки Хабарова (№ 5) есть драгоцѣнный документъ. Представляя лично императору Петру, проситель не могъ говорить ничего, кромѣ сущей истины. Изъ нея почерпаются любопытныя свѣдѣнія, относящіяся къ Преображенскому полку за „много лѣтъ“ до 1689 года, когда Хабаровъ былъ солдатомъ, и наконецъ пожалованъ капраломъ и послѣ этого до 1692 года.

Въ челобитной унтеръ-лейтенанта Преображенскаго полка Даніила Новицкаго (№ 6) значится, что онъ началъ свою службу лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ бомбардирской ротѣ съ 190 года (слѣдовательно не позже сентября 1682 года). Показаніе не вѣрное, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Показаніе Шакловитаго (№ 7) на допросѣ „что въ прошломъ де во 195 году (1687) въ великой постъ объявилось письмо на Лубянкѣ (подметное, съ угрозами Софіи), а въ то время у великаго государя Петра Алексѣевича учали прибирать потѣшныхъ конюховъ, и отъ того учало быть опасеніе“, слишкомъ неопредѣленно, и на немъ нельзя основываться исключительно: разумѣлъ ли здѣсь Шакловитый начало, или продолженіе.

Объ офиціальныхъ полковыхъ вѣдомостяхъ, заключающихъ несомнѣнныя свидѣтельства, замѣтимъ только, что о первой изъ нихъ нельзя сказать навѣрное, къ которому году она принадлежитъ, что особенно важно. Устряловъ справедливо заключаетъ только, что она составлена прежде 1693 года *).

Соображая всѣ эти показанія источниковъ, какое заключеніе должны мы вывести о томъ, съ какого времени должно начинать исторію Преображенскаго полка?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ соединяется съ отвѣтомъ на вопросъ, когда Бухвостовъ поступилъ на службу, то-есть, сдѣлался первымъ Русскимъ солдатомъ, что свидѣтельствуютъ *единогласно* источники.

Странно, что до сихъ поръ это положеніе, какъ будто по предубѣжденію, не выражалось нигдѣ рѣшительнымъ образомъ,

---

*) Устряловъ, II, стр. 557.

между тѣмъ какъ ясно, кажется, что, если точно Бухвостовъ былъ первымъ солдатомъ (въ чемъ нѣтъ сомнѣнія), то съ него и начался наборъ полка. До него вѣдь не было полка, а съ нимъ полкъ началъ набираться, слѣдовательно, раздѣлять ихъ нельзя. Не даромъ Петръ велѣлъ вылить его статую „изъ металла“.

Въ которомъ же году поступилъ Бухвостовъ на службу въ солдаты?

Источники несогласны: по Преображенскому списку (№ 1) Бухвостовъ поступилъ въ 1682 году, и по просьбѣ Новицкаго (№ 2) полкъ существовалъ уже въ 1682 году, а по извѣстіямъ частнымъ, заслуживающимъ впрочемъ довѣрія, Махаева и Бѣляева (№ 3 и 4), Бухвостовъ поступилъ въ солдаты въ 1683 году.

Который изъ этихъ годовъ достовѣрнѣе? Это стоитъ изслѣдовать, ибо съ этого года должна собственно, какъ замѣчено выше, начинаться исторія Преображенскаго полка, исторія гвардіи, исторія нынѣшняго войска.

Прежде всего, по правиламъ Шлёцеровой критики, надо изслѣдовать, точно ли означенные источники,—списокъ и челобитная Хабарова,—свидѣтельствуютъ о 1682 годѣ.

Въ спискѣ о началѣ службы сказано глухо, и подъ началомъ можетъ разумѣться вообще служба какая-нибудь другая, изъ которой поступилъ Бухвостовъ въ солдаты, но, кажется, вѣрнѣе должно разумѣть полковую, ибо о предыдущей службѣ говорить было бы не нужно; то-есть списокъ какъ бы такъ говоритъ: Бухвостовъ былъ первый солдатъ, и началъ эту службу, поступилъ въ солдаты въ 1682 году.

Во второмъ свидѣтельствѣ Новицкаго Устряловъ видитъ обмолвку, и думаетъ, что Новицкій отнюдь не къ 1682 году относитъ начало своей службы.

„Есть указаніе“, говоритъ онъ, „что въ 1682 году уже былъ сформированъ Преображенскій полкъ: унтеръ-лейтенантъ сего полка Даніилъ Новицкій, въ челобитной императрицѣ Екатеринѣ I, въ іюнѣ 1726 года, испрашивая возвращенія чина капитанъ-лейтенанта (онъ былъ разжалованъ Петромъ по какому-то дѣлу),

говоритъ о началѣ своей службы: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ бомбардирской ротѣ. „Началъ я служить съ 190 года, (слѣдовательно не позже сентября 1682 года), и былъ въ Троицкомъ походѣ“. Изъ этого показанія можно заключить, что въ 1682 году былъ уже Преображенскій полкъ, раздѣлявшійся на роты; но едва ли Новицкій не ошибся въ своей челобитной, написавъ 190 годъ вмѣсто 1690: по крайней мѣрѣ съ сего года онъ числился по списку Преображенскаго полка, а другихъ болѣе свидѣтельствъ о формированіи Преображенскаго полка въ 1682 году мы не имѣемъ. Могло впрочемъ статься, что Новицкій дѣйствительно поступилъ въ число тѣхъ потѣшныхъ, „изъ которыхъ въ 1690 году образовалась бомбардирская рота“ *).

Это разсужденіе г. Устрялова не выдерживаетъ критики.

Онъ думаетъ, что Новицкій ошибся, наименовавъ 190 годъ (отъ сотворенія міра) вмѣсто 1690 года (отъ Р. Х), то-есть, что онъ хотѣлъ сказать о началѣ своей службы въ Преображенскомъ полку въ 1690 году, а не въ 190 (1682). Нѣтъ, счисленіе по годамъ отъ сотворенія міра, не смотря на введеніе по указу новаго лѣтосчисленія, велось долго въ Петрово время между частными лицами; слѣдовательно, предполагать ошибку Новицкаго нѣтъ никакого права. Такъ, князь М. М. Голицынъ, фельдмаршалъ, въ своемъ оффиціальномъ отзывѣ, считаетъ свою службу: въ 195 (1687) году взятъ я въ Семеновскій полкъ, въ 197 (1689) году былъ въ Троицкомъ походѣ, въ 201 (1693) въ Переяславлѣ и пр.

Такъ считаетъ въ просьбѣ своей квартирмистръ Лука Хабаровъ: въ 191 году пожалованъ я изъ недорослей къ комнатѣ, въ 198 году посыланъ изъ Троицкаго монастыря и пр.

Такъ вѣроятно считалъ и Новицкій: не могъ онъ смѣшать два лѣтосчисленія, то-есть, думая объ одномъ лѣтосчисленіи, употребить на словахъ другое, увлекаясь подобнозвучными цифрами. Это все равно, какъ еслибы кто, говоря на одномъ языкѣ, вдругъ вставилъ по ошибкѣ слово изъ другаго языка только потому, что оно звучитъ сходно.

---

*) Исторія Устрялова, т. II, стр. 331.

Положительное же доказательство, что Новицкій вовсе не могъ опредѣлить начала своей службы 1690 годомъ, состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ *послѣ* своего 190 года, который г. Устряловъ исправляетъ 1690-мъ, объ участіи своемъ въ Троицкомъ походѣ, а Троицкій походъ былъ въ 1689 году. Не могъ онъ участвовать въ Троицкомъ походѣ 1689 года, еслибы началъ служить только въ 1690 году. Слѣдовательно, по второй Шлёцеровой критикѣ, въ просьбѣ своей онъ говоритъ именно, что началъ служить лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ бомбардирской ротѣ съ 1682 года, а правильно ли онъ говоритъ, это должна рѣшить,—такъ же какъ и о показаніи Преображенскаго списка, — Шлёцерова высшая, третья критика, критика дѣлъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ два свидѣтельства о началѣ Преображенскаго полка въ 1682 году (списокъ его, начинающійся 1701 года, и просьба Даніила Новицкаго къ императрицѣ Екатеринѣ I), и два свидѣтельства, что исторію его должно начинать съ 1683 года (надпись надъ портретомъ и показаніе Бѣляева, со словъ родственника С. Л. Бухвостова).

Смѣю назвать первыя два показанія о 1682 годѣ неправильными.

Бухвостовъ поступилъ на военно-потѣшную службу не въ 1682 году, какъ отмѣчаетъ Преображенскій списокъ, а въ 1683, какъ свидѣтельствуетъ надпись надъ портретомъ и Бѣляевъ.

Такъ точно и Новицкій могъ поступить въ бомбардирскую роту только въ 191 (1683) году, а не въ 190 (1682), какъ онъ, видно запамятовавъ, ошибкою написалъ въ своей челобитной.

Доказательства: Въ 1682 году Петръ не жилъ почти въ Преображенскомъ. Вспомнимъ, что это былъ за годъ. Это былъ годъ втораго бракосочетанія и потомъ кончины царя Ѳедора Алексѣевича, годъ избранія Петра на царство и стрѣлецкихъ смятеній, продолжавшихся въ разныхъ формахъ вплоть до зимы: въ концѣ августа Дворъ удалился въ Коломенское, и потомъ въ сентябрѣ въ Воздвиженское, гдѣ были казнены Хованскіе, и наконецъ къ Троицѣ, откуда, по усмиреніи стрѣльцевъ, въ Москву возвратился

только 6 ноября 1682 года. Петръ съ матерью едва успѣли опомниться послѣ страшныхъ треволненій, продолжавшихся почти весь этотъ годъ. Тогда было не до потѣхъ! Странно, что никто изъ писавшихъ о военныхъ занятіяхъ Петра, говоря о 1682 годѣ, не припомнилъ, что происходило тогда въ Москвѣ.

Причиною то, что событія общественныя, Московскія, и военныя Петровы занятія, Преображенскія, разсказывались и обсуждались отдѣльно: одни описывали военныя учрежденія Петра и не думали о томъ, что въ это время происходило на Верху въ Москвѣ; другіе, описывавшіе управленіе Московское, не заботились о томъ, что дѣлалось въ Преображенскомъ, между тѣмъ какъ въ 1682 году физически не возможно отдѣлять однѣ отъ другихъ. Взгляните на Москву и на Преображенское вмѣстѣ, и вы увидите, что въ 1682 г. въ Преображенскомъ ничего произойдти не могло. Кипучій, еще не десятилѣтный, мальчикъ связанъ былъ тогда по рукамъ и ногамъ, и долженъ былъ находиться постоянно въ Кремлѣ, на Верху, вмѣстѣ съ матерью, братомъ, Царевной и сопутствовать имъ въ ихъ путешествіяхъ, вольныхъ и невольныхъ.

По возвращеніи Двора (6 ноября) отъ Троицы въ Москву съ обоими Царями, Царевною и вдовствовавшими Царицами, въ дворцовыхъ приказахъ не видать никакихъ военныхъ требованій, ни покупокъ, ни починокъ. Преображенское не упоминается даже до 1683 года.

Замѣтимъ еще, что въ концѣ 1682 года Петръ былъ боленъ; это мы узнаемъ изъ награды дьяку Михаилу Ерофѣеву за то, „что онъ его, великаго государя, легчилъ передъ праздникомъ Рождества Христова.... денегъ 20 рублей, да съ казеннаго двора 10 аршинъ камки нѣмецкія“.

Но, возразятъ, въ самомъ началѣ 1682 года, т. е., въ январѣ, февралѣ, мартѣ, Петръ могъ быть въ Преображенскомъ, и тогда задумалъ учрежденіе особаго своего потѣшнаго полка?

Нѣтъ, едва ли это могло быть, потому что въ началѣ 1682 года, когда ему было только съ небольшимъ девять лѣтъ,—да еще и не былъ онъ Царемъ,—мудрено предположить такую своеобразную затѣю, а черезъ два года, въ концѣ 1683 года, когда ему

шелъ уже двѣнадцатый годъ за половину, это гораздо естественнѣе и вѣроятнѣе. Можно прибавить еще вотъ что: послѣ критическаго 1682 года, это былъ человѣкъ почти другой, какъ бы переживший въ одинъ годъ много лѣтъ, развившійся необыкновенно страшными и разнообразными обстоятельствами этого времени.

Архіепископъ Ѳеофанъ, въ исторіи Петра до Полтавской баталіи, при немъ писанной, говоритъ (стр. 17) объ учрежденіи полковъ *послѣ* возвращенія Двора отъ Троицы въ Москву: „Царь же Петръ, усмиривъ народные мятежи, началъ въ природной себѣ къ дѣлу воинскому охотѣ упражняться. Избравъ отъ сверстныхъ своихъ разные воинскіе чины и рядовыхъ число довольное, конницу и пѣхоту сочинилъ и проч.“.

Такъ представлялось мнѣ дѣло по источникамъ, приводимымъ у Устрялова. Но вотъ является сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ великомъ, изданный г. Есиповымъ въ 1872 году.

Въ этомъ сборникѣ находятся новыя, вполнѣ достовѣрныя показанія о Бухвостовѣ и другихъ лицахъ, имѣющихъ отношеніе къ Преображенскому полку, которыя должны мы разсмотрѣть, согласны ли они съ нашимъ заключеніемъ.

Подъ 1683 годомъ помѣщена тамъ слѣдующая просьба потѣшныхъ конюховъ:

„Царемъ государемъ, Ивану Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, бьютъ челомъ холопи ваши, стряпчіе конюхи, что живемъ мы у вашихъ государевыхъ у потѣшныхъ лошадей, десять человѣкъ, Тимошка Ушаковъ съ товарищи: живемъ мы, холопи ваши, жилые и гулящіе мѣсяцы безперемѣнно, платьишкомъ холопи ваши ободрались и сапоженки обнажились.... смилуйтесь!“

„191 года (1683) августа въ 15-й день, государи пожаловали, велѣли имъ дать на кафтаны по портищу сукна амбурскаго изъ казеннаго приказу, а инымъ та дача не въ образецъ“.

„Роспись стряпчимъ конюхамъ, которые у потѣшныхъ лошадей: Тимоѳей Ушаковъ, Сафонъ Волоховъ, Дмитрій Нееловъ, *Серпый Бухвостовъ*, Филиппъ Сомовъ, Павелъ Антипьевъ, Матвѣй Васильевъ, Иванъ Блиновскій, Иванъ Бурцовъ, *Якимъ Воронинъ*“.

Это извѣстіе опредѣляетъ еще точнѣе прежнюю службу Бухвостова, котораго портретная подпись называетъ придворнымъ служителемъ, а Бѣляевъ поясняетъ: изъ конюшеннаго приказа. Теперь мы узнаемъ, что онъ въ 1683 году былъ конюхомъ у потѣшныхъ лошадей, также какъ и Екимъ Воронинъ, о которомъ намъ нужно будетъ говорить послѣ. Далѣе, если Бухвостовъ еще въ августѣ 1683 года служилъ потѣшнымъ конюхомъ, то не могъ въ 1682 году явиться въ солдаты, какъ то говоритъ списокъ, а въ ноябрѣ 1683 года могъ, какъ говорятъ подпись и Бѣляевъ. (См. еще ниже).

Новое свидѣтельство приноситъ намъ пользу, подтверждая наше мнѣніе о 1683 годѣ, но вотъ другое, доставляемое Есиповскимъ сборникомъ, которое заставляетъ задуматься: Сергѣй Бухвостовъ *изъ стряпчихъ конюховъ* взятъ 1686 года марта 31-го, въ потѣшные пушкари:

„Лѣта 194 (1686) марта въ 24-й день по указу велѣно изъ конюшеннаго приказа въ мастерскую палату прислать стряпчихъ конюховъ: *Якима Воронина, Сергья Бухвостова*, Данилу Картина, Ивана Нагибина, Ивана Іевлева, Сергѣя Черткова, Василья Бухвостова, а что имъ ихъ.... жалованье денегъ по окладамъ и хлѣба, и о томъ.... велѣно отписать. А безъ имяннаго ихъ великихъ государей указу окладовъ ихъ отдавать никому не велѣно. И потому указу тѣ стряпчіе конюхи—Сергѣй Бухвостовъ, Якимъ Воронинъ и проч. посланы. А по окладному списку конюшеннаго чину людей прошлаго 193 году (1685) тѣмъ стряпчимъ конюхамъ: Сергѣю Бухвостову, Якиму Воронину и пр., ихъ 6 человѣкъ, жалованье, оклады были: денегъ по 5 руб., хлѣба по пяти чети ржи, овса тожъ. И марта въ 31-й день того же году они, Сергѣй Бухвостовъ, Якимъ Воронинъ,... изъ мѣстныхъ (штатныхъ)? стряпчихъ конюховъ взяты въ верхъ *въ потѣшные пушкари*, да изъ безмѣстныхъ (сверхъ штатныхъ?): Иванъ Нагибинъ, Иванъ Іевлевъ, Василій Бухвостовъ, а тѣ ихъ мѣстныхъ конюховъ денежные и хлѣбные оклады розданы аргамачьи конюшни стряпчимъ же безмѣстнымъ конюхамъ, которые взяты на ихъ мѣста, а имъ, Сергѣю Бухвостову

съ товарищи, семи человѣкамъ, учинены оклады вновь, сверхъ аргамачьи конюшни стряпческихъ окладовъ, денегъ по 5 рублей человѣку, хлѣба по 5 четвертей ржи, овса тожъ".

Изъ этого извѣстія мы видимъ, что Бухвостовъ взятъ въ мартѣ 1686 года изъ потѣшныхъ конюховъ въ потѣшные пушкари.

Такимъ образомъ мы имѣемъ два показанія, какъ бы противорѣчащія между собою. Добровольное поступленіе на службу въ солдаты несомнѣнно, а съ другой стороны взятіе въ пушкари въ 1686 году изъ потѣшныхъ конюховъ также несомнѣнно! Какъ же онъ могъ быть взятъ, когда онъ прежде *самохотно* первый, въ 1683 году, изъ потѣшныхъ конюховъ явился въ солдаты, и слѣдовательно въ 1686 году уже не былъ конюхомъ? Два несомнѣнныхъ порознь показанія въ противорѣчіи между собою! Тяжелая минута для изслѣдователя! Ихъ надо согласить непремѣнно,— какимъ образомъ?

Долго смущался я этимъ затрудненіемъ,—скажу болѣе,—этимъ противорѣчіемъ двухъ несомнѣнныхъ показаній: самохотно явился въ 1683 году въ солдаты и взятъ изъ потѣшныхъ конюховъ въ пушкари въ 1686 году!

Предположить, что Бухвостовъ, служившій потѣшнымъ конюхомъ въ 1683 году, взятый въ пушкари въ мартѣ 1686 года, *послѣ* уже явился самохотно на потѣшную службу и сдѣлался солдатомъ,—ни коимъ образомъ нельзя. Не говоря уже о томъ, что это противорѣчило бы слишкомъ рѣзко и списку Преображенскаго полка, и свидѣтельству Бѣляева, и подписи подъ портретомъ,—вспомнимъ, что Хабаровъ (см. выше) до 1689 года служилъ въ солдатахъ Преображенскаго полка, по его словамъ, „много лѣтъ", и произведенъ въ капралы, а Хабаровъ во всякомъ случаѣ поступилъ въ солдаты послѣ Бухвостова, ибо тотъ единогласно признается первымъ солдатомъ: гдѣ же найдемъ мы тогда ему „много лѣтъ", на которыя онъ ссылается предъ самимъ Петромъ, если принять поступленіе Бухвостова въ солдаты послѣ 1686 года? Вспомнимъ еще, что въ 1687 году полкъ имѣлъ уже штабъ и оберъ-офицеровъ, и что въ немъ завелось производство и старшинство.

Думалъ я, думалъ, и попалъ вотъ на какую мысль:

Потѣшные солдаты могли числиться, служить, только частнымъ, такъ-сказать, образомъ, въ угожденіе молодому Царю, а *оффиціальная* ихъ служба съ своими окладами шла сама-по-себѣ. Потѣшная служба у Петра сама-по-себѣ, придворная служба, въ оффиціальныхъ спискахъ, сама-по-себѣ, и шли онѣ вмѣстѣ одновременно—одна de jure, другая de facto. Оффиціальный конюхъ, пушкарь, могъ быть и былъ въ то же время потѣшнымъ солдатомъ, могъ быть пожалованъ въ капралы безъ всякаго отношенія къ приказнымъ документамъ, гдѣ онъ продолжалъ значиться по прежнему. Иначе нельзя, кажется, разрѣшить мнимаго противорѣчія. Замѣтимъ при томъ, что Петру не чѣмъ было бы содержать потѣшныхъ солдатъ изъ постороннихъ, чужихъ людей, да и откуда ихъ брать, какъ скликать. Онъ могъ набирать сначала только изъ своихъ придворныхъ служителей, которые, поступая къ нему на потѣшную службу, продолжали числиться въ прежнихъ своихъ должностяхъ придворныхъ и получать прежніе опредѣленные имъ оклады.

Каково же было мое удовольствіе, когда, продолжая читать Есиповскій сборникъ, я нашелъ почти рѣшительное подтвержденіе моей догадкѣ о совмѣстности двухъ службъ, по крайней мѣрѣ по письменнымъ документамъ.

Лука Хабаровъ, квартермистръ Преображенскаго полка, служившій до 1689 года въ солдатахъ „много лѣтъ“, называется въ расходной книгѣ Мастерской Палаты, 1687 года марта 11, постельнымъ истопникомъ *). 1691 года апрѣля 4 и іюня 6—потѣшнымъ конюхомъ, между тѣмъ какъ онъ тогда уже былъ капраломъ.

Въ другихъ окладныхъ книгахъ въ тоже время онъ значится фартермистромъ, 1690 года марта 17, 27, іюня 30, ноября 1, 1691 года ноября 3,—фартермистромъ потѣшнаго строю, 1692 года февраля 8.

---

*) Есиповскаго сборника I, с. 281.

Другой примѣръ. *Степанъ Бужениновъ*, имя котораго сохранилось до сихъ поръ въ названіи одной улицы въ Преображенскомъ, который пользовался особеннымъ благоволеніемъ Государя, судя по частымъ ему наградамъ, и значился во всѣхъ старыхъ преображенскихъ спискахъ то бомбардиромъ, то рядовымъ, служившій въ 1687 году однимъ изъ старшихъ,—въ однѣхъ дворцовыхъ вѣдомостяхъ называется стряпчимъ конюхомъ:

1689 г. ноября 15, велѣно дать.... жалованья, въ приказъ, стряпчему конюху, С. Буженинову, десять рублей.

1690 г. октября 16, жалованье Степану Буженинову исподъ лисей хребтовой, цѣною въ 15 руб.

Въ другихъ запискахъ Буженовъ называется потѣшнымъ конюхомъ:

1690 г. октября 28, потѣшному конюху Степану Буженинову сукна кармазина 5 аршинъ.

Ноября 17, потѣшному конюху Степану Буженинову *аршинъ тафты бѣлой*.

Декабря 9, — исподъ лисей хребтовой въ 15 руб. (брату его исподъ песцовой хребтовой въ 4 руб.).

1691 г. января 17, ихъ, великихъ государей жалованья потѣшному конюху Степану Буженинову сукна кармазина 6 арш., атласу 10 арш., камки 2 портища, мѣрою по 10 арш.

Января 19, потѣшному конюху Степану Буженинову пара соболей, цѣною въ 20 руб., юфть сафьяновъ алыхъ, цѣною 2 р.

Декабря 26, потѣшному конюху Степану Буженинову исподъ пупчатой соболей, цѣною 70 руб., ему же Степану Буженинову пара соболей въ 25 руб., сукна кармазину васильковаго 5 арш., тафты алой 15 арш., атласу краснаго 5 арш., камки луданной портище мѣрою 9 арш.*).

Декабря 29, потѣшному конюху Степану Буженинову портище байберека, золото съ серебромъ, мѣрою 10 арш., зарбафъ по жаркой землѣ травы золоты.

---

*) Есиповскаго сборника I, с. 284, 287. и проч.

Декабря 30, потѣшному конюху Степану Буженинову 8 паръ соболей, цѣною въ томъ числѣ: пара въ 25 руб., пара въ 20 руб., пара въ 15 руб., пара въ 12 руб., пара въ 10 руб., пара въ 8 руб., пара въ 7 руб., пара въ 5 руб.

1693 года, Степану Буженинову на нѣмецкой кафтанъ 18 руб.*).

Но не могъ ли, возразятъ, Степанъ Бужениновъ *послѣ* наградъ и жалованій въ 90 и 91 году поступить изъ потѣшныхъ конюховъ въ солдаты Преображенскаго полка?

Нѣтъ, не могъ; потому что въ одномъ спискѣ до 93 года онъ значится первымъ бомбардиромъ 2 статьи (?), а въ другомъ—первымъ рядовымъ, слѣдовательно, онъ служилъ издавна въ Преображенскомъ полку. Не могъ: ибо въ такомъ случаѣ нельзя бъ ему было сѣсть на голову всѣмъ старшимъ солдатамъ, и занять первое мѣсто въ числѣ бомбардировъ и рядовыхъ—въ полку, гдѣ строго считалось и уважалось старшинство.

О М. Волковѣ говорится напримѣръ, что онъ съ 1687 или 1688 служилъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ солдатствѣ и въ унтеръ-офицерахъ 12 лѣтъ.

Повторяемъ: полковая служба у Петра шла одновременно съ службою придворною—штатною; придворные служители поступали, кому какъ случалось, съ оклада на окладъ, а Петровы солдаты отдѣльно жаловались изъ чина въ чинъ.

Взятіе Бухвостова и Воронина съ товарищами въ потѣшные пукшари въ 1686 году значило только возвышеніе ихъ окладовъ; какъ потѣшные пушкари, они стали получать вдвое противъ окладовъ стряпчихъ конюховъ аргамачьи конюшни, которыми они считались прежде. Можетъ быть и по полковой службѣ они поступили тогда изъ простыхъ солдатъ въ бомбардиры.

Но развѣ были по придворному штату пушкари? На ту пору, вѣроятно, были; въ современныхъ актахъ мы читаемъ извѣстіе, что 30 мая 1683 года пушкарскаго Приказа, гранатнаго и огне-

---

*) Любопытно было бы узнать, почему Степанъ Бужениновъ получалъ такіе частые и дорогіе подарки.

стрѣльнаго дѣла мастерами и учениками произведена была потѣшная огнѣстрѣльная пальба, подъ руководствомъ огнестрѣльнаго мастера Симона Зоммера.

Еще возможно возраженіе: если службы полковая и штатная были раздѣлены, то просьбу Бухвостова съ товарищами о пособіи въ 1683 году должно исключить изъ числа доказательствъ противъ явки его на службу въ солдаты въ 1682 г., какъ мы то приняли выше: Бухвостовъ могъ явиться въ 1682 г. въ солдаты, и въ 1683 году просить о пособіи, какъ стряпчій конюхъ.

Правда, могъ, но мудрено предположить, чтобы, бывъ солдатомъ, могъ быть неодѣтымъ и необутымъ. Въ просьбѣ именно говорится: „живемъ мы холопи ваши жилые и гулящіе мѣсяцы безперемѣнно, платьишкомъ холопи ваши ободрались и сапоженки обнажились.“ Нѣтъ, тогда онъ не былъ еще солдатомъ.

Заключаемъ: въ новыхъ показаніяхъ о Бухвостовѣ, если нѣтъ положительныхъ подтвержденій выведеннымъ нами изъ прежнихъ документовъ заключеніямъ о поступленіи Бухвостовымъ на службу въ солдаты въ 1683 году, то нѣтъ и основательныхъ противорѣчій, а есть подтвержденія косвенныя, изъ коихъ главное — просьба о пособіи въ 1683 году, до 15-го августа; Бухвостовъ былъ тогда *только* потѣшнымъ конюхомъ.

Къ такимъ косвеннымъ подтвержденіямъ должно отнести еще: 1) челобитную Хабарова, который служилъ солдатомъ въ Преображенскомъ полку „много лѣтъ“: ближе 1683 года это не могло быть; 2) исправленную челобитную Новицкаго, начавшаго въ этомъ году службу; 3) вѣдомость Бутурлина и оффиціальный списокъ; 4) что въ 1687 году были въ полку уже не только оберъ, но и штабъ-офицеры; 5) отзывъ Голицына и свѣдѣніе о Волковѣ, что въ 1687 году былъ уже и Семеновскій полкъ.

Возраженій же на 1683 годъ нѣтъ никакихъ.

Итакъ послѣ всѣхъ сихъ мелочныхъ, утомительныхъ и скучныхъ розысканій, справокъ и повѣрокъ, съ совершенною достовѣрностію заключить можно, что лейбъ-гвардіи Преображенскій

полкъ долженъ вести свое начало ноября съ 30 числа 1683 года, когда Сергѣй Леонтьевъ Бухвостовъ, продолжая числиться въ оффиціальныхъ придворныхъ вѣдомостяхъ потѣшнымъ конюхомъ, самохотно предсталъ, по вызову молодаго государя, въ составъ вновь образуемаго имъ полка, и былъ почтенъ отъ него первенствомъ.

Начался полкъ *вызовомъ* охотниковъ, ибо безъ вызова не могъ бы и явиться Бухвостовъ.

За Бухвостовымъ явились: Новицкій, Хабаровъ, вѣроятно, Воронинъ, Лукинъ и проч.

Вызовъ охотниковъ, значитъ,—намѣреніе сформировать особый, собственный, потѣшный полкъ—принадлежитъ двѣнадцатилѣтнему Петру, на другой годъ по возвращеніи его отъ Троицы и укрощеніи стрѣлецкихъ смятеній (1683).

Какъ обрадовался Петръ явкѣ Бухвостова, видно изъ того, что онъ живо запомнилъ эту минуту, и, чуявшій ея значеніе, захотѣлъ увѣковѣчить ее, приказавъ вылить статую перваго солдата. (Мысль объ Исторіи была неразлучна съ Петромъ).

Число охотниковъ увеличивалось, и явилось, вѣроятно, въ послѣдствіи ихъ много и изъ Нѣмецкой слободы. Петръ началъ въ 1687 г. набирать солдатъ, то есть, назначать изъ придворныхъ служителей и даже изъ чиновниковъ, какъ напримѣръ, комнатнаго стольника, князя Голицына. Тогда и пошла молва и произвела опасеніе при дворѣ царевны Софіи, что видно изъ показанія Шакловитаго.

Вновь набираемый полкъ не имѣлъ сначала собственнаго имени. Это былъ потѣшный, личный Петровъ полкъ. Преображенскимъ онъ назывался при случаяхъ въ географическомъ, такъ-сказать, смыслѣ, потому что стоялъ въ селѣ Преображенскомъ, а потомъ такъ назывался въ отличіе отъ подобнаго полка, который стоялъ по сосѣдству въ селѣ Семеновскомъ, и потому назывался Семеновскимъ.

Изъ отзыва князя М. М. Голицына видно, что въ 1687 г. былъ уже Семеновскій полкъ.

Туда поступилъ на службу и М. М. Волковъ, по современному свидѣтельству.

Изъ просьбы Луки Хабарова видно, что полкъ въ 1689 году назывался уже собственно Преображенскимъ, какъ другой Семеновскимъ, *по возвращеніи въ Москву отъ Троицы*: „также и порохъ бралъ съ зеленой мельницы, и провозилъ лѣсами тайно отъ князя Василья Голицына, и былъ при томъ домѣ *въ монастырь неотлучно*. По указу в. в. пожалованъ я въ Москвѣ изъ капраловъ въ квартирмистры въ *Преображенскій полкъ*, и вѣдалъ я пожарное орудіе, потѣшныхъ людей, пушкарей и мастеровыхъ людей Преображенскаго, Семеновскаго, Бутырскаго и Лефортовскаго полковъ“ и проч.

Оба полка долго назывались впрочемъ потѣшными полками, а именно:

1691 года ноября 15-го, дано ихъ в. г. изъ мастерской палаты *Преображенскаго потѣшнаго полку* барабанщику Петру Добрину, 10 рублей.

1692 года октября 30-го, дано жалованья одной новокрещенной иноземкѣ, въ которомъ расписаться велѣно... *Преображенскаго полку потѣшнаго* иноземцу новокрещенному же Микитѣ Маку.

Въ описаніи Кожуховскаго похода (1694) у Желябужскаго *) въ одномъ мѣстѣ названъ „полкъ потѣшныхъ Преображенскій“, а въ другомъ: „полкъ потѣшныхъ солдатъ Преображенскаго полку“, „полкъ потѣшныхъ Семеновскихъ“. **)

1692 года апрѣля 22-го, куплено... тафтъ..., а тѣ тафты и шелки отданы въ *Семеновскій потѣшный полкъ* надѣлать знаменъ.

Въ 1694 году Преображенскій и Семеновскій полки, въ оффиціальныхъ запискахъ называются уже безъ прилагательнаго потѣшныхъ, февраля 27-го, марта 2-го, 3-го, 1695 года марта 8 го и проч.

А когда употреблено въ первый разъ имя гвардіи, я сказать по извѣстнымъ мнѣ теперь документамъ не могу; могу сказать только, что въ челобитныхъ Луки Хабарова (1724) и Данилы

*) *Записки Жел.* 1840, с. 45. **) Тамъ же, с. 36.

Новицкаго (1726), въ надписи подъ портретомъ (1728), въ вѣдомости за подписью генерала Ивана Бутурлина (1721) употребляется названіе лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка *переднимъ числомъ*, то-есть полкъ назывался такъ тогда, когда были писаны эти документы, а назывался ли онъ такъ прежде, утверждать нельзя.

Вотъ мои заключенія изъ тщательно сдѣланныхъ изслѣдованій, по извѣстнымъ документамъ, но вѣроятно есть другіе, коими, къ сожалѣнію, я не могъ воспользоваться, напримѣръ, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ и указаніямъ въ отрывкѣ, попавшемъ мнѣ на глаза, изъ исторіи Преображенскаго полка г. Азанчевскаго. Онъ говоритъ (№ 22 *Русскаго Инвалида* 1857 года), когда въ 1687 году въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ этого года „кликнули кличъ къ охочимъ людямъ“, тогда число потѣшныхъ возросло до того, что для нихъ въ селѣ не достало помѣщенія. Спрашивается: откуда заимствовано выраженіе между занятіями: „Кликнули кличъ къ охочимъ людямъ“?

Устряловъ (II, с. 24) употребилъ это же выраженіе, кажется, со словъ Шакловитаго: „въ прошломъ 195 году (1687) въ великій постъ... у... государя... Петра Алексѣевича учали прибирать потѣшныхъ конюховъ, и отъ того учало быть опасеніе. „Но учали прибирать“, и „кликнули кличъ“ выраженія не равно значительныя. Нѣтъ ли еще другаго основанія?

Нужны свидѣтельства о Семеновскомъ полку, которыхъ должно быть больше, чѣмъ о Преображенскомъ, потому что этотъ полкъ началъ формироваться послѣ Преображенскаго, и вѣроятно, по образцу, по сдѣланнымъ опытамъ.

Нужно критическое описаніе списка лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ 1700 по 1786 годъ, о которомъ говоритъ Устряловъ въ примѣчаніи 9, на с. 328. Къ какому времени принадлежитъ рукопись? Или это списокъ подлинный? Съ котораго времени веденъ онъ и какимъ образомъ? Когда первоначально составленъ списокъ? Заносились ли имена служащихъ по мѣрѣ вступленія ихъ на службу, или въ извѣстные періоды? Отмѣтка о переходѣ Бухвостова въ Петербургскую артиллерію въ 1714 году сдѣлана тогда же или послѣ? Списокъ нужно напечатать.

Нужно напечатать вполнѣ извѣстіе, сообщенное Минихомъ по случаю кончины Бухвостова въ 1728 году, и навести справку въ подвалахъ Академіи Художествъ, Эрмитажа или Кунсткамеры, не скрывается ли гдѣ-тамъ, какъ Рафаелевъ Амуръ, статуя Бухвостова, вылитая Растрелли. Куда и какъ могла она пропасть? Нѣтъ ли еще гдѣ-нибудь какихъ извѣстій объ ея изготовленіи, объ ея существованіи? Узнать, если можно, съ чего былъ выгравированъ портретъ?

Нужно напечатать вполнѣ просьбу Луки Хабарова (№ 5), также Даніила Новицкаго (№ 6), оффиціальный списокъ Преображенскаго полка (№ 8), въ коемъ, по извѣстію г. Устрялова с. 330, за исключеніемъ одного Бухвостова, самыми старшими по службѣ съ 1687 года числились слѣдующія лица: „премьеръ-майоръ Иванъ Бутурлинъ, отъ бомбандиръ-поручикъ Степанъ Буженинов, подпоручикъ Иванъ Оглоблинъ и прапорщикъ Лазарь Сомовъ.“ Къ какому времени принадлежитъ этотъ списокъ? Кому принадлежатъ слова: „за исключеніемъ Бухвостова?“ Списку или Устрялову? Что разумѣть подъ старшинствомъ и чинами поименованныхъ лицъ? Были ли это чины ихъ тогда, какъ составленъ списокъ? Когда же составленъ списокъ? или почему можно полагать о времени его сочиненія? Что значатъ слова: „считались старшими съ 1687 года?“ Почему старшинство считается съ 1687 года? Кому принадлежатъ эти слова? Какъ могли Бутурлинъ, Буженинов, Оглоблинъ и Сомовъ считаться старшими только съ 1687 года, если они начали службу прежде? Притомъ мы знаемъ, что Бутурлинъ пожалованъ въ 1687 году, слѣдовательно, онъ служилъ прежде? Какія имена помѣщены въ этомъ спискѣ?

Нужно напечатать подлинную вѣдомость (№ 9) за подписью генерала Ивана Бутурлина, 1721, гдѣ говорится о производствѣ въ чины офицеровъ Преображенскаго полка. Всѣхъ ли офицеровъ производство тамъ означено, или только поименованныхъ въ замѣчаніи, то-есть самого Петра, Меньшикова и Бутурлина?

Изслѣдованіе наше производилось по современнымъ источникамъ: разсмотримъ теперь сказанія и разсужденія старыя и новыя, о началѣ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго, то-есть о началѣ гвардіи.

Первое сказаніе, которое должно быть отнесено вмѣстѣ и къ числу источниковъ, принадлежитъ графу Андрею Артамоновичу Матвѣеву въ его запискахъ о стрѣлецкихъ бунтахъ *) и пр. Оно для насъ тѣмъ важнѣе, что Матвѣевъ самъ находился при молодомъ Царѣ въ числѣ его стольниковъ въ то время, какъ начиналось это дѣло **).

Предлагаемъ свидѣтельство Матвѣева:

„Его царское величество *повелѣлъ набрать изъ разныхъ чиновъ людей молодыхъ, и учить ихъ* пѣхотнаго и коннаго упражненія во всемъ строго, а съ нѣкоторыми и самъ повсевременнымъ тѣмъ обученіемъ и трудами своими, какъ Россійскихъ, такъ и окрестныхъ государствъ военнымъ наукамъ и хитростямъ презрядно изучася уже навыкъ.

„Оныхъ молодыхъ *солдатъ*, не по лѣтамъ своимъ всему воинству строго обученныхъ, повелѣлъ *мундиромъ темно-зеленаго цвѣту* убрать, и всѣмъ надлежащимъ ружьемъ въ самомъ прямомъ порядкѣ честно учредить, и назвать ихъ въ то время потѣшными, къ которымъ приставлены были тогда штабъ-и оберъ и ундеръ-офицеры изъ *фамилій извѣстныхъ*, комнатные его царскаго величества люди, для содержанія всегдашняго ихъ въ добромъ томъ воинскомъ обученіи,

---

*) У Туманскаго ч. I, с. 194 и пр.

**) Вотъ на то доказательства: 192 года, сентября въ 11-й день (1683) въ хороны (отпущено) 26 алтынъ 4 деньги. Взялъ стольникъ *А. А. Матвѣевъ*, а сказалъ, что на тѣ деньги куплетъ конь деревянный.

1683 года, декабря 29-го, въ хороны 5 рублевъ принялъ окольничій Т. Н. Стрѣшневъ, а сказалъ, тѣ де деньги изволилъ великій государь послать со стольникомъ *А. А. Матвѣевымъ* въ монастырь къ Александру Свирскому чудотворцу на колебень и милостыню.

1684 года марта 5-го, указали великому государю дать стольнику *А. А. Матвѣеву* 10 аршинъ бархату темнокоричневаго венецейскаго, двѣ половники суконъ англійскихъ.

Ступано, что въ этотъ же день куплены въ государевы хороны еще конь деревянный, давъ 23 алтына 2 деньги, да 8-го сентября куплены два конька деревянныхъ, 23 алтына 2 деньги и конь деревянный цѣною 13 алтынъ 4 деньги.

Я думаю даже, что сначала въ оборотѣ было только слово полкъ. Петръ вздумалъ набрать себѣ полкъ, явились охотники, первый—Бухвостовъ, и они, разумѣется, поступивъ въ полкъ, получили названіе солдатъ тотчасъ съ прилагательнымъ потѣшныхъ, какъ и предъ тѣмъ назывались потѣшными конюхами.

Подъ потѣшными всегда подразумѣвать должно солдатъ, какъ и Матвѣевъ называетъ ихъ иногда правильно полнымъ именемъ, такъ: „въ селѣ же своемъ Преображенскомъ въ рощахъ во всегдашнихъ обученіяхъ тѣхъ воинскихъ ихъ *солдатъ потѣшныхъ* не оставилъ“, и еще: „которому искусству (осаду) они *потѣшные солдаты* прямо изучались“ *).

Иногда же, для сокращенія, Матвѣевъ употребляетъ одно прилагательное—потѣшные, какъ бы существительное, подразумѣвая только солдатъ: „и со дня на день оной корпусъ тѣхъ потѣшныхъ умножался“ **). Подъ потѣшными въ такомъ случаѣ всегда разумѣются солдаты.

Слово—потѣшные, впослѣдствіи, особенно въ литературѣ, вошло въ общее употребленіе, и изъ прилагательнаго сдѣлалось существительнымъ.

Поговоримъ теперь объ извѣстіи достопочтеннаго труженика Русской Исторіи Миллера, которое оставилъ онъ о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ гвардіи ***).

„Послѣ кончины Царя Ѳедора Алексѣевича Царевна Софія государствомъ правила.... Молодой государь *Петръ Алексѣевичъ* собралъ къ себѣ небольшое число равныхъ съ нимъ лѣтъ юношей, съ коими, какъ тогда казалось, единственно для своего увеселенія, (чего ради и *потѣшными* названы были), упражнялся въ воинскихъ экзерциціяхъ, но самымъ дѣломъ чрезъ то положилъ основаніе новому воинскому учрежденію.“

Нѣтъ, Миллеръ смѣшалъ здѣсь два разныхъ времени: когда Петръ, дитя отъ пяти до десяти лѣтъ, игралъ съ своими ровесниками, такъ называемыми робятками,—положимъ до 1682 года,—

---

*) Матвѣевъ у Сахарова, с. 49. **) Такъ же, с. 7.

***) У Туманскаго VII, стр. 299 и проч.

тому времени, когда онъ былъ уже Царемъ, и послѣ стрѣлецкаго бунта. Сдѣлавшись же Царемъ, весь 1682 годъ онъ былъ занятъ, какъ мы видѣли выше, внѣ Преображенскаго.

О прочихъ извѣстіяхъ или выраженіяхъ замѣтимъ: „Петръ велѣлъ набрать“, говоритъ Матвѣевъ, „молодыхъ людей изъ разныхъ чиновъ.“ Нѣтъ, не велѣлъ, а вызвалъ охотниковъ, ибо мы знаемъ на Бухвостовѣ, что онъ первый самоохотно явился, и за то государь почтилъ его первенствомъ, и велѣлъ вылить изъ металла его статую. Дѣло началось вызовомъ, а впослѣдствіи уже употреблялся и наборъ: „начали прибирать“.

Матвѣевъ выразился такъ, считая какъ бы неприличнымъ, по своимъ придворнымъ понятіямъ, чтобы дѣлалось что-нибудь само собою, помимо царской власти.

Точно также не хотѣлось ему употребить имя потѣшныхъ *конюховъ*, какъ не благоприличное и унизительное для гвардіи, и онъ составляетъ полки „изъ молодыхъ людей разныхъ чиновъ“.

Первые потѣшные солдаты были изъ потѣшныхъ конюховъ: мы знаемъ, по документамъ, Бухвостова, Воронина, Буженинова, Хабарова, Лукина.

Потѣшные солдаты при дворѣ Царевны Софіи продолжали слыть подъ именемъ потѣшныхъ конюховъ,—и она, съ своими приверженцами, употребляла это имя въ насмѣшку и брань.

Не было также, да и не нужно было, повелѣнія Петра называть вновь набиравшійся имъ полкъ солдатъ потѣшными. Потѣшный—сначала это слово, которому досталось такое важное значеніе въ Русской Исторіи, было только прилагательное. Оно приложилось тотчасъ само собою, безъ всякаго повелѣнія, ко вновь набиравшимся солдатамъ, какъ прикладывалось къ вещамъ и людямъ, употреблявшимся для потѣхи молодаго Царя съ первыхъ его лѣтъ: потѣшныя книги, тетради, потѣшные луки, стрѣлы, палаши, набаты, пушки, потѣшныя огнестрѣльныя дѣла, потѣшные мосты, корабли, потѣшныя лошади, конюхи у потѣшныхъ лошадей, потѣшные конюхи, потѣшные солдаты.

Я думаю даже, что сначала въ оборотѣ было только слово полкъ. Петръ вздумалъ набрать себѣ полкъ, явились охотники, первый—Бухвостовъ, и они, разумѣется, поступивъ въ полкъ, получили названіе солдатъ тотчасъ съ прилагательнымъ потѣшныхъ, какъ и предъ тѣмъ назывались потѣшными конюхами.

Подъ потѣшными всегда подразумѣвать должно солдатъ, какъ и Матвѣевъ называетъ ихъ иногда правильно полнымъ именемъ, такъ: „въ селѣ же своемъ Преображенскомъ въ рощахъ во всегдашнихъ обученіяхъ тѣхъ воинскихъ ихъ *солдатъ потѣшныхъ* не оставилъ“, и еще: „которому искусству (осаду) они *потѣшные солдаты* прямо изучались“ *).

Иногда же, для сокращенія, Матвѣевъ употребляетъ одно прилагательное—потѣшные, какъ бы существительное, подразумѣвая только солдатъ: „и со дня на день оной корпусъ тѣхъ потѣшныхъ умножался“ **). Подъ потѣшными въ такомъ случаѣ всегда разумѣются солдаты.

Слово—потѣшные, впослѣдствіи, особенно въ литературѣ, вошло въ общее употребленіе, и изъ прилагательнаго сдѣлалось существительнымъ.

Поговоримъ теперь объ извѣстіи достопочтеннаго труженика Русской Исторіи Миллера, которое оставилъ онъ о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ гвардіи ***).

„Послѣ кончины Царя Ѳедора Алексѣевича Царевна Софія государствомъ правила.... Молодой государь *Петръ Алексѣевичъ* собралъ къ себѣ небольшое число равныхъ съ нимъ лѣтъ юношей, съ коими, какъ тогда казалось, единственно для своего увеселенія (чего ради и *потѣшными* названы были), упражнялся въ воинскихъ экзерціяхъ, но самымъ дѣломъ чрезъ то положилъ основаніе новому воинскому учрежденію.“

Нѣтъ, Миллеръ смѣшалъ здѣсь два разныхъ времени: когда Петръ, дитя отъ пяти до десяти лѣтъ, игралъ съ своими ровесниками, такъ называемыми робятками,—положимъ до 1682 года,—

---

*) Матвѣевъ у Сахарова, с. 49. **) Тамъ же, с. 7.

***) У Туманскаго VII, стр. 299 и проч.

и когда двѣнадцатилѣтный отрокъ, въ 1683 году, задумалъ устроить себѣ полкъ и вызывалъ охотниковъ. Съ робятками были у него потѣшныя игры военныя, но у робятокъ не было этого постояннаго имени. Вторые, вызванные охотники, не были отнюдь его ровесниками: это были совершеннолѣтные конюхи, которые сдѣлались солдатами и прозывались въ общемъ оборотѣ потѣшными, потому что употреблялись для потѣхи, а не для войны, о которой нечего было и думать.

Набираніе потѣшныхъ Миллеръ относитъ неправильно къ 1687 году: „Какъ къ набиранію *потѣшныхъ*, и къ снабженію оныхъ всѣмъ надлежащимъ, продолжительнаго пребыванія въ *Преображенскомъ* требовалось, то первое такое пребываніе въ разрядныхъ записныхъ книгахъ упоминается не прежде, какъ въ 1687 году; почему вѣроятно, что и не прежде, какъ тогда, набираніе *потѣшныхъ* начало возъимѣло“.

Мы видѣли по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, что набираніе происходило гораздо раньше, съ 1683 г., а касательно пребыванія въ Преображенскомъ, то и прежде 1687 года Петръ часто живалъ подолгу въ Преображенскомъ, какъ извѣстно по документамъ.

Мнѣніе о Лефортѣ, которому Миллеръ приписываетъ мысль, поданную имъ Петру о набираніи потѣшныхъ и потомъ самое обученіе имъ потѣшныхъ, основательно опровергнуто Устряловымъ.

Прибавимъ, что по оглащеннымъ нынѣ первымъ спискамъ и вѣдомостямъ Преображенскаго полка имени Лефортова нигдѣ нѣтъ.

Далѣе Миллеръ говоритъ *), что потѣшныхъ сперва было не болѣе одной роты состоящей изъ 50 человѣкъ“ (это могло быть, но слѣдующее не согласно съ прочими источниками), надъ коею капитаномъ былъ Лефортъ“. Имени Лефорта нѣтъ ни въ какихъ спискахъ Преображенскаго полка, „а отъ арміи былъ онъ полковникомъ, и между сими потѣхами набралъ себѣ особливый полкъ, по его имени Лефортовскимъ называемый“. Этого извѣстія также

*) У Туманскаго VII, стр. 303.

нѣтъ нигдѣ, а извѣстно, что Лефертовскимъ названъ первый выборный (Елецкій?), который прежде находился подъ начальствомъ полковника Захарова, какъ Бутырскій подъ начальствомъ Гордона.

Впрочемъ о происхожденіи и началѣ этихъ полковъ нужно бы особое изслѣдованіе. Куда они дѣлись? Жаль, что не сохраняется ихъ память.

„Но потѣшныхъ прибавлялось", продолжаетъ Миллеръ, „ежегодно толикое число, что въ Преображенскомъ уже не умѣщалось. Часть ихъ поселилась въ близлежащемъ *Семеновскомъ* селѣ, отъ чего *потѣшные* на *Преображенскихъ* и *Семеновскихъ* раздѣляться стали". Слѣдующему замѣчанію нельзя не отдать справедливости: „При чемъ многіе были изъ дворянъ, особливо изъ тѣхъ, коихъ отцы, какъ при дворѣ двѣ открытыя партіи были, молодому царю *Петру Алексѣевичу* преимущественно нравиться старались. Между тѣмъ государь многихъ придворныхъ и конюшенныхъ служительскихъ дѣтей къ себѣ въ *потѣшные* прибралъ, кои, можетъ быть, дворанъ числомъ и превосходили. О князѣ М. М. Голицынѣ, который наконецъ былъ фельдмаршаломъ, объявляется въ печатномъ родословіи князей Голицыныхъ, что въ 1687 году вступилъ онъ изъ стольниковъ комнатныхъ гвардіи въ Семеновскій полкъ, въ должность рядоваго солдата, подражая тѣмъ своему монарху, съ которымъ онъ имѣлъ щастіе служить товарищемъ".

„Видно", замѣчаетъ при этихъ словахъ Миллеръ, „что надлежало бы написать *вступилъ* въ потѣшные, потому что гвардіи полковъ еще не было, и былъ въ *рядовыхъ потѣшныхъ*, а когда изъ потѣшныхъ сдѣлались Преображенскій и Семеновскій полки, то въ послѣднемъ онъ и въ чины произошелъ".

Миллеръ жалуется здѣсь на неточность, но и самъ выражается, хоть и точнѣе, но не совсѣмъ; надо было бы сказать: „вступилъ въ потѣшные солдаты" и „былъ въ рядовыхъ потѣшныхъ солдатахъ" и проч.

Далѣе: Князь Голицынъ вступилъ не вообще въ потѣшные, а именно въ тотъ полкъ, который стоялъ въ Семеновскомъ, и назывался уже Семеновскимъ по мѣсту своего пребыванія.

Наконецъ, Миллеръ возражаетъ несправедливо, говоря: „чтобы (государь) дѣйствительнымъ солдатомъ числился и въ солдатскомъ спискѣ состоялъ, сего по достовѣрнымъ россійскимъ свидѣтельствамъ не явствуетъ“. „Равнымъ образомъ иностранные писатели, никакими россійскими свидѣтельсвами будучи не подтверждаемы, повѣствуютъ, якобы государь военную свою службу *въ потѣшныхъ* началъ барабанщикомъ. Въ барабанъ бить есть дѣтская игрушка, и едва бы сносно было то сказать объ одинадцатилѣтнемъ государѣ, еслибы *потѣшные* въ 1683 году начались; а въ 1687 году государю уже 15-й годъ исполнился: въ такихъ лѣтахъ государю, столь великихъ качествъ, дѣтскія игрушки приписывать неприлично“.

Напротивъ, очень ясно явствуетъ, и самъ Матвѣетъ говоритъ: „всѣ тѣ, начавъ отъ барабанщичья чина, солдатскіе чины прямыми своими заслугами прошелъ“. Да и по спискамъ Преображенскимъ Петръ числился долго бомбардиромъ. Миллеръ, напуганный слѣдствіемъ объ его разсужденіи, (*О происхожденіи Россійскаго народа*), осужденномъ за неуваженіе къ предмету, боялся утверждать что либо такое, что могло бы по тогдашнимъ понятіямъ служить къ предосужденію царскаго достоинства.

Намъ остается разобрать эпизодъ изъ *Исторіи Петра I*, г. Устрялова. Много труда, это видно, положилъ онъ на рѣшеніе вопроса, и имѣетъ за то право на нашу благодарность, но разсказъ его исполненъ неточностей и неясностей, двусмысленностей и поводовъ къ недоразумѣніямъ.

Начало онъ передаетъ почти слово въ слово по Матвѣеву, нами выше разобранному: „отъ молодыхъ ногтей“, по словамъ современника, „страстно любя ратное дѣло, Петръ уже въ отроческіе годы, со своими сверстниками, съ товарищами дѣтскихъ игръ, въ тѣнистыхъ рощахъ села Преображенскаго, проводилъ цѣлые дни въ воинскихъ забавахъ, учился съ ними солдатскому строю, сооружалъ земляныя крѣпостцы и бралъ ихъ штурмомъ. Юные сподвижники его получили названіе потѣшныхъ“ *).

*) Т. II. стр. 23.

но чтобъ въ этомъ году *возникли* Преображенскій и Семеновскій полки, сказать никакъ нельзя: ибо Преображенскій полкъ начался или возникъ въ 1683 году, а Семеновскій не вмѣстѣ съ нимъ, а послѣ него, когда охотникамъ не достало мѣста въ Преображенскомъ.

Есть еще у г. Устрялова извѣстіе, имѣющее отношеніе къ военнымъ занятіямъ Петра: „Неизвѣстны также“, говоритъ онъ, „и первые товарищи его дѣтскихъ игръ, за исключеніемъ двухъ, Екима Воронина и Григорья Лукина: оба они, по достовѣрному свидѣтельству, воспитывались вмѣстѣ съ Государемъ и впослѣдствіи положили свои головы подъ стѣнами Азова“ [1]).

Екима Воронина мы видимъ, по первому напечатанному списку, въ числѣ бомбардировъ, а въ спискѣ 1693 года — сержантомъ, вмѣстѣ съ многими другими: почему жъ г. Устряловъ его одного изъ всего этого числа считаетъ однимъ изъ первыхъ товарищей Петровыхъ игръ? Еще болѣе: Екимъ Воронивъ былъ вмѣстѣ съ Бухвостовымъ стряпчимъ конюхомъ у потѣшныхъ лошадей въ 1683 году, слѣдовательно—никакъ не сверстникомъ десятилѣтнаго Петра. Онъ взятъ былъ изъ конюшеннаго Приказа также вмѣстѣ съ Бухвостовымъ въ Верхъ въ число потѣшныхъ пушкарей въ 1686 году.

Окладъ стряпчимъ конюхамъ былъ: „денегъ цо 5 рублей, хлѣба по 5 чети ржи, овса тожъ“, [2]) а потѣшнымъ пушкарямъ „учинены оклады вновь, сверхъ аргамачьи конюшни стряпческихъ окладовъ, денегъ по 5 руб. человѣку, хлѣба по 5 четв. ржи, овса тожъ“. Въ 1682 году сержанту Воронину велѣно дать сукна 5 арш. кармазину [3]).

Григорья Лукина въ означенныхъ спискахъ нѣтъ, но онъ считался потѣшнымъ конюхомъ еще въ 1691 году. Ему пожаловано 1691 года: 30 января, камки желтой 7 арш. [4]) 13 февраля, 10 р., 22 февраля, тафты желтой 8 арш. [5]) 30 октября, 10 руб. [6]) 5 декабря, исподъ песцовой, хребтовой, цѣною въ 4 р. [7]).

---

[1]) Устр. т. II, стр. 23. [2]) Сборникъ Есипова, т. 1. стр. 68. [3]) Ibid. стр. 129. [4]) Ibid. стр. 287. [5]) Ibid. стр. 288. [6]) Ibid. стр. 124. [7]) Ibid. стр. 317.

Устряловъ основывается, вѣроятно, на свидѣтельствѣ Гордона, что они воспитывались съ нимъ (they being both bped up with him). Почему Гордонъ такъ отозвался объ нихъ, трудно понять. Вѣроятно только потому, что принадлежали къ числу первыхъ потѣшныхъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлались неотлучными товарищами Государя.

Въ Исторіи Россіи г. Соловьева нѣтъ ничего относящагося къ изслѣдованнымъ нами вопросамъ.

Въ Исторіи Преображенскаго полка г. Азанчевскаго (1859) приводится въ примѣчаніяхъ (с. 2) списокъ служившимъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку съ начала его основанія. Тамъ показаны служащими: съ 1682 Сергѣй Бухвостовъ, Семенъ Жаркой, Иванъ Горожанкинъ; съ 1683—Лука Хабаровъ; съ 1684—Андрей Быковъ, Ѳедоръ Степановъ, Иванъ Парѳентьевъ; съ 1685—Логинъ Борисовъ, Тимоѳей Бутыгинъ; съ 1686—Терентій Киселевъ; съ 1687 — Иванъ Бутурлинъ, Степанъ Бужениновъ, Илья Сбруевъ, Иванъ Оглоблинъ, Игнатій Нелюбовъ и проч.

Но къ какому времени принадлежитъ этотъ списокъ, на чемъ онъ основанъ, подлинный, списанный (копія), современный или позднѣйшій,—не приведено никакихъ свѣдѣній, и потому пользоваться имъ до времени критика не позволяетъ. Вѣроятно, списокъ составленъ поздно по наличнымъ во время составленія солдатамъ, ибо не изъ двухъ же трехъ солдатъ состоялъ полкъ въ первыхъ годахъ; потому показанія его и должны подвергнуться критикѣ наравнѣ съ прочими документами.

Желательно, чтобъ этотъ списокъ, равно какъ и другіе, о которыхъ г. Азанчевскій упоминаетъ на с. 4 примѣчаній, были напечатаны.

VII

О ДѢЛѢ ШАКЛОВИТАГО, И ОБЪ УТВЕРЖДЕНІИ ПЕТРОВА ЕДИНОДЕРЖАВІЯ.

Мы должны теперь изслѣдовать исторію послѣдней распри Царевны Софіи съ Петромъ, которая кончилась его единодержавіемъ.

Приступая къ изслѣдованію, выразимъ прежде всего сожалѣніе, что слѣдственное дѣло о Шакловитомъ до сихъ поръ не только не напечатано, но и не собрано, не приведено въ порядокъ, не извѣстно вполнѣ, ибо всѣ такъ называемые свитки, которыми пользовались Устряловъ и Аристовъ, составлены или склеены часто наудачу или наобумъ, съ большими пробѣлами. Могу сказать это рѣшительно, перечитавъ по многу разъ выдержки г. Аристова, главы изъ Исторіи г. Устрялова, обнимающія это событіе, и копію, находящуюся въ Археографической коммиссіи. Дѣло подвергалось какимъ-то случайностямъ, и нѣкоторыя части его попали въ частныя руки. Покойный Графъ Віелегорскій, молодой собиратель матеріаловъ для Русской исторіи, говорилъ мнѣ еще въ 1839 году, въ Римѣ, что у него было дѣло о Шакловитомъ. Устряловъ упоминаетъ о двухъ частныхъ собраніяхъ, въ коихъ, какъ онъ слышалъ, находятся отрывки.

Еслибъ мы видѣли ясно весь ходъ дѣла, еслибъ имѣли въ послѣдовательномъ порядкѣ доносы или извѣты, потомъ допросы, вслѣдствіе доносовъ сдѣланные, отвѣты или объясненія, далѣе очныя ставки, и признанія, тогда легче было бы отыскивать истину чрезъ сличеніе показаній и соображеніе обстоятельствъ. Даже объ сохранившихся отрывкахъ изъ дѣла встрѣчаются разногласія: Устряловъ ссылается на такія показанія, которыхъ нѣтъ у Аристова. Мы примемъ ихъ въ соображеніе, ибо не можемъ подозрѣвать Устрялова въ выдумкѣ: дѣло другое,—какъ онъ принималъ и объяснялъ эти показанія; въ этомъ можно съ нимъ не соглашаться.

Замѣтимъ въ заключеніе, что изъ читавшихъ дѣло въ подлинникѣ, Устряловъ увлекался желаніемъ обвинить Софію, Аристовъ,—желаніемъ оправдать ее, и проч.

Употребимъ испытанный нами при изслѣдованіяхъ этого рода пріемъ математическій, непонимаемый нашими недоучками, идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ несомнѣннаго, яснаго, къ неясному, сомнительному.

Въ ночь съ 7 на 8 августа Петръ ускакалъ внезапно изъ Преображенскаго въ Троицкій монастырь, спасая жизнь свою бѣгствомъ.

Это есть важнѣйшее событіе, которымъ положено основаніе рѣшенію распри между имъ и сестрою, въ его пользу, какъ прежде отъѣздъ Царевны Софіи съ братьями и Дворомъ въ Коломенское, а оттуда въ Саввинъ монастырь и Троицкую лавру, рѣшилъ судьбу князя Хованскаго.

Съ другой стороны побѣгъ Петровъ проливаетъ свѣтъ на предшествовавшія обстоятельства, о которыхъ можемъ мы судить на основаніи этого многозначительнаго даннаго. Его должно изслѣдовать тщательно.

Если Петръ бѣжалъ, то значитъ, что жизнь его въ Преображенскомъ подверглась опасности, и онъ получилъ въ томъ удостовѣніе.

Такъ ли это было? Точно ли онъ бѣжалъ опрометью изъ Преображенскаго?

Это было точно такъ, и мы имѣемъ вѣрнаго свидѣтеля, стоявшаго внѣ партій, Генерала Гордона, который держался еще на ту пору Софіи, и присоединился къ Петру гораздо позднѣе. когда побѣда склонялась на его сторону. Онъ въ дневникѣ своемъ написалъ именно, что, получивъ „извѣстіе о собраніи стрѣльцевъ въ Кремлѣ, по полученному приказанію, и намѣреніи идти съ оружіемъ на Преображенское, чтобъ побить Нарышкиныхъ и нѣкоторыхъ другихъ, онъ вскочилъ съ постели, и бросился, даже не обувшись, въ конюшню; тамъ велѣлъ онъ осѣдлать себѣ лошадь, и отъѣхалъ въ сосѣдній лѣсъ, куда принесено ему было платье. Одѣвшись, поскакалъ онъ опрометью въ Троицкій монастырь. Кто могъ и кто былъ готовъ, тотъ слѣдовалъ за нимъ.

Онъ прибылъ къ Троицѣ осьмаго числа по утру въ шесть часовъ, въ совершенномъ утомленіи *). Отнесенный въ комнату въ монастырѣ, онъ бросился на постель, въ слезахъ разсказалъ игумену о случившемся, и просилъ помощи и покровительства. Нѣсколько потѣшныхъ (guards) и придворныхъ прибыли туда въ тотъ же день, и въ слѣдующую ночь донеслись изъ Москвы разныя извѣстія. Внезапный отъѣздъ молодаго Царя произвелъ тамъ большее смущеніе и распрю; дѣло содержалось въ тайнѣ, и извинялось, или, лучше сказать, со всевозможными ухищреніями представлялось маловажнымъ" **).

Слѣдуетъ ли принимать свидѣтельство Гордоново? Могъ ли онъ узнать обо всѣхъ обстоятельствахъ и записать ихъ у себя въ дневникѣ немедленно?

Гордонъ жилъ въ Нѣмецкой слободѣ, въ сосѣдствѣ съ Преображенскимъ, да если и переѣхалъ въ новый свой домъ, то могъ получить извѣстія отъ пріятелей изъ Нѣмецкой слободы, которые могли знать, и знали все, происходившее въ Преображенскомъ, и сообщить ему такую любопытную новость.

Имѣя такого вѣрнаго свидѣтеля, примемъ къ свѣдѣнію, или къ подтвержденію, показанія, сдѣланныя послѣ при допросахъ.

„А какъ, де, великій государь изволилъ идти изъ села Преображенскаго *скорымъ походомъ*, и той ночи Лаврентьева полку Сухарева пятидесятникъ Алексѣй Савостьяновъ въ слободѣ ночевалъ, и по утру въ той слободѣ начали кликать остаточныхъ *и спусковыхъ* (?) стрѣльцевъ, чтобъ шли въ походъ. И онъ де Алексѣй посылалъ провѣдывать сына своего, названаго, Степана Алексѣева, на съѣзжую избу, для чего кличютъ стрѣльцевъ въ походъ? И десятникъ ему сказалъ: для того де кличютъ, что великому государю походъ въ Троицкой монастырь; да тихонько ему сказалъ, что де изволилъ на Преображенское идти скорымъ походомъ *въ одной сорочкѣ*". И онъ, пришедъ, ему Алексѣю, сказалъ, что де

*) Если онъ употребилъ на дорогу шесть часовъ,—меньше положить нельзя,—то изъ Преображенскаго отправился онъ около полуночи.

**) Гордонъ II, 268, подъ 8 августа.

походъ въ Троицкой монастырь, а того ему не сказалъ, что скорымъ обычаемъ походъ учинился. Онъ сказалъ послѣ бабкѣ своей, и та бабка, вышедъ въ городъ, сказала своимъ сестрамъ, и отъ нихъ де услышалъ погребщикъ, а какъ его зовутъ, и какого чину, того онъ не вѣдаетъ. И погребщикъ де извѣщалъ въ стрѣлецкомъ приказѣ Ѳ. Шакловитому; и де тое бабку, и его Стеньку, взялъ въ стрѣлецкой приказъ, и десятника, который ему Стенькѣ сказывалъ, взялъ и распрашивалъ. А къ нему Антошкѣ пришли изъ Сухарева полку и сказали, что, по посылкѣ Ѳ. Шакловитаго, та баба и стрѣльцы взяты, и хочетъ де имъ, выведъ на площадь, головы отсѣчь. И онъ Антошка пришедъ вверхъ, Ѳ. Шакловитому говорилъ, чтобъ онъ надъ ними показалъ милость для того, что походъ великихъ государей учинился явенъ всему государству. И онъ де Ѳ. Шакловитой, ему сказалъ: „и тебѣ де тутъ же доведется голову отсѣчь“. И послѣ того билъ челомъ онъ Царевнѣ, и послѣ де челобитья тѣ вышеписанные люди изъ приказу свобожены, и никакого наказанья имъ не учинено *).

Изъ этого показанія видно, что Петръ точно бѣжалъ ночью внезапно, въ одной сорочкѣ, слѣдовательно въ виду крайней опасности, неожиданно узнанной; что, по бѣгствѣ Петра въ туже ночь изъ Преображенскаго, послано было распоряженіе звать стрѣльцевъ Сухарева полка въ походъ къ Троицѣ; что бѣгство сочтено, даже и въ народѣ, важнымъ событіемъ, и какой-то погребщикъ, узнавъ о немъ случайно, счелъ обязанностію тотчасъ донести о томъ главному лицу, Шакловитому; что бѣгство со стороны Софіи хотѣли содержать втайнѣ, и за первое разглашеніе виновники подверглись было казни.

Деньщики Шакловитаго, Ѳедоръ Турка, Иванъ Троицкой, Михайло Ѳеоктистовъ, съ товарищи, въ доносѣ своемъ показали:

„...Августа противъ 8-го числа послалъ ихъ Шакловитый въ село Преображенское провѣдать, тутъ ли де Государь и будетъ ли де

*) Аристовъ, с. 52. Замѣтимъ вѣрность Гордонова извѣстія о намѣреніи скрыть до времени въ Москвѣ извѣстіе о бѣгствѣ Петра, а потомъ представить его не имѣющимъ значенія,—также, что показанія при пыткахъ вообще не всѣ сомнительны.

къ Москвѣ, и Государя де они въ Преображенскомъ не застали, а пріѣхали за полчаса до свѣта къ Шакловитому на дворъ, и сказали ему, что благочестиваго Царя изъ Преображенскаго согнали, *ушелъ де онъ босъ, только въ одной сорочкѣ*, а куда, того не вѣдомо, и онъ Шакловитый молвилъ: вольно де ему всбѣсясь бѣгать".

Самъ Шакловитый показывалъ: По утру часу (?) въ другомъ дня, (т. е. 8 числа), пріѣхавъ они къ нему на дворъ (посланные имъ наканунѣ для развѣдыванья въ Преображенское деньщики его: Ѳедоръ Турка, Иванъ Троицкой, Михайло Ѳеоктистовъ съ товарищами, а кого имянно, того неупомнитъ, сказали, что великій государь Петръ изволилъ идти изъ Преображенскаго въ ночи *скорымъ походомъ* въ село Алексѣевское; а послѣ того, съ часъ спустя, пришелъ приставъ Родіонова полка Остафьева и сказалъ, что великій Государь изволилъ идти въ Тайнинское *).

Итакъ вѣрно, что Петръ, испуганный извѣстіемъ, что его хотятъ въ эту ночь убить, бѣжалъ изъ Преображенскаго къ Троицѣ. Это согласно свидѣтельствуютъ: Шакловитый, его деньщики и доносчики, Сухаревскій десятникъ, и тѣ люди, кому онъ сообщилъ эту новость.

Замѣтимъ въ пользу этихъ свидѣтельствъ, что онѣ согласны съ Гордономъ.

Но правда ли это, что Петра убить хотѣли въ ночь съ 7 на 8 августа?

Едва ли было такое намѣреніе, по крайней мѣрѣ, на эту ночь, судя по многимъ обстоятельствамъ.

Наканунѣ, передъ вечеромъ, князь В. В. Голицынъ, сшедъ съ Верху, отдалъ приказъ полковнику Нормацкому, бывшему въ тотъ день съ своимъ полкомъ на стѣнномъ караулѣ, всѣ ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣлгородѣ, запереть, какъ пробьетъ первый часъ ночи, и никого не пускать, а отпирать за часъ до свѣта.

---

*) Аристовъ, с. 52.

Вотъ показаніе полковника Андрея Нормацкаго: „Августа въ 8 день (?) стоялъ онъ на Москвѣ на стѣнномъ карауле, въ Верху, съ полкомъ своимъ. И тогожъ де числа кн. В. Голицынъ за часъ до вечера шелъ съ Верху, а приказалъ ему Андрею записать указъ въ книгу, чтобъ запирать ворота въ Кремлѣ, въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ, какъ пробьетъ часъ ночи, а отпирать за часъ до свѣта. А знатныхъ людей велѣть пропускать по прежнему *).

Распоряженіе такое точно было сдѣлано, ибо Гордонъ въ своемъ дневникѣ подъ 7 августомъ говоритъ: „Ночью собралось много стрѣльцевъ, но никто не былъ впускаемъ кромѣ извѣстныхъ и знакомыхъ лицъ. Это встревожило партію младшаго Царя, такъ что всѣ узнавшіе про то поспѣшили въ Преображенское".

Для чегожъ бы дѣлать такое распоряженіе, еслибъ было намѣреніе идти изъ Кремля? Напротивъ—не видно ли изъ этого, что въ Кремлѣ боялись нападенія изъ Преображенскаго?

Ни Голицына, ни Шакловитаго, не было въ Кремлѣ вечеромъ 7 числа. Вотъ свидѣтельство, что Шакловитый пріѣхалъ въ Кремль уже ночью. Подъячій Агапъ Петровъ показалъ:

„Въ 197 г., августа 7, приходилъ Агапка къ Ш. въ день, и онъ не велѣлъ ему уходить со двора. И часу де въ другомъ *ночи* поѣхалъ Ѳ. Шакловитый въ Верхъ, а съ собою взялъ его Агапку, да подъячихъ же, Ѳ. Степанова, Ивана Истомина. И какъ пришли за нимъ они въ Верхъ, и велѣлъ имъ спать въ Грановитой палатѣ, и самъ онъ спалъ въ Грановитой же палатѣ, да съ нимъ спалъ полковникъ А. Нормацкой.

И *часа за два до свѣта* Ѳ. Шакловитый, взбудя ихъ, велѣлъ идти за Государыней къ церкви Казанской Богородицы, и какъ начали пѣть молебенъ, Агапка, взошедъ въ монастырь, легъ спать".

Вотъ свидѣтельство, что и князя В. В. Голицына не было тогда въ Кремлѣ: Шакловитый послалъ за нимъ изъ Казанскаго собора стрѣльца Абрама Петрова, которому сказано, что онъ не можетъ по болѣзни. Тогда Шакловитый поѣхалъ къ нему самъ и пробылъ полчаса **).

---

*) Аристовъ с. 9. Замѣтимъ и это согласіе разспросовъ при слѣдствіи съ Гордономъ о запираніи воротъ.

**) Аристовъ, с. 6 ссылка на столбецъ 24 въ слѣдственномъ дѣла Шакловитаго.

И такъ по этимъ показаніямъ кажется, что о нападеніи на Преображенское въ ночь съ 7 на 8 августа никто не думалъ: ни Софія, ни Голицынъ, ни Шакловитый.

Такъ можетъ сказать адвокатъ, принимающій показанія подсудимыхъ на вѣру, и составляющій изъ нихъ свое оправдательное цѣлое, но надо изслѣдовать, вѣрны ли онѣ, не противорѣчатъ ли имъ другія показанія, наконецъ совершенно ли онѣ согласны между собою.

Самъ Шакловитый показалъ, что его больнаго нѣсколько разъ, 7 августа, вызывала къ себѣ на Верхъ Царевна Софія. Она велѣла нарядить стрѣльцевъ побольше сперва для сопровожденія ея на богомолье по обѣщанію въ Донской монастырь, потому что намедни передъ ея глазами убили на Дѣвичьемъ полѣ отставнаго конюха.

Мы не станемъ пока разсуждать о томъ, что обѣщаніе идти пѣшкомъ въ монастырь, разсказъ объ убитомъ конюхѣ за двѣ недѣли на Дѣвичьемъ полѣ, и необходимость имѣть въ провожатыхъ стрѣльцевъ побольше съ ружьемъ,—принадлежатъ къ выдумкамъ, не идущимъ къ настоящему вопросу.

Мы примемъ сперва только показаніе Шакловитаго, что онъ нарядилъ стрѣльцевъ собираться въ Кремль для чего бы то ни было.

Когда онъ сдѣлалъ это распоряженіе?

Въ дѣлѣ не означено, но его опредѣлить можно по слѣдующимъ даннымъ:

„Часъ спустя, послѣ перваго порученія, Царевна сказала ему, (слѣдовательно онъ оставался на Верху): объявилось письмо, что потѣшные конюхи, собрався въ с. Преображенскомъ, хотѣли приходить противъ 7 числа августа на ихъ Государской домъ въ ночи, и ихъ Государей (т. е. Ивана и Софію съ сестрами) побить всѣхъ, а противъ 8 числа будутъ для того кончая, (т. е. тѣмъ паче), и чтобъ она брата своего в. Государя Ивана Алексѣевича и сестеръ своихъ здоровья опасла, и пр.“ Тогда Царевна велѣла собрать стрѣльцевъ человѣкъ 300 или больше, всѣ ворота въ Кремлѣ на ту ночь запереть и впредь запирать *).

---

*) Тамъ же стр. 23.

Вотъ объ этомъ распоряженіи имѣемъ мы точное опредѣленіе времени: полковникъ Нормацкій показалъ, что онъ получилъ его отъ кн. Голицына за часъ до вечера, какъ мы видѣли выше.

Слѣдовательно больной Ш. пришелъ на Верхъ, по зову Царевны, часа за три до вечера; черезъ *часъ* по его приходѣ объявилось подметное письмо. Прочесть письмо, разсудить, распорядиться о вызовѣ стрѣльцовъ—на это ни какъ нельзя положить менѣе *двухъ часовъ*, и за часъ до вечера, то есть черезъ три часа по его приходѣ состоялось распоряженіе.

Стрѣльцы не вдругъ могли собраться: надо было къ нимъ послать приказы, надо ихъ было оповѣстить, изготовиться, наконецъ придти. Все это должно было продолжаться часа два—три, и они могли собраться только около полуночи, и тогда только должны были послѣдовать окончательныя распоряженія.

Какимъ же образомъ, въ такое опасное время, когда ожидалось нападеніе на Кремль, Ш. могъ оставить Царевну и уѣхать домой ночевать?

Точно тоже должно сказать и о князѣ Голицынѣ; могъ ли онъ не оставаться въ Кремлѣ, въ ожиданіи нападенія потѣшныхъ конюховъ?

Нѣтъ, они вѣрно оставались въ Кремлѣ въ обоихъ случаяхъ, хотѣли нападать оттуда, или тамъ обороняться.

Но подъячій Агапъ Петровъ показываетъ, какъ мы видѣли выше, что днемъ засталъ Ш. дома?

Для чего же Агапу Петрову выдумывать такое показаніе?

Становясь на адвокатскую точку, можно предположить съ большею впрочемъ натяжкою, что Ш., кончивъ свои распоряженія на Верху, за часъ до вечера, какъ это нами по изслѣдованіи заключено, имѣлъ какую либо нужду заѣхать къ себѣ на домъ, чтобъ тотчасъ опять вернуться на Верхъ: въ такомъ случаѣ могъ Агапъ Петровъ застать его днемъ, хотя уже и очень позднимъ, въ позднія минуты передъ вечеромъ.

Предположить, что Агапъ Петровъ пришелъ къ Ш. рано утромъ, и былъ оставленъ имъ на день, нельзя по ходу рѣчи, ибо онъ говоритъ: я пришелъ, онъ меня оставилъ, и въ 1 часу ночи пошелъ въ Верхъ, велѣлъ идти мнѣ съ собою.

Подъ такое предположеніе подходитъ, хоть и не вполнѣ, показаніе и другаго подъячаго, Ѳедора Степанова: „августа 7 пошелъ онъ на дворъ отца своего Ст. Евдокимова, (истопника царевны), и на встрѣчу ему попался Ѳ. Шакловитый и велѣлъ идти за собою; былъ онъ у него во дворѣ часа полтора, и на послѣдней четверти перваго поѣхалъ Ш. въ Верхъ и велѣлъ ночевать.

По этому показанію выходитъ, что Ш. дома оставался около полутора часовъ, т. е. воротился домой съ Верху по нашему счисленію времени въ одинадцать часовъ, что не совсѣмъ согласно со „днемъ“ Агапа Петрова.

Какъ бы то ни было, Ш., по собственному его показанію, былъ въ Кремлѣ, 7 августа, отлучаясь домой на короткое время, если даже принять показаніе Петрова и Степанова.

Голицынъ же былъ на Верху до вечера, и если уѣхалъ, то могъ воротиться при малѣйшемъ признакѣ опасности, въ предположеніи оборонительномъ, а въ наступательномъ, онъ желалъ даже и преднамѣренно оставаться въ сторонѣ, такъ какъ дѣло могло обойдтись безъ него.

Ворота въ Кремлѣ и Китаѣ могли запираться, и на случай обороны, и на случай нападенія — въ послѣднемъ для того, чтобъ скрыть пріуготовленія.

Такимъ образомъ по вышеприведеннымъ даннымъ, сличеннымъ съ другими, нельзя утверждать (см. выше с. 188), что ни С. ни Г. ни Ш. не думали о нападеніи на Преображенское съ 7 на 8 августа. Вопросъ остается открытымъ.

Мы возвращаемся на ту точку, на которой начали изслѣдованіе. Петръ бѣжалъ ночью съ 7 на 8 число къ Троицѣ, испуганный доносомъ, что его сейчасъ убить хотятъ въ Преображенскомъ.

Какъ доносчики это узнали и на чемъ основывали свой доносъ? Что побудило ихъ такъ поспѣшить своимъ извѣстіемъ?

Первый вопросъ представляется здѣсь: кто были доносчики?

Судя по жалованной грамотѣ (см. ниже), ихъ было семеро. Стрѣльцы Стремяннаго Цыклерова полка: пятисотенный Ларіонъ

Елизарьевъ, пятидесятники: Ипатъ Ульфовъ, Дмитрій Мельновъ, десятники: Ѳедоръ Турка, Яковъ Ладогинъ, Михаилъ Ѳеоктистовъ, Иванъ Троицкій.

И въ дѣлѣ о Шакловитомъ, при всей его запутанности, главное мѣсто занимаютъ ихъ извѣты.

Первое лице между ними — пятисотенный *Ларіонъ Елизарьевъ*; его имя стоитъ на первомъ мѣстѣ въ жалованной грамотѣ. Между извѣстными извѣтами главный и подробнѣйшій принадлежитъ ему. Первое подозрѣніе Царевны Софіи въ доносѣ пало на него. Посланцамъ Шакловитаго къ Троицѣ поручено было развѣдывать, что говоритъ Елизарьевъ и проч.

Что это было за лице?

Соберемъ всѣ извѣстія о немъ, разсѣянныя въ дѣлѣ.

Это было лице, издавна самое близкое къ Шакловитому, довѣренное, посвященное въ его тайны, осыпанное жалованьями Царевны Софіи, которая часто призывала его къ себѣ съ товарищами для разныхъ тайныхъ объясненій.

Елизарьевъ въ 195 году (1687) въ великой постъ принесъ къ Шакловитому письмо, найденное на Лубянкѣ, (онъ имѣлъ тамъ свой домъ), на полустолбцѣ, „а въ томъ письмѣ написано: чтобъ всякихъ чиновъ люди, народомъ собрався, шли къ Казанской Богородицѣ, и выняли письмо у той церкви на паперти за иконою Пресвятой Богородицы, и учинилибъ по тому письму“ *).

Шакловитый послалъ за тѣмъ письмомъ самого Елизарьева, который его нашелъ и доставилъ къ Шакловитому.

Въ письмѣ были писаны многія непристойныя слова о Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, совѣтовалось „послать бояръ.., къ которымъ она была милостива“...

„Получивъ такое письмо, Царевна“, говоритъ Шакловитый, „должна была опасаться всякаго дурна“.

---

*) Тамъ же, с. 23.

на его мѣсто быть, и онъ де мнѣ сказалъ, изо властей; буде изо властей не похотятъ, мощно де и простого старца, и учинятъ ему такую честь—тотъ же де будетъ Патріархъ, и про челобитную сказалъ: я де напишу и бѣлую челобитную, и велѣлъ домой идти, и далъ имъ по бумажкѣ денегъ, а по скольку не упомнитъ".

Изъ показанія Н. Гладкаго, видно что Елизарьеву, вмѣстѣ съ другими стрѣльцами, Ц. Софія жаловалась на происки Царицы Наталіи Кирилловны. „Ему да Л. Елизарьеву, да Ульфову, да А. Кондратьеву, въ августѣ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ, въ 197 году, в. государыня Софія Алексѣевна у церкви Ризъ положенія въ палаткѣ изволила говорить: долго-ль де намъ терпѣть? ужъ де житья нашего не стало де отъ князя Бориса да отъ Льва; брата ихъ в. государя Іоанна Алексѣевича комнату дровами заклали, и хотятъ де князь Василья Васильевича Голицына голову отрубить, а онъ де добра много сдѣлалъ: Польское де перемиріе учинилъ, съ Дону де выдачи не бывало, а его де промысломъ изъ Дону выдаютъ. Да на него-жъ де все несутъ: братъ де ему кн. Борисъ, и вы де насъ не покиньте, мочно-ль де на васъ надѣяться, и кн. Бориса и Льва взять. И они де ей, в. государынѣ, сказали: „воля де въ томъ ваша, государская".—И велѣла комнатному истопнику Евдокимову дать имъ сто рублевъ денегъ, и тѣ деньги имъ даны".

(Не этотъ ли случай въ извѣтѣ Ульфова приписанъ Шакловитому?) „Говорилъ ему, Ипату", показываетъ Ипатъ Ульфовъ, „да *Л. Елизарьеву*, да А. Кондратьеву, и Н. Гладкому, Ѳ. Шакловитой: „мочно-ль на васъ надѣяться? Голицынъ съ товарищами изгоняютъ и поругаются и вѣнецъ царской изломали. Мочно-ль де вамъ ихъ взять, и учинить надъ ними смертное убивство? И въ то де время далъ онъ Ѳ. имъ четверымъ: ему Ипату и Ларіону и Андрюшкѣ и Н. Гладкому, государева жалованья 100 рублевъ, по 25 руб. человѣку, для того, чтобъ они на такое дурно были готовы *).

Изъ показанія истопника Евдокимова видно, что Елизарьевъ приводимъ былъ для совѣщаній къ Царевнѣ Софіи къ церкви Воскресенія:

*) Тамъ же, с. 59.

„Съ Ивановской площади для стрѣльцовъ, какъ укажетъ в. Царевна быть имъ вверхъ, истопникъ Степанъ Евдокимовъ хаживалъ, а буде его въ которое время не случится, хаживалъ истопникъ О. Осиповъ, и стрѣльцовъ съ Ивановской площади, *Елизарьева* и Ульфова, вверхъ приваживалъ ко Воскресенью“ *).

Никита Гладкой сказалъ: С. де Медвѣдевъ ему, Микиткѣ, далъ денегъ 5 руб., Ларіону *Елизарьеву* 10 руб., Ѳедору Туркѣ, Михаилу Ѳеоктистову, Ивану Троицкому, далъ по пяти рублевъ. А. С. Медвѣдевъ, на очной ставкѣ въ застѣнкѣ съ Гладкимъ, сказалъ: такіе де деньги стрѣльцамъ онъ давалъ; а велѣлъ де ему роздать Ѳ. Шакловитой въ то время, какъ поѣхалъ къ гетману для того, что стрѣльцы погорѣли“ **).

Л. Елизарьевъ сказывалъ Сильвестру, что у Ѳ. Шакловитаго есть роспись кого имъ бить, которую Шакловитый хотѣлъ имъ дать ***).

Наконецъ вотъ еще какое показаніе объ Елизарьевѣ далъ Сильвестръ Медвѣдевъ.

„Пятисотный *Л. Елизарьевъ*, пришедъ къ нему, плакалъ: „бѣда де на нихъ пришла великая, не знаютъ де какъ быть, призывалъ де ихъ Ѳ. Шакловитой, его, да А. Кондратьева, Стрижова, Петрова, и говорилъ, чтобъ имъ тайно въ ночи послать по боярина Льва Кирилловича Нарышкина да кравчего князя Бориса Алексѣевича и иныхъ, а кого, то онъ не знаетъ“.

(Елизарьевъ просилъ его) „про тѣ ихъ слова ему, Ѳ., не сказывать“. Сильвестръ отсовѣтовалъ и грозилъ гибелью и въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ: „онъ де ему и въ лицо скажетъ“. Ларіонъ съ товарищи спросили его „какъ же имъ быть и отъ того дѣла отговориться, потому что за то непослушаніе боятся они смерти“. Сильвестръ присовѣтовалъ сказать, „что (имъ) того дѣла учинить однимъ никоими мѣры невозможно, а инымъ говорить они о томъ не смѣютъ, говорилъ бы онъ самъ имъ. Ѳ. можетъ отпереться и ихъ всѣхъ напрасно погубитъ“. Елизарьевъ привелъ къ нему товарищей своихъ, и Сильверстръ „имъ о томъ, чтобъ имъ не дѣлать, запрещалъ-же и говорилъ имъ: „если де вы то учините,

*) Аристовъ, с. 6. **) Тамъ же, с. 66. ***) Тамъ же, с. 73.

пропадете". Тогда они, Елизарьевъ съ товарищи, ему Ѳ. отказали, и того дѣлать не стали. И *многажды* ему Сильвестру онъ, Ларіонъ, говаривалъ: если-бъ де „онъ", ихъ не укрѣпилъ, и имъ де было то сдѣлать" *).

Противъ этого показанія никакихъ возраженій въ дѣлѣ нѣтъ.

Замѣтимъ еще, что рѣшеніе убить Голицына и Нарышкина и другихъ, дѣлано было давно, какъ видно изъ этихъ показаній.

Вотъ еще свидѣтельство того же Елизарьева на стрѣльца Аѳанасья Ларіонова, которое доказываетъ, вмѣстѣ съ прочимъ, что онъ зналъ всѣ дѣла и замыслы того времени: „Въ 195 г. августа въ 18 числѣ призывалъ его Шакловитый на загородный дворъ, да Б. Дмитріева съ товарищи, и говорилъ, чтобъ имъ сентября де 1-го числа 197 г., какъ изволятъ великіе государи, въ вообновленіе новаго лѣта выйдти къ дѣйству, изъ тѣхъ полковъ приготовить стрѣльцовъ человѣкъ по 50 и по 60, и побрать де боярина Льва Кирилловича съ братьями и посадить за караулъ; а Сухаревскимъ стрѣльцамъ приказалъ, чтобъ въ то время для того дѣла Кремль они заперли. А прежь сего за день Ѳ. Ш. его призвалъ, и сказалъ ему государеву милость и службу ихъ похвалилъ. И дано-де имъ было за то денегъ по 5 рублей, а деньги давалъ Ѳ. и въ тѣхъ де полкахъ, которые къ тому были призваны, своей братьѣ велѣлъ сказывать, и давали имъ по 2 рубля человѣку.

Первое знакомство Елизарьева съ Сильвестромъ Медвѣдевымъ учинилось (чрезъ Гладкаго)—прихаживалъ онъ Гладкой къ нему съ *Ларіономъ* и пилъ пиво.

Л. Елизарьевъ далъ Никитѣ Гладкому тетрадку о церковныхъ предметахъ, полученную отъ Медвѣдева.

Изъ всѣхъ этихъ показаній видно, что Ларіонъ Елизарьевъ находился въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ къ Царевнѣ Софіи, Шакловитому и С. Медвѣдеву, и даже въ послѣдній день Шакловитый сообщилъ ему, кажется, о своемъ намѣреніи. См. ниже.

*) Тамъ же, с. 38.

Изъ прочихъ доносчиковъ, Турку, Ѳеоктистова, Троицкаго, Устряловъ называетъ, не знаю почему, деньщиками Шакловитаго. Ихъ посылалъ онъ съ 7 на 8 число провѣдывать о Петрѣ въ окрестностяхъ Преображенскаго.

О *Туркѣ* по дѣлу извѣстно, что онъ стаивалъ на Ивановской площади, гдѣ велѣно было ему слушаться приказовъ, которые принесутся съ Верху истопникомъ Евдокимовымъ.

Ульфова, какъ Елизарьева, призывала часто Царевна въ Верхъ къ Воскресенью, гдѣ она говорила съ ними тайно.

Теперь обратимся къ показаніямъ о событіяхъ съ 7 на 8 число августа, подавшихъ поводъ къ бѣгству Петра. Здѣсь представляется такое замѣшательство, такая путаница, такія противорѣчія, которыхъ разрѣшить, согласить, объяснить, нѣтъ никакой возможности тѣмъ болѣе, что розыскъ не вполнѣ извѣстенъ, какъ замѣчено нами выше.

Устряловъ говоритъ, что Шакловитый передалъ свое распоряженіе, которое представлено нами выше, стрѣльцамъ: Обросиму Петрову и Андрею Кондратьеву и послалъ деньщиковъ своихъ: Турку, Троицкаго и Капранова „верхомъ къ селу Преображенскому, для вѣстей, куда пойдетъ Царь Петръ, и велѣлъ караулить его одному подъ рощею, другому у Краснаго села, третьему на плотинѣ“ *).

Устряловъ ссылается на показаніе Петрова, подтвержденное де Шакловитымъ, котораго нѣтъ въ выдержкахъ Аристова.

Мы находимъ, впрочемъ, подтвержденіе о распоряженіи Шакловитаго собираться стрѣльцамъ въ Кремль, въ показаніи Юрія Лѣсника: „По приказу пятидесятника *О. Петрова* наряженъ онъ Юрка, августа противъ 8 числа въ ночи, и иные того жъ полку стрѣльцы съ ружьемъ, человѣкъ со сто выборомъ, а идтить имъ велѣлъ въ Кремль.... и поставилъ ихъ Оброска на Лыковѣ дворѣ, да съ нимъ Микитка Гладкой съ товарищами“.

Порученіе *Кондратьеву* доказывается словами Гладкаго: „августа 8 числа въ ночи, велѣлъ ему приставъ Кондратьевъ нарядить сто человѣкъ стрѣльцовъ, и онъ пришелъ на Лубянку и проч.

---

*) Устряловъ т. II, с. 55.

Приведемъ теперь извѣтъ самаго Елизарьева, подтвержденный Гладкимъ, которому судьбою было предоставлено заварить кашу, на гибель своихъ единомышленниковъ.

Устряловъ вотъ какъ начинаетъ разсказъ объ этомъ событіи:

„Ларіонъ Елизарьевъ до 28 іюля пользовался особенною довѣренностію Софіи, неоднократно бывалъ въ ея хоромахъ, слушалъ ея жалобы на Царицу, сопровождалъ ее на всѣхъ выходахъ и не измѣнялъ ей ни словомъ, ни дѣломъ; но когда Шакловитый потребовалъ отъ него рѣшительно убійства Нарышкиныхъ и другихъ приверженцевъ Петра, Елизарьевъ, вспомнивъ Бога, условился съ своими товарищами: при первомъ признакѣ опасности, извѣстить о томъ Государя, а въ случаѣ надобности пожертвовать для защиты его собственною жизнію. Въ домѣ его собирались стрѣльцы, преданные Петру, въ томъ числѣ деньщики Шакловитаго; а на дворѣ стояли осѣдланныя лошади для скорѣйшей вѣдомости“ *).

Такого извѣстія мы нигдѣ не находимъ. Это есть только предположеніе Устрялова, основанное на послѣдовавшихъ событіяхъ.

Извѣтъ Елизарьева, помѣщенный въ выдержкахъ Аристова, состоитъ въ слѣдующихъ словахъ:

„У него Елизарьева были въ дому того жъ стремяннаго полку десятники: Турка, Ѳеоктистовъ, Троицкой, Ладогинъ. И въ то де число прибѣжалъ на Лубянку къ съѣзжей избѣ Н. Гладкой, да А. Сергѣевъ; и отъ съѣзжей избы прислали по него, Ларіона, его Сергѣева, чтобъ шелъ къ съѣзжей избѣ. И онъ и вышеписанные десятники пошли съ нимъ. И у святыхъ воротъ онъ, Н. Гладкой, говорилъ имъ, чтобъ стрѣльцы взяли сто другое съ ружьемъ, шли въ городъ, всѣ де готовы, а ихъ де приказу никого нѣтъ. У Спасскаго набату языкъ онъ привязалъ.... слушайте набату, и велѣлъ на съѣзжей избѣ караульнымъ пятидесятникамъ кликать въ строевыхъ кафтанахъ съ ружьемъ 300 человѣкъ, и приказывалъ

*) Тамъ же, с. 57. Устряловъ ссылается здѣсь на показанія Ларіонова (Ларіона Елизарьева) и другихъ, но мы не находимъ этихъ важныхъ показаній въ выдержкахъ Аристова.

Подъ такое предположеніе подходитъ, хоть и не вполнѣ, показаніе и другаго подъячаго, Ѳедора Степанова: „августа 7 пошелъ онъ на дворъ отца своего Ст. Евдокимова, (истопника царевны), и на встрѣчу ему попался Ѳ. Шакловитый и велѣлъ идти за собою; былъ онъ у него во дворѣ часа полтора, и на послѣдней четверти перваго поѣхалъ Ш. въ Верхъ и велѣлъ ночевать.

По этому показанію выходитъ, что Ш. дома оставался около полутора часовъ, т. е. воротился домой съ Верху по нашему счисленію времени въ одинадцать часовъ, что не совсѣмъ согласно со „днемъ“ Агапа Петрова.

Какъ бы то ни было, Ш., по собственному его показанію, былъ въ Кремлѣ, 7 августа, отлучаясь домой на короткое время, если даже принять показаніе Петрова и Степанова.

Голицынъ же былъ на Верху до вечера, и если уѣхалъ, то могъ воротиться при малѣйшемъ признакѣ опасности, въ предположеніи оборонительномъ, а въ наступательномъ, онъ желалъ даже и преднамѣренно оставаться въ сторонѣ, такъ какъ дѣло могло обойдтись безъ него.

Ворота въ Кремлѣ и Китаѣ могли запираться, и на случай обороны, и на случай нападенія — въ послѣднемъ для того, чтобъ скрыть пріуготовленія.

Такимъ образомъ по вышеприведеннымъ даннымъ, сличеннымъ съ другими, нельзя утверждать (см. выше с. 188), что ни С. ни Г. ни Ш. не думали о нападеніи на Преображенское съ 7 на 8 августа. Вопросъ остается открытымъ.

Мы возвращаемся на ту точку, на которой начали изслѣдованіе. Петръ бѣжалъ ночью съ 7 на 8 число къ Троицѣ, испуганный доносомъ, что его сейчасъ убить хотятъ въ Преображенскомъ.

Какъ доносчики это узнали и на чемъ основывали свой доносъ? Что побудило ихъ такъ поспѣшить своимъ извѣстіемъ?

Первый вопросъ представляется здѣсь: кто были доносчики?

Судя по жалованной грамотѣ (см. ниже), ихъ было семеро. Стрѣльцы Стремяннаго Цыклерова полка: пятисотенный Ларіонъ

Елизарьевъ, пятидесятники: Ипатъ Ульфовъ, Дмитрій Мельновъ, десятники: Ѳедоръ Турка, Яковъ Ладогинъ, Михаилъ Ѳеоктистовъ, Иванъ Троицкій.

И въ дѣлѣ о Шакловитомъ, при всей его запутанности, главное мѣсто занимаютъ ихъ извѣты.

Первое лице между ними — пятисотенный *Ларіонъ Елизарьевъ*; его имя стоитъ на первомъ мѣстѣ въ жалованной грамотѣ. Между извѣстными извѣтами главный и подробнѣйшій принадлежитъ ему. Первое подозрѣніе Царевны Софіи въ доносѣ пало на него. Посланцамъ Шакловитаго къ Троицѣ поручено было развѣдывать, что говоритъ Елизарьевъ и проч.

Что это было за лице?

Соберемъ всѣ извѣстія о немъ, разсѣянныя въ дѣлѣ.

Это было лице, издавна самое близкое къ Шакловитому, довѣренное, посвященное въ его тайны, осыпанное жалованьями Царевны Софіи, которая часто призывала его къ себѣ съ товарищами для разныхъ тайныхъ объясненій.

Елизарьевъ въ 195 году (1687) въ великой постъ принесъ къ Шакловитому письмо, найденное на Лубянкѣ, (онъ имѣлъ тамъ свой домъ), на полустолбцѣ, „а въ томъ письмѣ написано: чтобъ всякихъ чиновъ люди, народомъ собрався, шли къ Казанской Богородицѣ, и выняли письмо у той церкви на паперти за иконою Пресвятой Богородицы, и учинилибъ по тому письму“ *).

Шакловитый послалъ за тѣмъ письмомъ самого Елизарьева, который его нашелъ и доставилъ къ Шакловитому.

Въ письмѣ были писаны многія непристойныя слова о Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, совѣтовалось „послать бояръ.., къ которымъ она была милостива“...

„Получивъ такое письмо, Царевна“, говоритъ Шакловитый, „должна была опасаться всякаго дурна“.

---

*) Тамъ же, с. 23.

И такъ по этимъ показаніямъ кажется, что о нападеніи на Преображенское въ ночь съ 7 на 8 августа никто не думалъ: ни Софія, ни Голицынъ, ни Шакловитый.

Такъ можетъ сказать адвокатъ, принимающій показанія подсудимыхъ на вѣру, и составляющій изъ нихъ свое оправдательное цѣлое, но надо изслѣдовать, вѣрны ли онѣ, не противорѣчатъ ли имъ другія показанія, наконецъ совершенно ли онѣ согласны между собою.

Самъ Шакловитый показалъ, что его больнаго нѣсколько разъ, 7 августа, вызывала къ себѣ на Верхъ Царевна Софія. Она велѣла нарядить стрѣльцевъ побольше сперва для сопровожденія ея на богомолье по обѣщанію въ Донской монастырь, потому что намедни передъ ея глазами убили на Дѣвичьемъ полѣ отставнаго конюха.

Мы не станемъ пока разсуждать о томъ, что обѣщаніе идти пѣшкомъ въ монастырь, разсказъ объ убитомъ конюхѣ за двѣ недѣли на Дѣвичьемъ полѣ, и необходимость имѣть въ провожатыхъ стрѣльцевъ побольше съ ружьемъ,—принадлежатъ къ выдумкамъ, не идущимъ къ настоящему вопросу.

Мы примемъ сперва только показаніе Шакловитаго, что онъ нарядилъ стрѣльцевъ собираться въ Кремль для чего бы то ни было.

Когда онъ сдѣлалъ это распоряженіе?

Въ дѣлѣ не означено, но его опредѣлить можно по слѣдующимъ даннымъ:

„Часъ спустя, послѣ перваго порученія, Царевна сказала ему, (слѣдовательно онъ оставался на Верху): объявилось письмо, что потѣшные конюхи, собрався въ с. Преображенскомъ, хотѣли приходить противъ 7 числа августа на ихъ Государской домъ въ ночи, и ихъ Государей (т. е. Ивана и Софію съ сестрами) побить всѣхъ, а противъ 8 числа будутъ для того кончая, (т. е. тѣмъ паче), и чтобъ она брата своего в. Государя Ивана Алексѣевича и сестеръ своихъ здоровья опасла, и пр.“ Тогда Царевна велѣла собрать стрѣльцевъ человѣкъ 300 или больше, всѣ ворота въ Кремлѣ на ту ночь запереть и впредь запирать *).

---

*) Тамъ же стр. 23.

Вотъ объ этомъ распоряженіи имѣемъ мы точное опредѣленіе времени: полковникъ Нормацкій показалъ, что онъ получилъ его отъ кн. Голицына за часъ до вечера, какъ мы видѣли выше.

Слѣдовательно больной Ш. пришелъ на Верхъ, по зову Царевны, часа за три до вечера; черезъ *часъ* по его приходѣ объявилось подметное письмо. Прочесть письмо, разсудить, распорядиться о вызовѣ стрѣльцовъ—на это ни какъ нельзя положить менѣе *двухъ часовъ*, и за часъ до вечера, то есть черезъ три часа по его приходѣ состоялось распоряженіе.

Стрѣльцы не вдругъ могли собраться: надо было къ нимъ послать приказы, надо ихъ было оповѣстить, изготовиться, наконецъ придти. Все это должно было продолжаться часа два—три, и они могли собраться только около полуночи, и тогда только должны были послѣдовать окончательныя распоряженія.

Какимъ же образомъ, въ такое опасное время, когда ожидалось нападеніе на Кремль, Ш. могъ оставить Царевну и уѣхать домой ночевать?

Точно тоже должно сказать и о князѣ Голицынѣ; могъ ли онъ не оставаться въ Кремлѣ, въ ожиданіи нападенія потѣшныхъ конюховъ?

Нѣтъ, они вѣрно оставались въ Кремлѣ въ обоихъ случаяхъ, хотѣли нападать оттуда, или тамъ обороняться.

Но подъячій Агапъ Петровъ показываетъ, какъ мы видѣли выше, что днемъ засталъ Ш. дома?

Для чего же Агапу Петрову выдумывать такое показаніе?

Становясь на адвокатскую точку, можно предположить съ большею впрочемъ натяжкою, что Ш., кончивъ свои распоряженія на Верху, за часъ до вечера, какъ это нами по изслѣдованіи заключено, имѣлъ какую либо нужду заѣхать къ себѣ на домъ, чтобъ тотчасъ опять вернуться на Верхъ: въ такомъ случаѣ могъ Агапъ Петровъ застать его днемъ, хотя уже и очень позднимъ, въ позднія минуты передъ вечеромъ.

Предположить, что Агапъ Петровъ пришелъ къ Ш. рано утромъ, и былъ оставленъ имъ на день, нельзя по ходу рѣчи, ибо онъ говоритъ: я пришелъ, онъ меня оставилъ, и въ 1 часу ночи пошелъ въ Верхъ, велѣлъ идти мнѣ съ собою.

Подъ такое предположеніе подходитъ, хоть и не вполнѣ, показаніе и другаго подъячаго, Ѳедора Степанова: „августа 7 пошелъ онъ на дворъ отца своего Ст. Евдокимова, (истопника царевны), и на встрѣчу ему попался Ѳ. Шакловитый и велѣлъ идти за собою; былъ онъ у него во дворѣ часа полтора, и на послѣдней четверти перваго поѣхалъ Ш. въ Верхъ и велѣлъ ночевать.

По этому показанію выходитъ, что Ш. дома оставался около полутора часовъ, т. е. воротился домой съ Верху по нашему счисленію времени въ одинадцать часовъ, что не совсѣмъ согласно со „днемъ“ Агапа Петрова.

Какъ бы то ни было, Ш., по собственному его показанію, былъ въ Кремлѣ, 7 августа, отлучаясь домой на короткое время, если даже принять показаніе Петрова и Степанова.

Голицынъ же былъ на Верху до вечера, и если уѣхалъ, то могъ воротиться при малѣйшемъ признакѣ опасности, въ предположеніи оборонительномъ, а въ наступательномъ, онъ желалъ даже и преднамѣренно оставаться въ сторонѣ, такъ какъ дѣло могло обойдтись безъ него.

Ворота въ Кремлѣ и Китаѣ могли запираться, и на случай обороны, и на случай нападенія — въ послѣднемъ для того, чтобъ скрыть пріуготовленія.

Такимъ образомъ по вышеприведеннымъ даннымъ, сличеннымъ съ другими, нельзя утверждать (см. выше с. 188), что ни С. ни Г. ни Ш. не думали о нападеніи на Преображенское съ 7 на 8 августа. Вопросъ остается открытымъ.

Мы возвращаемся на ту точку, на которой начали изслѣдованіе. Петръ бѣжалъ ночью съ 7 на 8 число къ Троицѣ, испуганный доносомъ, что его сейчасъ убить хотятъ въ Преображенскомъ.

Какъ доносчики это узнали и на чемъ основывали свой доносъ? Что побудило ихъ такъ поспѣшить своимъ извѣстіемъ?

Первый вопросъ представляется здѣсь: кто были доносчики?

Судя по жалованной грамотѣ (см. ниже), ихъ было семеро. Стрѣльцы Стремяннаго Цыклерова полка: пятисотенный Ларіонъ

Елизарьевъ, пятидесятники: Ипатъ Ульфовъ, Дмитрій Мельновъ, десятники: Ѳедоръ Турка, Яковъ Ладогинъ, Михаилъ Ѳеоктистовъ, Иванъ Троицкій.

И въ дѣлѣ о Шакловитомъ, при всей его запутанности, главное мѣсто занимаютъ ихъ извѣты.

Первое лице между ними — пятисотенный *Ларіонъ Елизарьевъ*; его имя стоитъ на первомъ мѣстѣ въ жалованной грамотѣ. Между извѣстными извѣтами главный и подробнѣйшій принадлежитъ ему. Первое подозрѣніе Царевны Софіи въ доносѣ пало на него. Посланцамъ Шакловитаго къ Троицѣ поручено было развѣдывать, что говоритъ Елизарьевъ и проч.

Что это было за лице?

Соберемъ всѣ извѣстія о немъ, разсѣянныя въ дѣлѣ.

Это было лице, издавна самое близкое къ Шакловитому, довѣренное, посвященное въ его тайны, осыпанное жалованьями Царевны Софіи, которая часто призывала его къ себѣ съ товарищами для разныхъ тайныхъ объясненій.

Елизарьевъ въ 195 году (1687) въ великой постъ принесъ къ Шакловитому письмо, найденное на Лубянкѣ, (онъ имѣлъ тамъ свой домъ), на полустолбцѣ, „а въ томъ письмѣ написано: чтобъ всякихъ чиновъ люди, народомъ собрався, шли къ Казанской Богородицѣ, и выняли письмо у той церкви на паперти за иконою Пресвятой Богородицы, и учинилибъ по тому письму“ *).

Шакловитый послалъ за тѣмъ письмомъ самого Елизарьева, который его нашелъ и доставилъ къ Шакловитому.

Въ письмѣ были писаны многія непристойныя слова о Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, совѣтовалось „послать бояръ.., къ которымъ она была милостива“...

„Получивъ такое письмо, Царевна“, говоритъ Шакловитый, „должна была опасаться всякаго дурна“.

---

*) Тамъ же, с. 23.

Письмо это было, разумѣется, выдумано, но оно показываетъ, какъ рано начала Царевна Софія распускать слухи о своихъ опасностяхъ, и вмѣстѣ какою довѣренностію пользовался Елизарьевъ у Шакловитаго, который поручилъ видно ему исполненіе продѣлки.

Казалось нужно бы было, при розыскѣ, спросить Елизарьева о происхожденіи письма, которое моглобъ объяснить многое, но въ дѣлѣ не видать ни малѣйшаго къ тому приступа.

Елизарьевъ раздавалъ деньги стрѣльцамъ, по порученію Царевны Софіи, когда она намѣревалась вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, что доказываетъ давнюю ея къ нему довѣренность.

„Тому года съ два, или больше, сказывалъ Гладкову стремяннаго полку стрѣлецъ Д. Воротниковъ: вѣдаешь-ли де ты, на Семеновъ де день в. Царевну вѣнчать царскимъ вѣнцомъ, и ни кому-де ты не сказывай. И за то де далъ ему Л. Елизарьевъ полтора рубля денегъ“.

Стрѣлецъ Михаилъ Чечетка показывалъ, что Елизарьевъ призванъ былъ Шакловитымъ къ себѣ на дворъ для совѣщанія объ избраніи новаго Патріарха.

„Прежде того съ годъ или больше призывалъ Шакловитый ихъ къ себѣ на загородной дворъ, да съ нимъ разныхъ стрѣльцовъ Лар. Елизарьева, Ив. Шестаксва, пристава Об. Петрова, Ал. Стрижова, Ел. Романова, Семенова полку Капустина, пристава Кондрашку (?), и иныхъ имянъ не упомнитъ, было ихъ человѣкъ съ 20. И при нихъ имъ Ѳ. Шакловитый говорилъ: имъ мочно де Патріарха перемѣнить и взять изъ властей, которыя на ихъ руку для того, что отъ него многое преніе бываетъ.—И они де задумались, и говорили, вѣдаютъ ли де про то в. государи и бояре, и Ѳ. имъ сказалъ, вѣдаетъ де одинъ в. государь, а другой въ малыхъ лѣтѣхъ, а про бояръ сказалъ: всѣ де отпадшее зяблое дерево. И они де ему сказали: твоя де воля, а ихъ разуму нѣтъ. И того числа вынялъ Ѳ. изъ кармана челобитную, а въ той челобитной имена стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ и гостей и гостинныя сотни, чтобъ в. государи указали св. Патріарха перемѣнить за то, что не ихь рука. И они де ему говорили, кого де

на его мѣсто быть, и онъ де мнѣ сказалъ, изо властей; буде изо властей не похотятъ, мощно де и простого старца, и учинятъ ему такую честь—тотъ же де будетъ Патріархъ, и про челобитную сказалъ: я де напишу и бѣлую челобитную, и велѣлъ домой идти, и далъ имъ по бумажкѣ денегъ, а по скольку не упомнитъ".

Изъ показанія Н. Гладкаго, видно что Елизарьеву, вмѣстѣ съ другими стрѣльцами, Ц. Софія жаловалась на происки Царицы Наталіи Кирилловны. „Ему да Л. Елизарьеву, да Ульфову, да А. Кондратьеву, въ августѣ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ, въ 197 году, в. государыня Софія Алексѣевна у церкви Ризъ положенія въ палаткѣ изволила говорить: долго-ль де намъ терпѣть? ужъ де житья нашего не стало де отъ князя Бориса да отъ Льва; брата ихъ в. государя Іоанна Алексѣевича комнату дровами заклали, и хотятъ де князь Василья Васильевича Голицына голову отрубить, а онъ де добра много сдѣлалъ: Польское де перемиріе учинилъ, съ Дону де выдачи не бывало, а его де промысломъ изъ Дону выдаютъ. Да на него-жъ де все несутъ: братъ де ему кн. Борисъ, и вы де насъ не покиньте, мочно-ль де на васъ надѣяться, и кн. Бориса и Льва взять. И они де ей, в. государынѣ, сказали: „воля де въ томъ ваша, государская".—И велѣла комнатному истопнику Евдокимову дать имъ сто рублевъ денегъ, и тѣ деньги имъ даны".

(Не этотъ ли случай въ извѣтѣ Ульфова приписанъ Шакловитому?) „Говорилъ ему, Ипату", показываетъ Ипатъ Ульфовъ, „да *Л. Елизарьеву*, да А. Кондратьеву, и Н. Гладкому, Ѳ. Шакловитой: „мочно-ль на васъ надѣяться? Голицынъ съ товарищами изгоняютъ и поругаются и вѣнецъ царской изломали. Мочно-ль де вамъ ихъ взять, и учинить надъ ними смертное убивство? И въ то де время далъ онъ Ѳ. имъ четверымъ: ему Ипату и Ларіону и Андрюшкѣ и Н. Гладкому, государева жалованья 100 рублевъ, по 25 руб. человѣку, для того, чтобъ они на такое дурно были готовы *).

Изъ показанія истопника Евдокимова видно, что Елизарьевъ приводимъ былъ для совѣщаній къ Царевнѣ Софіи къ церкви Воскресенія:

*) Тамъ же, с. 59.

Изъ прочихъ доносчиковъ, Турку, Ѳеоктистова, Троицкаго, Устряловъ называетъ, не знаю почему, деньщиками Шакловитаго. Ихъ посылалъ онъ съ 7 на 8 число провѣдывать о Петрѣ въ окрестностяхъ Преображенскаго.

О *Туркѣ* по дѣлу извѣстно, что онъ стаивалъ на Ивановской площади, гдѣ велѣно было ему слушаться приказовъ, которые принесутся съ Верху истопникомъ Евдокимовымъ.

Ульфова, какъ Елизарьева, призывала часто Царевна въ Верхъ къ Воскресенью, гдѣ она говорила съ ними тайно.

Теперь обратимся къ показаніямъ о событіяхъ съ 7 на 8 число августа, подавшихъ поводъ къ бѣгству Петра. Здѣсь представляется такое замѣшательство, такая путаница, такія противорѣчія, которыхъ разрѣшить, согласить, объяснить, нѣтъ никакой возможности тѣмъ болѣе, что розыскъ не вполнѣ извѣстенъ, какъ замѣчено нами выше.

Устряловъ говоритъ, что Шакловитый передалъ свое распоряженіе, которое представлено нами выше, стрѣльцамъ: Обросиму Петрову и Андрею Кондратьеву и послалъ деньщиковъ своихъ: Турку, Троицкаго и Капранова „верхомъ къ селу Преображенскому, для вѣстей, куда пойдетъ Царь Петръ, и велѣлъ караулить его одному подъ рощею, другому у Краснаго села, третьему на плотинѣ“ *).

Устряловъ ссылается на показаніе Петрова, подтвержденное де Шакловитымъ, котораго нѣтъ въ выдержкахъ Аристова.

Мы находимъ, впрочемъ, подтвержденіе о распоряженіи Шакловитаго собираться стрѣльцамъ въ Кремль, въ показаніи Юрія Лѣсника: „По приказу пятидесятника *О. Петрова* наряженъ онъ Юрка, августа противъ 8 числа въ ночи, и иные того жъ полку стрѣльцы съ ружьемъ, человѣкъ со сто выборомъ, а идтить имъ велѣлъ въ Кремль.... и поставилъ ихъ Оброска на Лыковѣ дворѣ, да съ нимъ Микитка Гладкой съ товарищами“.

Порученіе *Кондратьеву* доказывается словами Гладкаго: „августа 8 числа въ ночи, велѣлъ ему приставъ Кондратьевъ нарядить сто человѣкъ стрѣльцовъ, и онъ пришелъ на Лубянку и проч.

---

*) Устряловъ т. II, с. 55.

Приведемъ теперь извѣтъ самаго Елизарьева, подтвержденный Гладкимъ, которому судьбою было предоставлено заварить кашу, на гибель своихъ единомышленниковъ.

Устряловъ вотъ какъ начинаетъ разсказъ объ этомъ событіи:

„Ларіонъ Елизарьевъ до 28 іюля пользовался особенною довѣренностію Софіи, неоднократно бывалъ въ ея хоромахъ, слушалъ ея жалобы на Царицу, сопровождалъ ее на всѣхъ выходахъ и не измѣнялъ ей ни словомъ, ни дѣломъ; но когда Шакловитый потребовалъ отъ него рѣшительно убійства Нарышкиныхъ и другихъ приверженцевъ Петра, Елизарьевъ, вспомнивъ Бога, условился съ своими товарищами: при первомъ признакѣ опасности, извѣстить о томъ Государя, а въ случаѣ надобности пожертвовать для защиты его собственною жизнію. Въ домѣ его собирались стрѣльцы, преданные Петру, въ томъ числѣ деньщики Шакловитаго; а на дворѣ стояли осѣдланныя лошади для скорѣйшей вѣдомости“ *).

Такого извѣстія мы нигдѣ не находимъ. Это есть только предположеніе Устрялова, основанное на послѣдовавшихъ событіяхъ.

Извѣтъ Елизарьева, помѣщенный въ выдержкахъ Аристова, состоитъ въ слѣдующихъ словахъ:

„У него Елизарьева были въ дому того жъ стремяннаго полку десятники: Турка, Ѳеоктистовъ, Троицкой, Ладогинъ. И въ то де число прибѣжалъ на Лубянку къ съѣзжей избѣ Н. Гладкой, да А. Сергѣевъ; и отъ съѣзжей избы прислали по него, Ларіона, его Сергѣева, чтобъ шелъ къ съѣзжей избѣ. И онъ и вышеписанные десятники пошли съ нимъ. И у святыхъ воротъ онъ, Н. Гладкой, говорилъ имъ, чтобъ стрѣльцы взяли сто другое съ ружьемъ, шли въ городъ, всѣ де готовы, а ихъ де приказу никого нѣтъ. У Спасскаго набату языкъ онъ привязалъ.... слушайте набату, и велѣлъ на съѣзжей избѣ караульнымъ пятидесятникамъ кликать въ строевыхъ кафтанахъ съ ружьемъ 300 человѣкъ, и приказывалъ

*) Тамъ же, с. 57. Устряловъ ссылается здѣсь на показанія Ларіонова (Ларіона Елизарьева) и другихъ, но мы не находимъ этихъ важныхъ показаній въ выдержкахъ Аристова.

строевымъ, собрався, идтить по набату въ городъ, не мѣшкавъ, а Ѳ. Туркѣ съ товарищами ѣхать по заставамъ для вѣстей.... и Турка говоритъ ему, по какому де указу имъ идтить въ городъ, а люди де у нихъ готовы. И Ѳ. де Турка ему Микиткѣ сказалъ, что они де его не слушаютъ, и Михаила Капранова для провѣдаванья въ городъ посылалъ.

Положимъ, что Елизарьевъ съ товарищами, имѣвъ нѣсколько разъ вызовъ Шакловитаго на убійства въ Преображенскомъ, какъ мы видѣли выше, могъ заключить изъ посылки Гладкаго, что оно рѣшено на нынѣшнюю ночь, но какимъ же образомъ объяснить, что въ извѣтѣ своемъ онъ говоритъ объ убійствахъ въ Кремлѣ, когда придетъ туда Петръ, а не въ Преображенскомъ? „Ѳ. Шакловитый призывалъ М. Гладкаго, да *его Larionа*, да пристава А. Кондратьева, Е. Романова, и говорилъ имъ, чтобъ приготовить стрѣльцовъ 100 или 200 человѣкъ, а буде мочно, хотя бъ кто и весь полкъ привелъ для того, какъ великій государь Петръ.... *изволитъ* къ Москвѣ быть, и въ то число побить бояръ Льва К. Нарышкина съ братьями, да кравчего Б. А. Голицына, будто они хотятъ известь великую государыню Софію Алексѣевну. Да въ тожъ число велѣлъ онъ Ѳ. побить Нарышкиныхъ всѣхъ до одного человѣка, и Лопухиныхъ, да Апраксиныхъ всѣхъ троихъ, Викулу Извольскаго, Ѳедора Зыкова“.

Здѣсь говорится, кажется, именно о приготовленіяхъ и распоряженіяхъ въ случаѣ нападенія на Кремль, съ 7 на 8 августа, ибо употребляются выраженія, означающія однократное дѣйствіе: приготовить, привести. Такъ нельзя бы говорить о постоянной, имѣющей быть всегда, готовности. Какой бы смыслъ имѣли слова: приготовьте сто-двѣсти человѣкъ, а кто можетъ, тотъ приводи хоть цѣлой полкъ, чтобъ побить.... когда придетъ Царь Петръ? Какъ можно приготовлять, приводить, не зная, *когда* именно это нужно?

Въ признаніи Гладкаго, выраженномъ почти тѣми же словами, какъ и извѣтъ Елизарьева, смыслъ этотъ о 7 числѣ нѣсколько затемняется тѣмъ, что Гладкой, разсказавъ о призваніи, продолжаетъ: „а августа де противъ осьмаго числа въ ночи велѣлъ

ему приставъ Кондратьевъ нарядить сто стрѣльцовъ и проч. Послѣднее событіе какъ бы отдѣляется отъ перваго союзомъ *а*, вотъ слова Гладкаго:

„Ѳ. Шакловитой призывалъ его, (когда?) Н. Гладкова, да Елизарьева, Кондратьева, Петрова, Романова и говорилъ имъ онъ Ѳ. Шакловитый: великая де Государыня приказывала, чтобъ Льва Кирилловича Нарышкина и кравчего князя Бориса Алексѣевича Голицына побить и идти бы имъ для того великимъ собраніемъ къ великому государю (!) въ походъ въ село Преображенское, и въ Преображенскомъ бы ихъ и побить. „А августа противъ 8 числа, въ ночи, велѣлъ ему приставъ А. Кондратьевъ нарядить сто человѣкъ стрѣльцовъ; и онъ пришедъ на Лубянку, къ Ларіонову двору Елизарьева, съ Сергѣевымъ, говорили ему, Ларіону, что приставъ (Кондратьевъ) прислалъ, велѣлъ и проч.“ *).

Странно было бы, чтобъ Софія и Ш., задумавъ нападеніе на Преображенское, не дали бы знать о томъ Елизарьеву, одному изъ самыхъ близкихъ и довѣренныхъ къ себѣ лицъ, которому и прежде о томъ говорено было часто.

Но странно и то, что Елизарьевъ въ извѣтѣ своемъ выражается объ этомъ не такъ ясно и точно. Ему слѣдовало бы сказать прямо: Шакловитый де въ такомъ-то часу призывалъ меня, съ такими-то товарищами, и сказалъ мнѣ, что положено идти на Преображенское въ такомъ то часу, или, чтобъ мы тогда-то приводили стрѣльцевъ въ Кремль, въ ожиданіи тамъ Петра.

Впрочемъ кажется, что это только недостатокъ точности въ изложеніи дьяковъ-редакторовъ, которой требовать нельзя въ данномъ случаѣ. Елизарьевъ и Гладкой, кажется, говорятъ одно и тоже объ одномъ и томъ же дѣлѣ; Шакловитый сообщалъ распоряженіе тому и другому, именно о нападеніи 7 августа.

„Елизарьевъ шепнулъ Мельнову“ продолжаетъ г. Устряловъ, описавъ появленіе Гладкаго на Лубянкѣ. „посмотрѣть, что дѣлается въ Кремлѣ. Скоро возвратился Мельновъ, и объявилъ, что Кремль

*) Аристовъ, с. 44.

наполненъ вооруженными стрѣльцами, что всѣ ворота заперты, что въ глазахъ его Никита Гладкій стащилъ съ лошади царскаго спальника, пріѣхавшаго изъ Преображенскаго, Ѳедора Ѳедоровича Плещеева, и, избивъ, отвелъ его въ Верхъ къ Шакловитому. Видя, что дѣло начинается, Елизарьевъ и друзья его велѣли отомкнуть церковь преподобнаго отца Ѳеодосія, что на Лубянкѣ, позвали священника и предъ святымъ евангеліемъ, цѣлуя животворящій крестъ, дали клятву спасти Царя".

Устряловъ ссылается здѣсь на показанія Ларіонова и другихъ, с. 57, но я нигдѣ не нашелъ этого показанія, ни у Аристова, ни въ спискѣ Археологической коммиссіи.

Теперь спрашивается, какимъ же образомъ Елизарьевъ, зная, что въ Кремлѣ ждутъ нападенія,—это онъ пишетъ самъ въ своемъ извѣтѣ,—и вовсе не думаютъ нападать нынѣ на Преображенское, могъ послать туда извѣстіе, что Петра убить хотятъ и идутъ для того въ Преображенское. Онъ могъ донести только, что въ Кремлѣ сдѣланы приготовленія его встрѣтить.

Еслибъ даже порученію Шакловитаго, которое приведено выше (приготовить, привести), придавать общій смыслъ, а не пріуро чивать его именно къ 7 числу, то отъ Турки, Троицкаго, Ѳеоктистова, которые посланы были Шакловитымъ развѣдывать, куда пойдетъ Петръ изъ Преображенскаго, Елизарьевъ могъ быть извѣщенъ объ ожиданіи, а не о нападеніи. И Сильвестру тою же ночью сказалъ Елизарьевъ, что велѣно собираться стрѣльцамъ въ Кремль, въ ожиданіи нападенія Петра, что видно изъ показанія старца Арсенія, жившаго и бѣжавшаго съ С. Медвѣдевымъ. Онъ показывалъ:

„Августа де противъ 8 числа, часу въ другомъ или третьемъ ночи—стрѣльцы Елизарьевъ и Гладкой (?), Турка, Ѳеоктистовъ, къ нему, Сильвестру, приходили и говорили: тое де ночи великій государь будетъ изъ села Преображенскаго къ Москвѣ, а имъ де велѣлъ (кто? Шакловитый) сбираться въ городъ, а многимъ ли человѣкамъ и изъ которыхъ приказовъ, того онъ не вѣдаетъ. А Сильвестръ де Медвѣдевъ что имъ говорилъ, того онъ не

слыхалъ; только онъ то слышалъ отъ Сильвестра будто онъ стрѣльцамъ говорилъ: „Что де вы дѣлаете? Чтобъ ваши души не пропали“*).

Что же послѣ этихъ соображеній и показаній должно бы заключить объ извѣтѣ Елизарьева съ товарищами, будто стрѣльцы идутъ въ Преображенское убить Петра?

Извѣтъ ихъ былъ ложный. Они лгали завѣдомо.

Не меньше противорѣчій представляется и въ другихъ обстоятельствахъ.

Гладкій зналъ о порученіи Туркѣ, Троицкому и Ѳеоктистову. Зная стрѣльцовъ въ Кремль словами, что тамъ всѣ готовы, онъ какъ будто даетъ понять, что оттуда сбираются идти на Преображенское, а напоминая Туркѣ, Троицкому, Ѳеоктистову о разнѣдываньѣ, онъ какъ будто думаетъ, что въ Кремлѣ ожидается нападеніе“.

Для чего Туркѣ спрашивать Гладкаго, по какому указу должны стрѣльцы идти въ Кремль, когда ему дано другое порученіе, напоминаемое даже ему Гладкимъ? Гладкій на его вопросъ могъ отвѣтить ему, что получилъ приказъ отъ Кондратьева. Съ чего же говорить Туркѣ, что не хочетъ слушать Гладкаго? О комъ говоритъ онъ: „мы готовы“, тѣмъ болѣе, что дѣло до него не касалось, и ему дано было совершенно особое порученіе?

Съ чего ему, имѣющему совсѣмъ другое порученіе, посылать для повѣрки объявленнаго Гладкимъ Капранова, которому тотъ не мало не оскорбляясь, разсказываетъ по дорогѣ, что онъ сдѣлаетъ съ Патріархомъ, ризничимъ, тѣмъ или другимъ бояриномъ?

Турка показываетъ, что послалъ съ Гладкимъ Капранова, что подтверждаетъ и Гладкій, а Елизарьевъ, по Устрялову, посылаетъ Мельнова, который возвращается и сообщаетъ ему, что Кремль наполненъ стрѣльцами. Тогда Елизарьевъ посылаетъ Мельнова съ Ладогинымъ въ Преображенское.

Возвратился ли Капрановъ и съ какими извѣстіями, неизвѣстно.

А сами—Елизарьевъ, Турка, Ѳеоктистовъ (старецъ Арсеній присоединяетъ къ нимъ Гладкаго, вѣроятно, по ошибкѣ) идутъ въ

*) Тамъ же, с. 43.

Кремль, неизвѣстно опять одни или съ требованными стрѣльцами, и, пославъ доносъ о нападеніи на Преображенское, заходятъ сказать Сильвестру, что въ Кремлѣ ожидаютъ Петра, и имъ велѣно туда собираться, а у Сильвестра былъ уже Кондратьевъ, который сказалъ ему тоже:

„Въ ночи часу въ другомъ или третьемъ пришелъ къ нему А. Кондратьевъ и сказалъ: былъ де онъ въ слободѣ, и приказалъ, чтобъ сто человѣкъ съ ружьемъ шли въ Кремль, да изъ Ефимьева де и изъ Жукова полковъ указала великая государыня быть по сту жъ человѣкъ съ ружьемъ. А сказываютъ, де, что великій Государь Петръ Алексѣевичъ изволитъ быть тое ночи къ Москвѣ, и великой Государынѣ Софіи Алексѣевнѣ хочетъ отъ владѣнія отказать. И онъ де ничего имъ не сказалъ“ *).

Турка и Ѳеоктистовъ идутъ теперь съ Елизарьевымъ въ Кремль, во 2 или 3 часу ночи, а имъ вѣдь велѣно ѣхать для вѣстей къ Преображенскому, и они пріѣдутъ оттуда поутру часу въ другомъ дня, съ донесеніемъ, что Петръ ускакалъ въ Алексѣевское, (первое село на пути къ Троицѣ).

Здѣсь еще не всѣ вопіющія противорѣчія. Вотъ одно изъ самыхъ разительныхъ:

Пѣвчій Лаврентій Кузьминъ Бурмистровъ показалъ:

„А августа противъ 8 ч., какъ сбираны въ Кремль стрѣльцы, ночевалъ онъ, дома,—а дворъ его на Лубянкѣ,—и услышалъ той *ночи*, что сбираются стрѣльцы. Онъ пришелъ на Лубянку. У церкви стоятъ стрѣльцы: Елизарьевъ, да Троицкой, да Турка. Онъ спросилъ ихъ, для чего они сбираются? Они ему сказали: „велѣно имъ идти въ городъ“; больше того онъ съ ними ничего не говорилъ, и побѣжалъ въ монастырь къ старцу Селивестру сказать ему, *какая бѣда чинится*. А то де слово онъ: „какая бѣда чинится“, сказалъ потому, что на дорогѣ стрѣлецъ Ѳеоктистовъ ему говорилъ: какую бѣду Микитка Гладкой сдѣлалъ было, велѣлъ стрѣльцамъ идти въ городъ съ ружьемъ, а для чего, того не сказалъ“ **).

Какимъ образомъ Ѳеоктистовъ, посланный Шакловитымъ для развѣдыванья о Петрѣ въ Преображенское, оказавшійся ночью у

*) Тамъ же, с. 41. **) С. 49.

Елизарьева на Лубянкѣ съ товарищами, и выслушавшій вмѣстѣ съ ними вызовъ Гладкаго, могъ встрѣтиться Бурмистрову, бѣжавшему съ Лубянки на Никольскую въ Заиконоспасскій монастырь къ С. Медвѣдеву?

Какъ онъ успѣлъ побывать уже въ Кремлѣ, до Капранова и Мельнова (?!), и узнать совершенно другое, чѣмъ Мельновъ, то есть, что Гладкой поднялъ напрасную тревогу? „*Какую де бѣду сдѣлалъ было* Н. Гладкой,—велѣлъ стрѣльцамъ идти въ городъ съ ружьемъ“, сказалъ онъ Бурмистрову. И Сильвестръ, вышедъ къ Бурмистрову изъ чулана, подтверждаетъ это извѣстіе: „вотъ де какая бѣда, что бѣшеный Никитка Гладкой дѣлаетъ“.

Ѳеоктистовъ, встрѣчая Бурмистрова, бѣжавшаго съ Лубянки, пока тамъ оставался еще Елизарьевъ съ товарищами и Гладкимъ, долженъ былъ воротиться туда прежде Мельнова (и Капранова), и объяснить бѣду нужнѣе своимъ сообщникамъ, чѣмъ мимоходомъ Бурмистрову, лицу постороннему, а они не узнаютъ отъ него, видно, ничего, о напрасной бѣдѣ, а напротивъ узнаютъ отъ Мельнова, который долженъ былъ воротиться къ нимъ послѣ Ѳеоктистова, о собраніи стрѣльцовъ, вслѣдствіе чего посылаютъ доносъ въ Преображенское, чтобъ спасался Петръ! Что же дѣлалъ тутъ Ѳеоктистовъ? Узнается, что тревога поднята Гладкимъ по пустому, а между тѣмъ посылается въ Преображенское извѣстіе, чтобъ тамъ спасались отъ убійцъ.

Устряловъ говоритъ, что Гладкой прибѣгалъ на Лубянку и въ другой разъ съ понужденіемъ. Этого я не нахожу въ выдержкахъ у Аристова, и никакъ не могу понять: если первая его выходка сочтена бѣдою, какъ назвалъ ее Ѳеоктистовъ и подтвердилъ Медвѣдевъ, то по чьему приказанію и зачѣмъ могъ онъ прибѣжать на Лубянку во второй разъ и повторять свою бѣду?

Ѳеоктистовъ говорилъ Бурмистрову, что Гладкій сдѣлалъ было бѣду. Ѳеоктистовъ заходилъ къ Сильвестру съ Елизарьевымъ и Туркой, и говорилъ, что имъ велѣно сбираться въ городъ. Ѳеоктистовъ же говорилъ Сильвестру, что Кондратьевъ смутилъ и сбора нѣтъ.

„Да въ тое же ночи (послѣ 2 или 3 часа) къ нему, Сильверсту, въ монастырь заходили стрѣльцы: Турка, Михайло Ѳеоктистовъ, и сказали, что А. Кондратьевъ смутилъ, сказалъ де онъ, будто въ Кремлѣ де стрѣльцовъ никого нѣтъ.

Наконецъ Ѳеоктистовъ съ Туркою и Троицкимъ является на утро къ Шакловитому съ донесеніемъ, что Петръ убѣжалъ въ одной сорочкѣ!

Вотъ какія противорѣчія являются въ показаніяхъ, а если мы попытаемся размѣстить всѣ показанія въ хронологическомъ порядкѣ, то противорѣчій и непонятностей явится еще больше.

Исчислимъ сперва дѣйствія.

Шакловитый позванъ на Верхъ и получилъ приказаніе распорядиться о собраніи стрѣльцевъ для провожанья Царевны Софіи.

Чрезъ часъ по полученіи извѣстія въ подметномъ письмѣ о нападеніи изъ Преображенскаго, онъ сдѣлалъ новыя распоряженія.

За часъ до вечера дано приказаніе кн. Голицынымъ запирать ворота.

Шакловитый послалъ Турку, Троицкаго, Ѳеоктистова, для вѣстей въ Преображенское.

Собираются стрѣльцы, и помѣщаются одни на Лыковѣ дворѣ, другіе у Житнаго двора, третьи у дворцовой лѣстницы.

Гладкій бѣжитъ ночью на Лубянку собирать стрѣльцевъ по приказу Кондратьева и посылаетъ Сергѣева за Елизарьевымъ. Елизарьевъ является съ Туркой, Троицкимъ, Ѳеоктистовымъ, которые у него были.

Турка споритъ съ Гладкимъ. Ѳеоктистовъ уходитъ въ Кремль.

Пѣвчій Бурмистровъ, жившій на Лубянкѣ, слышитъ о собраніи стрѣльцевъ, выбѣгаетъ на улицу у церкви, узнаетъ причину и бѣжитъ въ 5 часу ночи на Никольскую къ Сильверсту, чтобъ извѣстить его о происходящемъ.

Встрѣчается Бурмистрову Ѳеоктистовъ на дорогѣ изъ Кремля и говоритъ о бѣдѣ, сдѣланной Гладкимъ. Сильвестръ подтверждаетъ его слова.

Елизарьевъ посылаетъ Мельнова въ Кремль для освѣдомленія.

Турка Капранова, который отправляется вмѣстѣ съ Гладкимъ.

Бурмистровъ, уходя въ 5 часу ночи, встрѣчаетъ Кондратьева у дверей Сильверстровыхъ.

Кондратьевъ заходитъ къ Сильвестру и говоритъ, что нарядилъ стрѣльцевъ въ Кремль. Возвращается Мельновъ изъ Кремля. Доносчики клянутся въ вѣрности.

Елизарьевъ посылаетъ Мельнова въ Преображенское съ доносомъ, чтобы Петръ спасался.

Гладкій прибѣгаетъ во второй разъ на Лубянку, съ настоятельнымъ призывомъ.

Мельновъ является въ Преображенское около полуночи.

Петръ разбуженный, скачетъ опрометью къ Троицѣ.

Елизарьевъ, Турка и Троицкой, заходятъ къ Сильвестру и говорятъ, что имъ велѣно идти въ Кремль *).

Послѣ того Турка и Ѳеоктистовъ заходятъ къ Сильвестру и говорятъ, что Кондратьевъ смутилъ.

Шакловитый между тѣмъ пришелъ на Верхъ въ 1 часу ночи и остался тамъ ночевать.

Софія за 2 часа до свѣта идетъ въ Казанскую церковь.

Елизарьевъ разговариваетъ съ Агапомъ Петровымъ за церковью.

Являются деньщики Т. Т. Ѳ. къ Шакловитому и доносятъ о бѣгствѣ Петра изъ Преображенскаго.

Возьмемъ за исходную точку прибытіе стрѣльцевъ съ доносомъ въ Преображенское немного спустя по полуночи, и бѣгство Петра, прискакавшаго къ Троицѣ *въ 6 ч. утра*, которое мы узнаемъ *навѣрное* изъ дневника Гордонова.

Если Мельновъ и Ладогинъ прискакали въ Преображенское немного спустя по полуночи, то съ Лубянки отправились они по нашему счету часовъ около половины 12-го.

Мельновъ, предъ отправленіемъ своимъ въ Преображенское, успѣлъ воротиться изъ Кремля, куда былъ посланъ доносчиками для осмотра: проѣхать взадъ и впередъ, съ Лубянки въ Кремль, и изъ Кремля на Лубянку, осмотрѣть Кремль и передать о видѣнномъ, на это нуженъ по крайней мѣрѣ часъ.

---

*) Тамъ же, с. 43.

Переговорить между собою доносчикамъ, принять рѣшеніе, обязаться взаимною присягою въ церкви и отправить вѣстниковъ въ Преображенское, нужно также около часа.

Слѣдовательно Мельновъ съ Лубянки посланъ былъ въ Кремль, въ половинѣ 10 часа, воротился въ половинѣ 11, и отправленъ къ Петру въ половинѣ 12.

Мельновъ ѣздилъ съ Лубянки въ Кремль по выслушаніи Гладкаго; Гладкій, прибѣжавъ на Лубянку, посылалъ за Елизарьевымъ, который пришелъ съ товарищами; онъ передалъ имъ приказъ, разсказывалъ, спорилъ съ Туркою; на все это по крайней мѣрѣ нуженъ часъ. Слѣдовательно Гладкій прибѣжалъ или прискакалъ на Лубянку въ половинѣ 9, а изъ Кремля около 9 часовъ, получивъ приказаніе Кондратьева, который привелъ стрѣльцевъ на Лыковъ дворъ въ 9 часу.

Стрѣльцевъ надо было оповѣстить, нарядить, имъ надо было собраться, и придти можетъ быть отъ нынѣшней Сухаревой башни, изъ за Москворѣчья, изъ за Яузы: на это нужно около двухъ часовъ, то есть первый приказъ данъ въ 7 часовъ, что, можетъ быть, и сходится съ извѣстіемъ, что Голицынъ велѣлъ запереть ворота Кремлевскія за часъ до вечера, хотя разсчетъ этотъ противорѣчитъ нѣсколько показаніямъ, что Гладкій прибѣжалъ на Лубянку ночью въ 9 часу, а не вечеромъ.

Но вотъ что никоимъ образомъ объяснить уже нельзя: Бурмистровъ ночевалъ у себя дома на Лубянкѣ. Ночью онъ услышалъ, что собираются стрѣльцы, вышелъ на улицу узнать, что дѣлается, увидѣлъ Елизарьева, Троицкаго и спросилъ ихъ, и „больше того ничего съ ними не говорилъ“, побѣжалъ къ Сильвестру. По вышепредложенному изслѣдованію, это не могло быть иначе, какъ въ 10 часу, а Бурмистровъ показывалъ, что прибѣжалъ въ монастырь въ 5 часу ночи съ Лубянки на Никольскую. У Сильвестра побылъ онъ съ четверть часа“, и, уходя, встрѣтилъ Кондратьева! Какимъ образомъ Гладкій, воротясь съ Капрановымъ въ Кремль, успѣлъ тамъ стащить спальника Плещеева, пріѣхавшаго изъ Преображенскаго, отвести его на Верхъ къ Шакловитому, а потомъ опять побѣжать на Лубянку, понуждать стрѣльцевъ?

Далѣе—Елизарьевъ, Турка, Ѳеоктистовъ, пославъ Мельнова и Ладогина, отправились сами въ Кремль, за Гладкимъ, говоритъ Устряловъ, но я не нахожу этого извѣстія въ дѣлѣ, поколику оно извѣстно. Они зашли къ Сильвестру во 2 или 3 часу ночи сказать, что имъ велѣно туда собираться. А по нашему изслѣдованію они должны быть у Сильвестра въ 12 часу, послѣ Кондратьева, который приходилъ къ нему съ тѣмъ же извѣстіемъ, между тѣмъ какъ Бурмистровъ сообщалъ совершенно противное.

И какимъ образомъ Кондратьевъ могъ придти къ Сильвестру въ 5 часовъ ночи, когда онъ распорядился въ Кремлѣ и послалъ Гладкова въ 9 часовъ вечера? Или Кондратьевъ приходилъ къ Сильверсту два раза?

Какъ бы то ни было, но съ 7 на 8 августа тревога была напрасная, и намѣренія, по крайней мѣрѣ рѣшенаго, не было.

Въ дополненіе къ сказанному замѣтимъ, что въ дѣлѣ нѣтъ ни одного показанія стрѣльцевъ въ родѣ, на примѣръ, слѣдующаго: насъ посылалъ такой-то приставъ, сотникъ.... нѣтъ никакого розыска: ты снаряжалъ ли, посылалъ ли...? Положимъ, что Царевна Софія ходила въ Казанскій Соборъ именно для того, чтобы прикрыть неудавшееся намѣреніе, но тогда объявились бы непослушные, возражавшіе, чтобы получить награду за вѣрность.

Для чего же собраны были стрѣльцы въ Кремль?

Для обороны отъ нападенія Петрова, о коемъ предупреждало подметное письмо, полученное будтобы Царевной Софіею 7 августа?

Неговоря о томъ, что подметное письмо, какъ обыкновенное средство того времени, не только не заслуживаетъ никакого довѣрія, но напротивъ возбуждаетъ подозрѣніе, что были на Верху какія нибудь намѣренія, которыя закрывались этимъ письмомъ, — въ Преображенскомъ не замѣтно было никакого движенія. Петра самые доносчики застали крѣпко спящимъ въ 12 часу. Да и на Верху Шакловитый, полковникъ Нормацкій, подъячіе,—всѣ полегли спать и спали до заутрени, когда Царевна Софія собиралась въ Казанскій соборъ. Какимъ образомъ можно бъ понять, что всѣ они, ожидая Петра изъ Преображенскаго, предъ такой опасностію полегли спать въ Грановитой Палатѣ?

Если Софія опасалась нападенія, то въ Преображенскомъ должны бы быть неотлучно ея соглядатаи, которые извѣщали бы ее о всѣхъ движеніяхъ: были же у нее тамъ пріятельницы, переносившія всякія вѣсти. Шакловитый послалъ наблюдать, куда поѣдетъ Петръ. Вопервыхъ, кромѣ Кремля выѣзжать ему было некуда, слѣдовательно, еслибъ справляться, то должно бы справляться не о мѣстѣ—куда, а о времени—когда.

Это одно обстоятельство давалобъ знать вѣроятнѣе другихъ, что нападеніе ожидалось, если не приписать его отводу.

Въ разсчетъ надо принять однакожъ то, повторимъ прежнее замѣчаніе, что мы судимъ такъ по настоящимъ нашимъ взглядамъ на вещи съ предусмотрительностію, плодомъ опыта; тогда поступали, какъ это видно изъ многихъ событій, гораздо простѣе, неосторожнѣе, рѣшались легкомысленнѣе, не смотря далеко въ даль, не предполагая разныхъ возможностей.

Если нападенія ни предпринималось, ни ожидалось, то зачѣмъ же созваны были стрѣльцы?

Сопровождать Царевну Софію на богомолье. Причина самая невѣроятная. Ходить ей по богомольямъ въ такое опасное время было вовсе неудобно.

Но мы должны опять замѣтить, что слѣдствіе ведено было самымъ неудовлетворительнымъ обрзомъ. Главное вниманіе было обращено на извѣты. Обвиняемые подвергались пыткѣ, и послѣ нѣсколькихъ ударовъ, въ первый или второй разъ, признавали за собою большею частію всѣ вины. Какъ же можно вѣрить подобнымъ признаніямъ?

Доносчики были неприкосновенны и говорили, что хотѣли; имъ не давали очныхъ ставокъ; ихъ не спрашивали по поводу другихъ показаній. Медвѣдевъ, напримѣръ, показывалъ, что Елизарьевъ съ товарищами приходили къ нему жаловаться на Шакловитаго, который требовалъ, де, отъ нихъ смерти Голицына и Нарышкина и т. д. Медвѣдевъ, другъ Шакловитаго, будто убѣдилъ ихъ не принимать на себя такого преступнаго дѣла, и Елизарьевъ поми-

налъ послѣ часто, что онъ, и его товарищи обязаны за то Медвѣдеву, иначе навѣрное исполнили бъ предположеніе Шакловитаго. Елизарьевъ не былъ даже спрошенъ, правда ли это.

Точно также необходимо нужнобъ было разыскать происхожденіе подметнаго письма, найденнаго Елизарьевымъ на Лубянкѣ, объ опасностяхъ, грозившихъ Царевнѣ Софіи года за два, которое было поводомъ къ разнымъ мѣрамъ, ею принятымъ.

На чемъ основываясь, Ѳеоктистовъ назвалъ сборъ стрѣльцевъ въ Кремлѣ бѣдою, которую сдѣлалъ было Гладкій, названный по этому случаю отъ Сильвестра бѣшенымъ?

Что узналъ Сильверстъ прежде,— и отъ кого? Почему выразился такъ? Кто посылалъ Ѳеоктистова въ Кремль? Зачѣмъ приходилъ къ Медвѣдеву Кондратьевъ два раза? Для чего заходилъ къ нему Елизарьевъ съ товарищами?

Если Гладкій имѣлъ поводъ прибѣжать на Лубянку въ первый разъ, чтобы звать стрѣльцевъ, то зачѣмъ же прибѣгалъ онъ въ другой разъ, какъ свидѣтельствуетъ Устряловъ, когда дѣйствія его объявились напрасными?

Зачѣмъ Шакловитый уходилъ съ Верху домой, сдѣлавъ распоряженія о сборѣ стрѣльцевъ?

На что были нужны ему трое подъячихъ?

Когда, въ какой день, въ которомъ часу говорилъ Шакловитый Елизарьеву, чтобъ привести стрѣльцевъ и убить Нарышкина, Голицына и проч.?

Зачѣмъ призывала Ц. Софія князя В. В. Голицына отъ заутрени въ Казанскомъ соборѣ?

Что говорилъ ему Шакловитый, посланный къ нему на домъ?

Зачѣмъ Ѳеоктистовъ ходилъ съ Лубянки въ Кремль, и какъ онъ могъ туда явиться, когда былъ посланъ съ товарищами наблюдать Петра въ Преображенскомъ?

Почему, кромѣ ушедшаго Ѳеоктистова, посланы были туда Мельновъ и Капрановъ?

Съ какой стати распоряжаться было Туркѣ? О чемъ было имъ справляться и спрашивать, когда они, т. е. Елизарьевъ съ товарищами, знали, въ чемъ дѣло, а прочіе имѣли особое порученіе?

Что увидѣлъ въ Кремлѣ Мельновъ?

Зачѣмъ пріѣзжалъ въ Кремль Плещеевъ изъ Преображенскаго? Гдѣ извѣты Цыклера?

Зачѣмъ Царевна Софія посылала изъ Казанскаго собора за княземъ Голицынымъ? Почему онъ не пришелъ къ ней, отзываясь нездоровьемъ, и не принявъ къ себѣ даже посланнаго, Обросима Петрова, между тѣмъ какъ за нѣсколько часовъ онъ былъ на Верху и дѣлалъ тамъ распоряженія? Объ чемъ приходилъ къ нему говорить, вслѣдствіе его отказа, самъ Шакловитый, и пробылъ у него часъ?

Слѣдствіе дѣлалось какъ будто для исполненія обряда, формы. Судьи считали заранѣе главными виноватыми: Шакловитаго, Сильверста, Рязанова и Гладкаго. Ихъ заранѣе рѣшено было казнить, а прочіе допрашивались какъ будто только для того, чтобъ получить оправданіе опредѣленныхъ казней. Точно такъ и подсудимые, ими спрашиванные, зная такое расположеніе судей, напускались на Ш. С. и Г., въ особенности на послѣдняго, и, кажется, прибавили къ ихъ дѣйствительнымъ винамъ свои выдумки.

Я сдѣлалъ сводъ всѣхъ обвиненій и признаній по лицамъ, значащимся въ слѣдственномъ дѣлѣ: убить Петра съ 7 на 8 августа не было ни какого рѣшенія.

Остается принять естественную догадку Устрялова, что у Царевны Софіи было сначала намѣреніе идти на Преображенское, но что она отдумала, точно какъ отдумала и прежде, что примѣтно изъ одного показанія въ слѣдственномъ дѣлѣ: Кузьма Чермный показывалъ, что въ первыхъ числахъ августа ночью приходили къ нимъ, ко дворамъ ихъ, со стѣннаго караула стрѣльцы Андреева полка Нормацкаго, и велѣли приготовить ему (Чермному) человѣкъ 60, а Евдокимову съ 20 и больше, и велѣли дожидаться на двору на 2 или 3 (?) вѣдомости, а безъ вѣдомости никуда ходить не велѣли, а съ чѣмъ имъ идти, то тому будетъ другая вѣдомость, и того де числа (?) вѣдомости имъ не бывало, и никуда они не ходили". На другой день Евдокимовъ ходилъ справляться къ Шакловитому, по его ли приказанію приходили къ нимъ стрѣльцы. Шакловитый отвѣчалъ утвердительно.

---

*) Тамъ же, с. 36.

Для чего иначе моглобъ быть нужно собраніе стрѣльцевъ съ заблаговременнымъ приготовленіемъ? Ясно, что было какое-то тайное намѣреніе, которое на ту пору не состоялось и было отложено.

Точно также могло состояться и быть отложено по той или другой причинѣ нападеніе съ 7 на 8 августа. Можетъ быть, замѣчено было колебаніе, несогласіе стрѣльцевъ, которыхъ можно было убѣдить къ оборонѣ, но не къ нападенію. Можетъ быть, не достало рѣшимости въ послѣднюю минуту, точно какъ не достало рѣшимости вѣнчаться на царство 1 сентября 1687 года, хотя на канунѣ еще тогда объявлялъ то Шакловитый Сильверсту положительно. Можетъ быть, получены были какія нибудь важныя извѣстія.

Въ дѣлѣ, при всемъ стараніи найдти виноватыхъ, отыскиваются для пытокъ только человѣкъ десять—стрѣльцы Гладкой, больше всѣхъ, Кондратьевъ, Стрижовъ, Петровъ, Романовъ, — да и тѣ обвиняются только въ непристойныхъ рѣчахъ, то есть брани, въ похвальбахъ между собою, въ полученіи подарковъ отъ Царевны Софіи, въ нѣкоторомъ знакомствѣ съ ея намѣреніями. Прочіе привлекаются къ слѣдствію только, какъ свидѣтели неважныхъ распоряженій. Дѣйствій не было никакихъ. Самъ Шакловитый обвиняемъ былъ только въ намѣреніяхъ, и то по извѣтамъ доносчиковъ.

Когда обнаружилась невозможность напасть, тогда причиною собранія стрѣльцевъ объявлена необходимость обороняться отъ нападенія потѣшныхъ конюховъ, о которомъ получено будто подметное письмо, — предлогъ употребленный и для ихъ собранія. Тогда можетъ быть и Ѳеоктистову велѣно объявить Лубянскій сборъ бѣдою, сдѣланною Гладкимъ, котораго и Сильвестръ назвалъ бѣшенымъ. Тогда, можетъ быть Туркѣ и Ѳеоктистову, было велѣно разглашать, что Кондратьевъ смутилъ.

Итакъ намѣреніе не состоялось, въ этотъ день, но не было ль рѣшенія, мысли исполнить это въ другое время когда нибудь? Это вопросъ другой, и на него можно, кажется, также рѣшительно отвѣчать, что Софія была готова на это дѣло, хотя случаевъ, указанныхъ доносчиками, также допустить нельзя, а именно:

Софія сочетается бракомъ съ Голицынымъ, жена Иванова обвинится въ прелюбодѣяніи, а сынъ ея объявится незаконнымъ.

Гордонъ, говоря объ осужденіи князя В. В. Голицына, пишетъ, „что хотя князь Голицынъ не былъ зачинщикомъ, но онъ зналъ обо всемъ, что задумывалось *противъ жизни младшаго Царя*“.

Изъ этихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ видно, что слухи о намѣреніи убить Петра ходили въ городѣ въ томъ или другомъ видѣ, слѣдовательно были извѣстны и въ Преображенскомъ, гдѣ всякую минуту должны были опасаться нападенія и приготовляться къ оборонѣ.

Заручившись этимъ положеніемъ, обратимся къ доносу Ларіона Елизарьева съ товарищами.

Въ новомъ драгоцѣнномъ сборникѣ, изданномъ Г. В. Есиповымъ, мы находимъ слѣдующій важный документъ:

Лѣта 198 года, октября въ 31 день, постельничему Гаврилу Ивановичу Головкину: Въ нынѣшнемъ въ 198 году, октября въ 22 день, великіе государи Цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ в. в. и м. б. р. с. пожаловали по имянному своему великихъ государей указу, стольника и полковника стремяннаго Иванова полку Цыклера, пятисотеннаго Ларіона Елизарьева, пятидесятниковъ: Ипата Ульфова, Дмитрія Мельнова, — десятниковъ: Ѳедора Турку, Якова Ладогина, Михаила Ѳеоктистова, Ивана Троицкаго,—велѣли имъ дать своего великихъ государей жалованья, за многія ихъ вѣрныя и радѣтельныя службы, по тысячи рублевъ человѣку, и того семь тысячь рублевъ, вмѣсто каменныхъ лавокъ и амбаровъ и харчевень и пироженъ и рыбныхъ мѣстъ, которыя даны имъ были въ нынѣшнемъ же въ 198 году изъ Приказу большія казны. И по ихъ, Ларіонову и Ипатову съ товарыщи, челобитью тѣ лавки и амбары и харчевни и пирожные и рыбные шалаши взяты на нихъ, великихъ государей, и велѣно ихъ вѣдать и въ наймы отдавать, по прежнему, изъ Приказу большія казны, а на тою дачу, тѣ деньги семь тысячь рублевъ, изъ Приказу большія казны, въ Приказъ ихъ великихъ государей мастерскіе палаты, прислать къ тебѣ постельничему

Гаврилу Ивановичу. И по сему великихъ государей указу, въ то число, на тое вышеписанную дачу, изъ доходовъ Приказу большія казны, отпущено въ Приказъ ихъ великихъ государей мастерскіе палаты денегъ три тысячи пятьсотъ рублевъ".

Въ чемъ же состояла заслуга Елизарьева съ товарищами, за которую получили они необыкновенную для того времени награду?

Они получили, скажутъ, награду за то, что донесли именно въ ту минуту, когда предназначался ударъ?

Нѣтъ, въ данную минуту не предназначалось никакого удара, какъ мы заподлинно дознались, и сами они это знали, и, донося, завѣдомо лгали, клеветали.

Еслибъ даже доносъ на первыхъ порахъ казался вѣрнымъ, то у Троицы-то, при начальныхъ допросахъ, можно было удостовѣриться, что въ ночь на 8 августа нападенія никакого на Преображенское не назначалось и не начиналось.

За что же, повторяемъ, дана такая награда? Даромъ ли далибъ семь тысячъ рублей простымъ стрѣльцамъ, за доносъ, оказавшійся пустымъ, ложнымъ, хоть и благонамѣреннымъ.

Попытаемъ объяснить его въ хорошую сторону: Нельзя ли предположить, что Елизарьевъ, связанный тѣсными узами съ Царевной Софьей и Шакловитымъ, бралъ съ нихъ деньги, но внутренно не ободрялъ кровопролитія, что видно изъ показанія Сильвестра, но когда онъ увидѣлъ, по послѣднимъ мѣрамъ, что оно рѣшено, и что Царевна хочетъ покончить съ братомъ и Нарышкиными, то рѣшился предупредить Петра объ опасности, вмѣстѣ съ своими товарищами?

Нѣтъ, такого предположенія сдѣлать нельзя.

Если Елизарьевъ получилъ поутру порученіе приходить въ Кремль и приводить стрѣльцевъ на ночь, на 8 число, или, по крайней мѣрѣ, зналъ объ немъ, то кто же и мѣшалъ ему тотчасъ предувѣдомить Петра? Почему дожидался онъ ночи, когда уже не оставалось какъ бы ни минуты времени, и Петръ босикомъ въ одной рубашкѣ долженъ былъ бѣжать на конюшню и одѣваться въ рощѣ?

Если онъ самъ не зналъ о принятомъ намѣреніи заранѣе, и только отъ Гладкаго получилъ извѣстіе, то Ѳеоктистовъ, возвратившійся, непремѣнно, прежде Мельнова, долженъ былъ ему сообщить, что тревога поднята попустому.

Если остаться при его собственномъ извѣтѣ, то онъ ожидалъ нападенія Петрова на Кремль, о которомъ передалъ извѣстіе Сильвестру Медвѣдеву, показавшему въ своихъ отвѣтахъ, что Елизарьевъ говорилъ ему во 2 или 3 часу ночи о приказаніи стрѣльцамъ собираться въ Кремль.

Какъ ни оборотишь всѣ эти показанія, все приходишь къ заключенію объ его несостоятельности: доносъ Елизарьева былъ ложный, придуманный заранѣе.

Не были-ль Елизарьевъ съ товарищами подкуплены партіей Петра, (Голицынымъ, Нарышкинымъ), представить доносъ именно въ эту ночь, чтобъ дать тѣмъ предлогъ къ бѣгству Петра, послужившему къ окончательной развязкѣ?

Иначе нельзя объяснить этого дѣла и этой награды, которая была, видно, условною платою.

Въ этой стачкѣ важную роль игралъ полковникъ Стремяннаго полка, къ которому принадлежали всѣ доносчики, стольникъ Иванъ Елисѣевичъ Цыклеръ, столько извѣстный въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, одинъ изъ первыхъ слугъ Царевны Софіи.

Замѣтимъ, что Ларіонъ Елизарьевъ, чрезъ десять лѣтъ, явится опять доносителемъ на друга своего и единомышленника, полковника Цыклера, который замыслитъ новый заговоръ противъ Петра.

Гордонъ подъ 10 числомъ августа пишетъ:

„Младшій Царь прислалъ за полковникомъ Иваномъ Цыклеромъ и 50 стрѣльцами. Послѣ было узнано, что такъ было поступлено происками этого полковника, чтобъ пріобрѣсть милость младшаго Царя, такъ какъ онъ въ послѣднемъ возстаніи стрѣльцовъ, въ коемъ погублены были многіе друзья младшаго Царя, былъ однимъ изъ главнѣйшихъ орудій: поэтому онъ писалъ къ друзьямъ своимъ при Троицкомъ дворѣ, чтобъ они убѣдили младшаго Царя прислать за нимъ; при чемъ онъ обѣщалъ раскрыть такія вещи,

которыя тамъ знать должно. По прибытіи своемъ, открылъ онъ все, и передалъ за своею подписью, что онъ получалъ приказы и бумаги отъ двора для раздачи между стрѣльцами".

Замѣтимъ, что 8 Петръ прибылъ къ Троицѣ, а 10 послалъ уже за Цыклеромъ, а Елизарьевъ убѣжалъ туда 11-го.

Гордонъ говоритъ о друзьяхъ его при Троицкомъ дворѣ, которыхъ онъ просилъ убѣдить младшаго Царя, чтобъ тотъ вызвалъ его изъ Москвы. Это едва ли вѣрно. Какихъ друзей могъ имѣть Цыклеръ при Троицкомъ дворѣ, бывъ однимъ изъ главныхъ орудій Царевны Софіи во время перваго стрѣлецкаго бунта, ставившій столбъ во славу убійцъ Матвѣева, Нарышкина и проч.? Вѣроятнѣе такъ было условлено заранѣе, при составленіи плана дѣйствій. Изъ переписки съ нимъ и Елизарьевымъ нѣкоторыхъ единомышленныхъ стрѣльцевъ, оставшихся въ Москвѣ, ясно видно, что всѣ доносчики составляли съ нимъ одно общество: стрѣльцы обращаются къ Елизарьеву предъ Цыклеромъ, шлютъ ему поклоны увѣдомляютъ о Московскомъ положеніи, просятъ его ходатайства *).

Царевна Софія догадалась объ этой стачкѣ, и въ сказкѣ, которую велѣла она Шакловитому написать для всякихъ чиновъ людей по поводу грамоты, было именно сказано, „что де въ грамотахъ написано изъ Троицкаго объѣзду про извѣтъ пятидесятника Л. Елизарьева съ товарыщи... тѣ дѣла написаны напрасно, и чтобъ они тому не вѣрили. Да въ той же де сказкѣ написанъ былъ стольникъ и полковникъ Иванъ Елисѣевъ сынъ Цыклеръ, да извѣтчики Л. Елизарьевъ съ товарыщи,... они, стаковся съ ними, затѣяли напрасно"....

Ихъ, то есть Цыклера и Елизарьева съ товарищами, разумѣла безъ сомнѣнія, Царевна Софія въ рѣчи своей, обращенной къ стрѣльцамъ по полученіи требованія отъ Троицы 1-го сентября. Нашлись злые люди, сказала она, которые согласились быть *орудіями*, (быть употребленными *какъ орудія*) и всѣ средства употребили, чтобъ разсорить ихъ (старшаго брата и Царевну);

---

*) См. у Аристова въ дѣлѣ о Шакловитомъ, с. 29—33.

они возбудили великія тревоги, соперничество и ссору; *они настроили* нѣкоторыхъ людей говорить о заговорѣ на жизнь младшаго Царя и другихъ. Изъ ревности къ полезной службѣ Ѳедора Шакловитаго и постояннымъ его попеченіямъ днемъ и ночью о безопасности и благосостояніи государства выдали они его зачинщикомъ заговора, какъ будтобъ существовалъ какой. Она (Царевна) чтобъ уладить дѣло и розыскать основу этихъ пререканій, была сама на пути къ Троицѣ, но удержана по наговору злыхъ совѣтниковъ, которыхъ ея братъ около себя имѣетъ, и ей не позволено было идти далѣе. Такимъ образомъ она, съ великимъ поруганіемъ, должна была воротиться. Всѣмъ имъ хорошо извѣстно, какъ она въ продолженіи сихъ семи лѣтъ управляла государствомъ, принявъ на себя управленіе въ самое безпокойное время: ею заключенъ славный и вѣчный миръ съ христіанскими государями, нашими сосѣдами, и враги христіанской религіи ея оружіемъ приведены въ страхъ и трепетъ; стрѣльцы за свою службу получили значительныя награды, и она къ нимъ завсегда являла себя милостивою. Она не можетъ себѣ представить, чтобъ они измѣнили ей и повѣрили вымысламъ враговъ общественнаго покоя и благосостоянія. „Не Ѳедора Шакловитаго жизни ищутъ, а моей жизни и жизни моего старшаго брата“, сказала она въ заключеніе.

Она отпустила ихъ съ обѣщаніемъ наградить тѣхъ, которые останутся вѣрными и не будутъ вмѣшиваться въ это дѣло, и, напротивъ, наказать тѣхъ, которые окажутъ непослушаніе и будутъ содѣйствовать смятенію.

Затѣмъ были призваны именитые люди изъ гражданъ и простаго народа. Царевна держала къ нимъ такую-жъ рѣчь.

Въ третій разъ созвала она всѣхъ вмѣстѣ и сказала имъ „длинную и прекрасную рѣчь въ томъ же духѣ“.

На другой день присланные стрѣльцы приходили къ Царевнѣ и просили, чтобъ она отпустила хотя по человѣку съ полка. Царевна отказала рѣшительно. Если кто поѣдетъ, то помните, что у васъ останутся здѣсь жены и дѣти *). Но все было напрасно.

*) Гордоновъ дневникъ, т. II, с. 272 и проч.

Во всякомъ случаѣ побѣгъ Петра рѣшилъ дѣло въ его пользу, и Софія не могла ничего предпринять противъ него, неприступнаго въ Троицкомъ монастырѣ.

Между стрѣльцами мало было людей, готовыхъ поднять руку на Царя. Право было при немъ. Сторона приверженцевъ между боярами была многочисленная и сильная. Въ народѣ также предпочтеніе естественно отдавалось ему предъ болѣзненнымъ и слабоумнымъ его братомъ. Злоумышленія противъ него были явныя, чѣмъ возбуждалось къ нему участіе, и находились новые приверженцы.

Рѣшенія убить 8 августа, какъ прежде 25 іюня и 1 августа, положимъ, не было, но вообще это рѣшеніе, безъ сомнѣнія, было принято, дѣлались приготовленія, шли разговоры, и среди этихъ приготовленій, пока еще не опредѣленъ былъ моментъ, противная партія сдѣлала свой coup d'etat, и всѣ планы Софіи съ ея пріятелями были уничтожены.

Взаимное отношеніе партій и избранный ими образъ дѣйствій представляются мнѣ, послѣ тщательнаго изслѣдованія, въ такомъ видѣ:

Партіи уступить одна другой не хотѣли. Царевна Софія имѣла власть въ своихъ рукахъ, и готова была на всякія средства, чтобъ удержать ее, но опасалась быть начинщицею; стрѣльцы находились подъ ея начальствомъ и вліяніемъ, и на защиту ея, управлявшей при старшемъ братѣ и осыпавшей ихъ наградами, они вѣрно были готовы. Голицынъ надѣялся уладить, а Софія оказывала нетерпѣніе.

Такъ точно и Петровой сторонѣ начать открытую войну недоставало силъ: потѣшныхъ было не много, идти на старшаго брата и старшую сестру безъ всякаго видимаго предлога, ни съ того, ни съ сего, было немыслимо, и успѣхъ былъ не только сомнителенъ, но очевидно невозможенъ.

Для обѣихъ партій оборонительное положеніе было гораздо полезнѣе наступательнаго. Разыгрывать угнетенную невинность всегда выгодно для того, чтобъ возбудить къ себѣ участіе и

привлечь общее мнѣніе въ свою пользу. Побѣдившей сторонѣ будетъ оправдать какія бы то ни было дѣйствія необходимостію, случайностію, и всякою справедливостію, а въ свалкѣ разбирать мудрено, на кого должны падать удары.

Такимъ образомъ обѣ партіи выжидали удобныхъ случаевъ, пытались дразнить одна другую, чтобъ вызвать нападеніе, и получить поводъ къ оборонѣ, но безъ успѣха.

Петрова партія наконецъ перехитрила, и пока Софія собиралась, приготовлялась, рѣшалась и откладывала рѣшеніе, думала и передумывала, Преображенцы устроили свой coup d'etat, и всѣ обстоятельства обратили въ свою пользу.

Они подкупили нѣкоторыхъ наперсниковъ Ц. Софіи и Шакловитаго, и убѣдили ихъ сдѣлать доносъ на своихъ предводителей. Подкупить или даже убѣдить могли они, кромѣ денегъ, доказательствами, что рано или поздно, такъ или иначе, Петръ, молодой, сильный, способный, дѣятельный, будетъ Царемъ, и что взять его сторону теперь гораздо выгоднѣе, нежели оставаться при Ц. Софіи, которая собственно не имѣетъ никакого права; что Петръ, сдѣлавшись Царемъ, наградитъ вѣрныхъ своихъ слугъ, а недоброжелатели должны будутъ получить наказаніе.

Получить доносъ о злоумышленіяхъ было все таки недостаточно: надо было поймать злоумышленниковъ съ поличнымъ, en flagrant delit, и Кремлевскіе сборы стрѣльцевъ, которые устроивала Царевна для своихъ цѣлей, доставили доносчикамъ самый благовидный и правдоподобный предлогъ къ исполненію ихъ намѣренія. Копавшіе яму, попали въ нее сами.

Зная объ этихъ сборахъ, сторона Петрова, можетъ быть заранѣе дала инструкціи подкупленнымъ доносчикамъ, чтобъ они явились въ Преображенское въ такое-то время и такимъ-то образомъ.

Получивъ доносъ, оставаться въ Преображенскомъ представляло еще много опасностей, и успѣхъ могъ бы быть неизвѣстнымъ. Оправдываться, съ силою въ рукахъ, для Царевны было бы легко.

Надо было начать борьбу не изъ Преображенскаго. Самое удобное и безопасное мѣсто былъ Троицкій монастырь, по опыту, сдѣланному уже самой Софіей, которая оттуда могла унять стрѣльцевъ и порѣшить съ Хованскими.

Какъ же устроить удаленіе Петровой партіи въ Троицкій монастырь? Да и самого его уломать при его характерѣ къ такому образу дѣйствій было бы трудно, а дѣйствовать нужно было какъ можно скорѣе и ковать желѣзо пока горячо.

Рѣшено испугать его соннаго извѣстіемъ, чтобъ не было времени ему опомниться и ни объ чемъ подумать: бѣги — вотъ идутъ убійцы.

Такъ велѣно было дѣйствовать доносчикамъ, которые исполнили отлично свои задачи, за что и получили условную имъ обѣщанную большую награду.

Петръ игралъ пассивную роль, потому, можетъ быть, послѣ и не чувствовалъ особенной признательности къ дѣятелямъ.

Планъ удался какъ нельзя лучше.

Царица Наталья Кирилловна и невѣстка ея съ сыномъ отправились вслѣдъ за Петромъ въ Троицѣ. Потѣшный Лука Хабаровъ отвезъ туда и пушки, укрываясь отъ князя Василья Голицына.

Никто не мѣшалъ имъ: ясно ли, что у противной партіи опустились руки, вслѣдствіе такого неожиданнаго оборота дѣлъ?

Полкъ стрѣльцевъ, около тысячи человѣкъ, за нимъ послѣдовалъ, о чемъ въ сборникѣ Есипова значится слѣдующій документъ:

Лѣта 7198 года, октября въ 31 денъ, в—кіе г—ри ц. и в. к. Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ в. и м. и б. р. с. пожаловали стольника и полковника Лаврентія Сухарева и его полку подполковника, что нынѣ полковникъ, Ивана Спѣшнева и капитановъ и пятисотныхъ и пятидесятниковъ и десятниковъ и рядовыхъ стрѣльцовъ, за ихъ многую, вѣрную и радѣтельную службу, что они въ прошломъ во 197 году, августа въ 8 числѣ въ селѣ Преображенскомъ стояли на стѣнномъ караулѣ, и въ ночи противъ вышеписаннаго числа изъ села Преображенскаго шли они, Лаврентій съ полчаны и съ стрѣльцы за в. г. ц. Петромъ Алексѣевичемъ, какъ ему, великому государю, учинился изъ того села походъ отъ воровъ, отъ измѣнниковъ, отъ Ѳедьки Шакловитаго съ товарыщи, безвременно, до Троицкаго монастыря, пѣши и пришли въ скорыхъ часѣхъ, и въ Троицкомъ монастырѣ были до его в. г. указу и его государское здоровье оберегали и

повелѣніе его государское исполняли, и во всемъ многую свою вѣрную службу показали, и къ ворамъ и къ измѣнникамъ не приставали, и воровскихъ ихъ прелестныхъ словъ не слушали,— велѣли имъ дать своего в-хъ г. жалованья: полковнику Лаврентію Сухареву бархатъ веницейскій, мѣрою 10-ть аршинъ, объярь двойную, мѣрою 5-ть аршинъ, отласъ мѣрою 10-ть аршинъ; Ивану Спѣшневу—объярь двойную, мѣрою 5-ть аршинъ, камку кармазинную, мѣрою 10-ть аршинъ; капитанамъ: Петру Ангустову, Матвѣю Угримову, Василію Морозову, Ивану Лобнову, Володимиру Жаворонкову, Ѳедору Степанову, Матвѣю Гамову,— по камкѣ кармазинной, мѣрою по 10-ти аршинъ; да по тафтѣ кармазинной же, мѣрою по 5-ти аршинъ; стрѣльцамъ пятисотнымъ и пятидесятникамъ, двадцати человѣкамъ, по тафтѣ, мѣрою по 5-ти аршинъ; да по сукну кармазинному, мѣрою по 5-ти аршинъ; семидесяти шести человѣкамъ десятникамъ, по сукну полукармазинному, мѣрою по 5-ти аршинъ; да по сафьяну; осми стамъ пятидесяти семи человѣкамъ рядовымъ, по сукну англійскому мѣрою по 5-ти жъ аршинъ изъ Казеннаго Приказу.

Изъ Преображенскаго на другой день потребовано объясненіе, для чего собираемы были стрѣльцы ночью съ 7 на 8 августа.

Отвѣтомъ—для сопровожденія Ц. Софіи на богомолье—подтвердились всѣ подозрѣнія. Получились извѣты, вслѣдствіе которыхъ потребованы обвиняемые. Царевна не хотѣла ихъ отдавать, но принуждена была исполнить требованіе; начались побѣги къ Троицѣ. Она послала духовника, потомъ Патріарха, отправилась сама — все безуспѣшно. Требованія и вызывы умножались къ стрѣльцамъ, къ полковникамъ; къ городскимъ жителямъ отправлены грамоты съ изложеніемъ всѣхъ извѣтовъ. Въ Московскихъ стрѣльцахъ обнаружилось намѣреніе выдать измѣнниковъ. Софія должна была разстаться даже съ наперсникомъ своимъ Шакловитымъ, котораго укрывала въ своихъ покояхъ. Сильвестръ Медвѣдевъ бѣжалъ. Нѣмецкіе полки съ Гордономъ пошли наконецъ къ Троицѣ. Лефортъ явился прежде всѣхъ. По окончаніи слѣдствія прислано повелѣніе Царевнѣ Софіи удалиться въ Дѣвичій монастырь, и Петръ съ торжествомъ возвратился въ Москву, 6 октября.

Замѣчательно, что онъ не хотѣлъ подвергать Шакловитаго новымъ пыткамъ, и не соглашался на казнь его, по извѣстію Гордона, какъ будто узнавъ, что при извѣстныхъ его винахъ, наговорено на него было много напраслинъ.

Кто же былъ главнымъ руководителемъ въ этомъ великомъ по своимъ послѣдствіямъ событіи?

Самое твердое и вѣрное свидѣтельство принадлежитъ Гордону, который по своимъ связямъ въ обѣихъ партіяхъ лучше всѣхъ зналъ тогдашнія отношенія. Онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, подъ 1 сентября: Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ распоряжался всѣми дѣлами у Троицы, ибо никто другой не осмѣлился вмѣшаться въ такое отважное и опасное дѣло, какимъ оно сначала казалось *).

Въ другомъ мѣстѣ, подъ 9 сентября онъ говоритъ:

„Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ былъ до сихъ поръ“, (то есть до совершеннаго окончаніи дѣла) „главнѣйшимъ и единственнымъ орудіемъ при этихъ перемѣнахъ, и привелъ дѣло на описанную дорогу **).

Предположеніе о князѣ Борисѣ Голицынѣ и Л. К. Нарышкинѣ есть въ показаніи самого Шакловитаго: А. Аброскѣ де Петрову такія слова говорилъ, что государю къ Троицѣ идтить *чаять наговорилъ бояринъ Л. К. Нарышкинъ да кравчей кн. Б. А. Голицынъ* ***).

Какъ де в. государь изволилъ изъ с. Преображенскаго идтить скорымъ походомъ въ Троецкой Сергіевъ монастырь, *а все де его подбили кравчей князь Борисъ Алексѣевичъ, да бояринъ Левъ Кириллович* ****).

Заключаемъ: благополучнымъ окончаніемъ распри, побѣдой надъ Царевной Софіей и ея партіей, предоставленіемъ единодержавія Петру, основаніемъ его царствованія, Россія обязана князю Борису Алексѣевичу Голицыну.

---

*) Гордонъ, дневникъ, т. II, с. 273. **) Тамъ же, с. 281.

) Въ дѣлѣ о Шакловитомъ, у Аристова, с. 23. *) Тамъ же, с. 60.

VII.

О поѣздкахъ Петра въ Переяславль.

Нѣтъ у насъ хронологическихъ указателей (Regestae), и недостатокъ ихъ ощущается на каждомъ шагу. У насъ стараются обходить трудные вопросы, требующіе много времени для кропотливаго изслѣдованія, и отдѣлываются общими мѣстами или двусмысленностями, и потому много любопытныхъ вопросовъ остается безъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ: Когда именно привезена астролябія? Когда найденъ ботикъ? Когда началось плаваніе по Яузѣ? Когда совершилась поѣздка въ Переяславль? Когда начались строиться тамъ суда?

Постараемся рѣшить эти вопросы хоть приблизительно.

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій возвратился въ Москву изъ своего посольскаго путешествія 15-го мая, 1688 года.

На другой, на третій день, онъ былъ, вѣроятно, у младшаго Царя, и привезъ ему обѣщанный гостинецъ—астролябію.

Отыскать Тиммермана, и привесть его въ Преображенское, понадобилось, вѣроятно, дня два.

Въ *двадцатыхъ числахъ мая* Петръ принялся за ученье съ Тиммерманомъ.

Нѣсколько времени спустя, говоритъ самъ Петръ, случилось намъ быть въ Измайловѣ. Тамъ нашелъ онъ ботикъ.

Положимъ это было *въ первыхъ числахъ іюня*.

Надо было починить его, и потомъ снарядить. Если потребовалось на это двѣ недѣли, то Петръ началъ плавать по Яузѣ *въ половинѣ іюня*.

Плаванье по Яузѣ, потомъ по Просяному пруду продолжалось нѣсколько времени, было для Петра неудовлетворительно. *Іюня 30* онъ отпросился у матери къ Троицѣ, и оттуда слеталъ въ Переяславль.

Число назначаетъ Гордонъ въ своемъ дневникѣ *), а въ выдуманномъ предметѣ для поѣздки Петръ сознается самъ, „куда я подъ образомъ обѣщанія въ Троицкой монастырь у матери выпросился“.

Сколько времени онъ пробылъ тогда въ Переяславлѣ?

Не можетъ быть, чтобъ больше двухъ-трехъ дней, ибо поѣздка эта была тайная: мать думала, что онъ молится Богу у Троицы, на что нельзя было предполагать много времени.

Петръ возвратился въ Москву и приступилъ къ матери съ просьбами о позволеніи строить суда въ Переяславлѣ. Но, получивъ позволеніе, поѣхалъ ли онъ туда?

Устряловъ отзывается глухо: „не могла Царица отказать въ просьбѣ сына, и Карстенъ Брантъ съ мастеромъ Кортомъ, отправился въ Переяславль закладывать суда“ **). А Петръ поѣхалъ ли съ ними? Устряловъ не говоритъ ни слова.

Онъ поѣхалъ—въ этомъ сомнѣваться нельзя! Начало строенія не могло обойтись безъ его присутствія. Вѣрно въ 1688 году онъ ѣздилъ туда въ другой разъ, и пробылъ тамъ долго, дѣлалъ нужныя распоряженія—о заготовленіи лѣса, о прибраніи работниковъ, о привезеніи матеріаловъ, напримѣръ желѣзныхъ, и по устройствѣ дѣла возвратился уже въ Москву, а тамъ оставилъ работать Карстена-Бранта и Корта.

Петръ говоритъ самъ: „а потомъ же сталъ ее просить и явно, чтобъ тамъ дворъ и суды сдѣлать“. Объ чемъ же сталъ просить онъ явно, въ противоположность прежней тайной т. е. прикрытой богомольемъ просьбѣ въ Троицкій монастырь? Разумѣется, о поѣздкѣ въ Переяславль. О позволеніи строить суда не могъ бы онъ такъ выразиться.

На основаніи этихъ словъ я и предполагаю не одинъ, а два, а можетъ быть, нѣсколько путешествій Петра въ Переяславль.

---

*) Гордонъ, т. II, с. 221. **) Устряловъ, т. II, с. 26.

Гордонъ подъ 30 числомъ говоритъ именно о Троицкомъ монастырѣ, что согласно и съ показаніемъ Петра.

Устряловъ, какъ бы желая доказать, что Петръ больше не ѣздилъ въ 1688 году въ Переяславль, прибавляетъ: „другой поѣздки Гордонъ не замѣтилъ, а незамѣтить было нельзя, потому что записалъ же онъ путешествіе Петра въ Саввинъ Сторожевскій монастырь въ ноябрѣ мѣсяцѣ тогоже года, равно какъ и возвращеніе его оттуда прямо въ Преображенское".

Замѣчаніе неосновательное, потому что отъ Гордона требовать такой строгой точности въ домашнемъ дневникѣ нельзя, и вотъ доказательство возможности его опущенія: поѣздку къ Троицѣ онъ назначаетъ 30 іюня, а о возвращеніи оттуда ни слова.

Такъ точно подъ 23 іюня онъ говоритъ, что Петръ возвратился откуда-то, а впереди поѣздки его никакой неозначено.

Я подумалъ было, не относится ли это возвращеніе 23 іюня къ первому тайному путешествію Петра въ Переяславль, а поѣздка 30 іюня была уже второю, ясною. Но въ опроверженіе этой догадки можно сказать, что 30 іюня говорится именно о Троицѣ, слѣдовательно о тайной поѣздкѣ, а еслибъ это была вторая явная, то опредѣленъ бы былъ Переяславль.

Нельзя ли противъ этого сказать, что явная поѣздка для домашнихъ Петровыхъ могла все таки скрываться отъ другихъ и загораживалась Троицею? Нѣтъ, нельзя, ибо строенія судовъ, соединеннаго, при такомъ предположеніи, со второй поѣздкой, утаить было нельзя, и ссылаться на Троицкой монастырь было не нужно.

Заключаемъ—во всякомъ случаѣ Петръ былъ въ Переяславлѣ нѣсколько разъ, и только съ сентября онъ оставался уже въ Москвѣ безвыѣздно.

VIII.

Переяславское судостроеніе.

О постройкѣ судовъ въ Переяславлѣ извѣстія сбивчивы.

Источниками служатъ слова Морскаго регламента, письма Петра къ матери, письмо мостильщика Воронина и извѣстія Гордона.

Г. Устряловъ останавливается на словахъ Регламента и говоритъ *): Петръ, безъ сомнѣнія, очень помнилъ, кто соорудилъ первую флотилію его на озерѣ Плещеевомъ, и изъ какихъ судовъ она состояла. Въ собственоручномъ предисловіи его къ Морскому Регламенту мы читаемъ слѣдующія строки: „итако вышереченный Брандтъ сдѣлалъ два малые фрегата и три яхты, и тамъ нѣсколько лѣтъ я охоту свою исполнялъ".

Два фрегата и три яхты! А между тѣмъ самъ же онъ писалъ къ матери отъ 20 апрѣля 1689 года: „Всѣ суда кромѣ большаго *корабля* въ отдѣлкѣ". Что же должно разумѣть подъ этимъ кораблемъ?

Сохранилось донесеніе Петру изъ Переяславля Екима Воронина, отъ 9 мая, 1692 года **), въ которомъ онъ, Воронинъ, съ 16 товарищами, называющіе себя учениками Петра, извѣщаютъ его „по его учительскому приказу" о своихъ работахъ.

Изъ этого донесенія видно, что былъ предъ тѣмъ указъ князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго Петру „дѣлать корабль", и сдѣлавъ ѣхать къ Москвѣ.

---

*) Устряловъ, II, пр. 33. с. 358.

**) Устряловъ, т. II, примѣч. 34, с. 360.

Воронинъ съ товарищами, по отъѣздѣ его, подняли корабль этотъ на три ворота, и довели до моста съ великимъ трудомъ, а *подъ другой корабль* въ тотъ же день блоки подволокли.

Гордонъ пишетъ *), что корабль (Schiff) былъ спущенъ 1 мая, и что они очень веселились на немъ, и 14 августа былъ обѣдъ на адмиральскомъ кораблѣ (Admirals schiff) съ большею церемоніею **).

Мое мнѣніе таково, что подъ кораблями Петръ и Гордонъ разумѣли вѣрно *фрегаты* Морскаго регламента. Другихъ никакихъ кораблей не было. Одинъ фрегатъ—есть тотъ, о которомъ Петръ писалъ 20 апрѣля, 1869 года, что „большой корабль былъ не готовъ".

Онъ былъ отдѣланъ уже гораздо позднѣе, послѣ всѣхъ тревогъ 1689 года, и объ немъ, должно разумѣть, былъ указъ князя Ромодановскаго, который былъ уже тогда возведенъ Петромъ въ званіе генералиссумуса.

Его и надо было его поднимать, о чемъ доноситъ Воронинъ.

Слѣдовательно напрасно г. Устряловъ говоритъ, что Петръ по указу Ромодановскаго заложилъ корабль около 8 февраля: какъ бы онъ могъ поспѣть къ 1 мая?

Устряловъ дѣлаетъ свое заключеніе по соображеніямъ, но едвали вѣрнымъ.

А другой фрегатъ,—т. е. тотъ, подъ которымъ подволочены были блоки, по донесенію Воронина, былъ строенъ, вѣроятно, уже въ 1692 году тѣми 16 мостильщиками, представителемъ которыхъ былъ Воронинъ.

---

*) Гордонъ, т. II. с. 373. **) Тамъ же, с. 381.

IX.

Два слова за Штелина.

Н. Г. Устряловъ въ достойномъ всякаго уваженія трудѣ своемъ бросилъ тѣнь подозрѣнія на этого почтеннаго труженика, оказавшаго множество услугъ разнаго рода нашему образованію. Невѣжественные борзописцы ухватились за его устройство фейерверковъ и иллюминацій, за сочиненіе аллегорическихъ рисунковъ со стихами, которое на него возлагалось по службѣ въ Академіи при И. Аннѣ и Елизаветѣ, и начали глумиться надъ профессоромъ аллегоріи.

Устряловъ, исчисляя источники для исторіи Петра великаго, по поводу изданныхъ Штелинымъ анекдотовъ, сказалъ, что онъ пускался и на выдумки: „Въ своемъ мѣстѣ, мы укажемъ его ошибки и обличимъ подлоги“.

Нѣтъ, скажу я рѣшительно, приписывать Штелину выдумки и подлоги – грѣхъ: онъ могъ ошибаться, но никогда не выдумывалъ и не обманывалъ. Перебравъ многія сотни всякихъ его бумагъ, я пришелъ къ убѣжденію, что это была воплощенная Нѣмецкая точность, даже относительно ничтожнѣйшихъ бездѣлицъ. Можно ли же повѣрить, чтобъ онъ позволилъ себѣ выдумки о важнѣйшихъ, историческихъ предметахъ?

Первое обвиненіе Устрялова относится къ предсказаніямъ по поводу рожденія Петра великаго. Штелинъ „обнародовалъ“, говоритъ онъ *), „сказаніе Крекшина въ 1785 году, съ такимъ важнымъ дополненіемъ, что предвѣщаніе Московскихъ звѣздочетовъ повѣряли современные астрологи западные, и нашли исчисленія и гаданія ихъ вѣроятными: въ доказательство чего Штелинъ приводитъ письмо Утрехтскаго профессора Гревія къ ученому единоземцу его, Николаю Гейнзію, бывшему посланникомъ соединенныхъ Нидерландъ при Московскомъ дворѣ, во время рожденія Петра Великаго“.

---

*) Исторія Петра I, т. 1, с. 2.

„Сообщенныя тобою“, пишетъ Гревій въ отвѣтъ на письмо Гейнзія, „наблюденія надъ свѣтилами небесными и другія предзнаменованія, бывшія въ Москвѣ во время рожденія Московскаго принца Петра, наши астрологи, прорицатели и гадатели, признаютъ достопримѣчательными, и тѣмъ болѣе предвѣщаютъ новорожденному славу воителя знаменитаго, страшнаго врагамъ, что въ самый день его рожденія король Французскій перешелъ Рейнъ, а султанъ Турецкій перешелъ Дунай, и первый завоевалъ четыре области Бельгійскія, второй же Каменецъ и Подолію. Ты кажется признаешь все дѣломъ случая; я думаю тоже. Дай Богъ, чтобы Петръ въ свое время былъ добрымъ пастыремъ народовъ, и чтобы онъ Скиѳское варварство, омрачающее сѣверъ въ его шубахъ, побѣдилъ спасительными законами“.

„Гейнзій былъ дѣйствительно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посланникомъ Штатовъ Соединенныхъ Нидерландъ и жилъ въ Москвѣ, мѣсяцевъ десять“, говоритъ Устряловъ, „но не могъ слышать толковъ и гаданій, о которыхъ разсуждаетъ съ нимъ Гревій, потому что выѣхалъ изъ Россіи *почти за два года* до рожденія Петра Великаго“.

Это замѣчаніе сильно смущало меня, и хотя я былъ увѣренъ въ честности и добросовѣстности Штелина и приписывалъ сомнѣніе какому нибудь недоразумѣнію, но никакъ не могъ объяснить его себѣ.

Съ чего было Штелину выдумывать письма Гейнзія и Гревія о событіи, которому минуло слишкомъ сто лѣтъ? Какъ могла придти въ голову такая странная выдумка, ни съ чемъ несообразная, и вмѣстѣ для исполненія очень мудреная? Можно ли было Штелину поддѣлаться подъ Латинскій Цицероновскій слогъ Гревія, перваго знатока своего времени, и выставить даже число на отвѣтномъ письмѣ Гревія? Кому польза и удовольствіе отъ такой выдумки? И что же говорятъ ученые люди въ выдуманномъ письмѣ? Они не довѣряютъ нисколько предсказанію, и относятся къ нему равнодушно: „Я думаю, что все сіе зависитъ отъ случая, и я такъ, какъ и ты, весьма мало сіе уважаю“. Самъ Штелинъ, упоминая о письмахъ, говоритъ: „Сему предсказанію (якобы Димитрія Ростовскаго, приведенному у Крекшина, изъ котораго Штелинъ его выписалъ) каждому вольно вѣрить, какъ кому угодно; что же касается до меня, то я онаго ни опровергаю, ни пріемлю за истинное. Да хотя бы я предсказаніямъ новѣйшихъ временъ отнюдь не вѣрилъ,

или купно съ славнымъ профессоромъ С.-ПБ. Академіи, Крафтомъ... совершенно бы вѣрилъ, до сего здѣсь никому нѣтъ нужды".

Это ли тонъ обманщика?

Штелинъ говоритъ, что онъ имѣлъ въ рукахъ подлинное письмо Гревія отъ 9 апрѣля 1673 года *).

Если Штелинъ сказалъ, что у него въ рукахъ было оригинальное письмо Гревія съ выставленнымъ числомъ 9 апрѣля 1673 года, то навѣрное сказать можно, что у него оно дѣйствительно было; не говоря объ его ученой честности, не могъ бы онъ сказать этого, не имѣя возможности показать письма любопытнымъ между его товарищами академикамъ и проч.

Основаніе, на которомъ обвиняется Штелинъ, состоитъ въ томъ, что ученый и славный Николай Гейнзіусъ, бывшій Голландскимъ посланникомъ въ Москвѣ, на письмо котораго, посланное изъ Москвы въ Утрехтъ, о предсказаніяхъ, отвѣчалъ Гревій, „выѣхалъ изъ Москвы" говоритъ Устряловъ, „почти за два года до рожденія Петра Великаго".

Но гдѣ же доказательство, что письмо Гейнзіуса писано было изъ Москвы? И что отвѣтъ Гревіевъ посланъ былъ въ Москву?

Можетъ быть Штелинъ получилъ какимъ нибудь образомъ письмо Гревія, и зная, что Гейнзіусъ былъ посланникомъ въ Москвѣ, около времени рожденія Петра Великаго,—несообразивъ, при все своей точности, когда это было,—смѣшалъ эти два данныя и написалъ въ заглавіи отвѣта: въ Москву.

Гейнзіусъ могъ увѣдомить Гревія о рожденіи Петра изъ другаго мѣста напримѣръ—Бремена, по письму полученному отъ какого нибудь знакомаго изъ Москвы. Такую догадку высказалъ случайно старый мой товарищъ А. М. Кубаревъ, разговорясь со мной о Петрѣ Великомъ. Пріятель мой, латинистъ извѣстный, свидѣтельствуетъ, что письмо Гревіево написано отличнымъ Цицероновскимъ языкомъ, который былъ подъ силу Гревію, но никакъ не Штелину.

На эту пору нельзя, кажется, лучше объяснить недоразумѣнія, тѣмъ болѣе, что письмо Гейнзіусово не сохранилось, и объ немъ ничего болѣе не говоритъ Штелинъ.

Можетъ быть найдется когда нибудь и болѣе удовлетворительное объясненіе.

*) Тамъ же, с. 252. Шпс. с. 414.

Объясненіе сокращеній.

АМС. *Аристова*, Московскія смуты въ правленіе Царевны Софіи Алексѣевны. Варшава. 1871 г.

АДШ. Дѣло о Шакловитомъ. Выдержки въ приложеніи къ АМС.

БКП. *Бѣляева*. Кабинетъ Петра Великаго, Петербургъ, 1800.

АМР. *Аделунга* Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. Издано Ѳ. А. Аделунгомъ, переводъ съ Нѣмецкаго.

GTP. *Гордонъ*. Tagebuch des Generals Patrik Gordon, 1665—1699. Издано Поссельтомъ въ 3 частяхъ, Петербургъ, 1851 г.

HRP. *Германа* Russland unter Peter dem Grossen. Leipzig. 1872 г.

ДТС. *Даля* Толковый словарь живаго Русскаго языка, Москва. 1861—1866.

ЕСДП. *Евгенія* Словарь духовныхъ писателей, въ 2 том., Москва. 1827 г.

ЕСПД. *Есипова* Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, въ двухъ томахъ Москва, 1872 г.

ЖЗЯ. *Желябужскаго* Записки съ 1682 по 2 іюля 1709 года, изд. Д. Н. Языковымъ, Петербургъ, 1840 г.

ОЗ. *Забѣлина*, Опыты изученія Русскихъ древностей и Исторіи, Москва, 1873.

ЗДБЦ. *Его-же*, Домашній бытъ Русскихъ Царей и Царицъ. въ 2 том.

ЗЦѲ. *Замысловскій*, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, ч. I, Петербургъ, 1871 г.

КРП. *Крекшина*, О зачатіи и рожденіи Г. И. Петра Великаго, въ собраніи Туманскаго, т. I.

ЛПЛЛ. *Львова*, Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи, Петербургъ, 1799 г. въ 4 ч.

МЗТ. *Матвѣева* (Андрея Артамоновича), Записки въ собраніи Туманскаго, ч. I, и 6 и у Сахарова СИР.

МСЗТ. *Медвѣдева* Сильвестра Записки въ собраніи Туманскаго ч. I, и 5, и у Сахарова.

ИЗМ. Исторія о невинномъ заточеніи боярина А. С. Матвѣева. Москва. 1785. Изд. 2-е.

NRM. *Невиль*, Relation curieuse et nouvelle de Moskovie, Paris, 1698.

RTR. *Розенбуша* Бутенанта, Датскаго резидента, Донесеніе о бунтѣ стрѣльцевъ въ маѣ 1682 г. у Устрялова въ приложеніяхъ ко II тому Исторіи Петра.

СЗРЛ. Сахарова Записки Русскихъ людей. С.-Петербургъ, 1841.

СИР. *Соловьева*. Исторія Россіи, т. XIII. Москва, 1870, изд. 2.

ТСМ. *Татищева*. Судебникъ Г. Ц. и В. К. Іоанна Васильевича, изданный Миллеромъ съ примѣчаніями. Москва, 1786. изд. 2.

ТЛРЛ. *Тихонравова*. Лѣтописи Русской литературы и древности т. V. Москва, 1863.

ТСП. *Туманскаго* Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій.... о жизни Государя И. Петра Великаго. Въ 10 частяхъ. Во градѣ св. Петра. 1787.

УИП. *Устрялова*. Исторія царствованія Петра Великаго, т. I и II, Петербургъ, 1858 г.

ФДЛ. *Филарета*, архіепископа Харьковскаго, Обзоръ Русской духовной литературы, 862—1720. Харьковъ. 1759 г.

ШСП. *Штелина*, Любопытныя и достопамятныя сказанія о И. Петрѣ Великомъ. Изданіе 2-е, Петербургъ, 1787 г.

ѲИП. *Ѳеофана* (архіепископа), исторія Петра Великаго.... до Полтавской баталіи, изд. 2-е. Москва. 1788 г.

ИАО. *Извѣстія* Археологическаго Общества, Петербургъ т. V.

ДР. Дворцовые *Разряды*. Петербургъ, 1852. четыре тома.

СГГР. Собраніе государственныхъ *грамотъ* и договоровъ. Изданіе Графа Румянцова. Москва, 1813—1828. 4 тома.

КЗП. *Книга записная* Ц. и В. К. Петра Алексѣевича въ 190 году въ СИР.

МВП. Московскій Вѣстникъ, журналъ издавн. М. Погодинымъ. 1827—1830 года, Москва.

РВК. Рускій Вѣстникъ, журналъ, издаваемый М. Катковымъ.

РЗ. Русскій Зритель, изд. за К. Ѳ. Калайдовича 1827 г. № 1.

СС. Складчина, литературный сборникъ, Петербургъ, 1874 г.

ОБТ. Описаніе бунта бывшаго въ 1682 году въ I т. въ ТСП. Издатель не разобралъ тогда, что это описаніе есть ничто, иное какъ записка Матвѣева, напечатанная имъ въ другой разъ въ VI томѣ своего собранія, съ другаго списка.

РС. *Романова Саввы* Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ въ въ лѣтописяхъ Русской литературы и древности, у Тихонравова, т. V.

Примѣчанія.

(1) Царь Алексѣй Михайловичъ родился 1629 г. марта 17.
воцарился 1645 г. іюля 12.
Вступилъ въ бракъ съ М. И. Милославской 1648 янв. 16, по 19 году.
Отъ этого брака родились:

Димитрій	1648,	окт. 23.
Евдокія	1650,	фев. 18.
Марѳа	1652,	авг. 26.
Алексѣй	1654,	фев. 5.
Анна	1655,	янв. 23.
Софія	1657,	сент. 17.
Екатерина	1658,	нояб. 27.
Марія	1660,	янв. 18.
Ѳеодоръ	1661,	мая 30.
Ѳеодосія	1662.	мая 28.
Симеонъ	1665,	апр. 3.
Іоаннъ	1666,	авг. 27.
Евдокія	1669,	фев. 26.

(2) ИЗМ. с. IX. (3) ДР. т. III. ОЗ, I, с. 501. (4) ИЗМ. с. XII. УИП. т. I, с. 5, примѣчаніе 9, с. 254—257. (5) ИЗМ. с. XII.

6) ИАО. т. V. См. Списокъ дѣвицъ, изъ которыхъ въ 1670 и 1671 г. выбиралъ себѣ супругу Царь Алексѣй Михайловичъ.

(7) ЗДБЦ. т. I. с. 266—270.

(8) ТСП. т. V. с. 181. Дворцовая записка по случаю рожденія Г. И. Петра Великаго.

(9) ТСП. т. V, с. 120—124 въ статьѣ Миллера: Рожденіе Г. И. Петра Великаго. ОЗРП. т. I, с. 233—242.

(10) Разрядная записка въ ТСП. т. V, с. 125.

Что Петръ родился въ Москвѣ, а не въ Коломенскомъ и не въ Измайловѣ, то доказалъ еще Миллеръ въ ТСП. т. V, с. 117, въ упомянутой (примѣчаніе 9) статьѣ. Также, у Забѣлина въ ОЗ. т. I, с. 2; у УИП. т. I, прим. 14, с. 159.

(11) Дворцовая записка въ СТП. т. V, с. 185 и проч.

(12) ОЗ. т. I, с. 6. Въ текстѣ у насъ ошибкою сказано: „онъ былъ ростомъ длиною 11 и шириною 3 вершковъ.“ Это была такъ называемая мѣра рожденія, которая доселѣ сохраняется надъ гробомъ Петра. „На 3 день по рожденіи Царь повелѣлъ писать мѣру сына ... на кипарисной доскѣ, длиною 11, а шириною 3 вершковъ, иконописецъ Ушаковъ написалъ образъ Троицы“. Въ ЕСП. подъ 1672 г. с. 1.

(13) ОЗ. т. I. с. 7. Забѣлинъ говоритъ, что „неизвѣстно, изъ какого чина была кормилица Ненила Ерофеева“. Въ ЕСП. с. 4, подъ 1673 г., она просила о выдачѣ ей годоваго жалованья и полтеваго мяса противъ ея сестеръ кормилецъ. Вѣроятно, кормилицы были изъ низшихъ званій. Устряловъ, I, с. 9, называетъ ее княгинею Леонилой Ерофеевной Львовой, но она вышла за князя Львова чрезъ 12 лѣтъ, см. ОЗ. т. I, с. 49.

(14) (15) СЕП. подъ 1673 г.

(16) СЕП. подъ годомъ 1675, въ концѣ. Въ текстѣ по ошибкѣ это число примѣчанія пропущено: оно слѣдуетъ къ послѣдней строкѣ страницы 10.

(17) ОЗ. с. 13. (18) ЖМНП. 1837, ноябрь, с. 356. УИП. прим. 18, с. 261. Вообще о дѣтскихъ годахъ Петра есть прекрасная статья Забѣлина въ его Опытахъ, основанная на подлинныхъ документахъ, которые теперь напечатаны почти вполнѣ въ Сборникѣ Есипова, гдѣ любопытствующіе и могутъ почерпнуть подробнѣйшія свѣдѣнія.

(19) УИП. т. I, пр. 19, с. 262. (20) ДР.

(21) См. выше въ изслѣдованіяхъ, с. 100.

(22) Миллеръ въ ТСП., т. V, с. 146, въ статьѣ: Поправленіе къ исторіи о воспитаніи Петра Великаго.

(23) ТСП. т. V, с. 133 въ статьѣ Миллера О воспитаніи Г. И. Петра. На основаніи Польскаго дневника Diariusz въ АМС. с. 9.

(24) ТСП. т. VI, с. 24. (25) ИЗМ. с. 887. ТСП. т. VI, с. 13.

(26) ОЗ. т. I, с. 34. По расходнымъ книгамъ Тайнаго приказа. Въ Есиповскомъ сборникѣ этого извѣстія нѣтъ.

(27) КРП. въ статьѣ Миллера у Туманскаго, т. V, с. 140.

(28) ОЗ. т. 1, с. 36.

(29) ЕСП. т. I, подъ годами 1675, 1676 и проч.

(30) Тамъ же, с. 20, подъ 13 декабря 1679 г.

(31) ОЗ. т. I, с. 39.

Извѣстіе находится въ сказаніи Крекшина, и подтверждается нынѣ подлинными современными документами. Значитъ—въ сочиненіи или сборникѣ Крекшина, при всѣхъ его недостаткахъ и излишествахъ, ложь перемѣшана съ истиною, и есть извѣстія вѣрныя, какъ, напримѣръ, это о наглядномъ обученіи Петра отечественной исторіи.

Въ ЕСП. извѣстія о росписаніи царственной книги, 24 марта, 1677 г., нѣтъ.

32) ЕСП. т. I, с. 17—21. О подобіи воинскаго стана предъ хоромами Царевича, въ ОЗ. т. I, с. 42.

(33) ОЗ. т. I, с. 21. Нужно бы изслѣдовать, кому сколько лѣтъ было изъ этихъ исчисленныхъ робятокъ. Они всѣ, кажется, были старѣе Петра, напримѣръ, Матвѣевъ былъ старше девятью годами.

(34) ИЗМ. с. 407. (35) Тамъ же, с. 409.

(36) Показаніе Козмы Чермнаго въ АДШ. с. 36.

(37) ТСП. Записки Матвѣева, т. VI, с. 12.

(38) MRN. см. выше, с. 85 въ обозрѣніи источниковъ, о Невилѣ.

(39) СГГ. т. IV. с. 406.

(40) МСЗТ. Медвѣдевъ у Туманскаго, т. VI, с. 54. (41) Тамъ же.

(42) Тамъ же, т. VI. с. 55.

(43) РЛ. Матвѣевъ у Сахарова, с. 6, Этого свѣдѣнія въ изданіи Туманскаго у Матвѣева недостаетъ въ VI ч., а въ ОБТ. есть ч. I, с. 117.

(44) МСЗТ. у Туманскаго, т. VI, с. 58.

(45) Т. Тамъ же, т. VI. с. 9.

(46) МЗТ. у Туманскаго, *по ошибкѣ Суслов*ъ; у Сахарова, т. VI, с. 10. У Медвѣдева извѣстія о Сунбуловѣ (какъ т. е. стрѣльцахъ Карандѣевскихъ) нѣтъ ни слова: новое доказательство его недобросовѣстности, вопреки мнѣнію Г. Аристова.

(47) КЗП. въ Исторіи Россіи, Соловьева, т. XIII, с. 401.

(48) ЗКП. Тамъ же, с. 402.

(49) АСМ. с. 9. (50) Тамъ же (51) ЗКП. въ ИРС. с. 413 и слѣд.

(52) МЗТ. у Туманскаго, т. I, с. 129. шарпчиковъ; шарпенковъ т. VI, с. 18; у Сахарова, с. 12, шарпенковъ; не имѣетъ ли это слово отношенія къ слову шарапъ? Шарпать—шарить, обирать, обдирать, у Даля въ ТСД.

(53) МЗТ. у Туманскаго, т. VI, с. 21. Ѳ. Семенову, дочь названную; т. I, с. 132. названную; у Сахарова, с. 14 Ѳ. С. дочь по прозванію Родимица.

(54) МЗТ. у Туманскаго т. I, с. 130, т. VI, с. 19.

(55). Тамъ же ч. I, с. 131., Странно, что Царевна Софія не обратила вниманія на эту вѣрность Сухарева полка, и не приняла никакихъ мѣръ послѣ къ измѣненію въ его составѣ, или къ удаленію изъ Москвы. Сухарева полкъ остался вѣрнымъ на сторонѣ Петра и въ послѣдней борьбѣ Петра съ Софіей. Въ жалованной грамотѣ за службу Сухарева полка не упоминаются пятисотный Василій Бурмистровъ и пятидесятникъ Иванъ Борисовъ, въ числѣ награждаемыхъ СПЕ. Т. I, с. 97, хотя они при самомъ началѣ бунта показали свою вѣрность, МЗТ. т. I, с. 131. Развѣ они выбыли изъ полка.

(56). ТСП. Медвѣдевъ, т. VI, с. 70–71 и проч. и Матвѣевъ, т. I. с. 124—126; т. VI, с. 14—16. Совершенно сходно, хотя г. Аристовъ и находитъ здѣсь различіе.

(57). МСЗП, у Туманскаго, ч. VI, с. 65.

58). КЗП. Въ приложеніяхъ къ XIII т. ИРС. с. 406, 407.

(59). МЗТ. у Туманскаго, ч. VI, с. 26.

(60). RTR, у Устрялова, т. I, с. 333.

(61). ИЗМ, с 417. Матвѣевъ у Туманскаго, ч. VI, с. 27.

Все слѣдующее повѣствованіе о стрѣлецкомъ бунтѣ основано на современныхъ источникахъ: запискахъ Матвѣева, Медвѣдева, Розенбуша, Невиля и проч.; также какъ и на запискахъ дворцовыхъ или разрядныхъ. Почему авторъ принимаетъ то или другое показаніе предпочтительно предъ прочими, доказательства представлены выше въ изслѣдованіяхъ.

(62). ОБТ, у Туманскаго, ч. I, с. 264: „посланные отъ Милославскаго и Петра Толстаго“. Матвѣевъ у Туманскаго, ч. I, с. 14: „и въ тѣ поры отъ тѣхъ кабинетныхъ адъютантовъ или есауловъ и совѣтниковъ Александра Милославскаго и Петра Толстаго... (Существительнаго имени не достаетъ)“ по полкамъ скачючи и проч. Существительнаго не достаетъ и въ другомъ спискѣ, т. VI, стр. 29.

(62), (число въ другой разъ по ошибкѣ поставленное). Устрялова, т. I, въ приложеніяхъ, с. 336. Матвѣевъ у Туманскаго, ч. I, с. 164.

(63). Матвѣевъ у Туманскаго, ч. VI, с. 49; ч. I. с. 165 Медвѣдевъ тамъ же с. 81.

(64). Тамъ же МЗПТ. с. 49 и проч.

(65). Медвѣдевъ у Туманскаго, ч. VI, с. 79.

(66). RTR, у Устрялова, т. I, с. 345, въ приложеніяхъ.

(67). Матвѣевъ у Туманскаго, ч. I, с. 156; VI, с. 42, 43, 52 и 53.

(68). Тамъ же, ч. I, с. 153 и 154; ч. VI, с. 39, 40. RTR у Устрялова, т. I. с. 336.

(69). Тамъ же, Матвѣевъ, ч. I, с. 163.

(70). КЗП, въ приложеніяхъ къ Исторіи Россіи, Соловьева, т. XIII, с.411. «а въ шестой надесять день...сказано по приказанію въ разрядъ» и пр.

(71). Матвѣевъ у Туманскаго, ч. I, с. 161.

(72). Тамъ же, с. 163. (73) Тамъ же, с. 172. (74). Тамъ же, с. 155.

(75). Тамъ же, с. 168. (76, 77, 78). Тамъ же, с. 169.

(79). ЕСП. Т. I, с. 237.

(80). СР. въ ЛРЛДТ. т. IV, с. 117. Все слѣдующее описаніе основано на запискѣ Саввы Романова, который участвовалъ и въ сочиненіи челобитной, и въ прочитываніи ея стрѣльцамъ, и въ преніи въ грановитой палатѣ. Что касается до происхожденія замысла и его первоначальной принадлежности, см. выше въ изслѣдованіяхъ. Записки Матвѣева и Медвѣдева въ общемъ сходны.

(81). Медвѣдевъ у Туманскаго, ч. VI, с. 111.

(82). Матвѣевъ у Сахарова, с. 37.

(83). Медвѣдевъ у Туманскаго, ч. V, с. 234, 235. Записки Матвѣева и Медвѣдева напечатаны у Туманскаго безъ всякаго порядка, отрывками, въ разныхъ мѣстахъ. Помѣщеніе приговора Хованскому причисляю къ запискамъ Медвѣдева, по указанію Устрялова, который пользовался рукописями.

Слѣдующее основано на запискѣ Медвѣдева у Туманскаго, ч. V. с. 240—288. (У Сахарова этого мѣста нѣтъ).

(84—87) Эти числа по ошибкѣ не выставлены въ тѣхъ мѣстахъ текста, къ которымъ онѣ принадлежатъ, и которыя здѣсь означены по страницамъ и строкамъ.

(84) къ с. 82, стр. 5 снизу. Медвѣдевъ у Туманскаго ч. V, с 114.

(85) Къ с. 84, стр. 12. ИРС. ч. XIII, с. 357, ссылается на оффиціальную записку о царскихъ походахъ въ августѣ и сентябрѣ 1682 г., хранящуюся въ Архивѣ министерства юстиціи между столбцами приказнаго стола означеннаго года. Эту записку необходимо бы напечатать.

(86) Къ с. 85, стр. 2. Медвѣдевъ у Туманскаго, ч. V, с. 237.

(87) Къ с. 65, ст. 21, ИРС. т. XIII, с. 358.

(88) Медвѣдевъ у Туманскаго, ч. VI, с. 214—255.

(89) NRM, с. 176, 177, 215 и проч. См. выше, с. 89. и статью о князѣ В. В. Голицынѣ въ Складчинѣ.

(90) ЕСДП. т. II, с. 41. ФОДЛ, т. I, с. 335. Что касается до прочихъ біографическихъ свѣдѣній,—оба исполнены ошибокъ особенно первый.

(91) ЕСР, т. I, с. 33 и проч. подъ 1683. (92) АМР, с. 337.

(93) См. выше въ изслѣдованіяхъ, с. 150.

(94) Тамъ же, с. 167.

(95) Матвѣевъ у Туманскаго, ч. V, с. 11. Невиль, с. 161.

(96) ЕСП, т. I, с. 47. (99) Тамъ же, с. 46. (98) Тамъ же, с. 52.

(99) Тамъ же, с. 55. (100) Тамъ же, с. 345.

(101) См. выше въ изслѣдованіяхъ, с. 167 (102) ЕСП, т. I, с. 66.

(103) NRM, с. 30.

(104) ИРС. т. XIII, с. 275.

Зотовъ вмѣстѣ съ стольникомъ Васильемъ Тяпкинымъ ѣздилъ въ Крымъ, въ августѣ 1680 г. для окончанія переговоровъ о границахъ.

(105) Захаръ фонъ-деръ-Гульстъ, о которомъ Петръ упоминаетъ въ предисловіи къ Морскому регламенту, УИП. т. II, с. 398.

(106) УИП, т. I, с. 168.

(107) УИП. т. II, с. 37. Свидѣтельства о признакахъ неудовольствія правительствомъ Царевны Софіи, въ пользу Петра, собраны тщательно профессоромъ Аристовымъ въ его сочиненіи АМС, с. 118—122.

(108) УИП, т. II, с. 35. (109) Тамъ же, с. 36 показаніе Шакловитаго.

(110) Такъ свидѣтельствуетъ самъ Петръ въ предисловіи къ Морскому регламенту у Устрялова, т. II, с. 398 въ приложеніяхъ

(111) МПСП у Туманскаго, ч. VII, с. 305. См. выше, с. 176

(112) Оффиціальныя вѣдомости полковыя, у Устрялова, т. II, с. 330 и 331, въ примѣчаніяхъ см. выше с. 154.

(113) ЕСП, с. 77. (114) АДШ, с. 6, показаніе Шакловитаго.

(115) Тамъ же.

(116) Письма кн. В. В. Голицына у Устрялова, т. II, с. 348 у Аристова, АМС. с. 125.

(117) GTP, подъ г. 1687, с. 176. (118) Тамъ же, с. 190. (119) Тамъ же. с. 195.

(120) Показаніе Шакловитаго, у Аристова, АДШ, с. 22.

(124) ошибкою вмѣсто 121). Показаніе Шакловитаго, въ АМС, с. 22.

(125) Показаніе Обросима Петрова и на него. Тамъ же, с. 23, 24, 25.

(126) Принадлежитъ къ 4 строкѣ, а не 6. ЕСП, т. I, с. 79.

(127) Тамъ же, с. 80.

(128) PTG, т. II, с. 209. Въ текстѣ ошибкою поставлено число 14 января вмѣсто 25. (129) Тамъ же, с. 209. (130) Тамъ же, с. 211. (131) ЕСП, т. I, с. 81.

(132) УИП, т. II, въ приложеніяхъ, с. 399. „Почему я гораздо съ охотою присталъ учиться геометріи и фортификаціи". Слова Петра въ предисловіи къ Морскому регламенту.

(133) УИП, т. II, с. 19. Я не видалъ этихъ тетрадей и привожу свидѣтельство Устрялова.

(134) УИП, т. II, с. 399. Предисловіе къ Морскому регламенту.

(135) Тамъ же, (136) Тамъ же.

(137) Невиль, с. 114.

(138) УИП, т. II, примѣчаніе 13, с. 337.

(139) GTP, т. II, с. 227 и проч.

(140) УИП, т. I, с. 215. (141) GTP, т. II, с. 235. (142) Тамъ же.

(143) Тамъ же, с. 239.

(144) УИП, т. I, с. 217. (145) Тамъ же, въ приложеніяхъ, с. 401.

(146) Тамъ же, с. 401, 402. (147, 148, 149) Тамъ же, с. 402.

(150) УИП, т. I, с. 214. (151) Гордонъ, т. II, с. 249. (152) Тамъ же, с. 257.

(153) УИП, т. I, с. 223. (154) Тамъ же, с. 224. (155) Тамъ же, с. 225.

(156) GTP, т. II, с. 309. Письмо Гордона къ графу Ерролю.

Въ дневникѣ Гордоновомъ не достаетъ, къ сожалѣнію, самыхъ важныхъ чиселъ отъ 10 до 15 мая, когда совершилось непонятное отступленіе князя Голицына отъ Перекопа, и шли переговоры о мирѣ. Листы вырваны, говоритъ Устряловъ: не уничтожилъ ли ихъ самъ Гордонъ, опасаясь пострадать за нихъ при томъ или другомъ правительствѣ?

(157) АМС. Въ дѣлѣ о Шакловитомъ, с. 10.

(158) Матвѣевъ у Туманскаго, ч. VI, с. 201.

(159) Гордонъ, т. II, с. 266.

(160) Въ дѣлѣ о Шакловитомъ, АМС, с. 36 (161). Тамъ же.

(162) Гордонъ, т. II, с. 266. (163) Тамъ же, с. 267.

(164) Въ дѣлѣ о Шакловитомъ, АМС. Показаніе Обросима Петрова, с. 8.

(165) АМС, с. 36. (166) GTP, т. II, с. 267. (167). АМС, с. 44. Показаніе Никиты Гладкаго. Тамъ же, доносъ Елизарьева, с. 58.

(168) Тамъ же, с 63. Извѣты Турки, Капранова и Троицкаго.

(169) Гордонъ, т. II, с. 267. (170) Невиль, с. 16 и 17. (171) ЧОИДР 1867. III, с. 220.

(172) ЕСП, т. I, с. 102. Жалованная имъ грамота за службу.

(173) АМС, с. 23. (174) УИП, т. II, с. 55. Показанія въ этомъ видѣ, равно какъ и слѣдующаго, я не нашелъ ни у Аристова, ни въ спискѣ археографической Коммисіи. (175) Гордонъ, т. II, с. 268.

(176) Въ дѣлѣ о Шакловитомъ у Аристова, с. 44. Показаніе Гладкаго.

(177) Устряловъ, т. II, с. 57. Этого показанія также я не нашелъ нигдѣ.

(178) Показанія Мельнова у Устрялова, т. II, с. 57. А у Аристова, с. 59. По показанію Турки, посланъ былъ доносчиками въ Кремль Михаилъ Капрановъ, которому Гладкій по дорогѣ говорилъ: и какъ де дошли въ Кремль, и онъ де Микитка указывалъ на люди и на копьи, и говорилъ: уже де царя Петра Алексѣевича спальника съ лошади стащили и били, и идучи де подъ переходы мимо патріаршихъ палатъ, указывалъ онъ Микитка ему Михайлу, гдѣ живетъ ризничій Антоній. Тутъ де намъ будетъ двѣсти рублевъ".

(179) Гордонъ, т. II, с. 268.

(180, 181) АМС. Въ дѣлѣ о Шакловитомъ, с. 56. Показаніе подъячаго Агапа Петрова.

(182) Тамъ же. (183) Тамъ же, с. 6. (184) Гордонъ, т. II, с. 268.

(185) Дѣло о Шакловитомъ, у Аристова, с. 23.

(186) Гордонъ, т. II, с. 273. (187) АДШ, с. 24, 35, 38, 65 и проч.

(188) Тамъ же, с. 23. (189) Тамъ же, с. 52. Изъ показанія псаломщика Антона Муромцева. (190) Тамъ же. Замѣтимъ вѣрность Гордонова извѣстія о намѣреніи скрыть до времени въ Москвѣ бѣгство Петрово, а потомъ представить его неимѣющимъ значенія.

(191) ЕСП, т. I. с. 103. (192) Матвѣевъ у Туманскаго, ч. I, с. 203.
(193) Просьба Луки Хабарова (1724 г.) о наградѣ за службу, у Устрялова, т. II, примѣчаніе 9, с. 329.
(194) Гордонъ, т. II. с. 269. (195) АДШ, с. 20 показаніе Шакловитаго.
(196, 197) Гордонъ, т. II, с. 270. (198, 199) Тамъ же, с. 271.
(200) А. II с. 40. Доносъ Андрея Сергѣева, с. 42, 62, показаніе самого Медвѣдева.
(201) УИП, т. II, с. 63. Показаніе Троицкаго и Санина, с. 23. Показаніе Шакловитаго.
(202) АДШ, с. 25. Показаніе Дементія Лаврентьева.
(203) УИП, т. II, с. 64. Показаніе стрѣльца Тулы. (204) АДШ, с. 24.
(205) Матвѣевъ, у Туманскаго, ч. I. с. 205.
(206) PTG. Гордонъ, т. II, с. 272, Устряловъ, т. II, с. 68. Показаніе Обросима Петрова и проч.
(207) Гордонъ, с. 271. (208) Тамъ же, с. 272. (209, 210) Тамъ же, с. 273.
(211) Устряловъ, т. II, с. 11, приводитъ эти слова изъ показаній стрѣльцевъ, которыхъ я не нашелъ въ АДШ.
(212) Гордонъ, т. II, с. 273. (213, 214, 215) Тамъ же. с. 274.
(216. 217, 218) Тамъ же, с. 275. (219) Тамъ же, с. 276. (220, 221) Тамъ же, с. 277. (222) Тамъ же, с. 278. (223) АДШ, с. 42.
(224) Гордонъ, т. II, с. 278. (225, 226, 227) Тамъ же, с.
(228) Тамъ же, с. 281. (229) Тамъ же, с. 280. (230) Тамъ ж
(231) Тамъ же, с. 282. (232) Тамъ же, с. 283.
(233) Матвѣевъ, у Туманскаго, ч. I, с. 208. (234) АДШ
(235) Гордонъ, ч. II, с. 283. (236) Тамъ же, с. 284

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ * БИБЛІОТЕКА * РИГА
LATVIJAS VALSTS BIBLIOTEKA

96-264551
DK
132
.P6
DK 132 .P6 C.1
Semnadtsat' pervykh liet v zhi
Stanford University Libraries
3 6105 035 757 371
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
JUN 19 1982
JUN 1986